

С. В. Максимовъ

На Востокѣ

Всѣмѣрная оупотѣка

Собрание сочинений знаменитыхъ

русскихъ и иностранныхъ писателей

Въ эту серію включены следующие

собрания сочинений

- А. С. Пушкинъ, по изд. редакціи П. А. Морозова и Н. В. Калашникова;
М. Ю. Лермонтовъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Н. В. Гоголь, по изд. редакціи В. В. Калашникова;
Н. А. Крыловъ, по изд. редакціи В. В. Калашникова;
А. В. Кольцовъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
А. Н. Островскій, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Н. Г. Погодинъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
С. Т. Аксаковъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
А. А. Блокъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
С. В. Максимовъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Горькаго, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Знаменитые русские писатели, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Давидъ Давидовъ, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Лон де Молина, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова;
Эдгаръ По, по изд. редакціи А. С. Н. Бибикова.

КОН

С. Петербургъ

Книжничка Губернаторства Губернаторства

въ Забайкальскій округъ, 1907 г. № 75

Всемирная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

- А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горифельда;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Вен-
геровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75

Собрание сочинений

С. В. Максимова,

съ портретомъ автора и вступительнымъ очеркомъ его жизни и литературной дѣятельности

П. В. Быкова.

Томъ одиннадцатый.

На Востокъ.

Часть I.

Третье изданіе.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Содружество соинженеров

С. В. Максимов

Комп. его жизни и деятельности, представляющей
ср. подробностей являясь и представляющей собой

П. В. Брыкова

Творческое наследие

С. В. Максимов
Творческое наследие, представляющее
задачу и проект, с 1910

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Введеніе	3
II. Путь на Амуръ:	
1. По Россіи	72
2. По Сибири	126
III. На Амурѣ. (Первыя путевыя впечат- лѣнія):	
1. Отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣ- щенска	164
2. Отъ Благовѣщенска до Хабаровки	216
3. Отъ Хабаровки до Николаевска .	267
4. Заселеніе рѣки Амура	301
5. На устьѣ Амура	344

На Востокъ.

I.

Введение.

Въ четвертый разъ судьба снимаетъ насъ съ обсиженнаго уже и привычнаго мѣста, сдѣлавшагося если не роднымъ вполне, то дорогимъ по многимъ воспоминаніямъ; въ четвертый разъ случай — рѣдкій, но всегда дорогой гость — отнимаетъ у насъ лучшее изъ достояній, добытыхъ родствомъ, привычкой и дружбой, и снова ведетъ на чужбину, въ чужіе люди, въ неизвѣстность. Сумѣвъ однажды развязать узелъ, связующій насъ съ существами дорогими сердцу, мы въ четвертый разъ замѣтно равнодушнѣе переносимъ неизбѣжную разлуку. Рѣшившись на дальнюю поѣздку, въ четвертый разъ мы ужъ не боимся дорожныхъ невзгодъ и лишеній и помнимъ толковую русскую пословицу, которая прямо говоритъ намъ, что „путь-дорога красна не сномъ, а заботой“. Но отчего въ этотъ разъ, какъ въ былые и памятные прежніе, томить насъ тоска (не по родинѣ), мучить насъ скука (не одиночества), неотступно преслѣдуютъ сомнѣнія не въ возможности добраться до мѣста, не въ слабости силъ физическихъ: иначе, не для чего было подниматься съ мѣста? Но отчего мы испытываемъ безпокойство, неловкость положенія? Отчего самыя простыя, обыденныя вещи кажутся намъ чѣмъ-то роковымъ,

непривѣтнымъ: кибитка, какъ стѣны каземата, душитъ насъ и волнуетъ; дорога, на этотъ разъ гладкая и удобная, кажется шероховатой степью, которая ведетъ насъ куда-то въ темную, мрачную неизвѣстность?

Вотъ вопросы, которые и на этотъ четвертый разъ такъ же неотступно возстаютъ въ воображеніи и наполняютъ всѣ помыслы, какъ это было и въ первые три раза. Попробуемъ разъяснить ихъ себѣ, на сколько позволитъ намъ сдѣлать это память, умѣнье и силы. Кладемъ въ основу откровенность, личныя наблюденія, голые факты, цѣлостно-взятыя изъ жизни. Возвращаюсь ко временамъ прошлымъ и начинаю сначала.

Въ маѣ 1855 г. я оставлялъ Петербургъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимірской губерніи, населенныхъ тѣми промышленниками, которые въ разныхъ мѣстахъ Россіи носятъ разныя названія. Въ большей части случаевъ они извѣстны подъ общимъ прозваніемъ: офеней, ходебщиковъ, корабейщиковъ, разносчиковъ; въ Малороссіи называютъ ихъ варягами, въ Бѣлорусіи — маяками, на сѣверѣ Великой Россіи — торгованами, въ Сибири — суздалами, на Кавказѣ — вязниковцами; сами себя зовутъ они мазыками. Селеніями своими они преимущественно группируются въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, очень мало ихъ въ Шуйскомъ, почти нѣтъ въ Гороховецкомъ и положительно нѣтъ въ Суздальскомъ. Торгуютъ они образами, книгами, краснымъ товаромъ, сыромъ, каперсами, колбасами — всѣмъ тѣмъ, что успѣло залежаться и прогнить въ московскихъ лавкахъ Ильинскаго ряда, всѣмъ тѣмъ, на что падокъ и помѣщикъ, и деревенская дѣвка, и баба, и сельскій попъ, въ чемъ нуждается и богатый, и грамотный крестьянинъ, и щеголиха-попадья, и помѣщица, и волостная писарыша, и

почтальонша и проч. Для того, чтобъ крупнѣе обманывать и легче (для своихъ работниковъ, темнѣе для покупателейъ) объяснять всѣ тонкости надувательства, у купцовъ этихъ существуетъ особый языкъ — офенскій. Нѣсколько десятковъ словъ для примѣра помѣстилъ въ 1839 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ г. Срезневскій съ коротенькимъ предисловіемъ; еще меньшее количество словъ удѣлили какіе-то изъ номеровъ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

Вотъ всѣ тѣ наличныя свѣдѣнія, къ которымъ могли привести меня печатные источники и съ которыми мнѣ привелось выѣзжать изъ Петербурга на новое дѣло, непривычное, затѣянное первый разъ въ жизни. Позади — ничтожная практика, сложившаяся изъ цѣпи случайностей, когда смотрѣлось на дѣло съ точки зрѣнія фланера, дилетанта и никакъ не работника, обязаннаго извѣстнымъ дѣломъ и непреложнымъ обѣтомъ. Впереді — темное дѣло съ темнымъ успѣхомъ, даже съ вѣроятностью неудачнаго исхода, тѣмъ болѣе, что опять-таки позади ни одного примѣра, никакой школы и поученія: масса путешествій — и въ нихъ коначные результаты, послѣдніе выводы и ни одного намека на закулисныя, такъ-сказать, рудниковыя работы; значительное число путешественниковъ — и всѣ они или роются въ архивахъ, добывая историческіе матеріалы и заявляя ихъ міру, или собираютъ травы, камни, насѣживаютъ отлѣны, разновидности животнаго царства; таковы П. П. Свиньинъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Палласъ и многіе другіе; и затѣмъ почти ни одного слова для этнографіи и за этнографію. Почти двадцать лѣтъ раздается въ безпривѣтной пустынѣ одинъ голосъ Владиміра Ивановича Даля, голосъ сильный, заслужившій почетный авторитетъ, взятый съ боя безъ уступокъ, безъ апелляцій. Голосъ этотъ не остался безъ привѣта и от-

вѣта: „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ сталъ наполняться этнографическими статьями, которые замѣтно ослабѣли въ числѣ и качествѣ, когда вновь основанное географическое общество заявило свои изданія: „Записки“ и „Вѣстникъ“. И тутъ и тамъ, и въ литературныхъ журналахъ стали часто появляться этнографическія статьи, но вездѣ съ конечнымъ итогомъ, съ послѣднимъ выводомъ. Вездѣ тщательно и кокетливо припрятывались предуготовительныя, закулисныя работы, тѣ, которые могли бы давать и примѣры и поученіе. Оставалось идти по завѣтному русскому обычаю на-авось, положиться на случай, попытаться придумать свои средства и запастись возможно-большимъ терпѣніемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро примчала меня желѣзная дорога въ Москву; скоро очутился я у Рогожской заставы, гдѣ большой тарантасъ, шедшій въ Нижній, дождался только одного попутчика. Извозчики, по обыкновенію, накинулись на меня огромной толпой: видимо, рады были моему появленію; запросили съ меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сѣвъ въ тарантасъ, я имѣлъ удовольствіе слышать отъ одного сосѣда, что онъ заплатилъ только половину моей суммы, и ѣхалъ до Нижняго, а отъ другаго, что онъ заплатилъ противъ меня вдвое и ѣхалъ не до Вязниковъ, какъ я, а только до Владиміра. Все, словомъ, случилось такъ, какъ бываетъ это и до сихъ поръ, по положенію: раньше пришелъ — оплатишь всю дорогу; позже пришелъ, да узнаешь, что сѣдоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной разъ стыдно выговорить; самымъ послѣднимъ пришелъ — при отѣздѣ, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взятъ крупный залишекъ — уѣдешь чуть не даромъ. Во всемъ умѣнье и сноровка и такова уже логика, исконный порядокъ и обычай всѣхъ ямщиковъ у Рогожской.

Показали мы билеты свои на заставѣ, заплатили шоссейную пошлину и поѣхали. Ямщикъ у насъ безсмѣнный, беззастѣнчивый, разговорчивый; каждаго спросилъ: куда ѣдетъ, кто таковъ, зачѣмъ. Дошелъ и до меня чередъ.

— Отгадай! — предложилъ я ему.

— Да какъ тутъ тебя судить? дѣло темное. Пальто, вишь, на тебѣ изъ парусины, надо быть, шито; шапка не рваная. Кто тебя знаетъ, что ты такое?

— Такъ на то, поди тебѣ, и голова въ плечи ввинчена, чтобъ знать да думать, и на то ты извозчикомъ зовешься, чтобъ сразу отгадывать и въ одинъ духъ догадываться о сѣдокѣ; а затылкомъ-то я и самъ, братъ, крѣпокъ.

— По рѣчи-то по твоей равно бы ты изъ кутейниковъ. Они больно на языкъ-то зубасты бываютъ.

— Зачѣмъ же ты изругался-то?

— Кутейникомъ назвалъ? Извини! Такъ я тебя и духовенствомъ могу взвеличать — изволь, сдѣлай милость!

Такъ и вышло: всю дорогу до Вязниковъ я слылъ подъ именемъ духовнаго. Замѣшкался ли я на станціи — „духовнаго нѣтъ“ замѣчалъ ямщикъ. „Какого духовнаго?“ спрашивали товарищи. „А что въ бѣломъ-то“.

— Не бросай, господинъ духовный, окурокъ-отъ, дай мнѣ. Какъ ты вотъ уже въ запахъ трубку-то будешь курить — за волосы трепать стануть.

— А что, господинъ кутейникъ... то-бишь духовный господинъ, подыскалъ-ли ты себѣ попову-то? Безъ того, вѣдь, и мѣста не получишь.

— Учатъ ли васъ наукъ-то этой, чтобы по звѣздамъ читать и сказывать, что какая звѣзда значитъ, духовный человѣкъ?

И все въ такомъ родѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ, обращенныхъ въ большей части случаевъ

въ формѣ вопросовъ, по которымъ можно было видѣть не пытливаго изслѣдователя, а простаго, празднаго разспросчика, который оттого и задаетъ вопросы, что ему больше дѣлать нечего. Онъ меня успѣлъ уже спросить (и не одинъ разъ): на чемъ свинья хвостъ носить? какъ выходить по наукѣ: къ слезамъ или къ радости лѣвый глазъ чешется; шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? мужъ съ женой, братъ съ сестрой, шуринъ съ зятемъ: сколько народу стало? — словомъ, это былъ ямщикъ, распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловствомъ, ямщикъ, который хорошъ былъ бы въ лакейской компаніи, едва ли пригоденъ къ другому дѣлу, помимо легкаго дѣла — извоза, и, навѣрное, не устоялъ бы въ такой работѣ, которая требуетъ и вниманія, и догадливости, и сметки, а потому-то онъ, навѣрное, и состоитъ въ ямщикахъ.

Спутники мои на этотъ разъ оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти въ долю на чай, на порцію селянки, на пару пива. Одинъ оставилъ насъ во Владимірѣ, его мѣсто занялъ другой, еще хуже, а въ Вязникахъ оставили меня и тѣ и другіе — и старые мои спутники, и новые.

Въ Вязникахъ я остался одинокъ, безъ совѣтника, безъ руководителя на постояломъ дворѣ, остался потому именно, что изъ Вязниковъ путь мнѣ лежалъ всторону за Клязьму, гдѣ, въ 40 верстахъ, лежало село Холуй, съ иконописцами до послѣдняго обитателя, съ окрестными деревнями и селами, заселенными исключительно одними офенями. Тамъ моя Мекка, моя Медина, мой Эльдорадо!

Толстый, безобразно-толстый и (вслѣдствіе того) флегматическій дворникъ оставался пока единственнымъ моимъ совѣтникомъ, руководителемъ, другомъ, если я имѣлъ только право на это по-

слѣднее названіе тогда, и если не принимать въ расчетъ его грубые, краткіе отвѣты, которые обижали меня вначалѣ съ непривычки, отъ незнанія и неумѣнья освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ, — такъ я рѣшилъ впослѣдствіи; но на первыхъ порахъ выговорилъ-таки дворнику этому свое неудовольствіе:

— Видимся мы съ тобой впервые, другой разъ, можетъ быть, и не сойдемся; знаемъ мы другъ друга всего только безъ году недѣлю. Я тебя не обидѣлъ, и говорилъ-то съ тобою — только квасу попросилъ, а такой ты сердитый, неразговорчивый! Ляпнулъ мнѣ давеча одинъ короткой да крутой отвѣтъ, и то словно быкъ рогатый въ бочку рывкнулъ.

— Да вы изъ дворянъ, что ли?

— А хоть бы и такъ, положимъ, на первый разъ.

— Ну, такъ извините: такъ и знать станемъ. Что же вамъ отъ меня надо?

— Хочется знать, какъ въ Холуй проѣхать?

— А по дорогѣ надо ѣхать.

— Остроту твою чувствую, а не дивлюсь: толку-то она мнѣ мало сказывается.

— Надо лошадей нанять.

— Не коровъ же, полагаю.

— По званію вашему, надо тройку взять: у меня есть на дворѣ угарная. Прикажете — сейчасъ подадимъ.

— А сколько возьмешь?

— Да десять рублей на серебро: вѣдь восторону.

— За сорокъ-то верстъ?

— За тридцать-восемь съ половиной.

— Ну, Богъ съ тобой! у меня такихъ денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ и разговору нѣтъ. Попутчика ждать придется вашей милости.

— А долго?

— Какъ Господь благословить: можетъ, недѣлю, можетъ и больше, а, можетъ быть, и сейчасъ на-вернется...

Все, видимо, располагается не въ мою пользу: мало обнадеживаетъ успѣхомъ; къ тому же первый блинъ, да тотъ комомъ. Все начинается глядѣть на меня какъ-то сумрачно, сухо, непривѣтливо; ничто не радуетъ, ничто не увлекаетъ. Корова подошла почти ко мнѣ, вытянула шею и неистово, почти надъ самымъ ухомъ моимъ, промывала разъ, другой, третій, десятый, безъ паузъ, одинъ за другимъ. За-чѣмъ, къ чему, ради какой причины? Бросилъ я въ нее палку — она отошла и опять заревѣла. Собака выбѣжала изъ подворотни, залаяла на нее и погнала: побѣжала корова, поднявъ хвостъ, и прямо на мостъ, вприскочку. А подъ мостомъ, ужъ вѣрно знаю, полощутся утки и шепчутся; пошепчутся въ октавныхъ тонахъ и опять пополощутся. Одна утка кончила, вышла изъ воды и пошла (что купчиха толстая, переваливаясь съ боку на бокъ) въ гору; за ней потянулась другая, третья, десятая. Вонъ вышли онѣ изъ-подъ моста и всѣ у меня на виду, и всѣ вытягиваются въ линію, въ прямую линію, и тянутся гусемъ; одна сбилась съ ноги и спѣшитъ поправиться, сравняться и не нарушать порядка — истые солдатики на баталіонномъ ученіи. И опять идутъ новыя утки, переваливаясь съ боку на бокъ и побрякивая, шепчутся между собою — о чемъ? на какомъ языкѣ? Вотъ сильно зашумѣла и понеслась за Клязьму огромная туча угорѣлыхъ воробьевъ: видно, напугалъ ихъ сторожъ и согналъ съ любимыхъ мѣстъ, съ вишневыхъ кустовъ, которыми усыпана вся вязниковская гора направо... Вонъ пронесла тройка какого-то счастливца въ Москву; сидитъ онъ въ пыли весь; колокольчикъ выколачиваетъ свою дурацкую, лѣнивую пѣсню. Скучно и досадно! Скучно потому, что сумѣлъ себя выбросить въ

незнакомое, непривычное мѣсто; досадно потому, что третьи сутки жду и не дожусь избавителя-попутчика.

Но вотъ и онъ наконецъ.

Сидѣли мы съ дворникомъ на крылечкѣ. Я объяснялъ ему, отчего у человѣка жиръ нарастаетъ, отчего у него икота дѣлается и какъ отъ подобныхъ непріятностей избавляются люди. Онъ жаловался мнѣ на тягость жизни по лѣтамъ отъ жары и жиру, на необходимость потреблять огромное количество квасу ежедневно, почти ежечасно, говорилъ, что его и вода не принимаетъ, что онъ на ней, какъ на постели, можетъ ворочаться; и на спинѣ лежить, и на любой бокъ можетъ повернуться, а окунуться при купаньѣ — трудъ великій.

— Свиная жизнь, — прибавлялъ онъ: — ходишь да хрюкаешь.

Словомъ, разговоры наши шли своимъ чередомъ и носили характеръ казенный, обыденный. Въ воротахъ, между тѣмъ, застучала телѣга и на дворъ вѣхала пара лошадей съ двумя сѣдоками. Одинъ изъ нихъ рылся въ телѣгѣ, другой ловко соскочилъ на землю и обратился къ дворнику съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ и я, дня три назадъ.

— У насъ лошади есть, да дороги, — отвѣчалъ ему дворникъ. — Ступай поищи въ слободѣ: тамъ найдешь охотниковъ. Тебѣ куда ѣхать-то?

— Въ Ряполово.

— Такъ вотъ тебѣ до Холуя попутчикъ.

Дѣло шло обо мнѣ. Сговариваться приводилось недолго: рѣшили платить пополамъ, и дѣло поступило въ архивъ, какъ оконченное. Товарищъ мой повертѣлся недолго около телѣги, на дворѣ и въ избѣ. Изумилъ меня своею юркостю, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ моментъ не сосредоточивались на одномъ и томъ же предметѣ; непрерывное дви-

женіе рукъ и подергиванье плечъ обличало въ немъ если не болѣзнь, то долгую привычку въ спѣшныхъ и торопливыхъ работахъ. На мои глаза это былъ купеческій приказчикъ, любимый у хозяина, довѣренный у него и главный.

— По нашему, попросту, офеня, это, — объяснилъ мнѣ дворникъ, по уходѣ товарища.

— Вонъ и тотъ непремѣнно офеня, — продолжалъ онъ потомъ. — Теперь они въ деревню, на побывку ѣдутъ — время такое: много съѣзжается; уже, чрезъ недѣлю, поползутъ, что воронѣ, успѣвай лошадей припасать.

Но у меня уже сердце на первыхъ словахъ переполнилось радостью; и чѣмъ дальше и больше говорилъ мнѣ дворникъ, тѣмъ сильнѣе возрастало мое нетерпѣніе и душевный восторгъ. Предметъ исканій самъ дается мнѣ въ руки, и такъ легко и скоро, безъ всякаго труда! Надо теперь подойти къ нему осторожнѣе и выпытать правду, но такъ, чтобъ онъ не замкнулся въ своей толстой раковинѣ, а распустился бы, какъ цвѣтокъ на весеннемъ солнышкѣ, всецѣло до послѣдняго, самаго мелкаго лепестка. Если офеня — думалось мнѣ въ то же время — умѣетъ надувать всю Россію; надувалъ когда-то въ Венгріи, въ Австріи, надуваетъ теперь своего брата, и хозяина, то самъ, въ свою очередь, навѣрное, не легко поддается обману. Да еще и сумѣю ли придумать, сумѣю ли приложить къ дѣлу, сумѣю ли управить за всеми изворотами и направить къ искомому результату: не попасть бы мнѣ на мель, и не сѣсть бы тутъ надолго; не наскочить бы на скалу и не разбиться бы вдребезги. Но, попытка — не пытка, спросъ — не бѣда, попробуемъ!

Сѣлъ я съ офеней и поѣхалъ. Ъхали мы недолго, за Клязьмой тотчасъ же слѣзли съ телѣги и пошли пѣшкомъ. Жара была невыносимая, на телѣгѣ жаръ пропекалъ насъ до мозга костей и

напоминалъ намъ о себѣ, за неимѣніемъ дѣла, ежеминутно. Пошли мы пѣшкомъ, задали себѣ работу — о жарѣ почти и забыли; закурили трубки, повели разговоръ съ обыкновенныхъ вопросовъ: кто мы, зачѣмъ и откуда.

Я — семинаристъ, отыскиваю мѣсто учителя.

Онъ — торгующій. Живетъ у хозяина, въ Оренбургской губерніи; три года не былъ на родинѣ; идетъ отдохнуть и повидаться съ родными.

— Стало быть, вы офеня?

Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ:

— Мазыки.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять, медвѣжье взглядѣе и снова короткій отвѣтъ:

— Съ коробками мелкота ходить, здѣшныя.

— А вы-то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣздимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши, обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо, простилъ меня. И опять молчитъ, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, натравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь опять не разсердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможется.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ.

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну да врешь же, парень! — перебилъ его нашъ ямщикъ, давно уже прислушивающійся къ нашему разговору. — Прогостишь-то ты, чай, до Макарьевской ярмарки, а тамъ, тебѣ велѣно въ

Нижній ѣхать, товары принять, да и везти ихъ на мѣсто, къ хозяину.

„Спасибо ямщикъ! спасибо за то, что поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнимъ братомъ водишься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ быть, и самъ въ былыя поры офенствовалъ“.

Такъ думалъ я про себя, но сказать вслухъ не рѣшился: боялся. Офеня нашъ упорно молчалъ: обидчивый такой, суровый. Опять камень преткновенія! Что тутъ дѣлать съ нимъ? Печальный, сиротливый видъ дороги и окрестностей мѣстности наводитъ на мысль, подаетъ надежду опять завести бесѣду.

— Все-то здѣсь песокъ, все-то одно Божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю: видно не сѣютъ ихъ?

— Не сѣютъ совсѣмъ почти.

— Да вонъ и болота пошли, на болотахъ озерки, что луки, расплылись, длинныя такія и рыбныя, думаю.

— Заводями зовемъ; а рыбы въ нихъ нѣтъ никакой.

Много мѣстъ на святой Руси видѣлъ я, а такихъ печальныхъ, такихъ горемычныхъ, Богомъ обиженныхъ не видывалъ.

— Наши мѣста еще хуже.

— Могутъ ли быть хуже этихъ?

— А потому и могутъ, что у насъ все болота, все выбуны, все заводи. Здѣсь хоть рѣка есть, и хорошая рѣка, песокъ есть, а мы и тѣмъ обездолены...

— Скучно же вамъ жить! — сказалъ я, чтобъ только сказать что-нибудь.

— Отчего нашъ народъ на чужую сторону весь потянулся, какъ вы думаете?

— Вамъ это лучше знать, вы такой мудреный.

задумчивый: надо быть, много знаете, да не любите сказывать.

Офеня мой пріятно и снисходительно улыбнулся (виднo попалъ я въ шляпку гвоздя, что называется). И духъ у меня захватило; думаю, что онъ скажетъ; но онъ снова обратился съ вопросомъ:

— А какъ вы думаете?

— Вы это лучше меня понимаете: вамъ и книга въ руки.

Офеня мой опять снисходительно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Оттого народъ и ходитъ въ чужіе люди, что дома жить нельзя: ничего ты съ нашей горемычной землею не подѣлаешь, хоть зубами ты ее борони, да слезами своими поливай. Такъ-то!

— Ну да, братъ, и повадка тутъ большую силу имѣетъ! — опять раздается спасительный голосъ ямщика.

Офеня молчитъ, снисходительно выжидая чужого мнѣнія. А мнѣ лучше, мнѣ пріятнѣе. Изъ споровъ выходитъ правда. Офеня молчитъ, но не молчитъ ямщикъ:

— Вѣдь и вы, что и другой кто (говорилъ ямщикъ), — какъ бараны: одинъ потянулся, такъ и всѣ за нимъ шарахнулись.

Рѣшился и я, въ свою очередь, поддержать ямщика:

— Ярославцы въ московскихъ и петербургскихъ гостиницахъ живутъ половыми...

— Точно! — въ свою очередь поддержалъ меня ямщикъ.

— Къ чему же ваша рѣчь клонится? — спросилъ меня офеня и въ вопросѣ его прозвучалъ тотъ же тонъ снисходительнаго вниманія и благосклонной, милостивой уступки, которымъ обыкновенно отличаются всѣ немногоснайки, но хвастуны и спорщики.

— А къ тому моя рѣчь клонится, что если гдѣ

завелся половой изъ ярославцевъ и удалось этому половому сдѣлаться буфетчикомъ, то ужъ скоро и, навѣрное, весь трактиръ будетъ наполненъ ярославцами.

— Вѣрно! — поддакнулъ ямщикъ.

— И вотъ почему вся Ярославская губернія, или по крайней мѣрѣ бѣольшая половина ея, состоитъ въ половыхъ. Другихъ ярославцевъ я знаю только огородниками да малярами.

— Да ужъ ты, братъ офеня, что ни толкуй, а повадку вамъ эту на счетъ дальнѣй торговли Синельниковъ да Дунаевы дали. До нихъ — сказывала старуха матушка — рѣдкій который изъ вашихъ офенстоваль. У Дунаевыхъ, сказываютъ, офенскіе артели десятковъ до двухъ доходили; и гдѣ-гдѣ работники ихніе не таскались! Потомъ, вѣдь, ужъ васъ на мѣсто-то усадили да велѣли къ городамъ приписываться и торговать тамъ, гдѣ указъ засталъ. Съ тѣмъ, братъ, и получай! маляго ребенка пришли — не обманемъ.

Я молчалъ и слушалъ. Разговоръ начиналъ принимать благопріятный для меня оборотъ и даже историческую форму. Ямщикъ говорилъ:

— Что бы вы до Дунаева-то сдѣлали, коли бы онъ не указалъ вамъ на красные товары?

Офеня молчалъ.

— Ничего бы не сдѣлали, хоть и богомазы подлѣ васъ живутъ: иконами-то немного бы на торговали.

— Иконы мѣняють, а не продають — поправилъ офеня.

— Ну, да, вѣдь, на деньги же, братъ, мѣняють-то. А ты на словахъ-то меня не лови: знаю я самъ, что знаю. А ты скажи мнѣ, отчего ты самъ-то торгуешь?

Офеня молчалъ.

— Скажи-ко? — приставалъ ямщикъ.

Офеня продолжалъ упорно молчать.

— Ну, такъ я скажу за тебя: торгуешь ты чай оттого, что, поди, у тебя хозяинъ своякъ, братъ двоюродный, а можетъ и дядя родной. А что ужъ онъ изъ одной съ тобой деревни — такъ это, братъ, вѣрное слово его то было (кивокъ головой на меня).

Офеня на слова эти опять снисходительно улыбнулся, но не замедлилъ отвѣтить:

— Отгадай!

— Да ужъ это мы тебѣ, какъ по печатному — вѣрно такъ.

И, въ свою очередь, самодовольно улыбнулся ямщикъ. Радъ былъ и я его радости, тѣмъ болѣе, что, повидимому, офеня нашъ былъ одинъ изъ такихъ, которые крѣпко поняли свое ремесло и всѣ тайные его изгибы и лазейки, и обязали себя строгимъ обѣтомъ молчанія. Съ такими людьми тяжело вести дѣло: они, какъ тюремные стѣны, и многое видѣли и многое слышали, но не дадутъ отвѣта. Несчастенъ тотъ часъ, когда съ ними сходишься; самое тяжелое и трудное время въ жизни, когда съ ними сближаешься. Такимъ на первый разъ показался мнѣ и нашъ офеня; показался бы онъ мнѣ и простымъ дуракомъ, мало мыслящимъ, небойкимъ на языкъ; но если офеня — плутъ вообще, то опять-таки плутъ дуракомъ не бываетъ. Бесѣда съ офеней начала казаться мнѣ уже невозможною; оставалось надѣяться на будущихъ, дальнихъ. Но если одинъ такой угрюмый и скрытный глазъ на глазъ съ тобой, то что же можно ожидать отъ будущихъ, дальнихъ, которыхъ придется ловить и выспрашивать не по одиночкѣ, а въ цѣлой артели? Вѣроятно же неудача, чѣмъ какой-либо успѣхъ; и опять холодомъ обдало сердце и опять начали приступать и тоска и опасеніе. Но будетъ, что будетъ! А между-тѣмъ мы уже подъѣхали и къ Холуйской слободѣ, къ цѣли первоначальной моей поѣздки. Здѣсь оста-

вляеть меня суровый мой спутникъ: здѣсь я рѣшилъ остановиться, потому-что, какъ извѣстно, слобода Холуй населена иконописцами, промыселъ которыхъ тѣсно связанъ съ офенствомъ. Дѣло мое здѣсь идетъ успѣшнѣе, потому-что работа вся на виду и далеко не секретъ. Пишетъ образа и мой хозяинъ, у котораго я нанялъ свѣтелку; пишутъ образа во всѣхъ домахъ и не пишетъ ихъ только мельникъ, и то потому, что сдѣлался мельникомъ (но и онъ писать умѣетъ), да еще другой, здоровый, шутливый парень, который живетъ въ шалашѣ и собираетъ съ воевъ гроши и пятаки за проѣздъ по мосту, наведенному черезъ рѣку Тезу.

Рѣка эта дѣлитъ Холуй на двѣ половины и на два прихода, въ той и другой половинѣ каменные церкви; есть каменные дома; та и другая половины принадлежатъ разнымъ помѣщикамъ. Бесплатный, нестѣснительный переходъ по мосту даетъ возможность часто бывать на той сторонѣ и на этой. Вижу я и тутъ и тамъ большія хозяйства; вижу столъ; за однимъ сидитъ рабочихъ меньше, за другими больше; но у тѣхъ и у другихъ одни и тѣ же обычаи, разъ заведенные и потомъ замороженные. Маленькіе мальчишки растираютъ краски, подростки грунтуютъ и выглаживаютъ доски, взрослые пишутъ иконы. Отмѣнъ никакихъ, исключенія ничтожны. Одни изъ мастеровъ пишутъ долишное, то-есть ризы, одежду, детали и орнаменты, образцы которыхъ указаны кievскими святыми (съ изображеніемъ святыхъ); но главнѣе всего примѣръ учителя и тѣ образцы, по которымъ выучился маляръ и на которыхъ онъ остановился, не дѣлая шагу впередъ, не думая ни объ улучшеніяхъ, не стараясь познакомиться съ иными, лучшими учителями, современными образцами. Другіе мастера пишутъ только лишнее (говоря ихъ же выраженіемъ), т. е. лица. Почасту случается такъ (особенно у богатыхъ хозяевъ), что тотъ,

который умѣетъ писать долишное, не умѣетъ писать лицъ, и наоборотъ: сдѣлавъ свое дѣло, онъ передаетъ доску другому работнику для окончательной отдѣлки. Мастеръ, способный написать цѣлую икону одинъ, безъ помощника, почитается художникомъ и составляетъ исключеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагается въ Холуѣ, который, какъ извѣстно, приготовляетъ дешевыя иконы, писанныя обыкновенно яичными красками, и хорошими мастерами не хвалится. Лучшихъ, то-есть умѣющихъ писать масляными красками, я нашелъ уже въ другихъ, богатѣйшихъ селахъ Мстѣрѣ и Палехѣ. Въ одномъ приготовляются образа старообрядскіе, въ другомъ — такого письма, которому позавидывали бы даже мастера лаврскіе (кіевскіе и сергіевскіе), хотя и они все-таки, въ свою очередь, далеки еще отъ совершенства. Пріемы въ производствѣ работъ оказались тѣ же самыя, что и въ Холуѣ.

Въ Холуѣ я дождался тихвинской ярмарки. Ярмарка эта показала мнѣ то, чего я не могъ бы добиться въ другое время и никакими силами. На ярмарку эту пріѣхали московскіе купцы, ивановскіе и офени. Ивановскіе привезли сукна и красный товаръ, московскіе — чай и сахаръ и тѣ побочныя диковинки, которыя, въ формѣ картинъ, пестрятъ всѣ рядскіе проходы и ворота въ Москвѣ, и въ формѣ книгъ украшаютъ рядскіе прилавки (и не только въ Москвѣ, но и по всей Россіи). Книги продаются здѣсь десятками и на вѣсѣ, картины — пачками и стопами, красный товаръ — на аршинъ и штуками. Тѣ и другіе скупаются офенями, но офенями мелкотой, хозяйчиками, которые начинаютъ только торговать и расторговываться. Крупные, говорятъ, дѣлаютъ закупки въ Нижнемѣ, на ярмаркѣ. Тогда же холуйцы сбываютъ предметы и своего производства тѣмъ же офенямъ, и въ маломъ числѣ мо-

сквичамъ. На ярмаркѣ этой привелось мнѣ на-толкнуться и видѣть всѣ тѣ сены, которыя, охотно просясь на перо, неудобно ложатся на бумагу, и которыя въ десяткахъ изустныхъ анекдотовъ разошлись по всей Россіи. Тогда же привелось мнѣ окончательно убѣдиться и въ томъ, что холуйцы смотрятъ на свое дѣло, какъ на простой обычный ручной промыселъ, что они точно такъ же легко могли бы быть и ткачами, какъ сосѣди ихъ, шуйскіе, и что иконописцы они потому, что такъ уже сложились историческія причины. Помимо того, что холуйцы отдаютъ все, что успѣли заготовить, офенямъ (которые все это развезутъ и разнесутъ потомъ по дальнимъ угламъ и закоулкамъ Россіи), они и сами, въ свою очередь, дѣлаютъ необходимые запасы. Изумительно-быстро, до ранней обѣдни, успѣваютъ расхватать всѣ возы со досками еловыми, ольховыми и дубовыми, возы, являющіеся сюда обыкновенно изъ дальняго Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Тогда же холуйцы запасаются и всѣмъ нужнымъ для жизни, кромѣ хлѣба, который берутъ они въ десяти верстахъ отъ села на такъ-называемой „Пристани“ на Клязьмѣ. Не будь этой пристани и тихвинской ярмарки, Холуй существовать бы положительно не могъ: хлѣба въ немъ не сѣютъ ни зерна, ремеслъ, помимо главнаго, не знаютъ никакихъ; нѣтъ у холуйцевъ ни кузнеца, ни швеца, ни сапожника. Работая пять дней въ недѣлю и сбывая готовый матеріалъ одному изъ мѣстныхъ богачей-скупщиковъ, на чистыя деньги, они спѣшатъ купить хлѣба только на недѣлю и затѣмъ остатки тотчасъ же пропиваютъ въ субботу, и затѣмъ въ воскресенье большаго пьянства, какъ въ Холуѣ, я не видалъ уже нигдѣ ни прежде, ни послѣ того.

Двѣ недѣли прожилъ я въ этомъ селѣ, собирая свѣдѣнія не по обдуманному плану, а наугадъ,

какъ они доставались и сообщались случайно: дѣло неопытное, дѣло новое! Хотѣлось мнѣ поскорѣе добраться до офеней и тотъ же Холуй доставилъ мнѣ этотъ случай и легко и просто.

Судьба столкнула меня на базарѣ съ офеней-хозяйчикомъ. Какіе-то пустяки заставили насъ заговорить другъ съ другомъ и разговориться. Я позвалъ его къ себѣ напиться чаю; онъ зазвалъ меня въ трактиръ выпить пару пива. Размѣнявшись взаимными обязательствами и любезностями, мы были уже съ нимъ, какъ свои. Разговоры шли у насъ обыденные. Мнѣ удалось размѣшить его два раза до упаду. Смотрю: товарищъ мой — и добрякъ и простота-человѣкъ. Онъ потребовалъ еще пару пива. Я опять завелъ его къ себѣ и унесъ съ собой полупштофъ сладкой водки; завелись новые разговоры. Долго не думая, я рѣшился начинать прямо.

— А что, дружище, говорить, у васъ языкъ есть свой, какой-то; да я этому не вѣрю: на что онъ вамъ?

— Надо.

— Да врешь, вѣдь, ты, хвастаешься? „Вѣдь, вотъ-молъ, я худъ человѣкъ, да два языка знаю“.

— Нѣтъ, не хвастаюсь, а два языка знаю.

— Окромя свинячаго, какъ говорится.

— Ты не шути, а это вѣрно!

— Да ты не морочь, смотри: вѣдь день теперь, да и церковъ видно.

— Я не колдунъ! А что свой языкъ и російскій знаю — этому быть такъ.

— Не врешь, такъ правда. Научи-ка!

— И въ правду? На что идетъ?

— На что хочешь: я не боюсь и не вѣрю.

— Еще на пару пива.

— Идетъ.

— По твоему, какъ вотъ это?

— Армякъ.

— По нашему шерстянкъ. Ну, а вонъ эвоно.

— Домъ.

— По нашему рымъ.

— Ври, небойсь, дальше: слушаемъ!

— Лопни мои глаза, коли я тебѣ вру! Да ты грамотный?

— Бывалое дѣло: учили господа. Нашему брату, дворовому человѣку, безъ того нельзя тоже — самъ знаешь.

— Пиши, что я сказывать тебѣ стану. Напишешь — завтра любому мазыку покажи: въ одномъ словѣ фальшь сдѣлалъ съ меня пара пива.

— Ладно, идетъ!

— А коли всѣ слова скажу — четверть водки съ тебя, и съ закуской.

— Идетъ, идетъ, идетъ!

И идетъ мое дѣло и спорко теперь и легко: руки дрожатъ отъ радости и придвигается слово къ слову и мелькаютъ цѣлые ряды словъ: лохъ — мужикъ, баба — гируха, дѣвка — карата, молодуха — ламоха, голова — неразумница. хрѣнь — нахринъ, рѣпа — кругалка, рубли — круглеки, попь — кочеть, напиться — набусаться, бѣжать — ухлывать, сидѣть — сеждонить, продавать — кухторить и проч. и проч. Нѣсколько сотенъ словъ записалось въ тотъ же день. На другой день, на свѣжую память и на мои запросы посыпались новыя слова, по уговору, по обѣщанію передать мнѣ эту науку. Приложилъ я только ко вчерашней четверти еще новую, сталося полведра и писалось уже словъ за тысячу.

— Дешово ты, другъ любезный, продалъ.

— Дорого ты, сердечный пріятель, купилъ.

— По писанному-то я скоро выучу всю твою науку.

— Попробуй-ка, выучи! У меня на этомъ старуха-баушка зубы всѣ съѣла, а не выучилась, съ тѣмъ и померла.

— Я не баушка; у меня память молодая, здорвая.

— Да и на какой ты чортъ слова наши учить станешь?

— А чтобъ вашъ же братъ не надулъ потомъ.

— Не стоитъ же, паря, шкурка выдѣлки: и съ глазами надуютъ, не то съ языкомъ.

— Самъ торговать стану, офенствовать.

— А господская воля на что дѣлась?

— Да, вѣдь, я на волю отпущень...

— Ну, такъ слушай слово мое: языкъ нашъ на работѣ самой только и въ память идетъ; безъ того слова наши, что пузыри лопаются, забываешь. Хочешь, къ торговлѣ нашей приспособлю.

— Хитро, чай, не поймешь съ разу?

— Погляди, можетъ, и скоро дастся. Вѣдь и я самъ не съ разу же началъ.

— Приучи, сдѣлай милость!

— Пойдемъ въ деревню со мной. Ужо, черезъ недѣлю, у насъ на селѣ торжокъ будетъ: пойдемъ съ коробкомъ.

— Хорошо, согласенъ. Согласенъ хоть сейчасъ ѣхать!

— Ну, и пойдемъ!

Въ недѣлю эту видѣлъ я офеню въ домашнемъ быту; видѣлъ, какъ буйно пьянствовали тѣ изъ офеней, которые приходили домой только на побывку и на отдыхъ, и дѣйствительно ничего больше не дѣлали, какъ только опоражнивали штофы и полуштофы. Пріятель мой присталъ къ землякамъ съ выигрышнымъ полуведромъ, но тотчасъ же и отвалился, только почувялъ, что ведро уже кончено. Живя и налаживаясь около дома, онъ былъ бережливъ и, что называется, скопидомокъ.

Черезъ недѣлю мы уже шли съ нимъ на торжокъ: онъ съ коробомъ за плечами; я — съ его аршиномъ въ рукахъ. Памятны мнѣ и безутѣш-

ная, тоскливая мѣстность, по которой мы шли; пыльная дорога, въ деревняхъ ломанныя гати, прорѣзывающія дорогу по болотамъ; ржавыя болота эти топкія, сырыя, сырыя даже въ то время, когда два почти мѣсяца стояли жары невыносимыя, породившія значительное число лѣсныхъ пожаровъ за Волгой и на Волгѣ. Длинные заводы по этимъ болотамъ, заводы, которые то кажутся рѣшительнымъ озеромъ, то безъ всякой, видимой причины, узятся въ рѣку, иногда въ ручеекъ, который соединяетъ одну заводъ съ другою, и такъ какъ будто въ безконечность. Тамъ, гдѣ заводъ уже, встрѣчали мы мостикъ утлый и трясуцій (и ѣздить по немъ, да мало — и то храбрецы), за мостомъ находили мы опять изрытую, крѣпко-поддержанную гать съ погнившими бревнами, съ кое-какъ умятымъ и прилаженнымъ валежникомъ. Выходили мы въ ложбину сухую и душистую отъ недавно скошеннаго сѣна; тащились въ гору, по большей части глинистую и невысокую, на которой думалъ я встрѣтить родную рожь съ васильками, ячмень, пшеницу, но встрѣчалъ только плохо принявшіеся кустарники, словно послѣ сильнаго лѣснаго пожара. Съ горы мы опять спускались въ ложбину и опять шли по болоту.

Я начиналъ изнемогать, уставать съ непривычки: шли мы уже двадцатыя версты. Надавленные плечи (хотя и не было на нихъ никакой тяжести) болѣзненно ныли; подгибались колѣни, слышалась острая боль въ пяткахъ и подошвахъ. Выломилъ я себѣ палку, сталъ опираться — не помогала и она. Товарищъ мой весело шелъ, забирая привычными ногами, шелъ въ гору: я отставалъ отъ него, и отставалъ на значительное пространство. Хотѣлъ ложиться, но слышалъ съ горы предостерегающее наставленіе:

— Не ложись, все дѣло испортишь: не дойдешь потомъ; это ужъ работа такая — знаю я ее!

„И кому знать?“ думаль я и кричалъ ему въ свою очередь снизу:

— Не могу идти, умираю!

— Раньше смертнаго часу не помрешь. А ты понатужься, укрѣпнись еще — недалечко: верстъ съ пятокъ осталось. У бабушки Лукерьи горяченькимъ всполоснемся: щецъ потреплемъ, молочка — важно будетъ!

— Силъ моихъ не хватаетъ!

— Была, знать, у тебя сила, когда мать на рукахъ носила; ты бы по-моему пѣсню запѣлъ.

— Голосъ не поидеть.

— А ты попробуй! Не такую, стало-быть, пѣсню пѣлъ.

— Всякія пробоваль: не выходитъ.

— А выходить, значить, то, что въ дорогѣ ты иди ровнымъ шагомъ, не прибавляй, не укорачивай его: хорошо будетъ.

— Слыхаль я и это, да теперь ужъ поздно.

— Поздно потому, что село близко. А то мужики-богомольцы, слыхаль я, на траву ложатся и ноги кверху вздымають, что оглобли: отливаетъ кровь — помогаетъ.

— И я такъ же сдѣлаю.

— Не смѣши, Христа-ради! На извозничью телѣгу похожъ станешь: вороны закаркають.

Но вотъ, наконецъ, и село; и бабушка Лукерья съ горячимъ, и теплымъ полати, и крѣпкій сонъ; вотъ и торжокъ въ полномъ цвѣту и разгарѣ, по обыкновенію, шумливый, живой и разнообразный. Приладили и мы изъ досокъ прилавокъ, вколотили четыре кола; навѣсъ отъ дождя и солнышка сдѣлали. Разложили на прилавкѣ вздоръ всякій: для бабъ и дѣвокъ пуговки, петельки, ленточки яркихъ цвѣтовъ, а на пущій соблазнъ зеркала раскрыли съ портретами Рюрика съ молоткомъ, Святослава съ мечомъ; для большаковъ — кожаные кошельки съ изображеніемъ взятія Варшавы съ одной сто-

роны и Паскевича съ другой; для попадей и поповенъ — стеклянные ящики, нитки бумажныя, шелкъ, коробочки съ бисеромъ, наперстки, колечки: и серебряныя и волосныя съ бисеромъ, цыганскаго дѣла, курительныя свѣчки московскаго дѣла и проч., и проч. Принесъ мой хозяинъ всего товару на 62 рубля сер., а продалъ на 129, умѣя и обмануть во-время и надуть подчасъ.

Не входя въ подробности этого дѣла, полагая ихъ предметомъ особой статьи, я останавливаюсь только на самомъ процессѣ работъ, на той обстановкѣ, которая сопровождала ихъ — и потому продолжаю.

Возвратившись съ ярмарки, я жилъ у пріятеля-офени еще два дня — гостѣбы на слитки, какъ назвалъ онъ — два дня послѣдніе, прощальныя, какъ думалось мнѣ самому, потому что меня блазило ближайшее село, въ которомъ жили офени, прибывшіе на побывку. Это были дальныя, приказчики крупныхъ хозяевъ, а не офени-мелкота, какъ мой пріятель и его сосѣди. Тѣмъ же дешевымъ и легкимъ путемъ пѣшаго хожденія пришелъ я туда, но не могъ отыскать себѣ квартиры въ домѣ съ офениями: всѣ свѣтелки, отдѣльныя отъ хозяйскаго помѣщенія, построенныя обыкновенно надъ дворомъ и воротами, всѣ эти горницы заняты были гостями. Здѣсь гости эти, возвратившіеся домой послѣ долгой разлуки, да еще, вдобавокъ, съ порядочными деньгами и подарками въ семью свою, гости эти жили и отдыхали отъ тоскливой, сосредоточенной, однообразной жизни приказчика на чужой сторонѣ. Въ рѣдкомъ домѣ по этому случаю не была сварена брага и пиво, въ рѣдкой избѣ съ ранняго утра не стоялъ угаръ отъ множества приготовляемыхъ кушаній и масляныхъ и жирныхъ; рѣдкая деревня не наполнена была запахомъ жаренаго отъ начальной околицы съ овинами до выѣздной околицы съ башнями.

Видимо, и хозяева были рады гостямъ, видимо, и сами гости не поскупились расположить хозяевъ въ собственную пользу. Загулъ и пьянство были всеобщіе, начиная отъ дряхлыхъ стариковъ и оканчивая ребятами-подростками 15-ти лѣтъ. Потчиванья и угощенья начинались съ ранняго утра, съ того времени, когда подавались хозяйками плавающие въ маслѣ блины и оладьи; не переставали продолжаться они и въ то время, когда все это снималось со стола, и заканчивались они обѣдомъ съ бараниной, поросятиной, лапшой и пирогами. Послѣ обѣда гости-офени обыкновенно спали и, подкрѣпившись силами, сходились вечеромъ у кабака, или въ другой избѣ, и снова пили и пьянствовали до поздней ночи. Восемь дней прожилъ я на новомъ мѣстѣ и все это время видѣлъ только долгое и систематическое пьянство. Только раннимъ утромъ удавалось мнѣ разговаривать съ офеними этими о дѣлѣ; въ остальное время я слышалъ отъ нихъ нѣкоторыя откровенныя и закулисныя подробности, но въ рѣдкомъ и маломъ числѣ. Правда, что въ это время доставались на мою долю такіа свѣдѣнія, которыхъ я не могъ доспроситься въ трезвыя минуты и никогда бы не добылъ ихъ прямымъ путемъ; но минуты эти были такъ рѣдки, дожидаться ихъ приводилось такъ долго и трудно! онѣ валились, какъ съ неба, совершенно случайно, какъ дальняя и мелкая подробность въ долгой бесѣдѣ, наполовину пьяной, наполовину безалаберной. Въ пьянствѣ офени распускались, но все-таки какъ-то лѣниво и скупо, какъ-будто они опасались даже самихъ себя, боялись обязательно подѣлиться другъ съ другомъ тѣми данными, которыми удалось поживиться имъ самимъ при долгой практикѣ и приглядкѣ къ дѣлу.

Во всякомъ случаѣ, внутренній бытъ офени развѣтывался передо мною широко, являлъ много

новыхъ чертъ и особенностей интересныхъ и поучительныхъ, открывалъ и обнаруживалъ иные вопросы, до которыхъ хотѣлось допытываться вопросами же и личными наблюденіями. Вопросы эти цѣплялись за другіе и шли какъ-будто въ безконечность. Работа моя становилась увлекаательною и по самой легкости процесса ея и по вѣроятности успѣха, который казался и близкимъ и возможнымъ. Не нужно уже было прибѣгать къ вопросамъ косвеннымъ, стороннимъ: вопросы возникали прямо одинъ изъ другаго. Начальная робость и оглядка превратились въ эти восемь дней въ смѣлость и храбрость, и безъ оглядки и безъ уступки. Я спрашивалъ обо всемъ, чего мнѣ хотѣлось; шелъ по приглашенію, не задумываясь; записывалъ, что хотѣлось и гдѣ приспѣвало это желаніе; офени трепали меня по плечу, цѣловались со мной, называли дружкой, пріятелемъ, и слова: „халуй, лакей, барскій-баринъ“ употребляли, какъ слова ласкательныя. Я торжествовалъ; я готовъ былъ жить у нихъ еще не одну недѣлю, да такъ бы и сдѣлалъ, если бъ не налетѣло темное, дождливое облачко, которому суждено было омрачить ясный горизонтъ моей жизни въ селѣ и разбить мгновенно всѣ мои планы и предположенія.

Дѣло было такъ. Я вышелъ на рѣку и, сидя на берегу, толковалъ съ двумя ребятишками, въ рѣчи которыхъ мнѣ нравилась та своеобразность вязниковаго говора, цѣлостность котораго, отъ вліянія городовъ и дальней стороны, утратилась въ разговорѣ ихъ отцовъ. Бойкій изъ мальчиковъ особенно нравился мнѣ своею наивною и откровенностью. Ему было двѣнадцать лѣтъ, и отецъ его бралъ съ собою на чужую сторону.

— Чай и ты плутовать будешь?—спрашивалъ я.

— Нельзя безъ того,—отвѣчалъ мнѣ мальчикъ смѣло и безъ запинки.

— Какъ же такъ?

— Тятка научить: онъ это умѣетъ.

— Да вѣдь это не хорошо и грѣшно дѣлать.

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня во все глаза, въ которыхъ такъ и свѣтилось сомнѣнiе и невѣрiе въ слова мои.

— Надуваньями денегъ не наживають; за надуванья въ тюрьму сажаютъ, въ Сибирь посылають.

— У тятки денегъ много; въ тюрьму садятъ за долги, слышь, а въ Сибирь посылають, кто убьетъ кого.

— Отъ кого же ты узналъ все это?

— Всеъ сказываютъ. Я давно это знаю.

— Что жъ они говорятъ?

— Да говорятъ, что нельзя не обманывать, потому, народъ очень-глупъ.

— Какой же народъ?

— Всякой. Пуще-то, слышь, всеъхъ, барыни глупы очень: ихъ, сказываютъ, обманывать всеъхъ легче: надо-де только поддакивать имъ. Товары выкладывать имъ всеъ на-показъ: безпремѣнно, сказываютъ, выберутъ тогда...

Разговоръ нашъ продолжался все въ этомъ духѣ. Мы говорили бы долго и на этотъ разъ, какъ это дѣлывалось и вчера, и третьяго дня, и прежде, если бъ намъ не помѣшалъ священникъ. Онъ подошелъ къ намъ, снялъ шапку, благословилъ мальчиковъ и отослалъ ихъ со словами:

— Ступайте домой, не мѣшайте намъ!

И затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами...

— Я къ вашимъ услугамъ. Что вамъ угодно?

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Свое дѣло, батюшка.

— Какое же дѣло такое?

— Кому какое дѣло до моихъ занятiй? Я могу и не сказать, да и не желаю этого...

Такъ думалось мнѣ, но выговорилось иное.

— Слѣжу за офенями, желаю познакомиться съ правами ихъ и бытомъ.

— Я и самъ такъ рѣшилъ, когда узналъ и увидѣлъ васъ на другой день, приходя сюда. Мнѣ сказали, что вы господскій человѣкъ, отпущены на волю и возвращаетесь на родину. Я сначала повѣрилъ; но, вглядываясь въ лицо ваше, прислушиваясь къ разговору вашему, усумнился въ истинѣ показаній. Вы, должно быть, ученый, отъ географическаго общества посланы?

— Нѣтъ, отъ редакціи частнаго журнала, именно: отъ „Библіотеки для Чтенія“.

— Я давно хотѣлъ поговорить съ вами и предостеречь васъ.

— Благодаренъ за ваше вниманіе. Но чего жъ я могу опасаться?

— Офени не такіе добряки и простаки, какъ вы полагаете.

— Я этого не думаю; но радушіе, съ которымъ они меня принимали, угощали...

— Не называйте это радушіемъ. Они сегодня приходили ко мнѣ и говорили о васъ.

— Что жъ такое?

— Что вы человѣкъ сомнительный и опасный; что вы что-то пишете про нихъ; что они васъ угощаютъ и что вы — извините меня — продадите ихъ: это были ихъ слова.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я никогда въ жизни не былъ такъ оскорбленъ до глубины души. Я растерялся и могъ найтись только на одинъ вопросъ:

— Неужели и вы, батюшка, считаете мое невинное дѣло изученія быта дѣломъ сыщика-фискала?

— Не смѣю и думать этого.

— Какія же средства къ тому, чтобы добиться правды у замкнутого, неоткровеннаго человѣка, какими особенно показались мнѣ офени. Дальше

этихъ средствъ не шли и прежніе изслѣдователи, лучшіе люди въ нашей литературѣ. Я только послѣдовалъ ихъ примѣру, не найдя лучшихъ, иныхъ средствъ, за неимѣніемъ, за крайнею невозможностью добыть ихъ, особенно при срочной работѣ, ограниченной тремя вакаціонными мѣсяцами...

— Я могу посовѣтовать вамъ только одно: уйти отсюда поскорѣе до несчастнаго случая.

— Но я не могу этого сдѣлать теперь, потому что работа увлекла меня; она пошла такъ успѣшно и еще не кончена.

— Они хотятъ вести васъ къ становому...

— Я пойду охотно, потому-что я не бѣглый и у меня есть отпускной билетъ отъ медико-хирургической академіи, въ которой я состою студентомъ.

— Но пойметъ ли васъ становой? пойметъ ли онъ вашу цѣль, и ваше полезное дѣло?

— Не сомнѣваюсь въ томъ, если сумѣю объяснить ему толково и просто.

Священникъ на послѣднія слова мои улыбнулся и недовѣрчиво покачалъ головой.

— Но можно ли въ этомъ сомнѣваться?—спрашивалъ я его.

— Можно и должно, потому что вы должны знать давно нашихъ становыхъ.

— Вы думаете, что я долженъ буду дать ему взятку?

— Безъ нея онъ можетъ препроводить васъ въ земскій судъ, въ Вязники.

— Но это будетъ оскорбленіе. Я могу не пойти.

— На это онъ можетъ не смотрѣть, не принимать этого въ расчетъ и не приметъ, если задобрень будетъ со стороны вамъ враждебной, которая, вѣроятно, не поскупится на то, чтобъ удалить васъ отъ себя, какъ опаснаго человѣка.

— Но, вѣдь, это, батюшка, я думаю, одни только ваши предположенія?

— И вѣроятныя. Дай Богъ, чтобы они не случились.

— Но могутъ ли случиться? — это вопросъ...

— Неподлежащій сомнѣнію, потому что они сегодня же хотѣли привести намѣреніе свое въ исполненіе. Я просилъ ихъ отсрочить, чтобы переговорить съ вами. Ради Бога, послушайтесь моего совѣта. За непріятный для васъ исходъ дѣла я могу поручиться, къ несчастію, и къ крайнему моему прискорбію. Согласитесь, что вамъ непріятно будетъ находиться въ положеніи человѣка подозрительнаго и испытывать всѣ невыгоды этого положенія.

Снова кровь бросилась мнѣ въ голову; усиленно билось мое сердце; мнѣ было и непріятно и тяжело. Я не могъ говорить, я не могъ сосредоточиться помыслами на одной мысли, на одномъ пунктѣ. Говорилъ за меня священникъ и говорилъ правду, сущую, мрачную, неутѣшительную.

— Васъ поведутъ подъ конвоемъ въ становую квартиру, которая отсюда далеко. Для этого наряжать сотскихъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть связать ли вамъ руки, или оставить ихъ свободными.

— Но вы за меня заступитесь.

— По христіанской обязанности и долгу священства; но меня имѣютъ право не послушать и, можетъ быть, не послушаютъ. А за дальнѣйшія послѣдствія я уже поручиться не могу. Богъ-вѣсть, что тамъ съ вами сдѣлаютъ.

Богъ вѣсть, что тамъ со мною сдѣлаютъ?

Честный человѣкъ священникъ, награжденный такой благородной душой, говоритъ правду. Я предчувствую, предвижу, что со мною сдѣлаютъ; я почти не ошибаюсь въ своихъ предположеніяхъ и въ вѣроятіи тѣхъ подробностей картины, которыя рисуетъ мнѣ напуганное и напряженное воображеніе мое.

Приведутъ меня въ становую квартиру. Ста-

повой приставъ спать; велятъ подождать. И ждемъ мы, присѣвъ на крылечкѣ; понятые не оставляютъ меня, не позволяютъ мнѣ отойти отъ назначеннаго ими пунктами и смотреть на меня сердито и косо, какъ мои заклятые враги. Насъ зовутъ: мы входимъ въ переднюю. Еще ждемъ нѣсколько времени; выходитъ становой, сердитый, заспанный. Спрашиваетъ:

— Что такое?

— Бродягу привели, — говоритъ одинъ изъ понятыхъ, выступая впередъ и указывая на меня рукою.

И снова кровь приступаетъ къ головѣ и бросается въ лицо. Вопросъ въ томъ: накинется ли на меня становой и начнетъ ругать всѣми выраженіями, насиженными, придуманными въ долгую жизнь, или медленно, по пунктамъ, начнетъ выспрашивать меня, добиваться правды. Я не смѣю протестовать противъ его подозрѣнія: онъ имѣетъ на то много правъ; можетъ-быть, онъ человѣкъ безгрѣшный, какъ гоголевскій городничій; можетъ-быть, онъ самъ боится подсылу. Чѣмъ я могу ему доказать, что я не проклятое инкогнито, и могу ли, наконецъ, убѣдить его. Мы будемъ кричать; будемъ горячиться. Онъ не остановится на моемъ; я не уступлю ему своего права. У меня роль отвѣтчика, взятаго съ полицнымъ, у него — власть и сила. Онъ приказываетъ привести подводу; приказываетъ везти меня въ городъ, въ земскій судъ. И везутъ и мучать физически и нравственно. Тамъ освободятъ и освободятъ непременно, но скоро ли? А мученія пытки до счастливой поры свободы; а то состояніе неволи, отъ которой, по преданію, Марія-Антуанетта въ одну ночь посѣдѣла?..

— Я согласенъ съ вами, батюшка, и не знаю, чѣмъ благодарить васъ за добрый совѣтъ. Сегодня же я ухожу отсюда на нижегородскую дорогу.

— Ступайте съ Богомъ завтра, а сегодня милости прошу ко мнѣ. Я приглашу стариковъ и

мы вмѣстѣ общими силами потолкуемъ съ ними. Пойдете сегодня въ сумерки, они васъ схватятъ на дорогѣ и будутъ имѣть полное основаніе: скорый отходъ вашъ они примутъ за прямое подтвержденіе ихъ подозрѣній.

Нельзя было не согласиться со словами моего покровителя. Вечеромъ, пришли къ нему четыре старика, изъ которыхъ трое были мои знакомые. Мрачно глядѣли они на меня и даже не поклонились мнѣ — обстоятельство, чрезвычайно поразившее меня и, конечно, опечалившее до глубины души. Не въ духѣ простого русскаго человѣка такая сухость обращенія, такое оскорбительное мнѣніе за дѣло, которое окончательно еще не выяснилось, не приняло опредѣленной и настоящей формы.

Говорилъ за меня священникъ и оправдывалъ мое дѣло почти столько же, сколько былъ бы въ состояніи я самъ это сдѣлать.

Вопросъ остановился на томъ подозрѣніи, зачѣмъ я пришелъ именно въ ихъ село, а не въ другое какое. Я оправдывалъ этотъ поступокъ случайностью. Отвѣтъ мой приняли недовѣрчиво. За меня отвѣчалъ священникъ.

— Пришелъ онъ въ ваше или не въ ваше село, но пришелъ за своимъ дѣломъ, и потому онъ уже имѣлъ на это право.

Старикъ молчали.

— Вѣдь и вы идете торговать въ тотъ городъ, гдѣ вамъ лучше, гдѣ вы знаете, что вамъ будетъ дѣло, и дѣло выгодное. Не такъ ли это въ самомъ дѣлѣ?

— Это правда твоя! это что говорить! Точно такъ! Вѣрно твое слово... — отвѣчали старики въ одинъ голосъ.

— Кто же можетъ запретить кому-нибудь входить къ вамъ въ село: вѣдь оно незачумленное?

— Никто запретить не можетъ: село наше точно-что незаколдованное.

— Такъ за что же вы меня обидѣть хотѣли?

— Зачѣмъ обидѣть? Мы не хотимъ этого; мы хотимъ только у начальства спросить, какъ оно объ этомъ полагаетъ.

— На что же вамъ самимъ-то голова въ плечи ввинчена?

— Дѣло-то, вишь, это не наше, а начальниче; затѣмъ, вѣдь, они и живутъ у насъ.

— Отчего же вы міромъ не потолковали прежде? можетъ быть, что-нибудь и хорошее вышло.

— Толковали и міромъ, да вышло на то, чтобы у батюшки совѣта спросить. Міръ-отъ толкуеть, зачѣмъ, вишь, ты по домамъ ходилъ?

— Въ дома меня приглашали: я не смѣлъ и не могъ обижать хлѣбосольныхъ хозяевъ, не желалъ обходить ихъ дома.

— Ну, а почто ты съ пьяными хороводничалъ, а самъ не пилъ.

— Съ пьяными толковалъ оттого, что пьяный скорѣе распоясывается, пьяный откровеннѣе.

— Ну, а почто это тебѣ?

— Батюшка сказалъ, что это мнѣ надо, что это мое дѣло. Я и самъ скажу то же самое.

— Ладно! пушай такъ! Ну, а зачѣмъ ты все это въ книжку писалъ, все, что тебѣ пьяные ни наболтаютъ съ дурьяго-то ума своего?

— Въ книжку записывалъ для памяти и со скуки.

— Ну, а куда ты эту книжку отдашь?

— Это дѣло мое, отдамъ куда надо.

— Нѣтъ, ты скажи!.. Пьяный мало ли что навретъ тебѣ; пьяный, братъ, знамо, врагъ себѣ. Ты возьми у него языкъ-отъ да и вырви.

— Отдамъ я это не начальству вашему, а друзьямъ вашимъ: людямъ надежнымъ и честнымъ.

— Да гдѣ ты найдешь такихъ? Что врешь-то непутное?

— Я ужъ нашелъ и знаю такихъ. Да и самъ

я развѣ врагъ вамъ, Христосъ съ вами? Батюшка-то вотъ передъ вами: спросите его.

— Мы и тебѣ вѣримъ. Книжку-то бы тебѣ нельзя было привозить — вотъ что! Книжка-та у тебя, можетъ, со шнуркомъ да съ печатью.

Я показалъ ее — эту тетрадку, безъ шнурка, безъ печати.

— Отдай намъ ее!

— Я бы отдалъ, если бъ у меня была другая такая же.

— А если мы отнимемъ.

— Я за грабежъ почту и буду жаловаться объ этомъ въ Питеръ. Если вы здѣсь мнѣ не вѣрите, то тамъ мнѣ повѣрять: — даю въ этомъ слово.

— Ладно, что тебя еще наши пьяные-то не убили.

— Это ужъ ты далеко хватилъ! Если бъ ты сказалъ мнѣ, что и теперь меня убить хотятъ, то я и этому бы не повѣрилъ. Ты говори дѣло, а не предположенія. Я бы и съ мѣста не двинулся не только на этотъ разъ, но и въ прежнее, если бъ не былъ увѣренъ, что русскій человекъ не только друга своего, но и врага не убьетъ.

— Ну, извини, Христа ради! Сказалъ я тебѣ точно что дурость и такую дурость, что давно ужъ такой не говаривалъ. Назадъ беру! А на чемъ вы съ батюшкой-то порѣшили?

— Я завтра иду отъ васъ и прахъ отъ ногъ отрясу, какъ въ писаніи сказано.

— Куда же пойдешь?

— А искать людей, которые добрее васъ и хлѣбосольниѣ; которые не станутъ меня попрекать за свою хлѣбъ-соль, да грозить мнѣ за все это тюрьмой и становыми.

— А ты прости насъ, по писанію-то. Мы тебя съ этого твоего слова, какъ есть полюбили. Душа ты, видно, добрая и Христосъ съ тобой! Ты деревню нашу не ругай, мы къ тебѣ всѣмъ сердцемъ.

Пошто ты вотъ въ книжечку-то писалъ? Это-то вотъ въ большую обиду намъ показалось.

— Книжечка эта, сказалъ я вамъ, пойдетъ въ надежныя руки, къ честнымъ людямъ. Это же самое и теперь повторяю!

— Вотъ за это спасибо! За это награди тебя Господь! А все бы тебѣ не надо съ пьяными-то возжаться. Лучше, кабы ты насъ спросилъ...

— А вы бы ничего не сказали. Я одного пробоваъ охаживать въ трезвомъ-то видѣ, такъ только языкъ намозолилъ, да на свою душу скорбь нагналъ, что и дѣваться некуда было.

Старики, мои слушатели, дружно засмѣялись и переглянулись между собою съ такою же коварною улыбкою, какою часто награждалъ меня мой спутникъ изъ Вязниковъ.

— Съ упрямымъ да съ неразговорчивымъ говорить — клещами на лошадь хомутъ натягивать, — заключилъ я.

— Да, вѣдь, пьяные-то тебѣ, чай, чорта въ ступѣ нагородили?

— Это ужъ мое дѣло: отличить тутъ ложь отъ правды.

— Знамое дѣло: кто къ чему простирается, тому то и въ понятіе — понимаемъ мы это!

— Такъ о чемъ же теперь разговоръ вашъ будетъ? Что вамъ отъ меня надо?

— Погости ты еще у насъ.

— Обидѣли вы меня: сердце не терпитъ! Не сможешь, пожалуй, и дня прожить. Да съ меня ужъ и будетъ.

— Знали бы мы раньше, мы не такъ бы и приняли тебя. Мы тогда все бы тебѣ по порядку сказали.

— Да полно такъ ли?

Старики не отвѣтили и опять переглянулись между собою.

— А если бъ я по казенной надобности пріѣхалъ?

— Да нѣшто ты отъ казны?

— А хоть бы и такъ?

— Такъ мы тебѣ и словечка бъ не молвили. Все бы тебя потчивали, да не такъ, какъ вотъ тѣ дураки, съ которыми ты хороводничалъ-то. Тѣ — ослы.

— А по-моему, такъ это лучшіе люди.

— По твоему, можетъ, такъ, а по нашему-то, такъ мы ихъ утрѣ же на мірской сходкѣ на глумъ примемъ.

— Тогда я другу и недругу закажу къ вамъ ѣздить.

Старики промолчали на это и взялись за шапки. Безопасность моего отхода, повидимому была ужъ обезпечена. Въ поступкахъ моихъ и тѣхъ пріемахъ, съ которыми я приступилъ къ своему дѣлу, мнѣ начинала уже видѣться предусмотрительная догадливость, можетъ-быть, наполовину случайная, но, во всякомъ случаѣ, усвоенная съ легкой руки моего перваго офени. Оставаться въ этомъ селѣ я уже не находилъ пользы и поученія; повидимому, мнѣ пришлось бы пировать, и на пирахъ этихъ быть не столько допросчиковъ, сколько, въ свою очередь, рассказчиковъ. Подобные примѣры не разъ уже случались со мною и прежде, когда только приводилось заявить себя случайно охотникомъ говорить: у мужиковъ конца не было разспросамъ. (Но объ этомъ ниже, въ своемъ мѣстѣ.)

На другой день, на ранней зарѣ, я выбрался изъ села и цѣлыя двадцать верстъ находился въ томъ безпокойствѣ, которое можетъ испытать человѣкъ съ большими деньгами, проѣзжающій темною ночью въ темномъ лѣсу, гдѣ, какъ говорятъ, пошаливаютъ. Боялся я не за себя, боялся я за свою записную книжку. Можетъ-быть, не боялся бы я и за нее, если бъ за околицей села не попался мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ офеней. Я простился съ нимъ. Онъ спросилъ меня:

— Совсѣмъ идешь?

— Совсѣмъ.

— Все ли захватилъ-то съ собой, не забылъ ли чего?

Я промолчалъ.

— Не пришлось бы вернуться тебѣ съ подороги, али бы изъ нашихъ кому догонять тебя.

— Все со мной!.. Прощай. Спасибо за хлѣбъ за соль!

— Не поминай лихомъ. Будь здоровъ со всѣхъ четырехъ сторонъ! Иди — не спотыкайся, бѣги — не оглядывайся.

Почему-то словамъ этимъ далъ я тогда какое-то враждебное, зловѣщее толкованіе, хотя могъ бы, конечно, объяснить ихъ и простымъ и мирнымъ путемъ, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Я все-таки шелъ и оглядывался; а когда нагоняла меня телѣга, у меня замирало сердце и мнѣ становилось неловко. Въ одной телѣгѣ оказалась баба, въ другой — двѣ бабы. Я успокоился и шелъ-себѣ впередъ, шелъ, наконецъ, послѣднія версты этой станціи и уже не оглядывался. На другой день я былъ въ Пурехѣ, большомъ и торговомъ селѣ Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Село это — нѣкогда вотчина и мѣстопробываніе раненаго князя Пожарскаго — на мой приходъ туда, полно было народа, съѣхавшагося на базаръ. Кончалась обѣдня; народъ валилъ изъ церкви. Все такъ свѣтло и радостно показалось мнѣ на ту пору; широко дышала грудь. Я былъ покоенъ и веселъ: я зналъ, что личность моя здѣсь пропала уже въ толпѣ всецѣло и безслѣдно. Я былъ такой же зѣвака, такой же праздношатающійся, какъ, вонъ, и этотъ парень въ красной рубахѣ, засучившій одинъ рукавъ и отщипывавшій на балалайкѣ веселыя, беззаботныя трели. Я любовался и на него, и на свѣжую, здоровую молодку, которая искоса поглядывала на парня

своими черными глазами и сладко улыбалась и поощряла его удалую посадку и доморощенную ловкость и досужество. Какъ-будто веселѣй и беззаботнѣй ржали лошади, какъ-будто откровеннѣй и полнѣй лилась волна народного говора и словно самые толчки базарные были и смѣлѣе, и откровеннѣе, и простосердечнѣе. Жизнь и движеніе шли на-распашку, забывъ, что они перенесены на народную площадь; толпа болтала безъ умолку, и такъ хорошо и такъ свободно! На мое наболѣвшее сердце вѣяло чѣмъ-то живымъ, и если не новымъ вполне, то, во всякомъ случаѣ, давно-забытымъ, но роднымъ и близкимъ. И какимъ молодцомъ, какимъ красавцемъ смотреть на эту толпу съ трактирнаго крыльца рослый ямщикъ въ пуховой шляпѣ набекрень, въ синемъ рѣшешскомъ кафтанѣ, съ рукавицами и кнутомъ за поясомъ!

— Не свезешь ли ты меня въ Нижній?

— Можно.

— На тройкѣ?

— Какъ есть.

— Что возьмешь?

— Три на серебро и ѣзда со взломомъ.

— Валяй во всю тяжкую!

— Держись крѣпче: надо домой поспѣшать.

Завтра, чѣмъ-свѣтъ въ Нижнемъ будемъ.

Легъ я въ его просторный тарантасъ, еще вздохнулъ полной грудью и расплылся, какъ сибаритъ, какъ лежебока, у котораго только и есть одна забота — на мягкое лечь и добыть себѣ, во что бы ни стало и какими бы то ни было средствами, и нѣгу и блаженство. Испыталъ и я на ту пору это блаженство, при которомъ, по народному присловью, изъ косточки въ косточку можжеочкъ переливается. Все мнѣ начало улыбаться, все мнѣ несло и привѣтъ и ласку. Вонъ выбѣжали слѣва аллеи большой почтовой дороги которая шла изъ родной мнѣ губерніи. Вонъ мель-

кнуло что-то свѣтлое впереди сначала немного, потомъ значительно-больше и, наконецъ, разлилась передо мною огромная масса воды и явилась во всей чарующей прелести рѣка-кормилица Волга, родная сызѣдѣтства, покинутая на-время для московскихъ фонтановъ и петербургской Невы.

— Волга это, ямщикъ?

— Волга дальше прошла, это — Волгушка: рукавъ, значить.

И закружился въ головѣ моей цѣлый рой воспоминаній свѣтлыхъ, живыхъ, свѣжихъ, и всегда пріятныхъ и дорогихъ выше всякой цѣны и мѣры. Я жилъ дальнимъ прошедшимъ, жилъ лучшими воспоминаніями жизни и совершенно забылъ о недавнемъ прошедшемъ; я даже вспомнить не смѣлъ о немъ, чтобъ не оскорбить, чтобъ не испортить цѣлостности представленій и лучшихъ и святыхъ. Такія минуты рѣдки въ жизни и никогда не забываются. Я не вспоминалъ объ офеняхъ, я забылъ о нихъ на то время. Цѣлый мѣсяцъ истраченъ былъ мною на Вятскую губернію и на преимущественное знакомство съ вотяками, отъ которыхъ я вернулся прямо, черезъ Семеновскій уѣздъ, снова въ Нижній-Новгородъ.

Офеней встрѣтилъ я уже въ то время, когда разыгралась нижегородская ярмарка; встрѣтилъ я ихъ на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ на нижнемъ базарѣ, потомъ въ рестораціяхъ на мосту и на пескахъ. Въ тотъ же годъ наслѣдилъ я ихъ въ Москвѣ на Ильинкѣ, на Никольской, въ книжныхъ лавкахъ, въ проходныхъ воротахъ, у торговцовъ лубочными картинами, и, забывъ прошлое, толковывалъ съ ними уже не одинъ разъ дружно и миролюбиво въ ближайшихъ съ городомъ трактирахъ. Не оставляя мысли о нихъ и преслѣдуя свою цѣль, я встрѣчался съ офенями и на Бѣломъ морѣ: въ Кеми и Мезени, бесѣдовалъ съ ними и у помѣщиковъ Пензенской, Тверской, Кост-

ромской губерній и у вятскихъ чиновниковъ. Не оставилъ безъ вниманія и тотъ мелкій классъ офеней, представители котораго вышѣвають на петербургскихъ дворахъ козлинымъ, неприятнымъ для слуха голосомъ: „щетки, гребенки“. Правда, что эти офени оказались въ большей части случаевъ не вязниковцами, а крестьянами костромскихъ уѣздовъ Бувескаго и Галицкаго, но и они знали офенскій языкъ (съ нѣкоторыми измѣненіями и особенностями), какъ знаютъ малую часть этого плутовскаго нарѣчія московскіе жулики, петербургскіе мазурики и нѣкоторая часть торговцевъ въ Щукиномъ и Апраксиномъ.

Останавливаясь на нѣкоторыхъ подробностяхъ моего второго путешествія, спѣшу оговориться. Путешествіе это совершалъ я по порученію морского министерства, гарантированный отъ него дорожною по казенной надобности и письмами г. управляющаго морскимъ министерствомъ ко всеѣмъ начальникамъ тѣхъ губерній, въ предѣлахъ которыхъ согласился я производить работы. Работы эти обязывали меня приготовить рядъ статей для „Морского Сборника“ и изучить бытъ жителей прибрежьевъ Бѣлаго моря, Ладожскаго и Онежскаго озеръ, мѣстныя условія нашихъ морскихъ заселеній, селеній и жителей; способы рыбной ловли и орудія, при ней употребляемыя; суда и судоходныя орудія; суевѣрія, предрасудки и вообще все, что я сочту за нужное включить въ свои описанія. Годъ истратилъ я для работъ и разѣздовъ по Архангельской губерніи, гдѣ привелось испробовать всевозможные способы переправъ: плавалъ на карбасахъ и на шкунахъ, ѣздилъ на почтовыхъ парахъ и тройкахъ въ телѣгахъ, ѣздилъ на оленяхъ, на лошадяхъ верхомъ и, наконецъ, ходилъ пѣшкомъ. Не испыталь, стало-быть, только ѣзды на собакахъ. На озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ странствовать мнѣ не

привелось, потому-что, какъ оказалось впоследствии, работы мои обусловлены были однимъ только годомъ.

Путешествіе по Архангельской губерніи приняло для меня инныя формы, новую обстановку, опять-таки въ первый разъ извѣдываемую. Я имѣлъ въ рукахъ открытое предписаніе, которымъ предлагалось городскимъ и сельскимъ начальствамъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе при исполненіи возложеннаго на меня порученія. О подобномъ же обязательствѣ для мѣстныхъ властей при губернскихъ вѣдомостяхъ разосланъ былъ печатный указъ губернскаго правленія. И дѣйствительно при данныхъ подобнаго рода я не встрѣчалъ задержекъ въ пути, имѣлъ право требовать судебныя дѣла, принявшія бумажную форму и переданныя въ архивъ; имѣлъ право рыться въ этихъ архивахъ, на-половину, правда, обездоленныхъ кѣмъ-то давно уже, — архивахъ, которые представляли безпорядочную, пыльную грудку и которые во многихъ мѣстахъ находилъ я въ сырыхъ подвалахъ и ямахъ подъ колокольнями; въ другихъ не находилъ вовсе: архивы или сгорѣли отъ пожара, или утрачены по неизвѣстнымъ причинамъ, которыя даже не сохранились и въ преданіяхъ: — словомъ, все то, что зависѣло отъ мѣстныхъ властей и самыхъ простыхъ и легкихъ пріемовъ, для меня было доступно. Но за то все то, что составляло для меня самый живой интересъ, что обѣщало поучительную жатву — передо мною замыкалось, отъ меня сторонилось.

Внѣшняя, обрядовая сторона дѣла давалась просто, безъ малѣйшихъ препятствій. Легко замѣчалось то, что бросалось въ глаза и преслѣдовало потомъ много разъ. Но оставался внутренній бытъ, оставалась самая важная сторона дѣла. Передо мною становилось существо мыслящее — чело-
вѣкъ съ его убѣжденіями, религіей, вѣрованіями,

съ его, пожалуй, суевѣріями, предразсудками; становился цѣлый міръ предо мною, и міръ богатый и интересный.

Но отчего первые шаги ваши неуспѣшны, первые приемы поражаютъ безнадежностью? Приступаете вы къ существу этому съ полнымъ уваженіемъ, съ честнымъ, незлобивымъ помысломъ, съ вѣрою въ святость своего дѣла и неприкосновенную святую этого существа, исповѣдникомъ, рѣшителемъ тайнъ котораго вы теперь становитесь. При первыхъ же попыткахъ вашихъ вы видите, что существо это замыкается, какъ улитка въ раковину. Между вами становится стѣна, какая-то преграда; какой-то злой духъ мрачитъ пространство между вами и превращаетъ его въ непроходимую, глубокую бездну. Нѣтъ исхода: ваша роль измѣняется; вы поставлены въ положеніе человѣка, къ которому не имѣютъ вѣры, котораго боятся, котораго считаютъ предателемъ и еще, чего хуже — фискаломъ...

Тяжелѣ этого нравственного удара, неизбежнаго для меня и въ этомъ случаѣ, какъ бывало и прежде, я представлять себѣ иного не могъ. Та же самая замкнутость при разговорахъ встрѣчала меня и въ Архангельской губерніи, какъ нѣкогда во Владимірской. Крестьяне-поморы, зная о моемъ открытомъ листѣ, успѣли уже дать мнѣ прозваніе „большого начальника“. Много случаевъ припоминается мнѣ на этотъ разъ, но приведу болѣе рѣзкій и памятный. Какъ теперь вижу огромную толпу печорцевъ, разсѣявшихся у крыльца моей отводной квартиры въ деревнѣ Великовисочной. На всѣ мои просьбы никто не входилъ въ избу, и когда уже я, въ безуспѣшности дѣла, сядилъ въ сани, чтобъ ѣхать въ Пустозерскъ, всѣ они мгновенно скинули шапки. Когда же сани мои тронулись съ мѣста, изъ толпы, вслѣдъ за мной, полетѣло наивное замѣчаніе какого-то старика.

„Семьдесятъ годовъ живу на свѣтѣ, а начальника съ бородой не видывалъ“.

Въ большей части случаевъ я поставленъ былъ въ такое положеніе (противъ собственнаго желанія и воли), изъ котораго былъ прямой исходъ — простыя наблюденія того, что металось передъ глазами: положеніе легкое, но незавидное; приемы простые, но безуспѣшные. Въ избу крестьянина войти легко; гостепріимство и хлѣбосольство — наша племенная честь и гордость: „Милости просимъ, войдите!“

Вы осматриваете избу: изба опрятная и чистая, какъ-будто только сейчасъ для гостя прибранная. Вонъ, въ переднемъ углу тѣло съ божьимъ милосердіемъ, въ заднемъ углу огромная печь; надъ кутомъ палаты, кругомъ лавки; столъ, скамейка... Смотрите на картинки, которыя въ послѣднее время особенно часто выставляютъ наши художники въ залахъ академіи; обойдите всю Россію — одно и то же. Богаче народъ — дома опрятнѣе, но измѣненій немного. Эти измѣненія бросятся въ глаза только тогда, когда пойдете путемъ сравненія отъ первообраза русскихъ избъ — малороссійскихъ мазанокъ (которыя только-что успѣли замѣнить собою шатеръ, юрту, чумъ, шалашъ, кочевую кибитку), дойдете до бревенчатой, тѣсной и какой-то сиротливоутой избу крестьянъ черноземной полосы Россіи и до богатаго двухъэтажнаго дома вятскихъ, сибирскихъ и поморскихъ крестьянъ. Осмотритесь кругомъ дома: деревня похожа на всѣ сотни тысячъ деревень въ Россіи: избы рядами, всегда почти кривыми; бани на выѣздѣ; овины на задворьяхъ; въ селѣ — церковь; въ деревнѣ — часовня... Осмотрите костюмъ — то же самое; путемъ сравненія уйдете отъ рубахи до свиты, до азяма, армяка, поддевки и, наконецъ, до цивилизованной сибирки, но найдете неизмѣнную подпояску на животѣ подъ грудью кушакомъ, или поясомъ, на

груди крестъ. Подробность, роскошь наблюденій доведетъ васъ, можетъ-быть, до того, что вы замѣтите, что шапка съ развальцемъ и широкимъ днищемъ — новгородка, постепенно узится къ Москвѣ, переходитъ подъ Москвою, въ форму гречневика и у рязанца и тамбовца является кувшиномъ съ перехватомъ по срединѣ, перевязаннымъ ленточкой. Найдете, можетъ-быть, что тамбовскій мужикъ носить подпояску низко, рязанскій — криво, щеголь-ярославецъ по срединѣ живота, костромичъ завязываетъ узелъ подпояски почти на срединѣ груди.

Словомъ, вы убѣждаетесь, что внѣшняя часть дѣла чрезвычайно проста и доступна, да и о ней такъ уже много писано, что тутъ особенно-важныхъ и трудныхъ работъ ожидать нельзя. Попадете къ свадьбѣ: увидите и смотрины, и рукобитье, и сватанье, и дѣвишникъ, и поѣздъ, и красный столъ. Случатся похороны — тамъ тоже все передъ глазами. Случатся крестины — опять то же. Случайность пріѣзда во-время и на счастье можетъ одной недѣлей обезпечить на доброе и подробное дѣло. Прожить годъ (и непременно всѣ четыре времени года), можно смѣло поручиться себѣ въ усвоеніи внѣшней стороны несложнаго крестьянскаго дѣла.

Но обращаюсь къ особенному дѣлу въ Поморѣ. Вспоминается и просится на перо еще одинъ случай.

Я пріѣхалъ въ одну изъ деревень кемскаго Поморья. Прозваніе „большого начальника“ привезено уже было вмѣстѣ со мною ямщикомъ съ прежней станціи. Въ комнату мою добровольно собралось тотчасъ же человѣкъ двадцать крестьянъ. Они не ушли на дальній океанъ за промысломъ трески, по причинѣ крайней своей бѣдности и бездоля, причиненныхъ прошлогоднимъ крейсерствомъ англо-французскаго флота около береговъ Бѣлаго моря.

Крестьяне эти собрались для того, чтобы, по обыкновенію, пожаловаться на свое бездолье, на трудную жизнь, на притѣсненія мѣстнаго земскаго и палатскаго начальствъ. Я поспѣшилъ объяснить имъ главную цѣль моей поѣздки — крестьяне недоувѣрчиво посмотрѣли на меня. Я приступилъ къ разспросамъ — крестьяне упорно молчали. Я повторилъ просьбу и желаніе свое узнать, какую они ловятъ рыбу.

— Кто ловить? — спросилъ, наконецъ, одинъ изъ крестьянъ, видимо самый бойкій изъ всѣхъ. — Мы-то?

— Да.

— То-исъ?...

— Какую рыбу ловите, чѣмъ и когда?

— Рыбу-то ловимъ?

— Да.

— Всякую рыбу ловимъ.

Слѣдуетъ молчаніе долгое и мучительное. Я принужденъ былъ повторить вопросъ:

— Какую же именно, какой сортъ?

Послѣдовали опять тѣ же тоскливые, уклончивые вопросы, съ которыхъ началась бесѣда. Привелось мнѣ самому стать въ положеніе отвѣтчика вмѣсто того, чтобъ задавать имъ вопросы. Съ великимъ трудомъ и послѣ многихъ усилій удалось мнѣ допроситься отвѣта, и то, вѣроятно, опять-таки отъ самаго бойкаго изъ нихъ:

— Рыбу мы ловимъ такую, какую намъ Богъ пришлетъ, а море принесетъ. Такую-то вотъ мы рыбу и ловимъ.

За отвѣтомъ этимъ слѣдовало опять повтореніе прежнихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, обращенныхъ въ формѣ вопроса ко мнѣ же самому. И опять отвѣтъ самаго бойкаго:

— Ловимъ мы рыбу снастями: сѣти такія живутъ...

— Какія же это сѣти?

- А всякія бываютъ.
- А именно?
- Чего?
- Какія же сѣти-то бываютъ, какъ называются?
- Чего называются?
- Сѣти-то.
- Сѣти-то?
- Да.
- А вотъ хоть бы къ примѣру, гарва.
- Слава Богу! Это что же такое?
- А гарва — сѣть, значить, такая...
- Ну дальше.
- Чего дальше?

Иного исхода я уже не видѣлъ изъ этой цѣпи вопросовъ, какъ отправиться самому на берегъ моря и лично посмотрѣть на сѣти и попросить указать ихъ примѣненіе.

Со мной отправилось трое, вѣроятно, избранныхъ, болѣе опытныхъ и умѣлыхъ въ уклончивыхъ отвѣтахъ. Здѣсь мнѣ удалось, наконецъ, простымъ и дешевымъ личнымъ наблюденіемъ достигнуть своей цѣли. Но вызвать крестьянъ на откровенную бесѣду я не могъ при всѣхъ усиліяхъ.

Возвращаясь въ деревню, я услышалъ отъ троихъ моихъ спутниковъ слѣдующую просьбу:

— Батюшко, ваше сіятельное превосходительство! не пиши ты этого: можетъ, и сболтнули мы тебѣ чего неладнаго. Не погуби ты насъ, сдѣлай милость! Намъ ужъ эти писанья очень непріятны и отъ своихъ-то! Мы, вѣдь, ужъ больно просты: извини ты насъ!... прости, ради Христа и соловецкихъ угодниковъ!

Мнѣ хотѣлось собрать нѣсколько свѣдѣній о бытѣ раскольниковъ, особенно-интересныхъ въ томъ краю, и для этого приступилъ къ предварительнымъ разспросамъ.

— Вы ничего не узнаете, — говорили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ смѣло и откровенно.

Почему же?

— Они вамъ ничего не скажутъ.

— Но для этого можно найти средства. И отчего же, напримѣръ, не попытаться?

— Напрасенъ будетъ трудъ вашъ; печальна попытка.

— Но отчего же вы такъ думаете? почему вы это знаете?

— Потому, что раскольники знаютъ уже, что къ нимъ ѣдетъ чиновникъ изъ Петербурга, который станетъ ихъ разспрашивать, всѣ разпросы свои записывать и потомъ печатать. Раскольники знали о нашемъ приѣздѣ гораздо-раньше насъ, людей официальныхъ. Мы получили печатный указъ губернскаго правленія ровно чрезъ три недѣли послѣ того, какъ одинъ изъ нашихъ главныхъ ересиарховъ показывалъ намъ письменную копію съ этого указа.

Впослѣдствіи я заходилъ въ одинъ скитъ — меня не пустилъ паренъ, помѣстившійся на крыльцѣ съ дубиной; останавливался я въ домахъ раскольниковъ — хозяева суетливо прибирали всѣ вещи, книги, оглядывали всѣ углы, шкапы, всѣ ящики въ столахъ...

Большій привѣтъ, радушіе и словоохотливость встрѣчалъ я въ крестьянкахъ. Простыя русскія женщины, какъ извѣстно, почти единственные хранительницы всей массы старыхъ преданій и вѣрные поборники всевозможныхъ суевѣрій и предрассудковъ. Робость съ перваго раза скоро переходитъ у нихъ въ крайнюю откровенность и замѣчательную словоохотливость послѣ того, какъ успеешь посильно объяснить имъ, что разспросчикъ ихъ не врагъ и супостатъ, котораго надо окуривать ладаномъ или вспрыскивать богоявленской водой. Отъ нихъ я слышалъ тогда и свадебныя, вечеринковыя, хороводныя и похоронныя пѣсни, и стихотворную старину или сказку. Въ ихъ рѣчи

чаще удавалось мнѣ услышать пословицу, поговорку, присловье. По женскимъ рѣчамъ я наслѣживалъ и оттѣнки мѣстнаго говора, узнавалъ многія примѣты по звѣздамъ и по погодѣ, слышалъ, чѣмъ лѣчится цынга, икота и комоха, какимъ разговоромъ останавливается кровь, вытирается изъ тѣла стрѣлье, какимъ замкомъ изгоняется бѣсъ изъ міряка и кликуши-икотницы. Отъ бабъ же узнавалъ я и всѣ мельчайшія подробности нашей довольно-сложной демонологіи: какой норовъ и повадка у чортова отродья, лѣсовика-лѣшаго, у водяного, домового, русалки - чертовки; когда слетаетъ на землю огненный змѣй; зачѣмъ ходитъ по деревнямъ кикимора и нарождаются на свѣтъ семь дочерей иродовыхъ — злыхъ сестеръ-лихоманокъ. Съ бабьихъ же словъ мнѣ удалось составить народный календарь на цѣлый годъ. Не падкія и некорыстные на денежное вознагражденіе, не имѣющія даже почти никакого понятія о существующемъ курсѣ, простыя русскія женщины довольствовались грошикомъ на свѣчку, пятакомъ или семиткой на просвірку.

Изъ этихъ бабъ вспоминается мнѣ одна, свѣжѣе и болѣе другихъ. Еще раньше я слышалъ про нее, какъ про мастерицу пѣть пѣсни и знавшую много старинъ, стихотворныхъ историческихъ сказаній. Раннимъ утромъ пріѣхалъ я въ ту деревню, гдѣ жила она, именно въ Калгалашу. Ко мнѣ явился старшина, бравый такой, ловкій!

— Знаешь такую-то мастерицу?

— Тетка Анна, — отвѣчаетъ онъ.

— Узнай, пожалуйста, дома ли она. И если спитъ — не буди!

(Перепугаетъ, думаю, старуху: испортитъ дѣло.)

— Не стучи у ней, не сбивай, какъ подводу.

(Ошеломитъ старуху — остатки памяти расгѣяетъ.)

Даль онъ мнѣ слово поступить по моему совѣту, но сдѣлалъ - таки совсѣмъ по-своему. Не больше, какъ чрезъ четверть часа передъ моими окнами показался и онъ, старшина съ палкой, и она плелась, опустивъ внизъ голову, наскоро и криво покрытую платочкомъ: видно, неумытая, съ неприбранными волосами, видно, сейчасъ и съ крикомъ поднятая съ постели къ начальнику. Вошла она робко, отвѣсила поясной поклонъ разъ, два и три, и остановилась въ углу у дверей, словно приговоренная къ смерти, словно овца, приведенная на закланіе. Жаль мнѣ ее стало и больно! Испортилъ мнѣ дѣло старшина, но дѣлать было нечего. Я обратился къ ней съ просьбой пропѣть. Она отказалась незнаніемъ.

— Вретъ, ваше благородье! лютая пѣть! — объяснялъ старшина.

— Ты, старшина, не пугай ее; а ты, бабушка, не бойся. Я тебѣ за это денегъ дамъ.

— Какія, ваше благородье, деньги? по начальству пѣть должна. Поетъ же, вѣдь, безъ денегъ другой разъ.

— Я прошу тебя не мѣшаться! А ты, бабушка, сядь, обогрѣйся?

Старуха низехонько поклонилась, но не сѣла.

— Чайку не хочешь ли?

Опять слѣдовалъ низкій поклонъ и ни слово въ отвѣтъ.

— Чашница, ваше благородье. Не станеть.

— Напугалъ тебя старшина-то, бабушка! Чудакъ, вѣдь, онъ. Я про тебя много слышалъ: всѣ тебя хвалятъ. Хотѣлось бы твоихъ пѣсень послушать. Ничего, кромѣ спасибо, сдѣлать тебѣ не могу.

Поддержалъ меня старшина, поддержали ямщики старый и новый: старуха какъ-будто отогрѣлась и вымолвила:

— Пѣть велишь, али такъ сказывать?

— Какъ хочешь, какъ самой лучше и легче.

Старуха заплѣла. Пѣла она незнакомую мнѣ новгородскую старину про Романа Митріевича млада. Пѣла потомъ сонъ Мати-Маріи, про Ивана Грознаго, про Егорья-свѣта Храбра, про Алешу Поповича, Чурилу Пленковича и проч. Пѣла и говорила, и охотно потомъ и смѣло. Ушла, наконецъ, отказавшись отъ всякаго вознагражденія. Черезъ часъ уже, когда я снова собрался въ дорогу, явилась моя хозяйка съ такимъ сказомъ:

— Баушка-та, что давѣ тебѣ старины пѣла, чайку у тебя щепоточку попросить наказываетъ, да сахарку два кусочка.

Кемскія дѣвки, во время ѣзды нашей на карбасѣ по морю, охотно пѣли мнѣ пѣсни, но не хотѣли ихъ диктовать, когда я принялся за перо и бумагу. Я прибѣгнулъ къ хитрости. На мое счастье отливъ, не допустивъ насъ до берега, посадилъ часа на два на мель, верстахъ въ двухъ отъ пристани. Начался довольно-бойкій дождь: мнѣ хорошо было въ будкѣ, гдѣ я засвѣтилъ себѣ свѣчку; скверно было дѣвкамъ на лавочкахъ. Онѣ стали проситься ко мнѣ. Я согласился пустить ихъ, но подъ условіемъ контрибуціи, по пяти пѣсенъ съ горла: — и тридцать пѣсенъ успѣлъ записать до того времени, пока прибывшая вода не подняла нашего карбаса и допустила насъ до пристани.

Была еще для меня одна надежда въ послѣдовательности моихъ работъ и разспросовъ, на духовенство архангельской епархіи на большую половину свою не удовлетворяло меня, не давало отвѣта. Поставленные во враждебное положеніе почти ко всему поморскому люду, который крѣпко придерживается старой вѣры и раскола, священники сообщали мнѣ мало, почти ничего. Отъ тѣхъ же священниковъ, паства которыхъ не была подвержена расколу, я, по несчастію, слышалъ немногое. Мнѣ удавалось узнать отъ нихъ подроб-

ности нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядовъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, обязательными свидѣтелями которыхъ священники становились по прямому своему долгу и обязанности. Кое-что рассказывали они о суевѣрныхъ обрядахъ, но и то въ большей части о тѣхъ, которые или прямо противорѣчили уставамъ православной церкви, или были указаны предписаніями мѣстнаго епархіальнаго начальства. Ни повѣрій, ни суевѣрій, ни всего, чѣмъ существуетъ и живетъ внутренній бытъ нашего крестьянина, священники въ большинствѣ своемъ не знали. Понимая одну только схоластическую сторону своего дѣла, они какъ будто съ омерзѣніемъ отворачивались отъ всѣхъ особенностей и отступленій въ понятіяхъ и жизни крестьянина, которыя противорѣчили смыслу и понятіямъ, принесеннымъ священниками съ семинарской скамьи.

„Не только запоминать, но омерзительно даже слушать и видѣть самому все то, чѣмъ злой духъ-дьяволъ, врагъ человѣческой изъ вѣковъ, опуталъ въ коварствѣ своемъ умы нашихъ поселянъ“.

Вотъ отвѣтъ, который мнѣ не одинъ десятокъ разъ доводилось слышать отъ сельскихъ священниковъ. Съ другой стороны, они были щедры на сообщеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя относились ко внѣшнему быту крестьянина и его сельскимъ работамъ, къ числу и времени деревенскихъ праздниковъ, къ праздничнымъ обрядамъ и обыкновѣніямъ — словомъ, ко всему тому, что достается легче, простымъ нагляднымъ наблюденіемъ. Къ тому же, почти всѣ сельскіе священники обязаны тѣми же работами и заботами, которыя несутъ и крестьяне наши. На вечеринки и къ хороводамъ доступъ священникамъ запрещенъ приличіемъ и значеніемъ самаго ихъ сана.

Попадья могли еще сообщать мнѣ многія пѣсни свадебныя; рассказывали нѣкоторыя деревенскія сплетни (частности, рѣдко пригодныя къ дѣлу), сообщали

многое и въ замѣчательной подробности о крестьянской кухнѣ, и то потому, естественно, что попадья на всѣхъ праздникахъ почетная гостья, и потому, наконецъ, что она — та же крестьянская баба, родившаяся въ той же деревнѣ, воспитанная въ тѣхъ же правилахъ и убѣжденіяхъ, и попадья она отъ того только, что жена попа.

Надо было много испытаній, много труда и терпѣнья, чтобъ войти въ довѣріе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ ждалъ я поученія и нравственной пищи; много надо пускать въ ходъ всякихъ пружинъ, чтобъ оправдать себя въ глазахъ крестьянъ и разсѣять подозрѣнія и опасенія всякаго рода. Но, разъ добившись этого права, можно смѣло ручаться за непремѣнный успѣхъ дѣла. Откуда бралась и откровенность и словоохотливость, и долгіе подробные разговоры, которыми счастливили меня и на Печорѣ, и на Терскомъ, и на Поморскомъ берегахъ Бѣлаго моря, на Двинѣ, Мезени и Пинегѣ. Я платилъ крестьянамъ деньги по уговору, платилъ деньги послѣ разсказа, въ благодарность за сообщенное и уже безъ всякаго договора. Хотѣлось ли мнѣ записывать пѣсни, я сначала пѣлъ самъ одну, другую и третью, хвалилъ свои пѣсни и, незамѣтно возбуждая зависть, а затѣмъ соревнованіе, слушалъ потомъ лучшую пѣсню туземную, мнѣ неизвѣстную. Хотѣлось мнѣ сказки — я рассказывалъ свою и далѣе слушалъ уже или ея варіантъ или новую сказку. Разсказами множества анекдотовъ я почасту доходилъ до понятій и убѣжденій крестьянина о чиновникѣ, о попѣ и проч., и слышалъ отъ нихъ, въ свою очередь, подобные же рассказы, анекдоты, бывальщины и случаи, всегда чрезвычайно-характерные и поучительные...

Для третьяго систематически-обставленнаго и обдуманнаго мною путешествія по губерніямъ чер-

ноземной полосы Россіи, гдѣ преимущественно приводилось имѣть дѣло съ торгующимъ классомъ и на рынкахъ, я рѣшился пустить въ дѣло русскій костюмъ торговца средней руки. Костюмъ состоялъ изъ поддевки такъ-называемаго сѣро-нѣмецкаго сукна со складками на поясницѣ съ боковъ и сзади, высокихъ до колѣнъ сапогъ, мерлушечьей шапки и романовской овчинной шубы на плечахъ. Торговецъ въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьяниномъ: они въ постоянной дружбѣ и во взаимныхъ обязательствахъ: одинъ сбываетъ излишнее, другой даетъ за то чистыя деньги. Связь эта и поразительна и несомнѣна. И мелкій торгашъ, обманывая крестьянина, понимающаго его плутни, все-таки остается его другомъ и оттого, что торговецъ не ушелъ далеко въ своихъ понятіяхъ отъ своего побратима, и оттого опять, что у крестьянина нѣтъ уже иного друга и искать ему такового положительно негдѣ.

Такъ думалъ я, въ оправданіе новой выдумки, замаскироваться русскимъ костюмомъ торговаго человѣка, простымъ и удобнымъ при постоянныхъ дорожныхъ передвиженіяхъ — и не ошибся. Въ пять мѣсяцевъ я успѣлъ выполнить заранѣе предначертанную себѣ программу и все то, на что, по крайнимъ расчетамъ, полагалъ я годъ.

Выбирая мнѣ родъ занятій по своимъ соображеніямъ, крестьяне не считали меня ни бариномъ, ни начальникомъ, ни управителемъ, ни земскимъ, раскрывали мнѣ такую бездну подробностей, которыя являли иной міръ, невѣдомый, интересный до мельчайшихъ подробностей, хотя и возмутительно-печальный, крайне-несовершенный.

Особенныхъ невыгодъ и непріятностей костюмъ этотъ не принесъ мнѣ нигдѣ. Приплачивалъ я лишніе прогоны на тѣхъ трактахъ, гдѣ не установился правильно-устроенный проселочный путь, неполучившій еще прозванія купеческаго, задерживали

лишніе часы на почтовыхъ станціяхъ, требуя двойныхъ прогоновъ, да гораздо-позже потомъ и уже въ кофейной московскаго Большаго театра не пустили-было меня въ курильную комнату, требуя, чтобъ я снялъ кушакъ, и именно одинъ только кушакъ, и оставилъ его, какъ галоши, на сохраненіе. Но зато до гробовой доски не забыть мнѣ лучшихъ, счастливыхъ минутъ моей жизни, которыми подарили меня вятскіе крестьяне Яранскаго уѣзда. Коротенькая бесѣда, имѣвшая предметомъ нѣкоторые эпизоды изъ русской исторіи, бесѣда, затѣянная съ вечера для хозяевъ, привела въ мою квартиру на другой день большую половину деревни съ разспросами и просьбою „поговорить о хорошемъ“. Поздно вечеромъ собрался я выѣзжать оттуда дальше. Сталъ прощаться съ хозяевами и слушателями. Одинъ старикъ долго смотрѣлъ мнѣ въ лицо и закачалъ головой:

— Не питерскій ты купецъ, хоть ты и говорилъ вчера. Не вѣрю я, хоть ты и опять тоже сказывай.

— Какой же, по твоему положенію?

— Да что хощь, а человѣкъ ты не питерскій.

— Почему же тебѣ такъ кажется?

— Да не сталъ бы такъ толковать съ нами долго. Ты либо изъ Москвы, либо откуда поближе.

— По рѣчи, что ли, ты полагаешь такъ, или по другой какой причинѣ?

— И по рѣчи по твоей, и по охотѣ твоей къ разговору; да и много ты намъ занятнаго такого сказывалъ.

— Учился, дѣдушко, оттого и сказывалъ. Не затѣмъ, вѣдь, учился, чтобъ про себя держать. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Да вѣдь это, братъ, тоже человѣкомъ: изъ иного коломъ не вышибешь, а и знаетъ, сказываютъ, много. Возьми ты, вонъ, нашихъ купцовъ...

— Да, можетъ, не спрашивали?

— Пытали и спрашивать, и все дѣлали. Ну, да мы тебѣ за это такую тройку обрядили, что свободскіе купцы на такихъ лошадехъ изъ нашей деревни не выѣзжали, да и не выѣдутъ никогда.

Въ саняхъ своихъ нашелъ я буракъ съ пивомъ, кулекъ съ пирогами и жареной живностью. Ямщикъ ни за какія просьбы не соглашался взять съ меня ни на водку, ни прогонныхъ денегъ, отвѣчая на всѣ настоянія:

— Старики не велѣли. Узнаютъ заклюютъ...

— Не узнаютъ, не откуда.

— Самъ промолвлюсь, здѣшнихъ спросятъ — скажутъ. Да я и самъ не желаю того — Христосъ съ тобой...

Русскій костюмъ торговаго человѣка указалъ мнѣ многое, до чего трудно и почти невозможно добиться инымъ путемъ. Вотъ какое онъ далъ мнѣ поученіе и къ какимъ привелъ результатамъ.

Наши кабаки — эти народные клубы, откуда, по пословицѣ, идетъ весь мірской толкъ и разумъ — одно изъ важныхъ и живыхъ подспорій для изслѣдователя. Здѣсь русскій простой человѣкъ распускается, чрезъ искусственное возбужденіе дѣлается крайне-откровеннымъ и разговорчивымъ. Сюда онъ несетъ и завѣтную вещь и завѣтную мысль. Не боясь внутренняго себя, онъ рѣшаетъ здѣсь легко и скоро то, что не рѣшить ему нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Пусть изслѣдователь забудетъ на это время о существованіи паркетовъ, на которыхъ такъ легко и удобно свидѣтельствовать передъ всѣми о своемъ знаніи и ловкой выправкѣ во всевозможныхъ иноземныхъ танцахъ; пусть онъ забудетъ на-время о портьерахъ и тѣхъ изящныхъ кабинетахъ и гостинныхъ, гдѣ такъ легко говорится всякій вздоръ и такъ удобно ничего не дѣлается, и пусть онъ смѣло, съ полною вѣрою въ себя и въ свое дѣло, идетъ въ кабакъ, который и на

крестьянскомъ языкѣ получилъ названіе проклятаго мѣста: тутъ видится жизнь безъ подготовки, безъ хитрости, вся на-распашку; тутъ слышатся пѣсни, пѣсни веселыя, не тѣ, которыя, по счастливому выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ:

Намело съ полей мятелицей,
Нанесло съ пожарищъ дымомъ-копытью, —

а тѣ, въ которыхъ высказывается и бойко прыщеть весь юмористическій складъ хитраго русскаго ума, вся его затаенная мысль, которая подчасъ дышетъ бѣшеной веселостью и всегда жаждетъ свободы, простора и воли. За дверями кабака русскій человѣкъ такихъ пѣсень не поетъ, какъ не высказываетъ своихъ сокровенныхъ помысловъ, не выдаетъ всего себя съ душой на ладони, съ сердцемъ за поясомъ, говоря словами его же поговорки.

Вотъ отчасти почему служащіе по питейнымъ откупамъ, такъ называемые кабашники, можно сказать, лучшіе знатоки крестьянскаго быта. Прямые соотношенія, частыя столкновенія (въ большей части случаевъ заискивающія, нерѣдко враждебныя и всегда погибельныя) сдѣлали и самыхъ откупщиковъ замѣчательными знатоками крестьянскаго быта. Считаю излишнимъ входить въ объясненіе этихъ и безъ того уже осязательныхъ причинъ: успѣхи откуповъ исторически и безапелляціонно доказываютъ мою мысль.

Изъ остальныхъ безчисленныхъ классовъ и подраздѣленій нашего общества въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами два болѣе другихъ рѣзко-выдающіеся, болѣе замѣчательные, это — помѣщики и управляющіе имѣніями. Богатые живутъ среди столичныхъ развлеченій, между спектаклями и клубами, относятся къ крестьянамъ чрезъ посредство управляющихъ. Помѣщики средней руки, если и живутъ въ своихъ имѣніяхъ, то

опять-таки не прямо и не посредственно относятся къ крестьянамъ, а черезъ бурмистра, старосту и иныхъ деревенскихъ властей. Лучшіе изъ нихъ заявили себя печатно. Остальная часть оказалась несостоятельною. Мнѣ не привелось слышать отъ нихъ ничего. Много говорилось о псовой охотѣ, о похожденияхъ по крестьянскимъ посѣдкамъ, толковали о невозможности жить на крестьянскія деньги въ столицахъ и проч. Самые бѣдные помѣщики поражали меня, при бѣдности въ матеріальныхъ средствахъ, крайнимъ недостаткомъ образованія. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣти этихъ помѣщиковъ давно уже не въ деревнѣ, а въ ученьи или на службѣ. Живущіе и обжившіеся на родномъ пепелищѣ отличаются тѣми же суевѣріями, держатся тѣхъ же предрасудковъ, какъ и крестьяне ихъ, отъ которыхъ они ушли весьма недалеко. Для изслѣдователя около этихъ помѣщиковъ — тотъ же заповѣдный и зачурованный робостью и боязнью кругъ, въ который не пройти никакой пытливости.

Но зато важнымъ подспорьемъ, сильно-пособляющимъ средствомъ для изслѣдованій служить особый и весьма-поучительный классъ людей, который составляютъ управители имѣній. Грамотный управитель, если онъ не отставной солдатъ и не нѣмецъ, внесетъ въ дневникъ путешественника многое и охотно. Я былъ счастливъ не однимъ десяткомъ людей этого класса и рода занятій. Грамотный, а тѣмъ болѣе образованный управитель для этнографа — высокій, многоцѣнный кладъ; изъ-за него хлопотъ и ходьбы немного: изъ-за него только развѣ одна повѣрка, контроль его показаній, и то для окончательнаго успокоенія совѣсти. Солдатъ съ перваго шага изъ деревни и крестьянской избы въ городъ и въ казарму становится чуждымъ крестьянскаго, роднаго ему быта и его интересовъ, а съ производства въ унтеръ-офицерскій чинъ онъ уже презираетъ крестьянина и име-

немъ „мужика“ бранить всякаго рекрутика, переданнаго ему въ науку, всякаго солдата, низшаго чиномъ и должностью. Отъ управителя-солдата ничего нельзя узнать, во-первыхъ, потому, что онъ самъ не привыкъ и не умѣетъ разсуждать и много думать, а во-вторыхъ — и, въ послѣднихъ, потому, что введеніемъ въ управленіе дѣлами крестьянъ строгой системы онъ успѣлъ отдалить и себя самого отъ крестьянъ и крестьянъ отъ себя. Управляющій изъ нѣмцевъ, по самому происхожденію, по плоти и крови и по многимъ другимъ причинамъ, совершенно чуждъ крестьянскихъ интересовъ; рѣдкій изъ нихъ умѣетъ говорить по-русски. Эти случайности явленій, въ большей части случаевъ, складывались такъ, что отъ управителей изъ нѣмцевъ я никогда не узнавалъ ничего. Говорилось объ агрономическихъ работахъ въ Германіи, въ остзейскихъ губерніяхъ, у меннонистовъ и сарептскихъ гергуттеровъ, о новомъ плугѣ, изобрѣтенномъ въ Саксоніи, объявлялось, что русскій мужикъ „неопытный, и лѣнивый, и грубой, глупый“, но и только.

Перехожу изъ крестьянской деревни и отъ крестьянина въ городъ.

Въ городъ крестьянинъ везетъ свои достатки, въ городѣ живутъ покупатели и потребители имъ привезеннаго; въ городѣ крестьянинъ на судѣ и въ отвѣтъ, въ городѣ живутъ власти его и начальники; тѣ и другіе, и купцы и чиновники, находятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами; тѣ и другіе кладутъ на него свою долю вліянія, судя по степени важности этихъ двухъ классовъ. Присутствіе этнографа въ городѣ необходимо: онъ долженъ имѣть тамъ мѣсто; но какое?

„Конечно (скажутъ) рѣшительно-выгодное, замѣтно легкое и лучшее: тутъ онъ въ средѣ цивилизованныхъ людей; тутъ онъ между своими, людьми одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, одинаковыхъ

съ нимъ взглядовъ на вещи, одинаковаго образованія; тутъ уже его нечего бояться, не зачѣмъ его принимать за ревизора, нѣтъ причины считать его за фискала“.

„Такъ, рѣшительно такъ!“ отвѣчу я всѣмъ на эти предположенія, если только они составлены будутъ по логическимъ наведеніямъ и...

„Нѣтъ, положительно нѣтъ!“ скажу я всѣмъ, кто любить и хочетъ правды, и уважаетъ практику.

Положеніе изслѣдователя-путешественника въ городскомъ обществѣ (будетъ ли то уѣздное, будетъ ли то общество губернскаго города), положеніе изслѣдователя здѣсь едвали не печальнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, и работы его идутъ медленно и тяжело. Много причинъ этого обстоятельства просятся теперь на перо, но я назову изъ нихъ главнѣйшія.

При столкновеніяхъ моихъ съ городскимъ обществомъ мнѣ прежде и легче всего выясняются два класса людей: однихъ, которые привыкли всего бояться, и другихъ, которые ничего не боятся. Говорю такимъ образомъ, чтобъ скорѣе и проще сократить изложеніе моихъ положеній. Оба эти положенія я выясняю себѣ такъ: всего боится, во-первыхъ, тотъ, который уже сызмалѣтства былъ напуганъ и запуганъ нерѣдко до того состоянія, въ какомъ мы видимъ деревенскихъ дурачковъ-бабениковъ, которые и неглупы по натурѣ и отъ рожденія, но такъ уже поставлены, что не смѣютъ вымолвить умнаго слова; у такихъ людей нѣтъ уже вѣры въ человѣка ему незнакомаго: это предрасполагающая причина его болѣзненныхъ припадковъ.

Такой человѣкъ боится своихъ родныхъ, своего лучшаго друга; онъ не довѣряетъ даже имъ и вѣритъ только въ себя самого, но и то не во всѣхъ случаяхъ жизни. Исключенія изъ этого рода людей — герои, люди историческіе. А между-тѣмъ этотъ классъ людей, привыкшихъ всего бояться,

лучшій, честнѣйшій классъ общества; это наши передовые люди. Наше время, и особенно начало пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, преимущественно и значительно обогатились такими субъектами... Во-вторыхъ, боится всего тотъ, на совѣсти котораго лежитъ много неомытыхъ, неискупленныхъ грѣховъ, который покойно спитъ ночью, покоенъ душевно, пожалуй, и днемъ иногда, если только не омрачится горизонтъ того дня появленіемъ новаго лица не изъ того общества, не изъ тѣхъ кружковъ или, проще, инкогнито-проклятое, говоря словами гоголевскаго городничаго. Горе путешественнику, если судьба случайно поставила его въ положеніе этого проклятаго инкогнито! Тутъ много ему надо силы душевной и присутствія духа, чтобы перенести то нравственное оскорбленіе, которое не замедлитъ основаться на одномъ подозрѣніи. Крѣпкимъ и опытнымъ борцомъ надо быть ему тогда, когда послѣдуютъ всякія козни и препоны, неизбѣжно-основанныя на этомъ подозрѣніи. Нодо много опыта въ жизни, много общественныхъ знаній и смысла, чтобъ оборонить себя, перешагнуть черезъ всѣ пороги, рывины и кочки, на которые всегда щедро-подозрѣвающее человечество. Такъ вотъ и слышится опять тотъ же гоголевскій городничій съ его простосердечною безсмертною рѣчью: „мало того, что пойдешь въ посмѣшище, найдется шелкоперъ, бумагомаратель, въ комедію тебя вставить, чина, званія не пощадить“.

Въ этихъ случаяхъ почти всегда приходится, посыпавъ главу пепломъ и отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, уходить въ мѣста яныя, гдѣ больше свѣта, меньше мрака, больше людей, а не чиновниковъ. И счастливъ пытливый изслѣдователь, если обрѣтетъ одну душу сочувствующую, одно сердце, способное болѣть его болью, жить его интересомъ; и горе ему, если онъ попадетъ на тотъ классъ об-

щества, у котораго нѣтъ страха, который привыкъ ничего не бояться и всѣхъ презирать. Онъ привыкнетъ, онъ скоро пойметъ, что тѣ люди, которые, свысока поднявъ голову, смотрятъ на другихъ, на все общество *ripse-peu* — жалкіе, ничтожные люди, что ихъ содержаніе внутреннее столько же бѣдно, сколько богата ихъ внѣшняя обстановка — ихъ платье, ихъ кабинетъ, ихъ обѣдъ. Что они похожи на бутылку лимонадъ-газеса, который хлопаётъ и шипитъ, но приторно-сладокъ на вкусъ и скоро выдыхается. Авторитета ихъ не признавалъ никто, его не признають теперь, вѣроятно, не будутъ признавать никогда. Они — порожденія того изъ безчисленнаго множества классовъ нашего общества, который уже потерялъ свой кредитъ и упалъ въ глазахъ большинства. Тутъ этнографу поучиться нечему. Мимо!

Другіе люди небоязливы по своимъ различнаго рода связямъ; ихъ тоже мимо: пожива плохая! Третьи грозятъ внѣшнею силою, силою, обусловленною обычаями и многими другими предразсудками общественными, но и ихъ мимо: и отъ нихъ пожива плохая!

Негдѣ уже искать людей общественныхъ, могущихъ приносить изслѣдователю пользу: всѣ они несостоятельны или сами по себѣ и отъ себя, или по причинамъ, отъ нихъ независящимъ.

Опять посылай этнографъ главу пепломъ и бѣги изъ города или, сложа руки, опять углубляйся въ самого себя и ищи въ себѣ самомъ отвѣта, ищи того, чего не нашелъ въ людяхъ. Но вотъ раскладываются передъ нимъ приманки: всѣми цвѣтами радуги, гармонически-соединенными, обольщаютъ его глаза; всѣми мотивами лучшихъ композицій плѣняютъ его слухъ, очаровываютъ воображеніе, оковываютъ всѣ пять чувствъ внѣшнихъ. Выборъ отъ тебя зависить: слабый ли ты, или крѣпкій духомъ — докажи теперь! Вотъ про-

ба; дѣлай любое: поддавайся приманкѣ, если ты не знаешь, что пѣсня сиренъ и до сихъ поръ еще оглашаетъ если уже не Тридентское, то житейское море, и бѣги и бѣги мимо и дальше, если ты помнишь, что и болотная топь прикрывается бархатистою зеленью, что и звѣрь боа предварительно прельщаетъ кролика красотою перелива цвѣтовъ и завлекательными изгибами своего тѣла, и потомъ уже пожираетъ его всецѣло. При такихъ условіяхъ увидишь ты только балы, а съ ними *decoltè*, разнородные танцы, много свѣчей по стѣнамъ, но мало свѣта и правды въ рѣчахъ, всегда стереотипныхъ и всегда пустыхъ и заученныхъ. Пойдешь въ театры, если ты еще не убѣдился въ томъ, что только одна Москва всецѣло и частью Петербургъ въ исключительныхъ сюжетахъ способны питать твое эстетическое чувство и не возмущаютъ его безобразіемъ исполненія всегда при плохой обстановкѣ, еще при худшей постановкѣ и меньше чѣмъ посредственнымъ исполненіи. Увидишь ты маскарады — пародіи на тѣ, гдѣ уважается инкогнито, нѣтъ, стало быть, мѣста сплетнѣ, которая особенно зла и безобразна въ провинціи...

Съ тѣхъ поръ какъ поднялось въ литературѣ знамя обличенія и множество повѣстей, рассказовъ и драматическихъ сценъ обличительнаго характера наполнило столбцы нашихъ газетъ и журналовъ, городское общество сдѣлалось замѣтно-доступнѣе. На новое и свѣжее лицо не смотрять уже съ предубѣжденіемъ и опасливо, какъ это было назадъ тому четыре или пять лѣтъ.

Приводя эти факты, я не могу и не имѣю положительнаго основанія выводить заключеній, которыя не могутъ быть законченными, а тѣмъ болѣе непогрѣшимыми. Ограничиваюсь сообщеніемъ однихъ только фактовъ.

Благодѣтельныя послѣдствія гласности возъ-

имѣли уже всю свою силу законную и положительную. Въ пройденномъ мною пути въ прошедшія лѣто, осень и зиму я уже имѣлъ счастье видѣть многіе плоды ея. Въ губернскихъ и даже нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ мнѣ указывали на весьма многихъ, посвятившихъ свои досуги приготовленію обличительныхъ статей. Описаніе плачевныхъ послѣдствій, которыя въ большей части случаевъ постигли авторовъ, не входитъ въ планъ моей бесѣды. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что у насъ еще создается только общественное мнѣніе. Имѣютъ ли къ нему уваженіе, даютъ ли ему вѣру и ходъ — вотъ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ или, лучше, приготовленіемъ матеріаловъ занята въ настоящее время журналистика. Рѣшено пока немногое.

Что въ нашемъ обществѣ развито стремленіе къ общественности, ко взаимному сближенію, есть желаніе составлять кружки — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. А что наше общество еще до сихъ поръ не придумало положительныхъ средствъ къ своему развлеченію — это также истина. Существующія средства несостоятельны и въ большей части дышутъ тою же скукою, которая ихъ породила. Смотря съ этой стороны на общественную жизнь и на общественныя отношенія, мы увидимъ всегдашнія карты — лучшее пока развлеченіе, получившее у насъ право гражданства, развлеченіе, дальше котораго не шло современное человѣчество. Тамъ, гдѣ публичность вошла въ гражданскія узаконенія, гдѣ журнальная дѣятельность возбуждаетъ общее сочувствіе, гдѣ чтеніе газетъ — насущная потребность, общественное мнѣніе и судъ стоять впереди: его боятся и уважаютъ. Въ нашемъ обществѣ пока еще чтеніе беллетристическихъ статей — главное чтеніе. Вопросы наукъ, и преимущественно наукъ политическихъ, только недавно, съ легкой руки московскихъ

журналовъ, стали возбуждать сочувствіе русскаго общества, сочувствіе, которое, къ несчастію, господствуетъ только въ маломъ кружкѣ избранныхъ. Оттого въ провинціи нѣтъ обществъ, гдѣ бы въ литературныхъ чтеніяхъ находили и пищу и развлеченіе; оттого въ губерніяхъ на театральныя представленія смотрять, какъ на простое развлеченіе отъ нечего дѣлать, идутъ туда посмѣяться и на сцену смотрять, какъ на средство, помогающее въ извѣстныхъ случаяхъ пищеваренію; оттого-то и на самой сценѣ господствуетъ изумительная безсмыслица, изъ цѣпи скандаловъ, грязно-двусмысленныхъ выраженій, безсмыслица, озаглавленная именемъ водевиля; оттого-то и успѣхъ французскихъ мелодрамъ со множествомъ нелѣпостей, неожиданностей и эффектовъ, которые пугаютъ дѣтей и ласкаютъ слухъ взрослыхъ, не западая въ душу. Къ тому же недостатокъ образованія, бѣдность дарованій, преимущественно въ женскихъ сюжетахъ, дѣлаютъ то, что всѣмъ русскимъ городамъ, исключая столицъ, приводится видѣть не театральныя, а балаганныя представленія. Не буду говорить о балахъ, которые больше, чѣмъ гдѣ-либо обездоливая супружескіе и родительскіе карманы, больше, чѣмъ гдѣ-либо — дышутъ въ провинціяхъ натянутостью, скукою, бездѣльностью, — словомъ, всѣмъ тѣмъ, что ясно свидѣтельствуетъ о замѣчательной несостоятельности, какъ будто даже племенной неподготовкѣ нашей веселиться общественно и объ умѣньи составлять лучшія свои компаніи только для выпивки, какъ остроумно и давно замѣчено однимъ изъ нашихъ писателей.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, приводятъ насъ къ тому положенію, что путешественнику-исслѣдователю и въ городскомъ обществѣ трудно находить данныя и подходить къ конечнымъ, разумнымъ результатамъ. Здѣсь онъ ви-

дѣтъ распаденіе цѣлаго на части, многочисленныя части, за неимѣніемъ общаго интереса и общественной связи; видитъ онъ лицъ служащихъ, взаимныя отношенія которыхъ держатся или на степени ихъ административнаго значенія, или на кровномъ родствѣ и почти никогда на душевномъ сочувствіи и родствѣ идей и убѣжденій; видитъ купцовъ, которые въ высшихъ слояхъ своихъ потянулись за дворянствомъ; или подражаютъ тому же чиновничьему быту: стало быть, въ рѣдкихъ исключеніяхъ, самобытны и интересны. Въ низшихъ слояхъ своихъ купечество представляетъ интересъ и значительно большій и существенно важный. Тутъ вѣра въ преданія и обычаи отцовъ свято соблюдаются и почитаются. Наше купечество, необладающее крупными капиталами — единственный классъ, въ которомъ доводится наслѣдить особенности мѣстнаго туземнаго колорита: только одни они и самобытны — и отъ того, что независимы, и отъ того, что заключены въ кругъ занятій, неизбѣжно требующихъ ежедневныхъ работъ и ежечаснаго наблюденія. Классъ этотъ (въ рѣдкихъ исключеніяхъ замкнутъ и то только въ купцахъ-раскольникахъ) — классъ этотъ интересенъ и по патриархальности своихъ вѣрованій и именно по тому, что въ немъ сохраняется всецѣло русскій человѣкъ, со всѣми его доблестями и слабостями. Наше купечество дало уже возможность А. Н. Островскому наслѣдить складъ русскаго ума и сердца, всѣ мелкія особенности и весьма иногда мелкія подробности ихъ приложеній къ практикѣ, къ семейному быту, къ общественнымъ условіямъ и проч. Здѣсь Русь настоящая, та Русь, до которой не коснулась нѣмецкая бритва, на которую не надѣли французскаго кафтана, не окормили еще англійскимъ столомъ.

Переходя отъ купечества къ торгующимъ мѣщанамъ, даже крестьянамъ, изслѣдователь не уви-

доть особенной разницы: дѣло будетъ состоять не въ общихъ чертахъ, а только въ дальнихъ и мелкихъ подробностяхъ. Подробности эти бросаются въ глаза вездѣ, гдѣ угодно: на базарѣ, на рѣчной пристани, у ярмарочныхъ балагановъ и проч. Дробность этого класса на множество оттѣнковъ объяснена географически, искать нетрудно. Въ южныхъ, подмосковныхъ губерніяхъ живетъ народъ, исключительно-занятый хлѣбопашествомъ; отсюда на ливенскихъ, елецкихъ, моршанскихъ и другихъ базарахъ толчется плуть-перекупщикъ или сводчикъ, прозванный кулакомъ; отсюда въ южныхъ уѣздахъ Тверской и Псковской губерній, гдѣ производится торгъ льномъ — булыня, тотъ же перекупщикъ. Владимірская губернія, обездоленная песчаною и неплодородною почвой, породила домашнія работы, и отсюда въ Шуйскомъ уѣздѣ — фабричный уродъ изъ простого добраго народа нашего, пятно на честномъ его имени, фабричный — воръ, пьяница и развратникъ; отсюда въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ — богомазы-иконописцы, а вслѣдствіе того и офеня-ходебщикъ, разносчикъ образнаго товара; въ Муромскомъ уѣздѣ — извозчикъ, изъ Ярославля — половой, въ Архангельскѣ — рыбакъ и промышленникъ морского звѣря, изъ рязанскаго села Дѣдова — цѣловальникъ, изъ Углича — колбасникъ, изъ Кимровъ — сапожникъ, изъ Чухломы — маляръ, изъ Галича — плотникъ, изъ Ростова — огородникъ, изъ Романова — шубникъ и проч. и проч.

Остается мѣщанинъ, котораго можно было бы назвать городскимъ крестьяниномъ, если бъ онъ не стоялъ въ той средѣ, которая зовется городскимъ обществомъ, если бъ онъ, отставши отъ крестьянства и хлѣбопашества, не тянулъ къ купечеству и ремесламъ, если бъ онъ, словомъ, не былъ мѣщанинъ. Классъ этотъ мало еще до сихъ поръ под-

вергался изслѣдованію; его отчего-то обѣгали, несмотря на всю его доступность. Классъ этотъ представляетъ столько же много интереса, сколько въ то же время поражаетъ своимъ конечнымъ бездольемъ, незавидною и, въ большей части случаевъ, бѣдною, виѣшнею обстановкою своего быта (если только онъ не превратится изъ мѣщанина въ купца). Мѣщане неторговыхъ и непромышленныхъ городовъ — тѣ же крестьяне, только бѣдные и въ большей части случаевъ разоренные, и разоренные отъ того, что они уже не крестьяне, а горожане. Отсюда отчасти идутъ и всѣ тѣ пороки, выходятъ и всѣ тѣ негодяи, которые ложатся пятномъ на имя простого (и настоящаго) русскаго люда; изъ мѣщанъ и кулакъ, и всякій другой перекупень, лошадиный барышникъ, съ кнутомъ въ рукахъ, съ ложною клятвою на устахъ и съ подлымъ намѣреніемъ въ сердцѣ, барышникъ, готовый обмануть и крестьянина-продавца, и ремонтера-покупателя, вездѣ: и въ Лебедини, и въ Ромнахъ, и на Коренной. Мѣщане же въ подгородныхъ лѣсахъ и перелѣскахъ, темною ночью, обираютъ прохожаго и подрѣзаютъ у проѣзжихъ чемоданы, на что такъ особенно досужи мѣщане кунгурскіе и орловскіе, недаромъ прозванные въ народной поговоркѣ „проломанными головами“. Зато галицкіе мѣщане хорошо выдѣлываютъ мѣха, холмогорскіе — рѣжутъ на кости, оставшковскіе — шьютъ сапоги, тульскіе — дѣлаютъ стальные бездѣлушки, самовары и ружья, ветлужскіе — берестяныя издѣлія и тавлилки; мценскія и балахинскія мѣщанки плетутъ превосходныя кружева, кинешемскія и ярославскія ткутъ тонкія полотна, вяземскія пекутъ пряники, валдайскія — барапки, калужскія — тѣсто и проч.

Остается еще одинъ городской классъ общества, многочисленный въ нѣкоторыхъ городахъ; таковы всѣ старинные: Кіевъ, Вологда, Москва, Новгородъ,

Владиміръ; это — сословіе городского духовенства. Сословіе это, свободное отъ сельскихъ работъ и, стало быть, отъ условій крестьянскаго быта, немногимъ, впрочемъ, разнится отъ духовенства сельскаго. Меньше угловатости, больше развязности; не поразить онъ книжнымъ, мертвымъ колоритомъ рѣчей своихъ; не наслѣдитъ онъ въ комнатахъ, не затруднится въ отвѣтъ; успѣлъ оставить кой-какіе рутинные, застарѣлые предразсудки; не бѣжитъ отъ общества и наполовину не чуждъ его интересовъ... И вотъ почти все.

Я бы остановился на многочисленномъ и постоянно-нарастающемъ сословіи людей дворовыхъ, если бъ о нихъ не было высказано много и почти все: что они тунеядцы, что они запачканы всѣми тѣми пороками, которые порождаются лѣнью, лѣстью, вѣчнымъ прислуживаньемъ; что въ нихъ успѣли совмѣститься всѣ дурныя стороны характера крестьянина и дурныя стороны самихъ господъ. Это — лакейство, хамство — слова, обратившіяся въ позорное прозвище, въ ругательство. Типы лучшихъ людей изъ нихъ — идеалы; честное сословіе, такъ называемыхъ, старыхъ слугъ — отрадное исключеніе, но теперь уже старое преданіе, почти анахронизмъ.

Безутѣшно, повторю въ заключеніе, безутѣшно и непривлекательно положеніе путешественника-ислѣдователя, и будетъ оно трудно и тяжело, можетъ-быть, до тѣхъ поръ, пока не войдутъ у насъ въ плоть и кровь тѣ вѣрованія и убѣжденія, которыми живетъ Западная Европа и которыя у насъ, въ Россіи, такъ недавно стали высказываться, и то немногими избранными. Трудно, повторю, положеніе путешественника-ислѣдователя до тѣхъ поръ, пока не установится у насъ общественное убѣжденіе, что только сова и летучая мышь боятся свѣта и не любятъ его; что гласность если и начинаетъ выбирать жертвы, то эти жертвы очи-

стительныя. Пусть этихъ жертвъ приносится больше: отъ каждой изъ нихъ прибыль истинѣ, прибыль обществу отъ малаго до великаго. Пусть, наконецъ, скорѣе раздастся голосъ привѣтный и призывный и прозвучить онъ твердо, радостно, и послѣдними словами его будетъ привѣтъ: „теперь выходите на дѣло свое прямо съ открытымъ лицомъ и подѣ моимъ именемъ; не берите съ собою иныхъ запасовъ, кромѣ жажды труда и вѣры въ святость своего дѣла: трапеза будетъ готова и здоровая. Не отравлять у васъ ни одной минуты, ни одного момента; съ радостью васъ встрѣчать, съ благословеніями проводить, какъ лучшихъ друзей, какъ родныхъ по крови, и отъ чистаго, незлобнаго сердца пожелають вамъ, по русскому завѣтному обычаю, „счастливаго пути“ и „Бога въ помощь“!...

II.

Путь на Амуръ.

г. По Россіи.

Говорятъ, пріятно и здорово путешествовать. Можетъ быть! — скажу я взявшимъ билетъ на почтовой пароходъ, чтобы ѣхать въ Штетинъ и въ Европу, и никакъ не скажу этого тѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, которые заручились билетомъ на московской желѣзной дорогѣ, чтобы ѣхать въ Москву и въ Россію. При одномъ словѣ: „путешествіе по Россіи“, въ воображеніи должны вставать десятки ужасовъ, начиная съ шоссейной пыли лѣтомъ и глубокихъ ухабовъ зимой, до станціонныхъ смотрителей и почтовыхъ форменныхъ экипажей, включительно, во всякое время года. Поведу рѣчь съ начала.

Москва праздничала на тотъ разъ, когда мнѣ приходилось начинать первыя версты путешествія. Праздничала Москва по обыкновенію кружкомъ по душѣ, шумливо и таровато, тамъ, гдѣ примкнулъ и отвелъ ей мѣсто старый вѣковой обычай, и гдѣ современные блюстители нравственности успѣли уже окружить ее тѣми педелами, которымъ давно и по справедливости дано прозваніе дантистовъ и костоправовъ. Въ толпѣ этой, приткнувшейся на этотъ разъ у воротъ Спасо-Андроніева монастыря,

я успѣлъ, однако, увидѣть всѣхъ, кого было надо. Оказались всѣ налицо: кумушки, торгующія всѣмъ, начиная съ краденнаго или добровольно ввѣреннаго ихъ попеченію салопа, оканчивая ихъ лично и чужою честью, совѣстью и невинностью; мужики, случайно занесенные въ Москву за небольшою трудовой копѣйкой и задержанные тутъ ихъ недоброхотами: можетъ быть кулакомъ съ Болота, можетъ быть хозяиномъ изъ лабаза. Вижу и самого хозяина изъ лабаза, отrostившаго уже свое чужеядное брюхо и налитаго чаемъ и водкою до того состоянія, когда уже пальцы его, что тротуарныя тумбы, не складываются вмѣстѣ и имѣютъ форму козла: клади между нихъ по три зарядскихъ сухихъ пряника — раздавать ихъ въ мелкія крошки, на споръ и пари. Тутъ же и нечистый на руку, зоркій жуликъ въ рваной одеженкѣ съ помятымъ лицомъ и битыми боками, жуликъ, который обчистилъ уже многіе карманы и — не попадетсѣ. Тутъ и фабричный съ медвѣжьимъ взглядомъ, съ мокрымъ рыломъ, котораго уже прибьютъ и посадятъ въ часть. Вонъ и дантисты... и костоправы... всѣ налицо.

Вотъ и Рогожская застава съ опустѣлой будкой, безъ шлагбаума и караульныхъ солдатъ, а стало быть и безъ кучи телѣгъ, нѣкогда выжидавшихъ тутъ своей очереди по цѣлымъ полусуткамъ. Тѣ же виды съ тѣми же выжидающими обозами разыгрываются теперь только подлѣ шоссе-ныхъ заставъ и шлагбаумовъ, гдѣ неизбѣженъ солдатъ изъ евреевъ, широкое окно на гауптвахтѣ и въ окнѣ путейскій щеголъ — писарь, перетянутый въ рюмочку, тоже изъ евреевъ.

Говорятъ, за Рогожской заставой кончается Москва. Но съ этимъ положеніемъ трудно согласиться. Городская черта дѣйствительно кончается, но Москва будетъ васъ преслѣдовать долго и долго впередъ. Попробуйте оборотиться: длиннѣйшая

колокольная Рогожскаго старообрядскаго кладбища стоитъ себѣ, какъ бельмо на глазу на цѣлую станцію. Но вотъ и станція — попробуйте войти и потребовать:

— Лошадей!...

— Нѣтъ лошадей! — всѣ въ разгонѣ.

— Да, вѣдь у васъ удвоенное число противъ довольно значительнаго обыкновеннаго числа лошадей?

— Удвоенное по случаю нижегородской ярмарки; но разгонъ великъ.

— Купцы ѣздятъ въ коровинскихъ и другихъ частныхъ тарантасахъ.

— Ѣздятъ и на почтовыхъ. А лошадей все-таки нѣту.

Въ книгу, гдѣ записываются подорожныя, если уже ѣдете не въ первой разъ, вы смотрѣть не станете, зная, что время отправки и число отпущенныхъ лошадей отмѣчено произвольно и такъ ловко, что книга прямо подтверждаетъ слова смотрителя. Загляните на дворъ и въ конюшни — увидите много лошадей, но вамъ скажутъ, что это подъ почту и курьеровъ. Придется остановиться и ждать, если не выручитъ васъ изъ бѣды и сомнѣнія какой-нибудь тутошной.

— Я тебѣ дамъ полтинникъ: скажи ради Бога по совѣсти, есть на станціи почтовые лошади, лишнія, для проѣзжающихъ?

Онъ недолгое время помнется на одномъ мѣстѣ, обчешется весь и самъ въ свою очередь опросить васъ:

— Да вы какіе прогоны-то платите?

— Обыкновенные.

— Дайте купецкіе — повезутъ.

— Какіе же это купецкіе?

— А тройные.

— Не могу, да и не хочу.

— Потолкуйте со смотрителемъ; онъ можетъ и

на двойные пойдеть. Только посильнѣй попросите: крѣпко несговорны; упорчивы: вишь вѣдь нонѣ ярмарка...

— Да вѣрно ли ты говоришь, такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

— А мы ямщики; мой чередъ ѣхать съ первымъ проѣзжающимъ, лошади обхомуваны — готовы. Намъ ли не знать? Теперь дѣло ярмарочное — извѣстно.

Вернетесь къ смотрителю; попугаете его жалобой; онъ вамъ и книгу подложитъ. Пишите, упражняйтесь въ сочиненіи сильныхъ и жалостныхъ фразъ, если все это вамъ еще не надоѣло.

Одинъ исходъ — дожидаться, и одинъ выходъ — въ трактиръ, безъ которыхъ не стоитъ ни одна изъ деревушекъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ трактирѣ, въ просторѣчи именуемомъ „заведеніемъ“, всѣ столы заняты, на всѣхъ столахъ пьютъ чай и именно одинъ только чай. Политико-экономы увѣряютъ, что чай суррогатъ вина. Въ добрый часъ, если это такъ будетъ впоследствии! Я спрашивалъ многихъ:

— Отчего такъ много пьютъ чаю?

— Московская повадка, баловство! — говорили старики.

— Въ чаю сила; чай потъ гонить, кости распариваетъ: оно рабочему человѣку и полезно! — отвѣтили тѣ, которые успѣли уже изъ семи печей хлѣба поѣсть.

— Канпанія за чаемъ важно ладится. Плошечекъ десятка два перешвыряешь — на ермоніи шаркнешь пѣсяю другую-третью: весело! — отвѣчала молодежь.

Этимъ убѣжденіямъ слѣдуютъ, кажется, и московскіе купцы, которые до пятого стакана толкуютъ о дѣлахъ; за пятымъ молчатъ и вздыхаютъ; передъ десятымъ выпиваютъ водки и крестятъ рты и, наливаясь чаемъ, опять дразнить половыхъ:

половые ругаютъ ихъ алтынниками, аршинниками и другими приличными и неприличными прозвищами. Тѣмъ дѣло и кончается, если только азартный половой не швырнетъ въ лицо чашкой, салфеткой, не обольетъ помоями, и проч. На этомъ фактѣ можно бы остановиться подольше (но когда-нибудь въ другой разъ): теперь готовы лошади, а въ дорогѣ нѣтъ ничего хуже, какъ заставлять лошадей дожидаться.

— Поталкивай, ямщикъ! — не съ молокомъ ѣдешь.

Молчить ямщикъ и рукой не тронетъ.

— Двѣнадцать верстъ въ часъ вези по положенію, на тебѣ взыщу.

Ямщикъ молчитъ и рукавицей не тронетъ: трусятъ-себѣ лошади, словно опоенныя.

— Сдѣлай же милость, прибавь имъ шагу!

Наконецъ, летитъ отвѣтъ съ козелъ:

— На водку-то по сколько даете?

— По казенному.

— На такое положеніе и ѣзда такая, казенная. Московской купецъ на двѣнадцать-то верстъ по полтиннику кладетъ, а покрѣпче наляжешь, такъ по той же силѣ и прибавка идетъ: ярмарка-то одинъ разъ въ году бываетъ.

На слѣдующей станціи та же исторія:

— Да вы почтенной изъ какихъ? — спрашиваетъ ямщикъ послѣ долгихъ усиленныхъ просьбъ скорѣе ѣхать.

— Изъ купцовъ, изъ московскихъ.

— Такъ вамъ по какому угодно: по-московски или по-коломенски?

— Это что же такое?

— По-московски пристяжныхъ только въ скокъ пушаемъ, а по-коломенски, такъ и коренную вскачь. Такъ кунцамъ и сказываемъ.

— Валяй по-коломенски!

— Рубль стоитъ.

— Тамъ ужъ увидимъ.

— Нѣтъ, ты послѣднее сказывай: мы вѣдь безъ запросу. Уговоръ лучше денегъ.

— Однако, какъ я погляжу, вы порядочные плуты.

— Да вѣдь безъ того нельзя: на одномъ-то кнутѣ далеко не уѣдешь, такъ-то! А сухая ложка ротъ деретъ.

— Оставь философію, ты вотъ что скажи-ко мнѣ лучше, ямщикъ: отчего и Покровъ такой же скверной городишко, какъ и Богородскъ?

— Да ужъ такъ видно надо.

— Нѣтъ, ты говори потолковѣй!

— Чего ужъ хотѣть хорошаго отъ городовъ нашихъ? извѣстно маленькіе города, гдѣ имъ до Москвы тягаться!

— А можетъ быть они оттого и плохи, что Москва хороша.

— Тонсь, какъ это такъ?

— Москва, что пьявка, высосала изъ нихъ все хорошее, всю кровь; сама разбухла, отвалилась, что налившаяся чаемъ купчиха или тою же чужою кровью пьявка.

— А вѣдь это ты ладно сказываешь: ну-ко еще!

— Да ладно кажется. Погляди вонъ на Бронницы по рязанскому тракту или на Подольскъ по тульскому; на Дмитровъ, на Верею... всѣ города эти чуть ли не хуже. Не любить же, стало быть, Москва, чтобы подлѣ селился богатый сосѣдъ: сейчасъ всякою хитростью переманить къ себѣ, да и обездолить...

— На это и я тебѣ сказывать могу, что вотъ и у насъ, который мужикъ сталъ въ брюхо расти, наковаль копейку, сейчасъ онъ въ Москву съѣдетъ и старой домъ продать и семью переташить. Тамъ — слышь — на Болотѣ ихнему брату очень пріятно.

— Сказываешь ты известное дѣло, да и я тебѣ передамъ не новое. По-моему, который городъ подальше отодвинулся, да рѣкой хорошей позапасся на зло Москвѣ и всему ея роду — тотъ и богатъ и почетенъ. Возьмемъ воть хоть бы городъ Коломну, Серпуховъ, Переяславль. Про Ростовъ и говорить не стану.

Но воть и Покровъ весь налицо, точь-въ-точь такой же, какъ и первый отъ Москвы городъ Богородскъ: одна улица тянется изъ конца въ конецъ, изгибается посерединѣ подъ гору, переламинается на какой-то рѣчонкѣ и, опять изогнувшись, прямокомъ уже идетъ въ гору и пропадаетъ на шоссе, на этотъ разъ пыльномъ и стало быть едва выносимомъ. Я оборачивался назадъ и встрѣчалъ то же однообразіе видовъ, доставшихся на долю тѣхъ городовъ, которые созидалъ не народъ, а назначало начальство. Въ городѣ двѣ-три церкви, одна соборная, другая кладбищенская. Города эти были села: одно Богородское (хоть бы, напр., и на этотъ разъ), другое Покровъ. Понадобилось сдѣлать уѣздъ: села назвали городами, привезли чиновниковъ; построились каменные присутственные мѣста, каменные дома исправника, судьи, городничаго. Завелся купецъ бакалейныхъ товаровъ, винъ и москатели; кое-какъ понагрѣлъ руки у чиновниковъ и помѣщиковъ смѣючи и умѣючи; появился другой, третій. Всѣ трое выстроили по каменному дому. А остальное въ городѣ все осталось такъ же плохо и ветхо, не подвигалось къ улучшенію ни на шагъ, ни на іоту. И рѣки въ этомъ городѣ нѣтъ хорошей, и бойкій бы трактъ идетъ на него, да идетъ онъ мимо: поживиться нечѣмъ, и живетъ Подольскъ и Богородскъ мелкимъ кулачествомъ, и нигдѣ столько не надоѣдаетъ нищая оратья, какъ въ печальномъ городѣ Покровѣ, Ковровѣ и другихъ городахъ подмосковныхъ.

Незавидна участь и сполутнаго губернскаго

города Владиміра, похожаго на купчика, которому досталось послѣ отца порядочное состояніе, да на бѣду и вѣдьма-мачиха. Въ то время, когда мачиха безпечно расплывалась въ ширину и толщину отъ китайскаго напитка, можайскихъ поросятъ и свиней и отъ калачей домашняго приготовленія, когда обстроивала она свой наслѣдственный участокъ на чужія деньги и чужими трудами, — пасынокъ день-ото-дня бѣднѣлъ. Бѣднѣлъ онъ, оттого ли, что построился на неладномъ мѣстѣ, болотистомъ и безлюдномъ, или оттого, что плохо его надѣлили — нечѣмъ и не съ кѣмъ торговать ему — рѣшать не беремъ. Злосчастный пасынокъ не сумѣлъ свести домокъ въ одинъ уголокъ, всѣ его бросили и всѣ перешли отъ него или къ той же толстой купчихѣ-мачихѣ или разбрелись по дальнымъ и чужимъ людямъ; одни нанялись у нѣмца на Невѣ дома рубить, печи класть, комнаты штукатурить и красить, другіе (мелюзга-народъ) поплелись у той же злой мачихи просить христова подаянья съ печально-пискливымъ принѣвомъ: „по ягоду — по клюкву, по володимерску — по крупну“.

Обездолѣлъ Владиміръ, какъ и другой его дальній родственникъ — Новгородъ (отъ такого же богатаго и злого сосѣда и по той же самой причинѣ). Поволокъ Владиміръ дни свои въ тоскѣ да горѣ и не жить бы ему долго, если бы богатую ярмарку не завелъ ближній сосѣдъ Нижній-Новгородъ. Открылъ Владиміръ постоялый дворъ для проѣзжихъ отъ мачихи приказчиковъ и побирается кое-какъ съ кроху на кроху мелкотой — по пословицѣ; нанимаясь подчасъ и въ такія работы, какія совсѣмъ бы уже не купеческому уму править, каковъ, напр., извозъ и другое-прочее. А и жаль: изъ честнаго, хорошаго роду шоль, и ни однимъ себя сквернымъ дѣломъ не запачкалъ ни въ счастливые дни свои, ни въ ненастные. И стоитъ онъ теперь сирота-сиротой, словно уже приговоренный къ ско-

рой и неизбежной смерти и словно въ послѣднее любитъся на немногое изъ стараго своего великолѣпія, отъ котораго остались одни только золотыя ворота (но и тѣ совсѣмъ пообтерлись). Остальное все погорѣло: а деревянныя печи и желѣзныя церкви сохранились только въ одной присловкѣ.

Говорять, Андрей Боголюбскій, съ тоски отъ потери кіевскаго престола, построилъ свое Боголюбово на такомъ мѣстѣ, которое напоминало ему Кіевъ. Не знаю: такъ ли это на самомъ дѣлѣ, но можетъ быть, что такъ это было тогда, но положительно не такъ это теперь. Мелкая и лѣнивая Клязьма — не бойкій Днѣпръ, а одинокая церковь на болотѣ, подъ горой — далеко не Крещатикъ. Мостъ, тотъ предательскій мостъ, на дорогѣ изъ Владиміра къ Вязникамъ, который обрушился и погубилъ подъ своими развалинами, не такъ давно, много народу во время церковной процессіи, не смѣетъ и напоминать о томъ мостѣ, которымъ красится и справедливо гордится нынѣшній Кіевъ.

— Вотъ этотъ мостъ! — говорилъ мнѣ ямщикъ.

— А гдѣ же глубокій оврагъ, о которомъ писали въ газетахъ?

— Оврагъ засыпали.

— Слава Богу! — догадались. А отчего, говорятъ, у насъ мостъ обрушился?

— Сгнили — стало быть — балки; плохи были.

— А можетъ быть плохи были инженеры наши?

— Какіе это инженеры?

— А путейскіе.

— Можетъ быть.

— Можетъ быть они плохо глядѣли?

— Можетъ быть и не доглядѣли.

— Съ роду ужъ такой: простите!

Направо высокая гора вся въ зелени; подъ горой, по которой и по высокому отрогу разсыпался красивый городъ со множествомъ церквей разнообразной архитектуры, съ каменными домами;

городъ, видимо, и старинный и не бѣдный. Городъ этотъ — Вязники. Влѣво отъ него, въ ложбинѣ разсыпались пески въ неоглядную даль; пески эти, разметавъ по сторонамъ, прорѣзала печальная, хотя и историческая, рѣка Клязьма. Мало на ней, въ ней и за ней жизни: рѣдко-рѣдко попадется на глаза какое-нибудь утлое, рѣчное суденко: лодка, барка, плотъ; печально глядитъ песчаное поле; печальна зелень, вся почти въ низкомъ душистомъ божьемъ деревѣ и въ ивнякѣ, отъ котораго такъ мало сущей пользы, помимо употребленія на связку изгородей, на плетушки и корзинки. Съ городской горы виды богатые, хотя уже и достаточно прискучившіе русскому человѣку: внизу, у подножія, стелется городъ, похожій на всѣ старинные русскіе города и столько же — на всякій другой восточный городъ: тонкія высокія колокольни, что минареты, высокіе дома и рядомъ низенькія лачужки; ихъ много, они составляютъ огромное большинство. Вонъ и рѣка, съ трудомъ одолеваящая глубокіе пески и прорѣзавшаяся по мѣстамъ замѣчательно узенькой лентой; а тамъ, за ней, и пошелъ писать сухой ивнякъ съ тщедушнымъ божьимъ деревомъ, обдающимъ на ранней и поздней заряхъ своимъ камфорнымъ запахомъ. Ржавое болото; дальше — словно случайно брошенный кусокъ стекла — блеститъ одинокая лужа, озерко; бережно сторонясь, вьется и изгибается узкое полотно дороги, знакомой и пріятной теперь для меня въ дальнихъ воспоминаніяхъ. Пять лѣтъ тому назадъ шелъ я по ней пѣшкомъ, съ трудомъ осиливая ношу непривычнаго и новаго для меня труда. Шелъ я по ней одинокій, съ котомкой за плечами, замаскированный именемъ семинариста, отыскивающего мѣсто учителя, шелъ я за сорокъ верстъ въ село Холуй, и ходилъ потомъ во Мстеру и Палехъ, чтобы видѣть на мѣстѣ иконное производство и познакомиться съ бытомъ иконопис-

цевъ (въ просторѣчи богомазовъ). Бродилъ я потомъ по офенямъ-разносчикамъ, которые вышли всѣ изъ сосѣднихъ съ этими селъ и деревень... Но теперь уже я здѣсь временный только гость, проѣзжій въ болѣе далекія и безпривѣтныя страны. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но Вязники все тѣ же: тотъ же бой часовъ соборной колокольни, отсчитывавшихъ четырнадцать, и затѣмъ черезъ часъ — пятнадцать и еще черезъ часъ — шестнадцать: часы эти такъ называемаго евангельскаго или библейскаго звона, отбивающіе лѣтомъ большее число часовъ дня, меньшее число часовъ ночи (зимой — наоборотъ). Тѣ же въ Вязникахъ зеленые кустарные сады по горнымъ скатамъ, сады, снабжающіе Москву и значительную половину Россіи мелкими, но сладкими вишнями; то же щелканье въ дощечки, укрѣпленные на кустахъ и на веревкахъ, протянутыхъ къ одному центру, къ вышкѣ, укрѣпленной на высокихъ шестахъ; и тѣ же стан воришекъ-воробьевъ, напуганныхъ этимъ сторожевымъ щелканьемъ, и густыми тучами летящихъ на время за Клязьму и на Нижегородское шоссе.

На Нижегородскомъ шоссе — тѣ же общіе виды: вдаль село съ бѣлой церковью, обрамленной черной рамкой строеній, правѣе — опять село; лѣвѣе — третье, четвертое... точно также и за Вязниками, какъ и передъ Вязниками. До Вязниковъ съ ровнаго мѣста (и не съ горы даже) одинъ разъ я насчиталъ двѣнадцать селъ и не нахожу въ томъ ничего страннаго и удивительнаго. Москва, принявши и перенеся православіе изъ Кіева, начала дѣятельную пропаганду, на первыхъ же порахъ своего существованія, и направляла ее преимущественно въ сѣверныя страны, предоставивъ югъ вліянію Кіева. Владимірское княжество, какъ ближайшее, первое приняло и возростило плоды этого усилія, сосредоточенно-настойчиваго и замѣ-

чительно-дѣятельнаго. Во Владимірской губерніи больше теперь селъ, чѣмъ во всякой другой, даже Московской и Ярославской; число духовенства вдвое превышаетъ количество того же сословія въ другихъ губерніяхъ. Владимірскаго крестьянина вы отличите и въ Петербургѣ и въ Москвѣ по той ревности, съ какою онъ совершаетъ молитвенные поклоны — передъ всякою церковью, передъ всякою иконою. Студенты московскаго университета изъ владимірскихъ приносятъ съ собою въ студентскую семью сотни гимновъ, церковныхъ тропарей, прмосовъ, кондаковъ, и проч.

Предоставляя себѣ право еще разъ вернуться къ этому знаменательному явленію въ другое время, спѣшу оставить печальныя мѣста Нижегородскаго шоссе, которое особенно становится скучнымъ по мѣрѣ того, какъ приближается къ Нижнему. На дорогѣ долженъ бы попадаться проѣзжему еще одинъ городъ Гороховецъ, но шоссе обошло его и — обездолило.

— Торгуютъ вишнями, а что другаго — прочаго нѣту-ти въ немъ! — говоритъ вамъ ящикъ про этотъ городъ, и говоритъ справедливо.

Нѣкоторое время продолжаютъ еще преслѣдовать васъ стеклянные ящики въ станціонныхъ комнатахъ, — ящики, наполненные складными и перочинными ножами, кинжалами, замками, несесерами и прочими бездѣлками дорогой цѣны и аляповатой работы: доказательство, что недалеко отъ шоссеиной дороги и мѣста родины этихъ стальныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ бездѣлокъ — Павлово и Ворсма — богатые села-города на Окѣ.

Вонъ и крупныя, мрачныя горы вправо отъ шоссе, вдругъ ни откуда взявшіяся и вытянувшіяся въ плотную шеренгу. Горы эти — правый берегъ величавой, красивой рѣки Оки. Скоро Нижній и то мѣсто, гдѣ Ока соединяется съ Волгой и борется съ ней, намѣчая результаты этой

борьбы въ широкихъ и длинныхъ перекатахъ, изъ которыхъ особенно знаменитъ такъ называемый Телячій бродъ.

Вонъ и послѣдняя шоссейная застава; цѣлое селеніе вправо съ церквами и каменными домами, какъ будто небольшой уѣздный городъ; вонъ часовня прямо, а вонъ налѣво цѣльный каменный городъ, обставленный замѣчательнымъ множествомъ деревянныхъ строеній. Эти деревянные строенія — трактиры и армянскія кухни; каменный городъ — ярмарочныя строенія, ярмарка. Вонъ и армянская церковь, православный соборъ, вонъ и татарская каменная мечеть на горѣ; а вонъ на горѣ и городъ Нижній. Но передъ вами пока Кунавино и ярмарка (она на этотъ разъ въ полномъ цвѣтѣ и широкомъ разгарѣ).

Нижегородская ярмарка существуетъ, живетъ отдѣльною, самобытною жизнію отъ города; съ нимъ она общаго ничего не имѣетъ. Ярмаркѣ Нижняго не нужно, она можетъ существовать и безъ него; ей только нужно то завидное мѣсто, которое успѣлъ занять въ дальнія историческія времена городъ Новгородъ Нижній (названный такъ въ отличіе отъ Великаго). Ярмаркѣ азіатско-русской именно необходимо было мѣсто сліянія двухъ знаменитыхъ рѣкъ, Оки и Волги. Одинъ уголъ занялъ своимъ кремлемъ городъ; другой уголъ заняла ярмарка, и хотя уголъ этотъ весенняя вода топить ежегодно и ежегодно ломаетъ строенія, — ярмарка, разъ крѣпко уцѣпившись за это дорогое и завидное мѣсто, держится на немъ уже пятый десятокъ лѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько ярмарка не нуждается въ Нижнемъ — стоитъ только пойти въ городъ. Но прежде полюбуйтесь на панораму, которая открывается съ ярмарки, съ песковъ и съ мосту на городъ: такихъ панорамъ немного въ цѣлой Россіи (вообще, небогатой картинными ви-

дами): насчитаете три или четыре вида — и не пойдете дальше. Нижний базаръ шумливъ и людень, но онъ зато очень близокъ къ ярмаркѣ (онъ составляетъ ея продолженіе); верхній базаръ тихъ и безлюдень, но такимъ я видалъ его и зимой, и весной, когда не бываетъ ярмарки (Нижній замѣчательно скучный и сосредоточенный городъ). Лавки всюду заперты, всѣ онѣ перенесены за Оку, на ярмарку, гдѣ свои трактиры, свой театръ, своя полиція и пожарная команда, своя почтовая контора, и туда же на все время ярмарки поселяется губернаторъ. Чего же больше?—я писалъ бы про Нижний и про ярмарку возможно подробнѣе, если бы не боялся повториться. Разъ я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ, въ 1855 году, въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Хотѣлось бы говорить и про самый Нижний, но предвзятая задача дальней поѣздки въ дальнюю восточную часть дальней Сибири преслѣдовала ежедневно, ежечасно. — „На Амуръ! на Амуръ! и скорѣе!“

Выбралъ я благопріятный моментъ для отъѣзда во время, особенно неблагопріятное для поѣздокъ по Волгѣ, не только вверхъ, но и внизъ. Волга отъ сильной засухи, малоснѣжной зимы и недолжливаго лѣта сильно обмелѣла. По городу ходили неблагопріятные слухи. Говорили, что на рѣкѣ появились небывалые новые перекаты, что на Телячемъ броду сидятъ на мели и ждутъ воды до пятнадцати пароходовъ разныхъ компаній и разнаго наименованія; что „Самолетъ“ уменьшилъ на половину количество рейсовъ вверхъ къ Твери, до которой-де пароходы уже и не доходятъ, а если и переползаютъ иногда, то съ мучительными остановками и великимъ трудомъ. Говорили, что „Меркурій“, назначая сегодня одинъ пароходъ къ отправленію, измѣнялъ назначеніе и спуталъ сроки и время отправокъ, что пароходныя печатныя объявленія не имѣютъ уже своего знаменательнаго

смысла, какъ старое, покинутое и забытое преданіе. Говорили, что по Волгѣ ходятъ теперь до Казани только пять-шесть пароходовъ изъ всѣхъ компаній, что нужно вѣрить не общимъ объявленіямъ, а временнымъ — частнымъ, да флагамъ, которые выбрасываются на пароходныхъ пристаняхъ. Мы такъ и сдѣлали. Отъ компаніи Самолетъ отходилъ пароходъ „Телеграфъ“.

Это одинъ изъ лучшихъ, мелкосидящихъ. Онъ, какъ мышъ, проходить во всякую щелку, нащупываетъ самый узенькій, самый плохой фарватеръ и тихо и скромно проходить себѣ, и потомъ громко и весело подсмѣивается надъ отставшими своими сосѣдями и товарищами.

Вотъ что говорили намъ. Первое впечатлѣніе, конечно, радовало насъ и веселило. Нельзя же было не вѣрить честному слову честныхъ людей. Такъ и случилось: пароходъ „Телеграфъ“ отходилъ черезъ два часа. Просимъ билета.

— Нѣтъ! — говорятъ.

— А мы пришли такъ рано и первыми просимъ билеты?

— Вчера всѣ распроданы.

— А сегодня назначенъ срокъ распродажи.

— Совершенная правда.

— Отчего же вышло иначе?

— Билеты наканунѣ распродаютъ на ярмарочной сибирской пристани. Надо бы вамъ тамъ справиться.

— Но мы этого не знали; объ этомъ не извѣщали насъ. О, ужасъ!

— Спросите г-на офицера.

Еще лучъ надежды. Счастіе намъ улыбается: билеты нашлись. Насъ, видимо, хотѣли пугнуть и потѣшиться, — пусть-де пострадаетъ человекъ — иногда это бываетъ полезно.

Надо было сдавать вещи: идемъ туда, но находимъ такой хаосъ, какой и вообразить трудно.

Богъ вѣсть, кто принимаетъ вещи, кому ввѣряютъ ихъ. Невдалекѣ кипитъ ярмарка, на которую выѣзжаютъ, говорятъ, до тысячи московскихъ жуликовъ и петербургскихъ мазуриковъ, падкихъ на чужую собственность, ловкихъ на самую сложную изобрѣтательность. А здѣсь такъ это раскидано, по домашнему, а пароходъ стоитъ о борть съ пристанью.

Наконецъ, мы замѣчаемъ одного мужика, который болѣе другихъ суетится, кричить и дерется: видимо серьезно и старательно онъ занятъ дѣломъ своимъ и обязательствомъ. Говорятъ, и къ этимъ уловкамъ прибѣгаютъ опытные мошенники, тѣмъ болѣе, что мы на суетливомъ мужикѣ не видимъ ни бляхи, ни иного знака, господа съ бляхами стоятъ поодаль, не принимая никакого участія въ этой суматохѣ, какъ-будто все это и не ихъ дѣло, и какъ-будто мѣдная дощечка на лбу, съ надписью „Самолетъ“, существуетъ только для украшенія.

Кое-какъ добрались и мы до крикливаго и суетливаго господина.

— Прими, пожалуйста, наши вещи!

— Нѣкогда!... подождите!...

— Мы ждемъ уже полчаса; скоро девять, пароходъ нашъ уйдетъ.

— Послѣ-завтра другой пойдетъ.

— Остроумно! — замѣчаетъ кто-то изъ толпы.

— И справедливо! — прибавляетъ другой.

— Но намъ оттого не легче! — отвѣчаемъ мы.

— У нихъ всегда такъ: такой порядокъ! — раздается иной голосъ и слышится въ немъ тонъ оскорбленнаго чувства, вызваннаго тѣмъ же бесполезно-долгимъ ожиданіемъ. Намъ тѣснить и давить; идемъ на уступку: ждемъ еще полчаса, слышимъ звонъ цѣпей, усиленные вздохи пароходной трубы. Боимся опоздать и снова рѣшаемся напомнить о себѣ суетливому и бранчиво-грубому господину.

— Подождите, ради Христа! — дайте вотъ барскія вещи принять.

— Какія барскія вещи?

— Дворянскія — значитъ.

Ничего не понимаемъ. Знаемъ только одно, что мы съ бородой и что въ Нижегородской губерніи и въ слѣдующихъ за ней губерніяхъ много помѣщиковъ, много дворянъ, живущихъ въ имѣніяхъ. Знаемъ, что много ихъ выѣзжаетъ на ярмарку, что для нихъ существуетъ такъ называемый Никита съ общимъ столомъ, всегда жирнымъ и до безконечности сытнымъ. Знаемъ мы и еще кое-что, и еще кое-что приходитъ намъ въ ту пору на память, но молчимъ и ждемъ, и входимъ, наконецъ, на пароходъ. За нами сейчасъ же убираютъ трапъ. Мы были послѣдними.

Но вотъ и палуба. Передъ нами крутой берегъ Волги: и отсюда такъ же хорошъ Нижній, какъ и отъ ярмарки; подъ нами и за пароходомъ Волга мутно-желтая рябитъ легкой волной и слегка раскачиваетъ пароходъ; онъ визгливо свиститъ и по временамъ отдастъ на берегъ учащеннымъ звономъ въ колоколь. Палуба полна народомъ, загромождена вещами, для которыхъ словно и нѣтъ уже другого мѣста, а онѣ, между тѣмъ, рѣшительно не позволяютъ ни ходить, ни лазить; впрочемъ, общая картина носить оживленный характеръ. Между многими видится бородатая, довольно плотная фигура, повидимому — кушца. Купецъ осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ небольшую группу на берегу: ребенка, готоваго кинуться въ воду и едва сдерживаемаго рукою матери, обливающейся горячими слезами разставанья, и другого мальчика-подростка, ухватившагося за платье матери и тоже неутѣшно рыдающаго. Отецъ продолжаетъ крестить и вполголоса приговаривать:

— Благослови васъ Господи!... Простите,

простите!... Молчи, Никандрушко, Христосъ надъ тобой. Пóдѣть домой, пóдѣть...

Ребенокъ бѣжитъ къ берегу: его не пускаютъ; онъ вырывается изъ рукъ матери и готовъ кинуться въ воду. Едва во-время схваченный, онъ плетется въ гору, по временамъ вырываясь и продолжая реветъ безнадежнымъ, зарѣзаннымъ голосомъ. Нѣкоторые насмѣшливо смотрятъ на эту сцену; иные негодуютъ на визгъ ребенка; другіе, принимая участіе, обращаются къ отцу съ казенными вопросами:

— Сынокъ вашъ?

— Сынъ, сынъ...

— Любимый, надо быть?

— Балую, балую: согрѣшилъ передъ Богомъ; Четвертый годочекъ пошелъ: глушь, потому малъ! извините!

Слова его перебиваетъ громкій крикъ съ берега:

— Постегай ты моего пострѣла, постегай покрѣпче; пушай не балуетъ!

— Ладно! — слышится отвѣтный голосъ.

На палубѣ общій смѣхъ.

— Вотъ тебѣ и родительское благословеніе! — замѣчаетъ кто-то.

— Крапивой ты его постегай! — продолжаетъ отецъ.

— Ладно — ну! ладно: слышу.

— Сдѣлай божеское одолженіе!

— Не проси, не трудись. Прощай-ко!

Пароходъ почему-то еще не отчаливаетъ; говорятъ, ждуть кого-то. Сгоряча и въ суматохѣ этотъ кто-то, по обыкновенію, растерялся и затерялся. Переключка палубныхъ съ береговыми продолжается.

— Хлѣбъ-отъ прихватилъ ли, Матюха?

— Есева! — отвѣчаетъ нашъ и показываетъ коровай.

— Мотри, не помри съ голодухи. Хватило бы!

— Пощо? Не помру... хватить.

— Кланяйся нашимъ! на ярманкѣ-моль примостился. Нонѣ въ бурлачину не пойду: чортъ съ ней; всего изломало. Нутро болитъ, грудь...

— Ладно — ну, молвлю!

— Сдѣлай милость!

— Не проси: молвлю!

И опять новые:

— Трубку забыли, ваше благородье.

— Давай сюда! Ты смотри: съ радостей, что проводилъ меня — не облопайся!

— Слушаю, ваше благородье, радъ стараться!

Видится на берегу одутлое, заспанное лицо денщика, его сѣрая куртка, военная фуражка съ козырькомъ, а вонъ на палубѣ и его баринъ — армеецъ. Всѣ стоятъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ: пароходъ отчаливалъ. Отперли буфетъ: на водное пространство — какъ извѣстно — вліяніе виннаго откупа не простиралось. Пассажиры потеряли съ этой минуты все свое личное значеніе и сдѣлались чужою собственностью, въ полномъ распоряженіи капитана и его прислѣшниковъ.

Права пассажирскія не широки и не многосложны, но и не завидны. Тѣ, которые получили билеты 1-го класса, пользуются лучшею участію: у нихъ зеркала, диваны; за ними право не платить денегъ за вытребованное изъ буфета тотчасъ же, по потребленіи; они могутъ безнаказанно посѣщать всѣ мѣста низшихъ цѣнъ, смотрѣть свысока и не устаивать ни вниманіемъ, ни разговоромъ тѣхъ, у которыхъ билеты низшихъ цѣнъ. Пароходная прислуга съ ними замѣчательно вѣжлива и предупредительна; у насъ въ каютѣ не только можно сидѣть, но и прилечь въ случаѣ надобности. Не то въ каютѣ второго класса: здѣсь отъ тѣсноты собравшихся пассажировъдохнуть,

повернуться нельзя. Компания Самолетъ, вѣрно разсчитавши собственную прибыль, не приняла въ расчетъ того, что пассажиръ не тюкъ со льномъ, не ящикъ съ мыломъ (которые — кстати сказать — нашли себѣ завидное мѣсто на палубѣ и бережно прикрыты рогожками и еще сверху парусиной). Права пассажировъ 2-го класса всѣ сошлись, что называется, клиномъ: спать имъ нельзя, сидѣть съ трудомъ (какіе-то номера, прилѣпленные сзади къ стѣнкамъ ничего не значать). Пришли поздно — едва найдете не мѣсто, а мѣстечко; все занято тѣми, кому судьба посчастливила придти раньше (какъ сдѣлали на этотъ разъ персіяне). Неумѣлые ѣздить въ дальній путь обложились сакъ-вояжами, картонками, ящиками, узелками и прочимъ. Пассажиры 2-го класса могутъ требовать и не требовать припасовъ изъ буфета, обложенныхъ дорогами, выше чѣмъ петербургскими, цѣнами; пассажиры 2-го класса платятъ за кипятокъ почти столько же, сколько и за самый чай, взятый изъ буфета. Они могутъ выходить на палубу и расплачиваться за вытребованный сюда чай десятью копейками меньше, чѣмъ за тотъ же чай, потребованный въ каюту. Будьте вы пассажиромъ 2-го класса — все одно — въ каютѣ чай дороже, хотя цѣны за деревянные бифштексы, тухлые котлетки, жидкія и холодныя щи безобразно и одинаково дороги и въ каютахъ и на палубѣ. Золотопромышленникъ, возвращавшійся въ Сибирь, потребовалъ бутылку шампанскаго, заплатилъ за нее 6 рублей и — уже другой бутылки не спрашивалъ.

Вотъ всѣ права и привилегіи пассажировъ первыхъ двухъ классовъ; общее у нихъ одно только — право прятаться отъ дождя въ каюту, завидное право, котораго безжалостно лишены несчастные пассажиры 3-го класса. Это — по обыкновенію — рабочій народъ изъ сѣраго, трудолюбиваго, добраго, простого русскаго люда. Размѣстили

ихъ на некрашенныхъ скамьяхъ, оставили за ними право ѣсть въ сухоматку и пользоваться всѣми неудобствами дождливой погоды.

Вотъ набѣжали черныя дождливыя облака; изъ нихъ по временамъ начинается сыпать дождь; вотъ онъ приударилъ бойкой полосой и окатилъ пароходную палубу: мужчины подогадливѣ свалились подъ скамейки и лавочки, другіе пелятъ надъ головами свои дырявые кафтаны; третьи забились подъ полушубки. Дождь назойливо продолжаетъ обливать ихъ холодной волной еще нѣсколько времени до той поры, когда выиграла дальняя радуга и тучу пронесло на Нижній. Мужички оправились, но, промокши до послѣдней нитки, представляли изъ себя весьма плачевную, неутѣшительную картину, обратившую на себя вниманіе нѣкоторыхъ.

— На порядкахъ-таки васъ, братцы, пополо-
скало! — замѣчаетъ купеческій приказчикъ въ синей сибиркѣ, съ бисерной цѣпочкой и копеечной сигарой во рту.

— Живетъ-таки! — отвѣтилъ одинъ голосъ.

— Ничего, почтенный! Дождь — не дубина, мы — не глина! — объяснилъ другой голосъ.

— Богъ вымочить — Богъ и высушить! — успокоилъ ихъ приказчикъ и отошелъ.

— Тебѣ, чай, синей сибиркѣ, ничего подъ крыш-
кой-то! Парилъ-моль брюхо чаемъ съ ромомъ. Это хорошо! — сказываютъ. Уходи-ко!

— Станемъ, други, хоть сказки сказывать; а тамъ, гляди, солнышко выглянетъ — высушить; паки накроетъ дождикъ — вымочить. Такъ ли я высказываю?

— Во-истину!

— Чай, вѣдь бурлаки все?

— Бурлаки. А ты кто?

— Тоже, пожалуй, бурлакъ: барской лакей! За бариномъ на запяткахъ стоимъ, привычны тоже... насчетъ дождя.

— Ты, кажись, выпилъ, паря? Мокрому-то тебѣ экому тоже пушай дождикъ-отъ ни почемъ.

— Ты меня не поилъ, а ладно сказываешь. Передъ тобой, какъ передъ тещей — не таю, полуштофъ урѣзалъ одинъ.

— На здоровье!

— Не стоитъ благодарности!

Лакей сталъ набивать трубочку: послѣдовало молчаніе. Кто-то зѣвнулъ и вздохнулъ: лакей поймалъ это движеніе.

— Эхъ кабы теперь на печь или бы въ баню!

— Да такъ, такъ, парень, такъ! — слѣдовалъ отвѣтъ.

Въ одномъ углу послышался сильный храпъ; лакей и это поймалъ. Онъ сошелъ съ мѣста и сталъ будить спавшаго:

— Дядя Обросимъ!.. какъ тебя звать? Пузыри наспишь! Вставай! Гляди опять дождемъ пугаетъ. Очнись!..

Проснувшійся сердится, бранится, но лакей входитъ въ роль весельчака, души компаніи, безъ котораго не обходится ни одна артель, будетъ ли то плотничья, бурлачья, солдатская и всякая другая.

Мы оставляемъ палубу, потому что дождикъ опять началъ барабанить по ней: мужички бросились подъ лавку. Одинъ изъ нихъ лежалъ еще нѣкоторое время лицомъ на дождь, но и онъ спряталъ голову подъ уголъ полушубка и подобралъ подъ себя ноги.

Въ каютѣ второго класса — по обычаю русскаго человѣка — также, повидимому, всѣ ознакомились между собою охотно и скоро и — разговорились. Образовались отдѣльные кружки; слышались своеобразные, различные разговоры.

— Построили противу разбойниковъ этихъ суда такія — гаркоуты! — слышалось изъ одного кружка. Рассказывалъ старикъ.

— Построили эти гаркоуты, — продолжалъ онъ, — казенныхъ солдатъ и офицеровъ на нихъ нарядили и на эти гаркоуты посадили. Сказывали имъ по начальству такое слово: „есть-де на Волгѣ мѣста такія (и такихъ-де мѣстъ очень много), гдѣ въ Волгу мелкія и немелкія рѣки впадаютъ. Тутъ завсегда лѣсъ растетъ гуще; пригорки есть, за ними можно прятаться, а если жилье ушло далеко и лѣсъ выросъ раменной — тутъ разбойникамъ лафа, тутъ они любятъ хорониться съ косными своими лодками и выжидаютъ добычи!“ Вотъ и ѣдетъ богатой купецъ на ярмарку или съ ярмарки отъ Макарья. Тогда ярмарка еще на Жолтыхъ Водахъ была; у него десятокъ работниковъ въ бурлакахъ: половина спитъ по обычаю; другая свою должность править: ладить паруса и снасти. Оплошка есть — да малая. Сторожевой, чередовой разбойникъ въ кустахъ спрятался и все видитъ и видитъ больше того, что хозяинъ барки думаетъ. У нихъ ужъ такіе лазутчики были въ нищей братіи, что разузнавали всю подноготную: какой купецъ когда поѣдетъ, какіе повезетъ товары и на сколько рублей и сколько этихъ рублей въ кошнѣ у него; какая у него сила, сколько рабочихъ, и хворой ли то народъ, али здоровой. Все знали лазутчики и объ всемъ давали знать воровскому атаману. Тотъ по окраскѣ и судно узналъ, а на кормѣ у него во всю силу и имя прописано. Молодцы сейчасъ въ лодку, и сейчасъ за разбойничью пѣсню свою, и пѣли ее такъ ладно и складно, что заслушаешься и страхъ позабудешь на время. Это первая уловка разбойничья — да ей не давались! И гребутъ разбойники къ судну купецкому и кричатъ на него свою „сарынь на кичку“. Дуракъ-бурлакъ понималъ это слово, понималъ онъ его такъ, что сейчасъ же ничкомъ ложился на палубѣ: разбойники приходили, все обирали; и ничего не оставалось дѣлать хозяину, какъ отдать

свои денежки, потому что вся прислуга ничкомъ лежить и не шелохнется. Кто пошевелился — тому и ножъ въ затылокъ: расправа короткая! А лежалъ бурлакъ ничкомъ потому, что въ бурлацкихъ артеляхъ мнѣніе такое было, что разбойники съ нечистою силою знаетъ, а что въ атаманы они и не брали такого, который зараньше не продалъ свою душу чорту за шелковую персидскую рубаху и за бархатные шаровары. И былъ у меня въ старые годы дружокъ (нонѣ покойной) вятской купецъ Анфилатовъ: въ городѣ Слободскомъ онъ купеческой банкъ основалъ. А на тотъ годъ онъ впервые торговать началъ: нагрузилъ барку хлѣбомъ, да и поѣхалъ въ Астрахань за персидскими разными товарами. И зналъ онъ про бурлачью дурь, про повадку и сказывалъ имъ: „кто-де изъ васъ первый ляжетъ ничкомъ — тому первому и пуля въ лобъ. Себя — сказывалъ — не пожалѣю“. Такъ и сталося: выѣхали разбойники, свою „сарынь на кичку“ вскричали, а бурлаки стоятъ себѣ на ногахъ и не валятся. Раза три кричали свое слово разбойники, да и полѣзли наверхъ: Анфилатовъ топоромъ урѣзалъ перваго — „положилъ въ воду“. Другой полѣзъ — и того положилъ. Видятъ остальные, что дѣло плохо — на-утѣкъ...

— Извините, я вашу рѣчь перебыю!

Старикъ остановился. Общее вниманіе перенесено было на новое лицо, перебившее рѣчь старика. Это былъ сухой господинъ, съ французской бородой, въ очкахъ и въ помятой пуховой шляпѣ, той формы, которая такъ быстро успѣла войти въ послѣднее время во всеобщее употребленіе.

„Чѣмъ-то этотъ хочетъ потѣшить насъ?“ — думали многіе, если не всѣ, и, опустивъ головы, стали прислушиваться. Затронутое любопытство, но съ большою долею равнодушія и праздности, смѣшивалось на многихъ лицахъ. Ждали недолго; господинъ въ мятой шляпѣ продолжалъ:

— Важно, — говорилъ онъ, — не то, что вы рассказываете; не то, что про разбойниковъ и противъ разбойниковъ построены были гаркоуты. Надо же было принимать когда-нибудь и хоть какія-нибудь мѣры предосторожности. Разбой такъ быстро и сильно увеличивались. Все приволжье обуялъ какой-то страхъ паническій, страхъ, который не могли разсѣять ни воинскія команды, ни дневной свѣтъ, котораго, вообще, боится всякій воръ, изъ какого бы онъ народа ни происходилъ, въ какой бы части свѣта ни родился. Разбой на Волгѣ происходили среди бѣла-дня, при блестящемъ солнечномъ освѣщеніи — это факты. Разбойники хорошо знали, что за ними назначены слѣдить воинскія команды на гаркоутахъ, мало того, они видали эти гаркоуты; скажу больше — бывали на нихъ, пили водку, пиво. Важенъ тотъ фактъ, хочу я сказать, что эти же самые казенные гаркоуты производили грабежи (правда не разбой); не говорилось „сарынь на кичку“, но брался оброкъ и довольно тяжелый, сильно — стѣснительный. Важно здѣсь то обстоятельство, что въ процессъ искорененія одного зла успѣло вкрасться иное зло, домашнее. Грустно думать, что у насъ доброе начало въ большей части случаевъ имѣетъ скверныя послѣдствія. Руки у насъ нечисты; словно до самаго корня пропитаны мы зломъ, а зло успѣло раздробиться на тысячи видовъ и каждый видъ получилъ свое названіе. Казнокрадство и взяточничество, неуваженіе къ чужой собственности и къ чужой личности — худшія изъ этихъ золъ, но они существуютъ и теперь, а что было тогда? Гаркоуты вѣрно было уничтожить: они превосходили всякую возможную мѣру терпѣнія. Разбой прекратились, но не гаркоутами, а сами собой: некому было воровать, да и разбойники, сначала напуганные правительственною мѣрою, замолчали, перестали выѣзжать; потомъ съ сосредото-

ченнымъ вниманіемъ и изумленіемъ смотрѣли на новыхъ дѣятелей и, изобрѣтательные сами по себѣ, изумлялись находчивости соперниковъ и, наконецъ, кончили тѣмъ, что обратились къ мирнымъ занятіямъ и преспокойно нанялись въ бурлаки, въ ямщики. Тогда берега Волги кстати успѣли крѣпко облюдовѣть, заселиться. Я хотѣлъ сказать, что все, вами рассказанное теперь, не новость: про это всякій слыхалъ и читалъ, мало того, видалъ даже на сценѣ. Стоитъ только вспомнить московскія сѣробумажныя изданія тридцатыхъ годовъ, гдѣ вы найдете и „Таньку, разбойницу Ростокинскую“, и другихъ разбойниковъ. Ванька-Каинъ на своемъ оригинальномъ, замѣчательно мѣткомъ языкѣ добросовѣстно передалъ ко всеобщему свѣдѣнію свои личныя разбойничьи похождения. Смотрите на столичныхъ сценахъ, на масляницѣ — счастливую драму или лучше дивертиссементъ князя Шаховскаго: „Двумужницу“, вы увидите повсюду если не совсѣмъ правду, то, во всякомъ случаѣ, что-то чрезвычайно близкое къ дѣйствительности. Такова, по всему вѣроятію, была внѣшняя сторона разбойничьяго дѣла, декораціи, которыми украшался и обставлялся этотъ родъ грѣховнаго промысла. Онъ всегда грозенъ и отвратителенъ, потому что на немъ запеклася кровь.

— Миѣ кажется: это были по большей части тѣ уроды изъ простого народа, тѣ негодяи, которые избаловались и привыкли къ праздности, привыкли къ кабаку. Нуждались въ выпивкѣ — шли въ разбойники.

— Это слишкомъ узко. Такъ судить о знаменательныхъ событіяхъ нельзя. Съ такими положеніями мы недалеко уйдемъ.

— Но вы начинаете сердиться...

— Не сержусь я на то, когда оправдываютъ разбойника, и отвыкъ сердиться и уходитья до того, что спокойно вѣрю и въ тотъ знаменатель-

ный фактъ, что едва ли нашему времени позволено будетъ и удастся раскрыть прямую причину разбоевъ. Она такъ сложна и запутана! Я не стану ходить далеко и возьму въ примѣръ недавнихъ казанскихъ разбойниковъ; со смерти или, лучше сказать, со времени казни ихъ не прошло и двухъ десятковъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, именно Быковъ, сознался, что зарѣзалъ беременную женщину затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ у ней лежитъ въ маткѣ младенецъ и живой ли онъ; и разорвалъ татарина пополамъ, привязавши ногами къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ, для того только, чтобы видѣть, что изъ того будетъ. И потомъ прибавлялъ, что собственными руками не сдѣлалъ онъ ни одного преступленія, не запачкалъ ихъ ни одною каплею крови: все за него исполняли товарищъ его Чайкинъ. Да такъ, дѣйствительно, было. Въ этомъ характерѣ Быкова я вижу что-то демоническое, фатальное.

— Онъ былъ сумасшедшій.

— Да! Но манія его достойна глубокаго изученія — и патологическаго, и философскаго. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ бѣшеныхъ, отысканіе причины маніи которыхъ предметъ интересный, серьезный и чрезвычайно трудный. Самъ онъ ничего не отвѣтилъ. Вѣрю: можетъ быть и оттого, что его не умѣли спрашивать, хотя, говоря, онъ и сказалъ одному изъ членовъ, желавшему знать причины его звѣрства: „на что вамъ это? али на всякій случай, чтобъ самимъ впередъ пригодилось“. Вѣрю также невозможности раскаянія и присутствію чистосердечія въ томъ человѣкѣ при смерти, который ни разу не уступилъ совѣсти при жизни. Нѣтъ! что хотите, а я не вѣрю такимъ скороспѣлымъ выводамъ, которые вы успѣли высказать. Зачѣмъ же были Стеньки Разины, Пугачевы? Мы займемся теперь разборомъ простѣйшихъ, болѣе доступныхъ намъ фактовъ. Что вы,

напримѣръ, думаете въ этомъ случаѣ о бурлакахъ?

— Полагаю, что страхъ ихъ поддерживался суевѣріемъ — исконнымъ достояніемъ всякаго народа, а въ томъ числѣ и нашего.

— Этого, по-моему, даже и не нужно, какъ и доказаль то, напр., тотъ же Анфилатовъ: онъ показаль пистолеть — и бурлаки предпочли невещественный, отвлеченный страхъ дѣйствительному, вещественному. Я знаю и многіе другіе примѣры подобнаго рода, но не стану приводить ихъ, потому, что не хотѣлъ, собственно, и говорить объ этомъ предметѣ, да скучно стало сидѣть, да и пришлось къ слову. По-вашему, что такое бурлакъ?

— Это одинъ изъ несчастнѣйшихъ видовъ, подраздѣлений нашего простого народа. Бурлакъ — человѣкъ, профессія котораго, сосредоточивая и развивая силу физическую, обездолила его нравственную сторону. Это — рабочая сила, которая только теперь, къ счастью, и то на половину только, замѣнена лошадьми и паромъ; рабочая сила — повторяю я — подчиненная произволу и волѣ одного человѣка за извѣстную плату, на извѣстную путину. Онъ видитъ только впереди извѣстное число рублей, которые пропьетъ до послѣдней копейки разъ въ Рыбинскѣ, другой — въ Астрахани и третій разъ въ Нижнемъ: знаетъ онъ только одного хозяина...

— Съ которымъ, однако (прибавлю я), не связанъ нравственными узами. Хозяйское добро бережетъ или самъ хозяинъ или приказчикъ, — бурлакъ только добро это тащить, куда велѣно. Онъ не муромскій, не коломенскій извозчикъ, который беретъ всѣ обозы на свой страхъ и попеченіе и за цѣлость ихъ, по накладной, отвѣчаетъ только честнымъ словомъ, кстати сказать, всегда вѣрнымъ и неизблемымъ. Бурлакъ, ложившійся ничкомъ передъ ножами разбойниковъ, думаль никакъ не

дальше слѣдующаго: „пронеси, Господи, бѣду мимо меня, а у хозяина денегъ много; коли отдасть, сколько потребуютъ — не убьютъ; а наши деньги всегда оставятъ, таковъ ужъ разбойничій обычай! Да и изъ-за какого чорта лысаго станемъ мыivotы свои тратить; на это насъ не подряжалъ хозяинъ, да и не вѣсть какія деньги и такъ-то получаемъ, изъ-за нихъ и мизинецъ занозитъ стыдобушка. Опять же когда и не наша — на бѣду — возьметъ; разбойникъ ближній человѣкъ, сосѣдній: изъ одной деревни другой найдется — чего добраго! А со своимъ человѣкомъ ссориться — хуже худа нѣту. Опять же сегодня одинъ хозяинъ, а на другой годъ и къ другому можно наняться. Матушка Волга широка долга — не клиномъ сошлась на ту бѣду!“ Не правда ли, что это отчасти такъ? — отнесся господинъ въ мятой шляпѣ къ старику-разсказчику.

— А я, признаться, о разбояхъ этихъ мало размышлялъ; рассказываю, что слыхалъ, а самому испытывать не доводилось. Правда же это, что добраго приказчика и встарь, что и нонѣ, днемъ съ огнемъ поищешь, а ужъ не только рабочаго какого.

— Разбойники, по моему мнѣнію (продолжалъ господинъ въ измятой шляпѣ), плодились быстро оттого, что была имъ повадка отъ продажной совѣсти земской власти и отъ того равнодушія (не скажу пока сочувствія), какое питало къ этому людному сословію остальное наше простонародье. Иначе, чѣмъ объяснить то явленіе, что отъ самаго истока до крайняго устья Волги почти на каждомъ шагу попадаются бугры и горы, заклеянные именемъ какого-нибудь разбойника и даже разбойницы? отчего отъ самаго истока у рѣдкаго села нѣтъ позорнаго прозвища; то слышишь: „Новоторы — воры, да и Осташи хороши“; то — „Скопинецъ да Бобринецъ ворами кормилецъ, а Елецъ

ворамъ отецъ“, то — „Лихвинскія горы да Новоторжскіе воры зѣе всѣхъ“, то — „Кинешма да Рѣшьма кутить да мутить, а Сѣлдогда, Арменки убытки платить“, и проч. Не диво отчасти, что при такомъ множествѣ коренныхъ пунктовъ, корпораціи разбойниковъ были многолюдны. Нѣтъ ничего страннаго, если предположимъ, что между всѣми партіями существовала, помимо нравственной, и вещественная, дѣйствительная связь, какъ это и доказываетъ признаніе Ваньки-Каина въ собственной повѣсти. Не дивлюсь я теперь, что бурлакъ послушно падалъ при крикѣ „сарынь на кичку“: бурлакъ такой убитый человѣкъ! Я даже не вѣрю, чтобы они были авторами поэтическихъ думъ и пѣсень волжскихъ. Ихъ воображеніе и фантазія не могли идти дальше той простой пѣсни, которая бьетъ имъ такъ и уравниваетъ ихъ шаги, — пѣсни, въ которой нѣтъ никакого особеннаго смысла, кромѣ ряда словъ, разставленныхъ въ извѣстное количество равныхъ слоговъ. Авторы волжскихъ пѣсень — несомнѣнно разбойники. Бурлаки только хранители этихъ пѣсень и то плохіе: теперь онѣ уже замѣтно пропали и у рѣдкаго доспросишься, рѣдкій подарить замѣчательной пѣсней помимо тѣхъ, какія уже успѣли набить оскмину съ ученической скамьи до веселой и бурливой компаніи въ настоящее время. Счастливѣе другихъ былъ въ этомъ отношеніи г-нъ Костомаровъ, начавшій печатать свой замѣчательный сборникъ въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, но не кончившій. Г. Якушкинъ, напр., нашелъ волжскую разбойничью пѣсню въ Орловской губ., Богъ вѣсть, кѣмъ и когда занесенную. Пѣсня эта особенно замѣчательна по тому обстоятельству, что въ ней возстаетъ изумительно-поэтической образъ женщины-разбойницы: можетъ быть, Дуньки Казанской, можетъ быть, Таньки Ростокинской. Во всякомъ случаѣ образъ этотъ — гомерическій. Имъ можно

любоваться до ужаса. Такой же точно чудовищный образъ женщины-атамана виденъ въ одной изъ пѣсень костомаровскаго сборника, описанный не менѣе яркими красками и обставленный не меньшими ужасами. Знаете ли что? о разбояхъ можно говорить много и наши писатели обязаны говорить объ этомъ много. Чувствую, что трудъ не малый; Богъ вѣсть — гдѣ разбоевъ не было, Богъ вѣсть, сколько архивовъ надо перерыть для этого дѣла! Рѣшая задачу Стеньки Разина, г. Костомаровъ положилъ только начало дѣлу. Остановиваясь на созданіи Руси въ Кіевѣ, на обрученіи ея съ Византіею въ Москвѣ, на крещеніи ея Петромъ, я готовъ еще остановиться на казачествѣ, на Великомъ Новгородѣ, на расколѣ и на разбояхъ, чтобы вывести послѣдній итогъ и уяснить себѣ многое, если не все.

Рѣчь рассказчика прервана была пронзительнымъ свисткомъ, возвѣстившимъ намъ, что мы близко отъ пристани. Выйдя на палубу, мы увидѣли мрачныя, одинокія стѣны монастыря, за ними церкви и утлые домишки несчастнаго города Макарьева. Видѣли дѣвокъ, таскавшихъ на пароходъ дрова, двухъ-трехъ послушниковъ, бабъ, продававшихъ пироги, яйца, молоко, ягоды и яблоки. Видѣли опять господина въ мятой шляпѣ съ товарищемъ, возвращающимися съ берега на пароходъ.

Рассказчикъ говорилъ, и говорилъ уже болѣе смягченнымъ тономъ и спокойнымъ голосомъ:

— Это, понятно, дѣло дѣтское. Не играйте — говорятъ имъ — тутъ, потому-то и потому-то, дурно и вредно, играйте здѣсь, потому что здѣсь лучше, посмотрите сами! „ай — и въ самомъ дѣлѣ лучше, станемте играть лучше здѣсь!“ Такъ точно и тутъ — „вамъ, говорятъ, торговать, лучше тамъ, гдѣ сошлись Ока съ Волгой, и посмотрите, какія это славныя рѣки, а здѣсь — говорятъ — что за мѣсто? и рѣка и некрасиво“. Посмотрѣли, подумали — нашли, что

и въ самомъ дѣлѣ лучше, сначала, по тупой привычкѣ, года два-три ѣздили на старое мѣсто, а потомъ догадались, и совсѣмъ перешли на новое. Умныя дѣти, послушныя дѣти! Мы вамъ за это игрушки подаримъ: вотъ пока вамъ каменная дорога, а вотъ вамъ и желѣзная за хорошее поведеніе.

— Но отчего же такъ вдругъ обѣднѣлъ городъ? — спрашивалъ товарищъ.

— Да онъ никогда и не былъ богатымъ. Развѣ самый Нижній сильно богатѣетъ? Вѣдь ярмарка привозитъ деньги и удѣляетъ ихъ, но въ то же время она привозитъ и столичныя затѣи. А мы народъ и балованный и неумѣлый, потому что не только мало образованы, но и мало грамотны: истина старая и истертая уже до безобразія. Вы укажите мнѣ хоть одинъ городъ, который разбогатѣлъ бы отъ ярмарки.

— Ростовъ.

— У него и безъ нея много средствъ богатѣть. Не забудьте кстати, что ростовцы — всѣ огородники, лучшіе и единственные по всей Россіи. Да и Ростовъ — давно строится, Ростовъ старый-престарый городъ. Недаромъ ярмарки придумали выносить за городскую черту, какъ это дѣлается вездѣ: и въ Лебедяни, и въ Курскѣ, и въ самомъ Нижнемъ, и въ Ромнахъ, и вездѣ, рѣшительно вездѣ. Ярмаркѣ только нужно приткнуться такимъ образомъ, чтобы не строить себѣ (лишній разъ не хлопотать) постоянныхъ дворовъ и гостиницъ. Вотъ эти-то постоянные дворы и замѣняетъ городъ, этими-то гостиницами и служить онъ для пріѣзжихъ купцовъ, именно для пріѣзжихъ, потому большинство туземцевъ маклачить по мелочамъ, торгуетъ на грошъ: дѣло мѣщанское! Я знаю, что въ Лебедяни мѣщане — барышники лошадиные; на хлѣбныхъ рынкахъ — кулаки, въ Ростовѣ они торгуютъ мелкою дрянью: дѣятельность невидная!

Види́те еще какъ-будто торговля сѣстнымъ, но и та ведется женскимъ населеніемъ города, но и та съ крохи на кроху мелкотой пробивается изъ-за хлѣба, на квасъ не зарабатываетъ, говоря словами ихъ же поговорки.

— Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ!

— А еще печальнѣе то, что за нихъ еще почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ-будто забывая, что они существуютъ, что они составляютъ самостоятельный и интересный для изученія и поученія классъ, что они — не крестьяне и не купцы, а именно — мѣщане, срединное звено между этими двумя звеньями въ сложной цѣпи сословій русскаго царства. Во всякомъ случаѣ вопросъ еще на очереди, мы не будемъ говорить о немъ теперь; пойдѣте лучше любоваться на Волгу, она такъ хороша здѣсь!

Дѣйствительно, гористый и лѣсистый правый берегъ Волги необыкновенно живописенъ. Начинаясь высоко отъ самаго Нижняго, онъ здѣсь, за Макарьевымъ и особенно отъ стороны богатаго Лыскова, изумляетъ величиной и разнообразіемъ высей. И мирно плыветъ рядомъ съ нимъ низменный лѣвый берегъ, весь въ зелени, весь заросшій сочной, богатой травой. Хороша Волга налѣво и еще лучше направо. Контрасты разительны, и въ то же время такъ своеобразны и увлекательны! Налѣво что-то кроткое и мирное, направо что-то торжественное и страшное; налѣво — тѣни легкія и ласкающія, направо — рѣзкія и пугающія.

— Если разбойники водились и въ здѣшнихъ мѣстахъ, то они непремѣнно выходили изъ деревень этого, праваго, берега. Бурлаки непремѣнно, въ свою очередь, жили въ то время въ деревняхъ лѣваго берега.

Такъ говорилъ нашъ недавній знакомецъ — словоохотливый рассказчикъ въ помятой шляпѣ.

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — Волга такъ хороша, и про нее такъ много было говорено и печатано, что лучшаго не придумаешь. Однѣ народныя пѣсни даютъ на это какой богатый и полный отвѣтъ!

Съ этими словами нельзя было не согласиться вполне и безспорно.

Пароходъ нашъ, между тѣмъ, летѣлъ очень скоро, притягивая новые виды и давая достаточно времени, чтобы ими полюбоваться. Замѣчалось разнообразіе, хотя и не особенно рѣзкое. Начиная, между тѣмъ, смеркаться. Лѣвый берегъ отошелъ отъ насъ далеко и пропалъ во мракъ; правый почернѣлъ еще болѣе и еще сумрачнѣе сталъ глядѣть на насъ. И какъ онъ дико-красивъ былъ въ эту пору!

По несчастію, намъ привелось этимъ любоваться недолго: берегъ скоро пересѣкла широкая полоса рѣки. Рѣка оказалась Сурой, знаменитой своими стерлядьми, лучшими послѣ чепецкихъ. Тамъ, далеко въ темнотѣ, пропадалъ городъ Василь — и хорошо дѣлалъ: печальнѣе его и бѣднѣе мало другихъ городовъ на святой Руси.

Мы бросили якорь. Намъ объявили, что за темною капитанъ не надѣется пройти дальній и довольно-опасный перекалъ, и потому мы должны были простоять здѣсь часа четыре, пока длился ночной сумракъ. Воспользовавшись этимъ временемъ, я вышелъ на берегъ.

Песокъ хрустѣлъ подъ ногами; кругомъ было тихо, вдали виднѣлся огонекъ, какъ-будто разложена была теллина. Я пошелъ по этому направленію. Вижу разложенный огонь, надъ нимъ чугунный котелокъ, подлѣ валяются живыя фигуры — человекъ шесть.

— Здѣшніе вы?

— Нѣту, бурлаки.

— Откуда?

— Вятскіе.

— Какъ это васъ сюда Богъ занесъ, въ даль такую?

— Ребята нахвалили: пошли пробовать.

— Ну что, хорошо?

— Больно плохо: тяжелѣ работы — кажись — и на свѣтъ нѣту. Не знаемъ, какъ и до дому добредемъ, а добредемъ — назадъ ужъ не вернемся.

— Одежей износились; въ баню бы вотъ хочется, такъ, вишь, не готовятъ, а закажи — слышь: — и прождешь цѣлой день; а работа на срокъ.

— Да, можетъ быть, выгодно нанялись?

— А не знаемъ. Чай домой-то и трети не принесешь выручки...

— Хлѣбъ-отъ есть ли у васъ?

— Хлѣбъ есть: въ Козмодемьянскомъ купили. На варево больно шибко позываетъ: надоѣла сухомятка. Вонъ какую-то рыбку половили: уху варимъ. А опричь того — ничего больше и нѣту-ти...

— Подайте, батюшки, отцы благодѣтели, бѣдной странниці на пропитаніе! — вдругъ откуда ни взялся разбитый старушечій голосъ, и сама, разбитая ногами, старуха-нищенка стояла уже подлѣ группы нашей, изъ среды которой раздался новый голосъ, не менѣе разбитый, въ отвѣтъ ей:

— Богъ подастъ, бабушка, сами семерыхъ послали — не знаемъ, что принесутъ.

Всѣ засмѣялись.

— Шишка нашъ! — счелъ за нужное объяснить мнѣ самый ближайшій ко мнѣ.

— Веселый же онъ у васъ — и съ голоду шутить! — замѣтилъ я.

— Такой ли онъ былъ, какъ изъ дому шелъ?! Изломало его пуще всѣхъ: дѣло, вишь, его такое, что всегда онъ долженъ быть впереди, вся тягость-то на него и ложится. Онъ же и пѣсню запѣвай; онъ первымъ и ляжку дергай. Трудно!

— Какъ не трудно, когда все на грудь ложится: болить — поди!

— Схватывается же онъ за нее часто, жалуется, а все шутить.

— Шутки шутить — всѣхъ веселить, дядя Мартынъ! — такъ-то! — отвѣчаетъ уже самъ шишка, и продолжаетъ потомъ:

— Дѣло бурлачье, почтенной человѣкъ, такое выходитъ: что пять тебѣ алтынъ, да изъ боку ребро — вся тутъ и сказка. Идешь себѣ путиной да и думаешь: шелъ — перешелъ: кабы день прошолъ, а ужъ объ этомъ не кладешь заботы, что тебѣ завтра ѣсть дадутъ, а ино смекаешь, что большая-де сытъ брюхо портить, да вѣдь и опять же много ѣсть — не велика честь, не назовутъ богатыремъ, а объѣдалой. Дома, почтенной человѣкъ, безотмѣнно лучше, чѣмъ здѣсь!

Всѣ засмѣялись. Одобренный повадкой, шутникъ продолжалъ:

— Богъ дастъ день — Богъ дастъ и пищу — сказано, а на другой день понищимъ-понищимъ, да и такъ просидимъ. А вѣдь ужъ бурлацкое дѣло такое: нѣтъ ему ни отъ вѣтра затулы, ни отъ дождя защиты, и въ лаптяхъ идемъ, а не спотыкаемся. Дома — таки не въ примѣръ лучше.

— Да ты женатый?

— Была жена да и тоѣ корова сожрала, кабы не попово сѣно и самого бы съѣла.

Опять всѣ хохочутъ.

— Чѣмъ же тебѣ дома-то лучше?

— Да хоть бы и тѣмъ, что тамъ ѣшь сколько хошь, ѣшь 'покуда упадешь, а на ноги поставятъ, опять ѣсть заставятъ. Оставя шутки, надо тебѣ говорить, господинъ честной, вотъ что: баней мы очень тиготимся, дядя-то Мартынъ тебѣ давѣ правду сказывалъ. Бабы наши не даромъ толкуютъ, и вѣрно: въ банѣ парисься, изъ косточки въ косточку можжечокъ переливается. А тутъ вонъ

тебѣ судовой-то хозяинъ дастъ деньги — да и сказываетъ: вотъ тебѣ слышь копейка, выпей хорошенько, закуси да грошъ сдачи принеси. Вотъ что худо.

И опять общій смѣхъ и, вѣроятно, продолжится этотъ поддерживающій силы, отрезвляющій помыслы смѣхъ, честный и искренній, до тѣхъ поръ, пока не устанетъ и не уgomонится шутникъ-шишка. Не буду же и я мѣшать имъ и употреблять во зло словоохотливость и откровенность простосердечнаго и добродушнаго вятскаго народа.

Потянется шуба за кафтаномъ, наступитъ осень, станетъ рябить матушку-Волгу въ послѣдніе разы и начнетъ прихватывать съ краевъ и затягивать цѣльнымъ полотномъ ледянымъ отъ берега до берега — придетъ бурлаку пора ко двору тянуться. А встанетъ вода на воронкахъ и осилитъ ихъ ледъ и придутъ по Волгѣ обозы съ деревянной посудой, съ кожами, съ лыкомъ, да съ мерзлой рыбой, да съ овечьимъ руномъ — бурлакъ уже давно дома на печи шутки шутить, за столомъ, черезъ хлѣбъ, калачъ достаетъ, ѣстъ сколько въ горло войдетъ. А мужицкое горло что бердо по пословицѣ — долото проглотить, а брюхо изъ семи овчинъ сшито!

На дорогѣ мнѣ попался опять нашъ неутомимый рассказчикъ, также возвращавшійся на парохъ. Онъ говорилъ:

— Пословица говорится: богатому быть трудно, а сытому мудрено. Разъ не успѣвши захватить въ свои руки хлѣбной торговли, разъ не заявивши себя срединнымъ хлѣбнымъ центромъ, Василю ужъ трудно было дѣлать что-нибудь въ то время, когда завелись богатые-пребогатые сосѣди, за которыми тягаться далеко — упаришься, напр., село Лысково и городъ Козмодемьянскъ. Конечно, Василь, собственно, долженъ быть пунктомъ хлѣбнымъ для Суры и посредникомъ для передачи низоваго

хлѣба на Волгу, но, во-первыхъ, тамъ, въ верховьяхъ Суры, завелось дѣятельное торговое село Промзино-Городище, а во-вторыхъ — ни одинъ хлѣбный приказчикъ, по завѣту отцовъ и по приказу хозяевъ, не закупаетъ хлѣба въ Василѣ, а ѣдетъ въ Промзино-Городище. Это-то село, по чтисъ исключительно привилегією для себя, и отправляетъ на мокшанахъ весь пензенскій, тамбовскій и отчасти симбирскій и саратовскій хлѣбъ въ Петербургъ.

Я видѣлъ это село — деревянное, правда, но многолюдное и лѣтомъ крайне оживленное: оно какъ-будто втянуло и сосредоточило въ себѣ всю силу хлѣбной торговли по Сурѣ, обездоливъ остальные сурскіе города: и Алатырь, и Курмышъ, и Ядринъ. Послѣдній городъ еще является соперникомъ, но слабымъ и ничтожнымъ...

— А рыбные промыслы въ Василѣ?

— Ничтожны: капля въ Волгѣ.

— Однако, сурскія стерляди почитаются лучшими изъ волжскихъ, не идутъ въ сравненіе ни съ шексинскими, ни съ унженскими, ни съ ветлужскими. Онѣ уступаютъ, говорятъ, однимъ только вятскимъ, именно, чепецкимъ.

— Лучшее доказательство ихъ достоинства вы видѣли сейчасъ въ трактирѣ: горячая вода, двѣ луковки, двѣ стерлядки, и — на половину миски ржавчина — вкуснѣйшій жиръ и такая уха, какой не подадутъ вамъ ни въ одной изъ столицъ.

— Въ Козмодемьянскѣ мы ничего не найдемъ особенно замѣчательнаго?

— Ничего, да и тамъ ненадолго остановимся.

На другой день, со свѣтомъ, мы снялись съ якоря. Острова по Волгѣ стали попадаться рѣже, выплылъ одинъ, но замѣтно большій противъ тѣхъ, какіе уже намъ попадались десятками. Волга становилась замѣчательно шире: приближалось то мѣсто, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Ветлуга своимъ широкимъ, песчанистымъ устьемъ. Ветлуга — ше-

стая большая рѣка (отъ истока), впадающая въ Волгу, шестая рѣка, бѣгущая изъ лѣсовъ, стало быть, многоводная, и многоводная въ той степени, что она изъ лѣсныхъ рѣкъ уступаетъ въ величинѣ одной только Камѣ — царственной рѣкѣ всего приволжья, послѣдней изъ лѣсныхъ волжскихъ притоковъ. Остальные притоки Волги бѣгутъ изъ степныхъ полосъ Россіи и между ними Ока является достойной соперницей Камы; затѣмъ слѣдуютъ: недавняя Сура и недалекая уже (для насъ) Свѣга; и затѣмъ степныхъ притоковъ Волги нѣтъ, всѣ остальные ничтожны и немногочисленны. Ветлуга, какъ Кострома-рѣка, Унжа, какъ Керженецъ, какъ Кокшага, несутъ въ Волгу лѣсные матеріалы въ плотахъ, а нерѣдко и въ судахъ разныхъ наименованій, между которыми гусанкамъ принадлежитъ первое мѣсто. Правда, что подобнаго рода промыслы по рѣкамъ Унжѣ и Ветлугѣ обездолили эти рѣки, засыпанные теперь песками и способныя поднимать неглубоко сидящія барки только во время весенняго половодья. Ветлуга не выпустила даже въ Волгу недавно выстроеннаго (собственно для нея) парохода, скоро принужденнаго ограничить свои рейсы небольшими прогулками и затѣмъ — сколько помнится — совершенно прекратить ихъ. Насколько, между тѣмъ, развита лѣсная промышленность въ притокахъ Волги, можно судить по двумъ рѣкамъ, короткимъ въ своемъ теченіи, каковы Керженецъ — нѣкогда средоточіе сильнаго раскольничьяго толка, и Кокшага, при устьѣ которой, въ селѣ того же имени, въ весеннюю и лѣтнюю пору, временно основывается цѣлый городъ, шумный попойками, громкій сильной карточной игрой и другими дѣлами, на какія падко богатое деньгами и праздное челоѣчество.

Между тѣмъ „Телеграфъ“, исполняя свое обѣщаніе — сегодня же доставить насъ въ Казань, спѣшить далѣе. Мы видимъ издали Козмодемьянскъ,

видимъ Чебоксары, вдали бѣлѣтъ Свіяжскъ — городъ Грознаго. Видимъ тутъ, тамъ и здѣсь бѣлыя и желтыя старинныя церкви, каменные дома. Видимъ барки, росшивы и другія суда, бѣгущія къ намъ навстрѣчу. Несутся отсюда завѣтныя бурлацкія пѣсни, которыхъ успѣешь еще наслушаться подъ Нижнимъ и которымъ не будетъ конца и за Казанью до Самары, и до Астрахани.

Вотъ бѣлѣтъ вдалекѣ, въ десяти верстахъ отъ Волги, разбросанная на горахъ и подъ горой, Казань. Пароходъ останавливается на Бакалдѣ. Извозчики-татары чуть не разрываютъ васъ на части: нѣкоторые въ пролеткахъ, другіе съ долгушками, но большая часть — ломовыхъ въ какихъ-то курьезно-мелкихъ телѣгахъ. Беремъ и того, и другого и ѣдемъ по отвратительно-скверной дорогѣ, едва возможной для ѣзды, едва выносимой. Не дорогой, собственно, ѣдемъ мы дальше — везутъ насъ между кустами, по какимъ-то тропинкамъ, оврагамъ; деревья хлещутъ въ лицо; колеса срываются въ глубокія колеи и грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ. Съ трудомъ добираемся мы, обрызганные наполовину, измученные, до Адмиралтейской слободы, по которой предстоитъ новый рядъ мученій, едва ли не тягчайшихъ. Мученія не оставляютъ насъ и на дамбѣ, связующей слободу съ Забулацкой стороною города. Но отчего мученія эти переносимъ мы съ меньшимъ ропотомъ? Отчего радуется насъ появленіе казанскаго памятника, въ которомъ, кромѣ пирамиды, нѣтъ ничего бросающагося въ глаза и особенно радующаго? Отчего, наконецъ, бьется наше сердце и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе придвигается къ намъ Казань? Отчего испытываемъ мы радостный трепетъ даже и въ то время, когда являются печальныя виды недавно погорѣвшаго, несчастнаго города, обездоленнаго на бѣольшую свою половину? Отчего, наконецъ, мы начинаемъ испытывать ту

лихорадочность нетерпѣнія, какая такъ рѣдко дается въ жизни, и становится дальнимъ туманнымъ преданіемъ темнаго дѣтства, то пріятное нетерпѣніе, обливающее сердце кровью и наполняющее всѣ помыслы, когда вы видите родной кровь, родныя лица, улыбающіяся вамъ послѣ долгой разлуки, когда вы смотрите на тѣхъ существъ, которыя не покупаются ни за какія деньги въ жизни, а даруются природой, какъ лучшій ея даръ, какъ драгоценное, жизненное достояніе? Прочь всякая преступная, задняя мысль! Прочь всякое сомнѣніе, недовѣріе, скептицизмъ!..

Но отчего же, именно, Казань ласкаетъ насъ своимъ видомъ и охватываетъ все существо пріятной радостью, навѣваетъ тысячи отрадныхъ воспоминаній и ощущеній? Въ Казани нѣтъ для насъ ни одного кроваго существа. Въ Казани нѣтъ для насъ родительской кровли. Тѣ и другая тамъ далеко, за Волгой, за дремучими лѣсами, въ печальныхъ мѣстахъ дальняго Костромскаго уѣзда. Въ Казани мы прожили только два мѣсяца своей скитальческой жизни, жизни, сложившейся уже изъ трехъ десятковъ лѣтъ. И мы все-таки радуемся полною радостію, искреннею и неподкупною. Мы блаженствуемъ, мы наслаждаемся. Забылось все прошлое, живетъ однимъ настоящимъ, всецѣло вѣрится въ будущее.

Пойметъ насъ — можетъ быть — тотъ, кому удалось уже въ жизни не одинъ разъ сниматься съ привычнаго, обсиженнаго мѣста и толкаться между чужими людьми, гдѣ мало привѣту и нѣтъ мѣста для душевнаго спокойствія, для сердечныхъ наслажденій. Всѣ дни, недѣли и мѣсяцы сложились изъ цѣпи безпокойствъ, недовольствъ, неудобствъ вещественныхъ и нравственныхъ. Начинаешь день въ полномъ невѣдѣніи того, что придется уловить, чѣмъ поживиться, продолжаешь день подъ вліяніемъ въ большей части случайно-

стей (рѣдко удается дѣйствовать навѣрняка) и кончаешь день почасту въ неудачахъ, почасту ложишься спать измученнымъ, далеко не удовлетвореннымъ. Наступаетъ иной день, полный безконечныхъ тревогъ и туманныхъ, сосредоточенныхъ ожиданій и въ то время, когда новыя мѣста манять своей новизной, своимъ интересомъ. Эти же новыя мѣста, бездна новыхъ лицъ, обставленныхъ знаменательной средой, иные нравы, иные повѣрья, суевѣрія, предрасудки, новыя слова, пословицы, поговорки, неотступно преслѣдуя, обязательно и всецѣлостно увлекая, обусловливаютъ впереди новыя дни; цѣлый рядъ рабочихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, богатыхъ тревогами и ожиданіями. Больше, чѣмъ когда-либо, понимаешь глубину нравственного смысла простой пословицы: „путь-дорога красна не сномъ, а заботой“, и не видишь иного исхода, кромѣ работы и заботы. И вотъ мелькнетъ привѣтный огонекъ, разогрѣтъ очажокъ для тебя; обступила тебя хлѣбосольная радушная семья людей добрыхъ и честныхъ; не жалѣютъ для тебя заѣтнаго, вкуснаго куска, удѣляютъ тебѣ много изъ того, чѣмъ высятся и красятся ихъ добрыя и честныя души. Благословеніями и неподкупно-добрыми пожеланіями, и съ тою же хлѣбъ-солью провожаютъ тебя за околицу. Несешь ты о нихъ свои лучшія, свѣтлыя впечатлѣнія, долго живешь воспоминаніями о нихъ и ласкаешь себя ими потомъ, въ минуты тоски и печали. И вотъ вновь счастливить тебѣ судьба и благопріятствуетъ случай снова увидѣть еще разъ въ жизни тѣхъ же людей, которыхъ ты привыкъ уже считать почти родными, своими. Въ ласки, въ привѣтъ ихъ вступишь — и не ошибаешься. Такія минуты рѣдки въ жизни скитальца, но оттого-то онѣ такъ и цѣнны, оттого-то онѣ такъ и волнуютъ сердце!..

Казань больше, чѣмъ какой-либо иной русскій городъ, похожа на восточный городъ: можетъ она

соперничать въ этомъ смыслѣ съ Москвой одной, но во всякомъ случаѣ перещеголяетъ и Астрахань, и Симферополь — неоближные восточные города. Въ Забулачѣ (на этотъ разъ заваленномъ грудями погорѣлыхъ развалинъ) встрѣчаетъ васъ та же грязь, которая была бы даже въ пору хотъ и самому Константинополю. Грязь эта по набережной Булака лежитъ глянцевиной массой, какъ жидкій овсяный кисель, и расплывается на всемъ длинномъ пространствѣ, до озера Большого Кабана, изъ котораго, какъ извѣстно, вытекаетъ Булакъ, изъ котораго (также всѣмъ извѣстно) казанцы пьютъ отвратительно-грязную воду, наполненную живыми, примѣтными даже невооруженному глазу, инфузоріями. Одинъ досужій человекъ вычислилъ математически (и говорятъ — очень вѣрно), что на каждую живую душу въ Казани приходится въ годъ слишкомъ по полу-пуду грязи. Чтобы уменьшить, а по возможности и уничтожить эту пропорцію, вотъ уже десятый годъ усидчиво думаютъ умные люди и — пока ничего не придумали. Болѣе достаточные и, конечно, счастливые пьютъ недурную воду изъ колодезь, между которыми колодезь, принадлежащій духовной академіи, почитается лучшимъ (но онъ лежитъ на противоположномъ краю города, чрезвычайно далеко; тамъ же есть еще два-три колодца, но и только). Самый Булакъ — тоже грязная полоса, та же грязь, только замѣтно пожиже; рѣкой и даже рѣчонкой назвать его нельзя, потому что высокіе берега, въ которые онъ глубоко заключенъ — искусственная, вытянутая въ линію прямизна, съ каковою Булакъ идетъ въ Казанку, скорѣе, даетъ ему видъ и форму канала, чѣмъ рѣки. Это далеко уже не тотъ Булакъ, мутный и тинистый, черезъ который переходилъ Иванъ Грозный — рѣшитель судьбъ татарскихъ царствъ.

Чрезъ Булакъ перекинута нѣсколько мостовъ:

выбирайте любой для переѣзда въ самый городъ — встрѣчаете ту же грязь и на Вознесенской улицѣ и на Проломной, которыя тянутся параллельно другъ другу въ замѣчательную даль и кончаются замѣчательною грязью на рыбныхъ площадяхъ, грязью, превосходящую всякое вѣроятіе. Это — подгорная часть города; надъ ней высятся горы; на этихъ горахъ разбросаны хорошо распланированные и постоянно сухія, лучшія улицы города. Между ними Воскресенская — Невскій проспектъ Казани, Невскій проспектъ потому даже, что на ней существуютъ еще до сихъ поръ остатки торцовой мостовой. Въ концѣ ея — и клиники, и зданіе университета; была до давняго пожара семинарія, до сихъ еще поръ стоящая въ развалинахъ — длинное зданіе съ замѣчательною по архитектурѣ Петропавловскою церковью во дворѣ.

Воскресенская улица ведетъ въ кремль съ Сумбекиной башней, съ стариннымъ Спасскимъ монастыремъ, въ которомъ низенькая церковь, постройки Грознаго — первая православная церковь въ Казани. Въ крѣпости же этой дворецъ и замѣчательно длинное полуразрушенное и грязное зданіе присутственныхъ мѣстъ, съ неоприятностью которыхъ могутъ еще спорить стоящія напротивъ ихъ казармы. Изъ кремля можно любоваться на разбросанный по горамъ и подъ горами городъ, на картинную группу казанскаго женскаго монастыря, на единственный въ городѣ бульваръ, между зеленью котораго видится озеро, справедливо прозванное Чернымъ. За Чернымъ озеромъ недалеко театръ, еще дальше и значительно дальше Арское поле, съ духовною академіею, военнымъ госпиталемъ и родіоновскимъ дѣвичьимъ институтомъ. Собственно Казань ушла за Булакъ и Большой Кабанъ. Тамъ-то именно Старая Казань, гдѣ и каменные мечети и каменные дома татарскихъ князей — кушцовъ и татарскаго плебса, который и по

городу ѣздить въ извозчикахъ, и на домахъ русскихъ въ наймѣ исправляетъ всегда крупныя ломовыя работы, и на Волгѣ сидитъ въ веслахъ, и частицею ходитъ въ Москву и Петербургъ съ именемъ бухарца и съ халатами... Таковъ внѣшній видъ на Казань, при бѣгломъ взглядѣ на нее проезжаго...

Многое и весьма многое иное просится теперь на перо, но обязуя себя правомъ и долгомъ говорить о Казани отдѣльно, я оставляю ее ради дороги, а съ нею и вольной почты, которая преслѣдуетъ ѣдущаго въ Сибирь далеко за Уральскій хребетъ.

— Согласитесь, что можетъ быть лучше и удобнѣе вольной почты! — говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. — Вы приносите свой билетъ, выданный вамъ на проѣздъ, платите деньги впередъ, получаете квитанцію въ полученіи денегъ и билетъ изъ конторы. Съ билетомъ этимъ не терпите остановокъ, лошади для васъ всегда готовы; экипажи удобные: вы уже не получаете тѣхъ мучительныхъ телѣгъ, какими до сихъ поръ еще щеголяютъ обыкновенные почтовые тракты.

— Но за все это — прибавьте — плачу я по 3 коп. на версту и на лошадь, т. е. ровно по 1½ коп. лишнихъ противъ обыкновеннаго положенія.

— Васъ цѣлую дорогу не беспокоятъ. Вамъ нѣтъ нужды расплачиваться на каждой станціи.

— Но я могу имѣть мелкія деньги готовыми, имѣть товарища-спутника, помощника, прислугу. Онъ платитъ ночью и спитъ днемъ или наоборотъ.

— Вы можете взять на-прокатъ экипажъ въ конторѣ...

— Но всего лучше я могу имѣть свой экипажъ. Это такъ нетрудно.

— Но за взятый экипажъ напрокатъ вы платите только по 1 коп. на версту...

— И заплачу огромныя деньги, если, на бѣду, экипажъ, взятый на-прокатъ, изломается на дорогѣ; могу даже вовсе остаться безъ экипажа и опять мучиться на перекладныхъ. Свое, хорошо извѣстное, лучше, чѣмъ чужое, неизвѣданное.

— Вамъ не нужно подорожной...

— Но я ее и не боюсь; я плачу за нее только по копейкѣ на версту: полкопейки моихъ лишнихъ остается еще за вольною почтой.

— За эти полукопейки вы избавлены отъ труда засиживаться на станціи въ ожиданіи лошадей.

— И дольше 6 часовъ не прожду — и это самое большое. Да я, сдѣлавши по Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ верстъ, мало вѣрю въ эти сидѣнья на станціяхъ. Тутъ или стачка зрителя и почтосодержателя съ ямщиками, или простое желаніе взять на водку лишнее: лошади въ хомутахъ и въ конюшнѣ, хотя онѣ по книгѣ и въ разгонѣ. Да и бѣшенная скоростъ ѣзды пріятна и выгодна, можетъ быть, иркутскому курьеру, нужна московскому купцу, поспѣшающему въ Ирбитъ или въ Тюмень, а долговременное сидѣнье на станціи непріятно, можетъ быть, только нервному и раздражительному человеку, но такихъ людей почасту и самая скорая ѣзда не удовлетворяетъ.

— Однако, теперь по всей Россіи берутъ уже по 2½ коп. на версту.

— И никто на почтовыхъ не ѣздитъ. Въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ стоятъ почтовые дворы, повесятъ за 1½ коп. любой мужичокъ. По Вятской губерніи дѣлаютъ даже ½ коп. скидки (въ Сибири по Барабѣ берутъ семитку (2 коп.) на тройку). Я слышалъ даже, что многіе почтосодержатели просили назначить прежнюю прогонную плату. Всѣ проѣзжіе повернули на проселки.

— Говорятъ, что вольныя почты будутъ по всей Россіи...

Сожалѣемъ мы о Россіи и спрашиваемъ: —

куда же дѣнутся тысячи извозчиковъ, вольныхъ ямщиковъ?

— Они тоже будутъ возить, потому что конторы вольныхъ почтъ ихъ же самыхъ и нанимаютъ...

— Но не всѣхъ желающихъ, а, вѣроятно, только тѣхъ, кого захотятъ.

— Не знаю.

— Я знаю даже больше: вольные ямщики, нанятые для вольной почты, жаловались мнѣ на дальность очереди, которая до нихъ доходитъ иногда разъ въ три недѣли; на ничтожность заработной платы, и проч. Вольная почта хороша во время ярмарокъ, когда творится и бойкій, и сильный разгонъ, и чѣмъ-то недостигающимъ цѣли, почти лишнимъ является она въ остальные $\frac{7}{8}$ времени года и на томъ трактѣ, каковъ сибирскій, по которому, сравнительно, очень малый проѣздъ. Да и три копейки очень дорого, потому что вы, ѣдущій по собственной надобности, платите еще по 12 коп. сер. на каждой станціи за экипажъ. На квитанціи вы, правда, видите еще новую для себя привилегію, которая гласитъ: „ямщики на водку требовать права не имѣютъ, но это предоставляется на волю проѣзжающаго“. Но, во-1-хъ, кто же захочетъ отнять у ямщика право просить на водку, когда ему удалось — что называется — заслужить это, угодивши сѣдоку скорой ѣздой и когда уже онъ сдѣлалъ привычку безъ того не отпускать „барина“ и, избалованный повадкой, въ самомъ дѣлѣ просить на водку на каждой станціи. И кто же, во-2-хъ, поскупится дать ему 6—10 коп., какъ это давалось и даже по всей Россіи, и когда все это составляетъ и въ итогѣ десятковъ станцій примѣтно — немного. Нѣтъ, какъ хотите — а путешествовать по Россіи и дорого, и неудобно, и вольная почта нисколько не достигаетъ прямой цѣли, не исправляетъ этого недостатка.

— Но вы какъ-будто сердиты на нее...

— Напротивъ! Но въ то же время и не вижу въ этомъ учрежденіи особыхъ достоинствъ, уже потому, что это — монополія. Изъ того города, гдѣ контора, возьмемъ хоть Казань: ни одинъ захавшій сюда ящикъ ни на какой трактъ, даже проселочный не можетъ взять сѣдока, иначе заплатить огромный штрафъ. Вольная почта взяла въ исключительную привилегію возить на всѣ окрестныя станціи — будутъ ли онѣ на почтовомъ трактѣ, будутъ ли на глухомъ, проселочномъ. Для обратнаго ящика это, пожалуй, и не особая потеря, но для меня скверно: я не знаю, гдѣ остановиться; я завезенъ въ незнакомое мѣсто, какъ человѣкъ, которому несомнѣнно надо ѣхать впередъ и съ котораго, стало быть, любой ящикъ имѣетъ право требовать и взять сколько ему угодно, безъ таксы, безъ совѣсти. Поѣзжай я съ ящикомъ обратнымъ и прямо съ мѣста, онъ привезетъ меня въ знакомую ему деревню, къ своему другу. Этотъ непременно возьметъ съ меня дешевле, чѣмъ тотъ, который привезъ меня изъ города, но и этотъ всегда согласится и скоро согласится на половинную цѣну за провозъ противъ назначенной отъ вольной почты. Не удивите вы меня ни этими круглыми бляхами на шляпѣ и лѣвомъ плечѣ ящика (онѣ ничего не доказываютъ и надѣваются только для сѣдока съ крупнымъ чиномъ), ни этими двумя колокольчиками (передъ ними также не стронятся обозы, какъ и передъ завѣтнымъ однимъ колокольцомъ всѣхъ остальныхъ почтовыхъ дорогъ въ Россіи). Что мнѣ въ большомъ помѣщеніи станціонныхъ домовъ вольныхъ почтъ, гдѣ большая половина занята семействомъ смотрителя и ровно также ничего нѣтъ, ничего не найдете изъ сѣстнаго, какъ и въ тѣсныхъ станціонныхъ домахъ другихъ трактовъ. Я помню станцію Дебесы; помню ея прейс-курантъ съ весьма высокими цѣ-

нами, прейсъ-курантъ, на которомъ написаны и супы, и щи, и соусы, и котлеты, и жареные рябчики, бекасы, и много другого, способнаго расшевелить и аппетитъ и возбудить надежды.

— Дайте мнѣ самаго простого: шей съ говядиной, жареной говядины.

— Нѣту сегодня, не готовлено.

— Когда же ведется у васъ этотъ обычай?

— Закажите яичницу-скородумку: поспѣетъ.

Пришлось ограничиться стаканомъ молока, за который и заплачено было по таксъ: 10 коп. сер. и въ той губерніи, гдѣ кринка молока стоитъ 5 и 6 коп.

Спрашивалъ молока на другой станціи.

— Коровы не доятъ, — былъ отвѣтъ.

Спрашивалъ на третьей.

— Коровъ не держимъ.

На четвертой станція я бѣжалъ уже въ сосѣднюю крестьянскую избу и находилъ тамъ и молоко, и яйца.

Не знаю, замѣчали ли проѣзжіе на вольныхъ почтахъ особенную непривѣтливость, иногда даже грубость всѣхъ станціонныхъ лицъ: мнѣ она надоѣдала на всемъ пути до Перми и далѣе до Екатеринбурга, надоѣдала и за Екатеринбургомъ къ Шадринску, но не бѣсила — отъ привычки, отъ готовности переносить мелкія мелочи, когда я успѣлъ уже примириться съ самыми крупными.

Но вотъ и печальный Оханскъ; вотъ и Пермь, разбросанная, такъ рѣдко обстроившаяся, какъ ни одинъ изъ другихъ губернскихъ городовъ Россіи. На ней кончаются пароходные рейсы по Камѣ, но не кончаются вольныя почты, которыя даютъ уже инныя впечатлѣнія, носятъ иной характеръ. При выѣздѣ нашемъ изъ города, намъ попадаются конные казаки съ калмыцкимъ отѣнкомъ въ лицахъ, съ пиками въ рукахъ.

— Откуда они?

— Съ пикетовъ; очередные.

— Кого же они караулятъ, что стерегутъ?

— А недобрыхъ людей.

— Что же это: бѣглыхъ изъ Сибири?

— Нѣту, своихъ.

— Что же, пошаливаютъ, что ли, здѣсь?

— Случается. Теперь рѣже, теперь только съ возами; а вотъ ярмарка въ Ирбитѣ начнется, такъ ужъ со всѣми, тогда разбору нѣту.

— Однако, и теперь тоже можетъ случиться?

— Да вѣдь это — какъ имъ вздумается: извѣстно.

Кто ихъ думу пойметъ.

— Все-таки бываетъ и эдакъ?

— Рѣдко, — и то больше къ ночи, а то и на утрѣ быраетъ. Недавно — сказываютъ — возъ на свѣту подрѣзали и сумерекъ еще не было. Опасна эта первая станція, потому она большая и все, вишь, лѣсомъ; дальше тише, зато бойся Кунгура-города.

Дѣйствительно, въ Кунгурѣ посовѣтовали мнѣ остаться ночевать. Городъ этотъ, хорошо обстроенный и церквами, и домами каменными, издавна славится тѣми мошенниками, которые въ былыя (и недавнія, впрочемъ) времена выѣзжали на лихихъ тройкахъ и, выѣзжая навстрѣчу проѣзжей тройкѣ, путали упряжь, кричали, суетились. Въ то время валявшіеся въ канавахъ соучастники ихъ выходили на дорогу и, прорѣзывая задокъ экипажа, подрѣзывали чемоданы, выхватывали саквояжи и все, что попадало подъ руку. Въ Кунгурѣ — говорили намъ — многіе купцы сдѣлались богатыми и зажили въ каменныхъ домахъ именно отъ этого рода промысла. Промыселъ этотъ кунгурскими мѣщанами не покинутъ и теперь, хотя уже и производится въ мелкихъ размѣрахъ. Примѣру ихъ слѣдуютъ заводскіе крестьяне слѣдующихъ по дорогѣ уральскихъ заводовъ; занимаются тѣмъ же — какъ говорятъ — и татары деревень,

расположенныхъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта; мошенничаютъ и бѣглые изъ Сибири (ихъ также любятъ принимать и татары и заводскіе).

Чѣмъ глубже забираешься по этому тракту, чѣмъ рѣзче мѣстность принимаетъ характеръ горно-уральскій, чѣмъ чаще попадаются заводы въ сторонѣ и на дорогѣ, — тѣмъ рассказы о дорожныхъ шалостяхъ увеличиваются и принимаютъ грозную форму.

Разсказываютъ, что на-дняхъ отрѣзали задокъ у тарантаса.

— И тарантасъ-то былъ нашъ, напрокатъ брали, — говоритъ ямщикъ. — И какое важное желѣзо крѣпило, а перерѣзали молодцы, ножомъ перерѣзали и такъ, братецъ ты мой, ловко: любо-два! Ножи, знать, ужъ у нихъ такіе острые, стальные.

— Ну да далеко ли у васъ тутъ достать ножи хорошіе?

— Это точно, что такъ! Заводовъ много. Вонъ, видишь ты хоть бы эту гору, въ сторонкѣ?

— Коричнева ятаякая? — вижу.

— Все вѣдь мѣдь, все руда.

— А вонъ въ этихъ дальнихъ-то, что лѣсомъ покрыты, есть руда-то?

— Да, почестъ, всѣ перерыты; всѣ горы, почестъ, на одинѣхъ подпоркахъ держатся. Мѣди здѣсь сила, а про желѣзо и говорить нечего.

— Ну да и мошенниковъ много.

— Много же и есть: вѣрно твое слово.

На слѣдующей станціи новые рассказы. На одинъ обозъ, шедшій съ чаемъ, выбѣжала изъ лѣсу цѣлая шайка, человѣкъ съ десять, схватили возъ съ 6 мѣстами, да и потащили въ сторону и съ лошадыю. Возчики бросились защищать, началась драка: возъ былъ отбитъ, но съ потерей трехъ мѣстъ, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 пудовъ чаю и стоитъ, приблизительно, 100—120 рублей.

— Зачѣмъ же они по ночамъ ѣздить? — спрашивалъ я туземцевъ.

— Да какъ не поѣдешь, когда поставку на срокъ получилъ. Они, пожалуй, ночью-то и спятъ въ деревняхъ, а вѣдь сумерекъ-то какъ избѣжишь? Тутъ-то вотъ ихъ и накрываютъ.

— И слѣда нѣтъ пропажъ?

— Опытные и бывалые знаютъ, може, всѣхъ главныхъ-то коноводовъ и нащупаютъ, пожалуй, пропажу, да вѣдь деньгами надо выкупать, а судомъ поди ищи-свищи, — да и на другой разъ не ѣзди, коли затѣялъ ссору: тогда весь обозъ, пожалуй, вырѣжутъ и самому бока наколотятъ.

— Разбой бывали?

— Разбоевъ не слыхать, и примѣровъ не было. Плететь народъ сказки, да мы мало этому вѣримъ. Одинъ, говорятъ, прорѣзалъ ножомъ кожу сзади, да маленькому мальчику (по срединѣ лежалъ) горлышко перерѣзалъ, нечаянно...

— Чего же смотреть начальство?

— Смотрить начальство, да какъ углядишь? Пикеты на каждыхъ пяти верстахъ разставлены.

— Ну и усмотрятъ ли они, что на третьей верстѣ дѣлается?

— Извѣстно, нѣтъ.

— А услышатъ ли?

— Да коли вѣтеръ оттуда, можетъ, и услышать.

— А можетъ, не услышатъ и при вѣтрѣ?

— Чего добраго; пожалуй, и при вѣтрѣ не услышатъ.

— Принимаютъ ли сами извозчики какія-либо предосторожности?

— Принимаютъ, да пользы мало. Самое лучшее — ночью не ѣздить — сказываютъ. У нихъ на трехъ-четырехъ возахъ веревками крѣпко фонари привязаны, чтобы видно было недобраго человѣка. Такъ воръ ихняго брата и тутъ перехитрилъ. Они,

лежа въ канавѣ, швыряютъ камушки такъ мѣтко, что и въ одномъ фонарѣ стекло разобьетъ (а вѣтеръ огонь задуетъ), и въ другомъ, и въ третьемъ... Бросятся возчики къ фонарю, глядятъ — назади одинъ ужъ мастерить свое дѣло — подрѣзываетъ. Они туда, а тамъ ужъ въ другомъ мѣстѣ другой рѣжетъ. Нѣтъ имъ на такое дѣло хуже волчьихъ ночей этихъ, когда не глядитъ мѣсяцъ. Нѣтъ того обоза, на которомъ бы на ту пору трехъ-четырехъ мѣстъ не срѣзали.

— Но когда же все это прекратится!

— А Господь вѣдаетъ: возчики-то и кистени съ собой взять — не помогаетъ...

И между тѣмъ, это лучшая дорога въ Россіи, дорога, усыпанная хрящикомъ, налаженная въ былыя поры и поддерживаемая до сихъ поръ въ состояніи самороднаго, естественнаго шоссе, ровная, гладкая, богатая разнообразными картинными видами; однимъ словомъ, завидная на Руси дорога отравлена такими тяжелыми, непріятными впечатлѣніями, запугивающими разсказами. Сколько хороша дорога эта осенью, столько увлекательна она должна быть весною и лѣтомъ. Высокія горы — ближайшіе отроги Уральскаго хребта, свѣтлыя, бойкія рѣки, людныя селенія, большой билимбаевскій заводъ на дорогѣ: все это рисуетъ иную жизнь, невѣдомую, обхватываетъ новыми впечатлѣніями, неиспытанными. Равнина, безконечная савнина преслѣдовала васъ сыздѣтства; попадались рамъ на путяхъ-дорогахъ и такія горы, при спускѣ въ которыхъ ямщикъ вашъ тормозилъ колеса, потому что эти горы были круты; но были ли онѣ горами, смѣли ли, имѣли ли право называться онѣ этимъ именемъ, которое такъ торжественно и съ такою славою поддерживаютъ, именно, вотъ эти горы, окружающія насъ теперь? Вторую сотню верстъ преслѣдуютъ онѣ насъ всѣмъ разнообразіемъ своего строенія; одни, говорятъ намъ,

богаты мѣдью, другія желѣзомъ, въ третьихъ попадаются цвѣтные камни, такъ любимые и въ печаткахъ и въ запонкахъ; есть цѣлая магнитная гора; вонъ подъ горой разбросалось людное селеніе, въ селеніи этомъ ванны; изъ горы этой текутъ сѣрные ключи, дающіе цѣлебную воду. Живописецъ обогатитъ здѣсь портфель свой до безконечности разнообразными, картинными видами. Рѣдко путешественника ввозятъ на гору, но и съ низменностей, по которымъ идетъ большая половина дороги, виды являются во всемъ своемъ разнообразіи и великолѣпіи; и глазъ не оторвешь отъ диковинокъ, когда дорога, незамѣтно поднявшись на гору, начинаетъ спускаться съ крутого обрыва; тамъ, далеко внизу, разсыпались избы, стоитъ церковь; на кровляхъ ихъ видна мельчайшая подробность, малѣйшая щепка, случайно попавшая туда. Серебристо-зеркальной ленточкой, какъ змѣйка въ тысячу изгибовъ, прокладывается по зеленому полю рѣченка. Она подъ нашими ногами уже и вблизи превращается въ поряточно-бурливую, довольно широкую рѣку, которая оттого, можетъ быть, по мѣстамъ мелка и песчаниста, что обездолилъ ее какой-нибудь дальній заводъ, поживившійся и водой, и ея силой.

Также незамѣтно везли насъ отъ билимбаевского завода въ гору: не чуюлось намъ ея присутствіе, не давалъ и глазъ никакихъ рѣзкихъ и разительныхъ доказательствъ тому: высокія горы, по обыкновенію, стояли далеко впереди. Проѣхали мы и вторую половину станціи, къ деревнѣ Рѣшетамъ, по той же равнинѣ, по такимъ же низменностямъ, какъ это было нѣсколько разъ прежде.

— Гдѣ же Уралъ? — спрашивали мы у ямщика.

— А сейчасъ переѣхали. Онъ тутъ низокъ: совсѣмъ, почитай, не примѣтенъ! — отвѣчалъ намъ ямщикъ, и хотя не сказалъ намъ ничего по-

ваго, но сказалъ сущую правду. Еще учитель гимназiи (Богъ вѣсть, какъ давно!) говорилъ намъ, что Уралъ такъ невысокъ передъ Екатеринбургомъ, что переѣздъ чрезъ него совсѣмъ не примѣтенъ. Тогда вѣрили мы ему на слово; теперь убѣдились въ томъ на самомъ дѣлѣ и фактѣ. Въ этомъ только и была наша находка и выгода!...

И вотъ географическій рубежъ между двумя частями свѣта! Вотъ водораздѣлъ: вода въ рѣкахъ текла къ намъ навстрѣчу, теперь потекла прочь, по направленiю нашего пути. Слѣдующую станцію отъ Рѣшетъ мы ѣхали уже въ Азiи. Сердце наше ёкнуло и затѣмъ говорило намъ многое; воображенiе рисовало туманныя, безутѣшныя картины. Все говорило намъ, что мы въ Азiи, хотя туземцы и увѣряли насъ, что мы еще въ Россiи, а не въ Сибири. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ — долженъ рѣшить Екатеринбургъ и слѣдующее за нимъ длинное пространство Пермской губернiи до рубежа Тобольской, которая уже по всѣмъ правамъ и положенiямъ губернiи сибирская.

Вотъ и Екатеринбургъ — пока въ полусвѣтѣ утреннихъ сумерекъ, — обѣятый до послѣдняго обитателя крѣпкимъ и глубокимъ сномъ.

II.

По Сибири.

Сильный осеннiй дождь, крѣпкiй, порывистый вѣтеръ, изрытая колеями грязная почтовая дорога заставили меня остановиться въ ближайшей деревнѣ, войти въ первую попавшуюся избу. Деревня была вятская; изба, какъ всѣ православныя избы. Дѣло клонилось къ вечеру. Въ избѣ горитъ лучина, тускло освѣщая предметы. Стрекнетъ уголекъ и зашипитъ въ лохани и вспыхнетъ тотчасъ

за нимъ яркая струйка пламени, освѣщая старые, давно мнѣ знакомые и любезные виды и лица. Тускло глядитъ въ правомъ углу на тѣлѣ Божіе Милосердіе: Казанская Владычица, Никола Угодникъ и Праздники. Дѣдушка на полатяхъ лежитъ, по временамъ кряхтитъ, по временамъ зѣваетъ, всякій разъ прикрывая ротъ ладонью и затѣмъ осѣняя его крестнымъ знаменіемъ. Большакъ семьи туезъ гнетъ за столомъ изъ береста; жена его въ лѣвомъ углу шумитъ веретеномъ — нитку тянетъ. Бабушка на печи закатилась отъ кашля, тяжелаго, грудного кашля, которому и конца не видно: имъ она какъ-будто въ послѣдніе разы откашливаетъ небольшіе остатки силы и самую жизнь, тягостную для себя, тяжелую для семьи и для всѣхъ равно бесполезную. Въ избѣ еще дватри мужичка, безъ дѣла, забредшихъ съ улицы, и я, — человѣкъ заѣзжій, жертва безконечныхъ разспросовъ: кто я, зачѣмъ и откуда?

— Изъ Питера ѣду на Амуръ: посмотрѣть тамошнее житье-бытье.

— Далеко же тебя Богъ несетъ. Шибко — сказываютъ — далеко.

— Десять тысячъ верстъ, дѣдушко, насчитали, съ хвостикомъ.

— Эдакихъ-то поди дальнихъ мѣстъ и нѣту больше.

— Есть, дѣдушко, да мало.

— И что это тамъ за Муръ такой проявился? — вступилась хозяйка. — Недавно про него толковать стали: али его допрежъ и на свѣтѣ не было? Вонъ у насъ тутъ мужичокъ туда же собирается. Хорошо ужъ что ли тамъ, на Мурѣ-то на этомъ?

— Хорошо, хозяйшка; такъ — говорятъ — хорошо, что и сказать невозможно. Берега, слышь, кисельные, вода сытовая.

— Это что въ сказкахъ-то сказываютъ?

— Эту-то вотъ, хозяйшка, рѣку и нашли теперь.

— Такъ, родименькой мой, такъ. Оттого-то, стало, народъ туда и охотится.

— Оттого и охотится, что и золота-серебра тамъ много, и камнями многоцѣнными прудъ пруди; и птицы человѣчьимъ голосомъ молву ведутъ. Виноградъ растеть, хозяйюшка!

— Это какой же такой виноградъ растеть?

— А вотъ большаки-то твои въ кабакъ водку покупають. А тамъ, вишь, дерево такое растеть, что и въ кабакъ ходить не надо. Рви съ него ягоду, жми ее — вино будетъ. Тигры, хозяйюшка, водятся.

— Ну, ужъ и это мнѣ невдомекъ твое слово.

— А это звѣрь такой, что волка лютеѣ, медвѣдя сильнѣе.

— Такъ чѣмъ же сторонѣ-то оттого лучше, что такое лютее звѣрье живетъ?

— А это звѣрье (велятъ понимать) — благодатную сторонку обозначаетъ. Въ худыхъ мѣстахъ не живетъ оно. Тѣмъ и начальство тамошнее хвастаетъ. Съ ихнихъ словъ и я тебѣ сказываю. За что купилъ, за то и продаю.

— Ну, а еще-то что, родименькой мой?

— Да чего тебѣ больше? Будетъ съ тебя и этого. Лучше-то этого есть мѣста, да не наши.

— А ты, баба, не слушай его! — вступился старикъ. — Не слушай его, потому сказывалъ вѣдь онъ тебѣ, что изъ Питера ѣдетъ. Столичный народъ — извѣстно — на похвальбу озорной. Извини ты меня на этомъ крутомъ словѣ, а это дѣло такъ, вѣрно оно. Сказывай ты лучше, какова земля-то тамъ?

— Хороша земля, ужъ если виноградъ родится.

— Да онъ-отъ родится, для него-то она можетъ и хороша, а для хлѣбушка поди и не споркая; хлѣбушка-то она можетъ, и не подыметъ, силы-то ему своей, соку-то и не дастъ. Всякая вѣдь тоже и земля у Бога живетъ. Наша вотъ ячмень ро-

дить хорошій, рожь самую наилучшую. Къ Архангельскому городу купцы наши возять: нѣмцы, слышь, не нахвалятся. А, вотъ къ примѣру, пшеницы хорошей землѣ нашей не поднять ни за что; на то есть тамъ гдѣ-то, на низу такая земля, гдѣ пшено выходить, что янтарь, чистое, на свѣтъ прикинешь, такъ какъ бы стеклышко, чуть-чуть чужого глазу не видно. Вѣрно, братъ, это, ей Богу! А живаль ли тамъ, въ землѣ твоей, допрежъ этова народъ какой?

— Нѣтъ, не живаль; земля впустѣ лежала.

— А лежала земля въ пустыряхъ и народу въ ней не жило — на землю ты на эту похвальбы большой не клади: подождемъ, посмотримъ сначала, поразспрошаемъ. Знаешь ли ты, что нѣтъ для мужика крещонаго того зла на свѣтѣ злѣе, какъ вотъ съ этими новями возиться. Такъ трудно, что и сказать не можно! Тутъ кажинный день чуть не зубомъ выковыриваешь, кажинной корешокъ чуть не ногтемъ окаличиваешь; а и поднимешь землю, зерно положишь — двумя засывами она тебя не порадуетъ; ты такъ и знай, что многого она не дастъ; земля эта еще крѣпко набалована; траву давать любить. Надо такъ, чтобы на Муръ на твой народъ шелъ со своимъ запасомъ на четыре года, а на Муръ бы на твой не надѣялся.

— За что же ты его моимъ, дѣдушка, называешь?

— А за то, что ты его уже крѣпко превознесъ, возвеличилъ.

— Да вѣдь я съ чужого голоса тебѣ сказываль, а самъ я его не видалъ. За тѣмъ вотъ и ѣду теперь.

— И поѣзжай, Господень ты человекъ, самъ присмотри за всѣмъ, что тамъ и какъ, да въ добромъ здоровѣ къ намъ возвращайся и обсказывай. А допрежъ ты того ничего не хвали и не

смушай ты своими наказами крещенаго люда, не соблазняй...

Простыя слова простого вятскаго челоѣка до сихъ поръ звучать для меня всею простосердечною истиною и до сихъ поръ памятны для меня, переданныя почти въ томъ видѣ, въ какомъ были получены. Прошелъ тому уже не одинъ мѣсяцъ; многое я уже могъ забыть; помню, что въ летучей, на скоро надуманной и затѣянной бесѣдѣ не было съ моей стороны ничего, что могло бы заставить старика находить въ простыхъ моихъ словахъ значеніе соблазна. Снимаясь съ мѣста, я видѣлъ въ Амурѣ новую страну — интересный предметъ, для изысканій: вотъ и все. Тогда только начинались еще споры съ двухъ противоположныхъ сторонъ, несогласныхъ во многихъ положеніяхъ. По временамъ и урывками доходили и до меня на дорогѣ остальные подробности этого интереснаго спора: враждующія стороны не сходились уже между собою ни въ чемъ. Амуръ принималъ для меня видъ загадки, истинный смыслъ рѣшенія которой заключался въ хитромъ сплетеніи фразъ, противорѣчившихъ другъ другу фактахъ. Путаясь въ дѣльныхъ и недѣльныхъ подробностяхъ, вопросъ объ Амурѣ завязывался сложнымъ узломъ, развязать который желалось ежечасно, но могли это сдѣлать только время и самое мѣсто. Препятствія были ничтожны, хотя и огромное разстояніе отдѣляло меня отъ цѣли моей поѣздки; но тамъ, гдѣ существуютъ въ Россіи правильно организованныя средства къ переездамъ — переезды эти легки и возможны. Нѣтъ, правда, тѣхъ удобствъ, которыми такъ комфортабельно обставилась Западная Европа, множество лишеній сопровождаютъ еще до сихъ поръ каждого, кто рѣшится на дальнюю дорогу, но и противъ этихъ злыхъ и непримиримыхъ враговъ существуетъ вѣрное специфическое средство —

привычка. И я ѣхалъ впередъ, ѣхалъ и думалъ:

„Счастливъ я буду, когда, наконецъ, судьба приведетъ меня къ тому мѣсту, къ которому давно уже стремятся и около котораго давно уже вращаются всѣ мои помыслы; и трижды-четырежды буду счастливъ я тѣмъ, когда та же судьба и случай поставятъ меня въ возможность внести и свое слово въ рѣшеніе того вопроса, какимъ такъ занято было на тотъ разъ все русское общество. Но пусть это мое слово будетъ твердо и истинно!“

„Тамъ, на Амурѣ, — думалось мнѣ, — совершается теперь и долго будетъ продолжаться интересный, поучительный процессъ перерожденія разныхъ національностей во имя новой страны, по степени вліяній климатическихъ, физическихъ, административныхъ; тотъ процессъ, который до сихъ поръ ускользалъ отъ исторіи, съ трудомъ наслѣженный по ту сторону океановъ: въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ и въ Новой Голландіи. Тамъ — на Амурѣ — работы много, и работа эта несетъ и заботу, и наслажденіе.

— Ищите тамъ, — говорили мнѣ одни, — того развеселаго русскаго горя, которое... сказывается пѣсней, какой нѣтъ уже ни у какого другого народа.

— Ловите слова, пословицы, — совѣтовали мнѣ другіе, — да нѣтъ ли такого новаго слова и новой пословицы, въ которыхъ бы также всецѣло и неподражаемо мастерски улеглась добытая умомъ и жизнью какая-нибудь интересная сторона житейской мудрости. Пусть она дышетъ тѣмъ же горькимъ юморомъ, какъ и всѣ другія: безъ того нашъ русскій человѣкъ и не высказывается, и чѣмъ больше этого юмору, тѣмъ лучше: стало быть, есть еще надежда на будущее.

— Собирайте, — говорили мнѣ третьи, — и соби-

райте старыя преданія, собирайте все, что ни попадется интереснаго, — во всемъ амурскомъ есть для всѣхъ уже что-то притягательное, что-то общающееся и, даже, можетъ быть, — обновляющее“.

И я снова ѣхалъ впередъ, ласкаемый надеждой на святость дѣла, въ которомъ и мнѣ предлагается малая крупица, полный вѣры въ неопровержимую пользу того края, которымъ судьба хочеть соединить нашу Россію въ Восточнымъ океаномъ — этимъ Средиземнымъ моремъ будущаго, какъ условились и привыкли говорить объ океанѣ въ то время.

„На Амурѣ сталкивается Россія съ Китаемъ, — опять думалось мнѣ. — То и другое государство сходятся лицомъ къ лицу; то и другое неизбѣжно должны выставить свое для сравненія, для поученія. Одно упорно держится за старыя вѣрованія, за высиженное вѣками взаперти на своихъ правилахъ; но и имѣть, вслѣдствіе того, уже многія застывшія формы, облеченныя въ форму закона и религіи. Другое, также упорно державшееся за старыя преданія, теперь готово обновиться... Борьба между этими двумя незнакомыми элементами неизбѣжна, и при томъ неизбѣжна на первыхъ же порахъ: можетъ быть, она уже и началась на Амурѣ. Кяхта не примѣръ: тамъ и цѣль, и самый характеръ сношеній должны быть до крайней степени дружелюбны. Коммерція начиналась оружіемъ, но никогда не сопровождалась имъ. Другое дѣло Амура, взятаго наскоро, только теперь обставляемаго, какъ собственность Россіи, какъ такая страна, на которую одна только Россія и имѣть право“.

— Слѣдите же, — говорили мнѣ многіе, — чья возьметъ. На чьей сторонѣ будетъ больше побѣды, хотя бы признаки ея были пока мелки, едва уловимы. Способны ли мы имѣть силу національнаго вліянія на чуждыя народности; не

осилить ли насъ крутая, упорная національность манчжурская и останется въ цѣлостности своей и особенности; возмуть ли они отъ насъ что-нибудь и нѣтъ ли у нихъ того, чему бы и намъ самимъ можно было поучиться? Такъ же ли устойчивы и самобытны останутся другія племена приамурскія, какъ остаются крымскіе татары и черемисы, или такъ же падутъ подъ вліяніемъ славянскаго элемента, какъ пали другія племена: вотяки, мордва и вогулы?...

Всѣ эти вопросы и предначертанія, преслѣдуя одинъ другого, уясняли и создавали новые въ послѣдовательной связи, въ замѣчательномъ количествѣ. Время, между тѣмъ, уносило пространство. Мелькнулъ чистенькій, каменный Екатеринбургъ; торговый и хлопотливый Шадринскъ. Дорога вела по настоящей Сибири, хотя пермяки отказывались отъ названія сибиряковъ, уклончиво и наивно указывая границу Сибири съ Россіею тамъ, гдѣ она сошлась съ границею губерній Тобольской и Пермской. Вотъ и Сибирь, и сибиряки и — ничего рѣзкаго, ничего, бросающагося въ глаза на первыхъ порахъ. Круто завертывали октябрьскіе морозы, бойчѣ бѣжали лошадки; народъ глядѣлъ нѣсколько веселѣе и толковалъ посвободиѣ: ни дать ни взять, какъ въ благословенныхъ странахъ архангельскаго края. Изумляетъ поразительное сходство говора въ названіи предметовъ первой необходимости, относительная чистота домашнихъ помѣщеній и еще немногое. Вотъ и могила Ермака, историческій Иртышъ, на-дняхъ только остановившійся и еще не успѣвшій затянуться въ зимній саванъ: ребрами стоялъ ледъ, запружая дорогу и являя ту же безобразную картину, какую имѣетъ и Нева послѣ перваго ледостава. Бурлила вода быстрого Иртыша въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ оставилъ полыньи, еще не успѣвшія затянуться даже саломъ. Мы вѣхали въ гору крутымъ об-

рывистымъ оврагомъ; за горой раскинулась деревушка.

— Далеко ли у васъ тутъ Бараба-то? — спрашивалъ я.

— Да вотъ Бараба все и пойдетъ отъ нашей деревни. Мы ужъ въ степи живемъ.

— Чѣмъ же ваша степь отличается отъ той, которую мы сейчасъ проѣхали передъ Иртышемъ?

— Ничѣмъ не отличается, да, видишь, ужъ такъ прозвали. Бараба, стало-быть, и пошла отъ нашей деревни чуть ли не до самаго Томска.

Какъ бы то ни было, но вотъ и Барабинская степь — одна изъ тѣхъ степей, которыми, вообще, богата Россія; только эта — самая большая изъ нихъ, но едва ли меньше ихъ скучная, тоску наводящая. Уныло глядятъ чахлыя деревья, рѣдко разставленныя по сторонамъ, по большей части, сиротливыми кучками; но чѣмъ дальше въ степь, тѣмъ меньше этихъ перелѣсковъ. Большими, безконечно длинными полосами легла прохваченная морозомъ и пожелтѣлая ковыль-трава, до которой, можетъ быть, отъ вѣковъ некасались коса и грабли. Иногда по годамъ проходятъ тутъ палы, при представленіи которыхъ у рѣдкаго сибиряка не дрожитъ сердце; рѣдкій сибирякъ ихъ не любить. Быстро перебѣгаютъ эти лѣсные пожары съ одного мѣста на другое огненными змѣями и — говорятъ — поразительны по своей картинности и по опасности: иногда сгораютъ огромные годовые запасы сѣна, а иногда и (весьма нерѣдко) цѣлыя деревни.

Въ 1761 году приступлено было къ заселенію большого почтоваго тракта по Барабинской степи на 600-верстномъ протяженіи. Только три форпоста до того времени служили станціями для курьеровъ, и по степи пролегали чуть примѣтныя тропы. Въ четыре года сибирскій губернаторъ Чичеринъ — одинъ изъ энергичныхъ и замѣ-

чательныхъ администраторовъ этого отдаленнаго края, — успѣлъ заселить степь и преимущественно тѣми помѣщичьими крестьянами, которые присылались сюда за развратное поведеніе, въ зачетъ рекрутъ. Въ эти четыре года они успѣли расчистить лѣса, построить дома, устроить мосты, гати, запастись замедѣльческими орудіями, благодаря строгой дисциплинѣ и расправѣ съ ссыльными, о которыхъ еще много въ народной памяти свѣжихъ преданій. И вотъ, черезъ сто лѣтъ, трудно уже наслѣдить примѣтные признаки новыхъ поселеній. Деревни людныя и длинныя; крѣшко-поддержанные дома и прочно-устроенныя хозяйства рѣзко бросаются въ глаза даже при бѣгломъ обзорѣ, при такой быстрой ѣздѣ, про которую давно уже на цѣлую Россію прошла слава и вошла даже въ азбучныя картинки подъ названіемъ: „сибирскій ѣздокъ“. Еще до сихъ поръ съ честью поддерживаютъ славу барабинскіе „дружки“, хотя уже и нѣтъ тѣхъ докучливыхъ криковъ и дракъ, съ какими нѣкогда выбѣгали они на дорогу, и каждый изъ поселенцевъ тащилъ проѣзжаго на свой дворъ.

Операція эта производится теперь гораздо проще, и для того, чтобы воспользоваться ея приложеніемъ, надо непременно съ почтоваго тракта свернуть на проселочный, „надружковъ“, какъ называютъ тамъ. Трактъ этотъ, по которому везутъ дружки, на 150 верстъ короче почтоваго. Выигрывая во времени, проѣзжій лишень докучливыхъ формальностей и избавленъ отъ непріятности видѣть самые тоскливые изъ тоскливѣйшихъ городовъ русскихъ и сибирскихъ, каковы Ишимъ и Ялуторовскъ; даже казенный, форменный Омскъ остается въ сторонѣ и не показывается.

Первый дружокъ, принимая проѣзжаго съ почтовой тройки, обыкновенно торгуется о количествѣ прогонъ и непременно на тройку; на царѣ, сколько я могъ замѣтить, дружки ѣздить не лю-

бать. Торговля о цѣнѣ происходитъ недолго: сибирякъ сговорчивъ; въ переторжкѣ его нѣтъ того упорства, той досадной сдѣлки съ другими, которая московскихъ ямщиковъ, въ уговорахъ съ сѣдокомъ, доводитъ до упрямства, до остротъ вначалѣ и даже до дерзкихъ словъ потомъ. У Рогожской и Крестовской заставъ проѣзжіе нерѣдко кончаютъ разговоры въ ямщицкихъ кружкахъ тѣмъ, что ведутъ ямщика въ полицію, или тутъ же на мѣстѣ производятъ короткую расправу собственно-ручно. Тамъ ужъ какъ-то ямщики и привыкли къ этому. Мнѣ не разъ — къ крайней досадѣ — приводилось слышать отъ нихъ отвѣтъ на это такого сорта: „Гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, тамъ безъ крику, безъ драки — нельзя! Деньги — дѣло жаркое и щекотливое. Мнѣ меньше взять не хочется, сѣдоку дать больше не трафится: вотъ мы и снимаемся, подеремся и поругаемся. А тотъ и ямщикъ — не ямщикъ, который на сѣзжей не ночевывалъ“. Совсѣмъ не таковъ сибирскій дружокъ. Съ нимъ перекинешься друмя-тремя словами, и дѣло въ шляпѣ. Дружокъ даже спѣшитъ съ вами кончить сдѣлку, зная и какъ бы боясь, что вотъ-вотъ тотчасъ же изъ-за угла выскочить его сосѣдъ, да не одинъ и не два, а цѣлый десятокъ, которые тотчасъ же пойдутъ съ нимъ на перебой, возьмутъ дешевле, и онъ не повезетъ. Главное дѣло, кажется, тутъ не въ томъ, чтобы взять дешевле, а, именно, въ томъ, чтобъ самому везти, а не передавать этого дѣла въ чужія руки.

Кончивши дѣло такимъ образомъ съ однимъ, вы уже кончили въ то же время дѣла со всей Барабой и остальнымъ трактомъ до Томска. У перваго дружка отличная тройка, но плохой экипажъ, какая-нибудь разбитая, мочалами связанная кошевка или легонькія саночки; у него — неисправимое поползновеніе ѣхать вскачь и — что называется — и въ хвостъ и въ гриву, на сколько

хватить у лошадей духу и силы; и въ то же время — рѣдко хорошо выѣзженная тройка. Большая часть лошадей бѣшенныя, какія-то угорѣлыя, непослушныя. Мнѣ всегда почти случалось садиться у крыльца въ сани въ то время, когда ворота на улицу были заперты, и тройку, сильно храпѣвшую и рывшую ногами снѣгъ, держали двое-трое подъ уздцы. Ямщикъ бросался въ кошеву наскоро, иногда опрокидывался вверхъ ногами, оправлялся, обматывался вожжами. Отпирались ворота: сподручники отскакивали въ сторону, тройка бѣшено вырывалась на улицу; рѣдко успѣвала ямщикъ уснаравливать ее вдоль улицы, прямо на выѣздъ: по большей части тройка налетала на сосѣдній домъ, въ ближайшія открытыя ворота, черезъ дворъ въ огорождъ, изъ огорода въ сосѣдній оврагъ, куда выкидывала и меня, и ямщика, и мои чемоданы, и его теплую оленью или козулью даху. Такимъ образомъ случилось . со мною два раза. Постромки и вся упряжь путалась, съ трудомъ лошади выводились на трактъ и на улицу, при помощи брата, сына ямщика, который откуда ни брался на помощь, размахивая руками и нещадно ругая и лошадей, и оврагъ, и сосѣда, который, на бѣду, растворилъ ворота: словно тотъ и не могъ этого-де сдѣлать послѣ. Полдороги потомъ лошади мчали насъ вскачь, рѣдко по главному полотну дороги; большею частію по степнымъ кочкамъ и рытвинамъ: и только съ половины пути, усталыя и измученныя отъ собственной безразсудной рьяности, начинали вступать въ права настоящихъ развѣзжихъ лошадей, съ крупною и быстрой рысью.

— Отчего ваши лошади такія шальныя? — спрашивалъ я барабинскихъ ямщиковъ.

— Оттого, что степныя. Все онѣ у насъ лѣто въ степи гуляютъ на вольной волѣ, гдѣ хотятъ, оттого и сердитыя такія.

— Гдѣ же вы ихъ покупаете?

— У киргизъ покупаемъ, въ Петропавловскѣ, рублей пятьдесятъ на серебро за самую ужъ наилучшую платимъ. Лошадку киргизъ продастъ, а уздечку ни за какія тысячи не отдастъ. На деньги онъ сговорчивъ; деньги ему любви, а лошадей у киргиза довольно. Степи ихнія лучше нашихъ.

— Однако, если лошади ваши всѣ бѣшенныя, то и ѣзда съ вами на охотника!

— Да вотъ на такого, какъ и ты же!

— Я другой разъ съ вами не поѣду.

— Поѣдешь, братъ, не рассказывай. Эдакъ-то вотъ толковалъ Красноярскій купецъ въ прошломъ году, когда ему Ёмка въ оврагѣ шею сломалъ, а нонче вотъ опять пробѣжалъ въ Рассею на нашихъ лошадкахъ. Кому дѣло къ спѣху — такіе завсегда съ нами; почтовые возятъ хуже, а степь-то наша, вишь, она скучная какая!

Дѣйствительно, скучная степь: убійственное однообразіе окрестностей, голыя пространства, малая населенность, полное — з и м н е е — отсутствіе всяческой жизни: все противъ васъ. Однообразіе степныхъ пространствъ сбивается даже до того, что ужъ если показалась впереди роща, послѣ долгой степной глади, за рощей этой непременно раскинется деревенька; и непременно — роща эта тщательно расчищена, деревенька неправильно разбросана, улица кривая и узенькая; дома крѣпко поддержанные, и опять-таки непременно ящикъ ѣзетъ къ своему дружку. Тамъ въ четверть, много въ полчаса, запрягутъ лошадей, дружка стараго усадить чай пить, накормить за дружбу и поворотимство всякою съѣстною благодатью, въ которой замѣчается изумительное обиліе. Въ Филиппово загавѣнье я увидѣлъ у нихъ за ужиномъ плошку съ бараниной, другую — съ поросенкомъ; жирныя щи со свиной, пироги съ рыбой, безсмертныя пельмени, пельмени на всемъ трактѣ отъ Екатерин-

бурга, и вѣчный, почти безсмѣнный чай, чай въ тѣхъ неистовыхъ размѣрахъ, съ какими услаждаются этимъ китайскимъ напиткомъ одни только московскіе купцы въ трактирахъ и ресторацияхъ на Никольской улицѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Съ избыткомъ живутъ барабинскіе поселенцы и рѣдко можно встрѣчать такой достатокъ въ другихъ мѣстахъ Россіи и Сибири.

Остальныя впечатлѣнія Барабинской степи ничтожны и утомительны: всегдашніе длинные обозы съ мѣстами чаю; всегда распущенные, несвязанные возы: лошади вразбродку по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно проѣхать встрѣчному. Валить въ снѣгъ ваши сани, вашу тройку, летитъ ямщикъ вашъ, летите въ сугробы вы сами; перебраниваются извозчики съ ямщиками — и все одно и то же по нѣскольکو разъ въ день. И опять „станокъ“, и опять вы въ чистенькой, теплой избѣ дружка вашего ямщика. Къ другому васъ не повезутъ, да другіе уже и не выбѣгаютъ. Иногда робко, исподтишка подойдетъ къ кошевѣ вашей, когда вы въ ней одни сидите, какой-нибудь молодецъ въ дахѣ или полу шубкѣ и спроситъ:

— По чемъ вы за тройку платите?

— По три копейки серебромъ согласились.

— А мы бы и по двѣ копеечки взяли съ твоей милости, да и лошадей-то бы получше впрягли, не такихъ одровъ.

Да тѣмъ и удовольствуется, и отойдетъ, положи напраслину на своего сосѣда, — можетъ быть, во всѣхъ другихъ случаяхъ его закадычнаго пріятеля. У новаго ямщика вашего такія же хорошія лошади изъ степей, отъ киргизовъ; онъ и самъ такой мастеръ и охотникъ быстро ѣздить, какъ и всѣ прежніе. Недаромъ же про нихъ про всѣхъ идетъ такая слава; недаромъ же ихъ считали долгое время (а многіе и до сихъ поръ) потомками коренныхъ русскихъ ямщиковъ: московскихъ, тверскихъ и новгородскихъ. Хуже лошади становятся по Барабѣ

послѣ того, какъ мелькнетъ мимо васъ печальнѣйшій городъ Тюкала, а особенно, когда проѣдете Колывань, городъ безъ крышъ, беспорядочно разбросанный, исключенный изъ числа (уѣздныхъ) окружныхъ городовъ Томской губерніи.

И снова остальные впечатлѣнія сбиваются на одно: на безконечные возы съ чаемъ, на желтенькіе домики этаповъ въ каждомъ селеніи, домики холодные, отапливаемые только въ назначенный день прихода кандалной партіи. Изрѣдка разнообразить впечатлѣнія и самая эта кандалная партія: но ужъ лучше, если бы она и не разнообразила. Медленнымъ шагомъ, побрякивая цѣпами, тянется она во всю длину селенія и мучительно-тоскливымъ голосомъ поетъ свою такъ называемую „милосердну“, и выбѣгаетъ на пѣсню эту народъ изъ домовъ, и тянутся руки туземцевъ съ подаваніемъ грошика, семитки, куска пирога, чернаго хлѣба. Партію угонять въ острогъ и запрутъ тамъ. Черезъ часъ пойдетъ по селенію одинъ изъ кандалныхъ — артельный староста — за новымъ, одиночнымъ сборомъ. На третій — на четвертый день обгоняете вы новую партію, впереди которой, на отдѣльной подводѣ въ одну лошадку, мелькнетъ мимо васъ этапный офицеръ; онъ только обгонялъ партію, но не отошелъ отъ нея, вѣрно служа свою трудную, безпокойную и опасную службу.

— А не бѣгутъ они изъ партіи, не вводятъ въ отвѣтъ офицера? — спрашивалъ я у ямщиковъ, и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ:

— Да вѣдь они на сдѣлкѣ съ нимъ. Хорошо-де будешь, и все станешь отдавать намъ по положенію, тебѣ же поможемъ. Было разъ такъ, что трое бѣжали, а офицеръ-отъ хорошій былъ, любили его. „Позволь — сказывали — ваше благородіе: мы ихъ сами поймаетъ!“ отпустилъ — согласился. Два дня проходили, на третій и сами

пришли и бѣглыхъ привели. Они, вѣдь, каторжные-то, смиренны, когда въ кандалахъ идутъ.

— Да вѣдь бѣгутъ же они, бѣгаютъ часто?

— А ужъ это съ мѣстовъ бѣгутъ, гдѣ ихъ посадятъ; изъ заводовъ бѣгутъ, а изъ кандалной партіи это рѣдко бываетъ. Вотъ начнетъ весна обогрѣвать землю — жди гостей.

— И они для васъ не опасны, вы не боитесь ихъ?

— Смирной народъ; его только не трогай, а онъ тебя не тронетъ; ты его только на родину-то пропусти: ее-то ему подай, о ней-то у него и забота. Мы вотъ лѣтомъ-то на страду ходимъ, такъ на оконцѣ (на полочкѣ на такой) и хлѣбца выставлемъ, и молочка, и пирожка. Вернемся домой: все съѣдено — значить варнаки были. А и въ избу зайдемъ: все на мѣстѣ, ничего не переворощено. Большими же они артелями бѣгаютъ, чело-вѣкъ по тридцати и больше.

— И вы ихъ не ловите?

— А вотъ станутъ холода завертывать, онъ самъ на заводъ придетъ, бери его руками. Одежка у него — значить — поизмызгалась; холода-то сибирскіе — дѣло не слишкомъ привышное, ну да и нагулялся. Возьмутъ его — постегаютъ; а къ веснѣ — онъ опять уйдетъ, по осени — онъ опять придетъ. Много есть и такихъ, очень много. Да вонъ мужичонко сторонкой идетъ — видишь?

Ямщикъ показалъ на окраину дороги. Я уви-дѣлъ мужика съ котомкой за плечами, въ рваномъ полушубкѣ. Онъ шелъ смѣло и не смотрѣлъ на насъ, какъ-будто даже ему проѣзжій — дѣло привычное. Шелъ онъ медленнымъ, спокойнымъ шагомъ.

— Какую ты мнѣ поруку дашь? — спрашивалъ меня ямщикъ, — какую поруку дашь, что не варнакъ это? Спроси у него пачпортъ — не отыщешь. А бредетъ вотъ онъ себѣ — и Христосъ съ нимъ!

— А гдѣ онъ полушубокъ-то себѣ взялъ?

— Да стащилъ, поди, гдѣ. Не безъ того!

— Такъ вотъ, видишь же, не всѣ они такіе хорошіе, какъ ты рассказывалъ мнѣ.

— Ну да всякіе же, всякіе живутъ. Такъ вѣдь и опять тебѣ тоже молвить надо; на то человѣку и глаза въ лобъ ввинчены, чтобы всякой за своимъ добромъ глядѣлъ, не отдавалъ бы добра своего лихому человѣку. По пословицѣ: плохо лежить — воръ корысть. Эти варнаки еще что?! противу этихъ оборона есть; варнакъ тебя боится, потому ты его по начальству можешь представить. А ты меня научи, какъ вотъ намъ съ амурцами дѣлать?

— Кого же ты амурцами называешь?

— Да вотъ года три стали новыхъ гостей къ намъ гонять. Видишь, народъ туда для сельбы понадобился, и стали вотъ изъ Расей солдатъ отправлять... Партія большія, народъ отпѣтой... А по мнѣ, какой ужъ въ этомъ народѣ прокъ?

— Что же они такое дѣлають?

— Да все, что неладно-то, чего бы не надо-то, то они и дѣлають. Начать съ того, что бабъ нашихъ очень обижаютъ, пристають. Ты вотъ отъ него отвернуться не успѣлъ, а ужъ онъ къ твоей бабѣ лѣзетъ... Опять же скверно и то, что верують. Ты отвернулся -- а онъ у тебя и стащилъ что-нибудь...

И у ямщика моего даже улыбка скользнула по лицу.

— Что же такое они сдѣлали?

— Ловко сдѣлали, ей Богу, ловко: слышать даже пріятно, пущай что неладное, да скверное такое дѣло сдѣлали.

— Въ чемъ же дѣло-то?

— Да и дѣло-то такое, что никакъ ты не думаешься — никакъ ты не смекнешь: вотъ какъ чисто сдѣлали!

— Расказывай же, сдѣлай милость!

— Стояли они, амурцы эти, въ одной тутъ избѣ, въ нашей деревнѣ, а у бабушки три внука съ меня ростомъ: большіе ребята. А вотъ вѣдь ухитрились, сдѣлали же, сорванцы!...

Съ великимъ трудомъ наладилъ я ящика своего на разсказъ: такъ онъ былъ увлеченъ и очарованъ поступкомъ амурца. И между тѣмъ, все дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Одинъ изъ амурцевъ, успѣвшій уже обрѣзать полы казеннаго полушубка до половины и заложить овчинки съ подолу, признанныя имъ за лишнія, въ ближайшемъ кабацѣ, нашелъ свою овчинную куртку невыгодною въ путешествіи. Стоя въ избѣ, на которую указалъ ящикъ, амурецъ этотъ замѣтилъ на полатахъ новую хозяйскую овчинную шубу. Утащить ее смѣло и рѣшительно онъ не могъ: изъ избы не выходили хозяева во все время и зорко слѣдили за гостями. Амурецъ пустился на хитрость: онъ легъ на полати отдохнуть, съ позволенія хозяевъ, успѣлъ въ это время отрѣзать у шубы оба рукава и надѣть ихъ на ноги. Когда партія вышла изъ деревни, вышелъ вслѣдъ за другими и этотъ солдатикъ. Мужички изъ деревни — по обыкновенію — провожали партію за околицу; провожали ее и хозяева солдатика. Этотъ не прошелъ и версты, какъ вернулся назадъ и побѣжалъ прямо въ тотъ самый домъ, гдѣ стоялъ на дневкѣ. Тамъ оставалась одна старуха и младшій сынъ. Амурецъ вбѣгаетъ впопыхахъ:

— А я у васъ, бабушка, шубу забылъ.

— Какую шубу? — не видала на тебѣ такой.

— Овчинную, бабушка, шубу забылъ, новую.

— Да новая-то шуба вѣдь наша. Вечорась шведы дошивали.

— У тебя, бабушка, не бываетъ такой: моя шуба солдатская, безъ рукавовъ.

— Безъ рукавовъ у насъ не живетъ шубы! —

ворчить бабушка; — коли найдешь безъ рукавовъ шубу — твоя шуба.

— Давай-ко я ее пойщу; твою найду — тебѣ отдамъ. Я спряталъ ее подъ вашу лопатину на тотъ случай, чтобы нашъ же братъ солдатикъ не стащилъ ее.

Сталъ искать и, конечно, нашелъ ее тамъ, гдѣ самъ положилъ, и, конечно, безъ рукавовъ. Увидѣлъ ее и парень — отдалъ шубу солдату:

— Твоя, солдатикъ, шуба, коли безъ рукавовъ шуба. Наша съ рукавами была; зачѣмъ мы ее безъ рукавовъ шить станемъ?

Такимъ образомъ, пока они искали свою новую шубу съ рукавами — солдатикъ уже былъ далеко.

На новомъ станкѣ — новые рассказы про похождения амурцевъ. Въ третьемъ мѣстѣ то же...

— Куда же идутъ всѣ эти краденныя амурцами вещи? что ихъ понуждаетъ на эти кражи? — спрашивалъ я людей опытныхъ и присмотрѣвшихся къ поведеніямъ амурскихъ поселенцевъ.

— Да дальше кабака они вещей этихъ еще не носили! — отвѣчали мнѣ. — Посмотрите вы на тѣ селенія, которыя счастливятъ своимъ пребываніемъ питейные дома и пьющіе гости изъ Россіи: сколько въ нихъ шуму, исторій; сколько въ нихъ бѣшеной, пьяной жизни, о которыхъ наши смирные сибиряки и понятія не имѣютъ; грязныхъ подробностей, которыхъ имъ и во снѣ не снилось! Бываютъ у насъ въ Сибири свои, домашніе загулы съ трескомъ и визгомъ, но мы такихъ еще и не видавали. Разъ въ году бушуютъ наши промысловыя партіи, заручившіяся большой и бѣшеной копейкой на золотыхъ промыслахъ. Но и тѣ какъ-то годъ отъ году становятся замѣтно тише, пьютъ легче, бушуютъ меньше. Не слышать уже, давно не слышать безрасудныхъ поливаній шампанскимъ тѣхъ дорогъ, по которымъ благоугодно будетъ проѣхать нашему, сошедшему съ ума на золотъ, золо-

топромышленнику. Не ѣздить уже они на бабахъ, запряженныхъ въ сани, по улицамъ сель и деревень; не мечутъ уже они въ толпу горстей серебра и золота. Глядя на хозяевъ, угомонились и промысловыя партіи. Есть еще у нихъ загулы и пропойства, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, съ какими производятъ ту же операцію амурскіе солдаты, которымъ удастся гдѣ-нибудь ловко поживиться чужимъ плохо положеннымъ добромъ. Противъ нашихъ промысловыхъ буяновъ и пьяницъ приняты уже мѣры даже самими хозяевами, противъ амурскихъ нужно принять такія же мѣры.

— На все это дастъ отвѣты время и обстоятельства; можетъ быть, поблагопріятствуетъ даже самая случайность. Вѣдь выросло же въ Сибири изъ ссыльныхъ поселенцевъ русскихъ — здоровое, мыслящее и способное племя сибиряковъ, у которыхъ есть хорошая и (можетъ даже быть) блестящая будущность.

— Давай-то Богъ вашими устами да медъ пить... Поѣзжайте дальше — увидите и услышите многое сами! — говорилъ мнѣ одинъ изъ коренныхъ, одинъ изъ умѣйшихъ сибиряковъ.

И я снова ѣхалъ впередъ, ѣхалъ много и долго, ѣхалъ до того долго, что и у меня, какъ у Калиновича въ романѣ А. О. Писемскаго („Тысяча душъ“), ямщикомъ очутилась, наконецъ, баба. Только тогда уже узналъ я объ этомъ, когда она сняла даху въ избѣ своего дружка и когда шипѣлъ на столѣ приготовленный для нея самоваръ.

Не было со мной попутчика купца, который бы оговорилъ ямщика-бабу; не было и ямщиковъ, которые подняли бы ее на смѣхъ. Все на этотъ разъ казалось обыкновеннымъ. Ямщики-дружки спросили ее только „какова дорога?“ и ни однимъ замѣчаніемъ, ни единой насмѣшкой ее не обидѣли.

— Что тебя, тетка, заставляетъ ѣздить: не бабье вѣдь это дѣло? — спрашивалъ я.

— Кому же и ѣздить-то, коли у меня хозяина въ дому нѣту?..

Такъ же молодцевато вскочила и соскочила она съ облучка. Такъ же бойко и послушливо бѣжали и у ней лошади, какъ бы и у любого ямщика, какъ бы, наконецъ, у той же бабы Писемскаго, которая везла Калиновича съ купцомъ. Даха и нѣсколько грубый мужской голосъ довершили мое очарованіе.

Но вотъ Бараба кончилась; кончилась и не Бараба — то пространство, которое отдѣляетъ ее отъ Томска. Томскъ потребовалъ съ моей стороны нѣкоторой остановки для отдыха. Сзади меня легли слишкомъ тысяча верстъ и восемь сутокъ скорой ѣзды днемъ и ночью; то и другое круто сказалось на моихъ спинѣ и плечахъ и на всемъ физическомъ составѣ. „Нѣтъ, — думалось мнѣ на тотъ разъ, — и курьерская ѣзда требуетъ призванія и подготовки. Хорошо испивать горькую чашу всю разомъ до дна, но и на это нужно умѣнье и споровку“.

Отрадно, весело и привѣтливо мелькнулъ передо мною этотъ одинъ изъ лучшихъ сибирскихъ городовъ, не уступающій даже во многихъ отношеніяхъ столицѣ Восточной Сибири — Иркутску. Составляя одинъ изъ главныхъ центровъ золото-промышленной дѣятельности, Томскъ хорошо обстроенъ; нѣкоторые дома его отдѣланы даже роскошно и комфортабельно. Правда, что такихъ домовъ немного; правда, наконецъ, и то, что Томскъ во многихъ и лучшихъ мѣстахъ погорѣлъ и до сихъ еще поръ не оправился; все же онъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе въ проѣздѣ. Городъ носитъ тотъ видъ, какъ-будто онъ еще не совсемъ готовъ и продолжаетъ еще строиться, какъ будто въ немъ и самое общество еще неготово и усиленно, старательно стремится въ дружную, согласную семью. Томскъ вызываетъ много вопросовъ и на многіе изъ нихъ даетъ самъ отвѣты положительные и безапелляціонные. Что до меня

лично, то на меня городъ этотъ произвелъ отрадное, освѣжающее впечатлѣніе. Въ малой, избранной части общества, но передовой по своему положенію, я встрѣтилъ много хорошаго. Небольшой кружокъ этотъ серьезно и внимательно слѣдитъ за движеніемъ мысли, за умственной и практической жизнью обновляющейся Россіи; ему не чужды интересы прогресса, онъ уже успѣлъ соединиться въ тѣсную дружескую кучку, ведущую еженеѣльно оживленные, серьезные бесѣды, какія носятъ названіе литературныхъ вечеровъ. Мыслящіе люди, безъ подготовки, безъ церемоніальныхъ приглашеній, назначаютъ себѣ день и часъ для сходки, ведутъ бесѣду о какомъ-нибудь — болѣе знакомомъ всѣмъ и каждому — предметѣ, спорятъ и въ большей части случаевъ расходятся поздно вечеромъ. При мнѣ читали двѣ бесѣды: о ядахъ и о взглядѣ магометанъ на Евангеліе. Та и другая оставляли крупныя, живыя и свѣжія впечатлѣнія. Жаль, если и это общество постигнетъ та же участь, какая постигла въ самомъ началѣ иркутское педагогическое общество. Въ Томскѣ между учителями гимназій и профессорами семинаріи есть много людей съ свѣжими и крѣпкими силами, еще не надорванными ни рутиной, ни пошлостью жизни, которая вращается вокругъ и около. О той половинѣ томскаго общества, которая играетъ въ карты, я на этотъ разъ говорить не стану. Съ одной стороны, оно похоже на всевозможныя провинціальныя общества, а съ другой — имѣетъ крупныя отмѣны и различіе (но и объ этомъ — послѣ, въ другое время). Бѣглымъ, летучимъ замѣткамъ нельзя подводить итога. Да и пора — на Амуръ!

Много несется уже о немъ свѣжихъ слуховъ; слухи эти становятся учащеннѣе, хотя и звучатъ еще глухо, неполно, даже и тамъ, гдѣ лежитъ граница между Восточной Сибирью и Западной.

На пути за Томскомъ попадаютъ еще два не-

чальныхъ городка; города это только по названію: одинъ новопожалованный изъ села Кіи — Маріинскъ, другой раскиданный — Ачинскъ. Первый начинаетъ уже испытывать ту печальную участь, какую несутъ всѣ русскія села, переименованныя въ областныя и уѣздныя города. Нѣкогда въ Кіи сосредоточивалось сильное торговое движеніе, по поводу найма въ этомъ мѣстѣ рабочихъ на золотыя промыслы. Ачинскъ же никогда не игралъ значительной роли. Это — первый городъ Восточной Сибири. Скоро за нимъ и Красноярскъ, поразительный по горамъ, обступившимъ его со всѣхъ сторонъ и по отсутствію снѣга въ самомъ городѣ и кругомъ его на тридцать и больше верстъ. Весь снѣгъ сносится частыми въ тѣхъ мѣстахъ и сильными вѣтрами. Красноярскъ — главный центръ золотопромышленной дѣятельности, соперничающій только съ однимъ Енисейскомъ, но все-таки городъ не изъ лучшихъ. И онъ какъ-будто застроенъ и не додѣланъ: много пустырей, огромныхъ площадей, но мало домовъ прочныхъ, хозяйственныхъ, стародавнихъ.

Мало несетъ дорога живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Нетерпѣливо хочется, если не достигъ, то, по крайней мѣрѣ, скорѣе приблизиться къ вожделѣнной преднамѣренной цѣли поѣздки. Амуръ начинаетъ преслѣдовать меня даже до смѣшного, до случайностей. Въ Томскѣ пріѣхали мы ночью: часовъ пять искали гостиницы, попали въ какой-то трактиръ, гдѣ наскоро отдѣлили особенную комнату съ диваномъ, съ какими-то портретами, относительно чистенькую и для жилья сносную. Утромъ на другой день, выѣзжая изъ воротъ трактира въ городъ, я обернулся назадъ, чтобы по вывѣскѣ узнать и запомнить названіе заведенія, — вижу курсивными, косыми буквами съ какими-то диковинными завитками, на вывѣскѣ этой начертано: „Гостиница Амуръ“. Въ Красноярскѣ, тоже

на-угадъ, по приѣздѣ, ночью, въ первой, попавшейся изъ трехъ существующихъ гостиницъ, та же исторія: на выѣскѣ еще прихотливѣе курсивъ гласилъ мнѣ (какъ-будто на пущее зло и досаду): „Амуръ, гостиница для господъ приѣзжающихъ“.

Амуръ еще далеко, ужасно далеко, и новыя впечатлѣнія, новые виды заслоняютъ гадательныя представленія о немъ. Правда, что впечатлѣній этихъ немного и всѣ они такія тусклыя, такія не-радостныя. Длинный, чуть не тысячеверстный путь до Иркутска, холодные станціонные дома, покрашенные убійственно-досадной желтой краской, какой покрашены тѣ же этапы, все еще преслѣдуютъ васъ на каждомъ станкѣ (по-сибирски), или станціи (по-русски). На станціонныхъ домахъ нечего достать изъ съѣстного. Словно-крѣпкая нужда подошла къ этому краю; почтовые книги исписаны жалобами проѣзжихъ купцовъ на невыдачу лошадей, на задержки на станціяхъ иногда болѣе сутокъ, и проч., и проч. Весь этотъ трактъ мало населенъ, замѣчательно безлюденъ. Самое населеніе его шло путемъ какой-то случайности, ничего вѣрнаго, все неудачи. Вотъ эта коротенькая исторія.

По указу Павла I (отъ 17 октября 1799 года) назначено было 2.000 поселенцевъ въ Забайкалье. Часть ихъ была отправлена туда, но тамъ сильно поднялись цѣны на хлѣбъ, чувствовался недостатокъ продовольствія. Сенатъ, указомъ отъ 3 сентября 1801 года, велѣлъ остановить находившихся въ пути переселенцевъ, а въ 1802 году поселить ихъ по тракту отъ Красноярска до Иркутска и въ Нижнеудинскомъ округѣ. Въ эту категорію поселенцевъ вошли (по смыслу указа) преступники, которые не подлежали ссылкѣ въ каторжную работу, и которыхъ указано было называть сначала просто ссыльными, а по истеченіи десяти

лѣтъ, смотря по поведенію и прилежанію къ земледѣлію, государственными крестьянами, и помѣщичьихъ людей съ зачетомъ въ рекруты, не старѣе 45 лѣтъ. Отставнымъ солдатамъ, которые отъ воинскихъ командъ назначены были, и которыхъ, по указу сената, и по населеніи указано было считать государственными поселянами, предоставлено было на ихъ собственную волю право селиться въ Забайкальи. Дѣйст. ст. сов. Лабу, командированный сенатомъ для удостовѣренія, какъ въ образѣ пересылки, такъ и въ способахъ обзаведенія людей пересыльных, нашелъ, что люди отправлены были отъ помѣщиковъ въ рубищахъ, почти полунагими и безъ достаточнаго числа кормовыхъ денегъ; деньгами довольствованы были безразсчетно, и выданныя по рукамъ были промотаны. Большая часть поселенцевъ этихъ денегъ не получила, большая часть изъ нихъ принуждена была продавать свое платье. Толпами бродили поселенцы по дорогамъ съ женами и дѣтьми, питаются мірскимъ подаяніемъ, къ крайнему отягощенію обывателей. „Смѣшавшись между собою, поселенцы часто утрачивали свои документы, съ которыми нерѣдко терялись и извѣстность о происхожденіи и званіи ихъ. Нигдѣ не было смотрителей, обязанныхъ заботиться о содержаніи поселенцевъ. Между послѣдними были люди (противъ положенія), имѣвшіе свыше 45 лѣтъ; между другими же были дряхлые старики, увѣчные, неспособные къ поселенію. Съ беременными женщинами и съ больными поступали небрежно: ихъ возили за партіями въ самомъ жалкомъ положеніи, оттого нѣкоторые безвременно умирали; женщины рожали въ телегахъ“. Кормовыя деньги для поселенцевъ присылались обыкновенно впередъ по почтѣ въ губернскія правленія: въ иркутскомъ было до 25 тысячъ, изъ которыхъ выдана малая часть при проходѣ небольшого числа переселенцевъ черезъ Ир-

кутскъ. Изъ двухъ тысячъ душъ явились на мѣста только 1454 человѣка.

Но — дальше въ дорогу.

Еще два ничтожныхъ города попались на пути: одинъ маленькій, сбившійся въ кучу, Канскъ, и другой — Нижнеудинскъ. Тѣ же этапы въ каждомъ селеніи, тѣ же лошадиныя трупы, валявшіеся подлѣ дороги: надъ ними носились — по обыкновенію — черныя, густыя стаи вороновъ. Я бы не придалъ этому обстоятельству особеннаго значенія ни тогда, ни теперь, если бы оно было слишкомъ обыкновенно на русскихъ дорогахъ и замѣтно поразительно по сибирскимъ. Дороги по Барабѣ, дорога между Томскомъ и Красноярскомъ, между Красноярскомъ и Иркутскомъ, на рѣдкомъ перегонѣ не пополнены этимъ атрибутомъ, какъ-будто онъ неизбѣженъ, какъ-будто онъ такъ обыкновененъ, что на него и не стоитъ обращать вниманія. Я, однако, рѣшался спрашивать ямщиковъ и всегда получалъ одинъ отвѣтъ:

— Курьеры заматываютъ очень ужъ крѣпко — много наѣзжаетъ ихъ, а есть между ними такіе крутые господа, что упаси Господи! Никакой ты его молитвой не умолишь; такъ уже и просить ихъ побаиваемся: не просимъ.

На станціяхъ получаешь какіе-то темные, неопредѣленные совѣты объ осторожности при проѣздѣ, въ-потемъ и по ночамъ, и короткій отвѣтъ: „варнаки-де гуляютъ, пошаливаютъ, а мѣста глухія“. И вотъ, не доѣзжая до Иркутска двѣтри станціи, ямщикъ обращается ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Я теперь лошадокъ-то потише пушу, — пушай вздохнуть; а вотъ, какъ съ лѣскомъ-то дальнымъ станемъ равняться, я, ужъ во всю прыть погоню; надо-то мѣсто шибче проѣхать.

— Отчего же такъ?

— Да на-дняхъ тутъ купца съ приказчикомъ

ограбили. Слѣдствіе наѣзжало, да еще не знаемъ, кто сотворилъ экое нехорошее дѣло...

Дѣло было къ вечеру. Глухою полночью подѣхалъ я къ Иркутску благополучно. Было начало декабря; глубокіе снѣга лежали по дорогамъ и окрестностямъ; но Ангара не поддавалась еще морозамъ, и мрачно оттѣнялась передъ нами темною, широкою полосою. По ней шла уже, такъ называемая, шуга или сало, которое обезпечивало возможность предположенія, что рѣка должна скоро покориться сибирской зимѣ и покрыться льдомъ, хотя и на короткое время — два-три мѣсяца. Я перѣхалъ Ангару въ лодкѣ и очутился въ Иркутскѣ, въ которомъ судьба судила мнѣ найти радужный, искренній привѣтъ, теплую дружбу и — теплый уголь.

Почти два мѣсяца прожилъ я въ Иркутскѣ. Бѣглыми, летучими замѣтками отдѣлываться отъ него я не имѣю права и не въ силахъ этого сдѣлать по той причинѣ, что пребываніе мое тамъ — одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Но теперь опять-таки скорѣе — на Амуръ и къ Амуру!

Байкаль, сибирское море, на то время покрылся уже льдомъ, давая возможность сократить путь и избавляя отъ того мучительнаго, такъ называемого, кругоморского пути, о которомъ ни одинъ сибирякъ и не-сибирякъ не могутъ вспоминать безъ ужаса. Высокія горы, дурно устроенныя дороги, ѣзда верхомъ надъ пропастями: все — говорятъ — враждебно противодѣйствуетъ смѣлому рѣшенію ѣхать тамъ. Байкаль-море успѣлъ уже на время нашего проѣзда дать длинныя и широкія (аршина въ $2\frac{1}{2}$) трещины, на которыя клались доски — и проѣздъ совершался благополучно. Двѣ станціи (около 50 верстъ) вели насъ по льду невдалекѣ отъ берега, и одна станція въ 55 верстъ, на пересѣченіе, поперекъ, къ монастырю Посольскому.

И вотъ я въ Забайкальѣ, судьба котораго такъ тѣсно и неразрывно связана съ настоящими и будущими судьбами вновь прибрѣтеннаго Россіей Амурскаго края. Отсюда шли (и идутъ до сихъ поръ) первые и большая часть поселенцовъ; отсюда же идетъ хлѣбъ и все необходимое для насущныхъ, первыхъ надобностей. Амуръ безъ Забайкалья существовать не могъ, не можетъ въ настоящее время, и едва ли будетъ въ состояніи еще и на долгое, будущее время обходиться безъ помощи этой благословенной, плодородной страны. Изученіе и знакомство съ этимъ краемъ едва ли не важнѣе изученія самаго Амура, а изученіе Амура безъ крайняго знакомства съ положеніемъ Забайкальскаго края и невозможно и даже невысказуемо. Но и у Забайкальскаго края есть своя исторія правительственнаго, не самопроизвольнаго заселенія, и исторія эта весьма недавняя и, во всякомъ случаѣ, поучительная. На ней-то я и останавлиюсь пока на нѣкоторое время.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія правительство наше съ большою заботливостью, сравнительно съ населеніемъ другихъ сибирскихъ мѣстъ, занялось заселеніемъ Забайкальскаго края. Указомъ отъ 17 октября 1799 года повелѣно было: 1) поселить тамъ на первый разъ до 10.000 душъ; 2) поселеніе начать съ сентября 1800 года, чтобы къ тому времени заготовить все нужное; 3) подъ поселеніе отвести удобнѣйшія мѣста между Байкаломъ, рѣкою Верхнею Ангараю, Нерчинскомъ и Кяхтою, назначая на каждую душу по 30 десятинъ; 4) при отводѣ этомъ не касаться пространства, находящагося между городомъ Верхнеудинскомъ и Читинскимъ острогомъ, если оно занята харинскими бурятами, ни другихъ мѣстъ, кому-либо принадлежащихъ, или кочующими народами занятыхъ; 5) селенія расположить такъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ болѣе 100 дворовъ не

было, и тѣ селенія расположить позади линій государственныхъ крестьянъ, разумѣя отъ китайской границы; 6) на первой разѣ построить для 200 душъ, въ назначенныхъ селеніяхъ, дома на счетъ казны, запаста хлѣба на $1\frac{1}{2}$ года, приготовить земледѣльческія и другія орудія, снабдивъ поселянъ потребнымъ скотомъ для обзаведенія и сѣменами для посѣва, а на отдаваемыхъ съ зачетомъ въ рекруты, какъ они берутся безъ разбора, взыскивать съ помѣщиковъ жалованье и провіантъ на годъ, съ обыкновенною при рекрутскихъ пріемахъ обувью и платьемъ; 7) когда первые 2.000 человекъ поселены будутъ, должны они въ свободное время отъ работъ заготовлять дома для слѣдующихъ на будущій годъ поселянъ, и для того первое поселеніе расположить такъ, чтобы въ назначенномъ для селенія мѣстѣ было бы не болѣе 20 дворовъ; 8) до совершеннаго устройства поселеній губернское начальство обязано опредѣлить попечительныхъ, надежныхъ и знающихъ сельское хозяйство надзирателей; 9) каждый пришедшій поселянинъ свободенъ отъ всякихъ податей десять лѣтъ, а солдатамъ быть наравнѣ съ прочими таковыми же поселянами въ другихъ мѣстахъ; 10) однакожъ, предполагается, не въ видѣ податей, а для общей пользы того края, особливо же для приходящихъ вновь, собирать съ каждой души хлѣба въ магазины по одному четверику, начиная съ перваго урожая. Иркутскій военный губернаторъ Леццано исчислилъ на это 98.156 руб. 22 коп. и предполагалъ для постройки 334 домовъ употребить самыхъ поселенцевъ, съ дачею имъ плакатныхъ денегъ. Сумма, назначенная Леццано, была ассигнована, но согласія на второе предложеніе не дано затѣмъ, чтобы не изнурить съ перваго раза людей, еще неимѣющихъ пристанища. Сенатъ предписалъ немедленно заготовить третью часть домовъ, а

орудія и инструменты доставить съ казенныхъ заводовъ.

Затѣмъ неудача слѣдовала за неудачей, какъ я уже и имѣлъ случай говорить выше по поводу заселенія тракта между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Для удостовѣренія, какъ въ образѣ пересылки, такъ и въ способахъ обзаведенія переселенцевъ, посланъ былъ Лаба. Лаба — по свидѣтельству г. Пейзена (изъ статьи котораго я дѣлаю эти извлеченія) — отведенныя за Байкаломъ земли нашель къ поселенію неудобными, разбросанными на пространствѣ болѣе 4,000 верстъ. Взамѣнъ того, онъ отыскалъ 150,000 десятинъ самой плодородной земли въ томъ краѣ. Лаба не нашель также ни нужнаго количества хлѣба для водворенія первыхъ 2,000 душъ, ни назначеннаго числа домовъ для помѣщенія ихъ (исключая 35, построенныхъ и купленныхъ, въ которыхъ и водворено 236 человѣкъ семьями). По представленію Лабы, начертаны были правила, по которымъ въ Забайкальѣ велѣно обратить всѣхъ людей прежнихъ, обзаведшихся и водворившихся въ другихъ мѣстахъ поселенцевъ и не стѣсня солдатъ въ свободѣ выбора мѣстъ. На каждую семью положено выдать по одной лошади, по одной коровѣ, по три овцы, по три свиньи.

Вообще все дѣло шло не только крайне неудачно, но и противорѣчило тѣмъ намѣреніямъ, съ какими предпринято было устройство поселеній за Байкаломъ. Все дѣло поправиль Трескинъ, иркутскій гражданскій губернаторъ, и привелъ его въ исполненіе быстро — въ одинъ (1807) годъ. По его распоряженіямъ переселенцы, по прибытіи на мѣсто водворенія, были тотчасъ снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства. Земли для первоначальныхъ посѣвовъ приготовлялись самими поселенцами или прежде водворенными. Лѣса рубились въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Дома строились по чертежу, изд. 1772 года, для двухъ семей, состоявшихъ изъ одного женатаго и двухъ холостыхъ. Положено въ каждомъ двухъ селеніяхъ завести по одной кузницѣ и выстроить во всякомъ новомъ селеніи запасныя магазины, въ которые и собирать хлѣбъ съ перваго урожая, назначенное число. Чтобы обезпечить женитьбу поселенцевъ, Трескинъ просилъ иркутскаго архіепископа предписать сосланныхъ въ Забайкалье дѣвицъ и женщинъ не вѣнчать ни съ кѣмъ, кромѣ поселенцевъ, что и было исполнено. Скотъ для поселенцевъ покупался въ Верхнеудинскомъ округѣ и у харинскихъ бурятъ, дѣлавшихъ — по приглашенію начальства — въ пользу поселеній значительныя безмездныя пожертвованія. Кромѣ того, нѣкоторые частныя лица добровольно приносили значительныя пожертвованія. Петровский заводъ изготовлялъ земледѣльческія и домашнія орудія¹.

Какимъ образомъ производилось все это дѣло, какими подробностями обставлялось оно и о процессахъ дальнѣйшихъ, новѣйшихъ поселеній и переселеній за Байкаломъ — мы позволяемъ себѣ говорить потомъ, дальше, въ своемъ мѣстѣ. Но не можемъ при этомъ не остановиться на томъ грустномъ и многознаменательномъ фактѣ, что вообще поселеніямъ въ Восточной Сибири какъ-то не счастливилось. Западной Сибири въ этомъ отношеніи выпала болѣе благопріятная доля. По-

¹ На каждый домъ поселенца выдавалось: одна корова, топоръ двурубной, долото, два бурава, большой и малый скобель, ножъ, косярь, котель желѣзный или чугунный въ 10 фунтовъ. На каждую семью полагалось: лошадь, двѣ овцы, двѣ свиньи, конская упряжь съ приборомъ, десять сажень веревки, пара сошниковъ, топоръ плотничій, коса-литовка, два серпа; хлѣба для поста: ржи или ярицы по 12 пудовъ, ячменю по 6 пудовъ, овса по 6 пудовъ, сѣмена коноплянаго по одному пуду, и на продовольствіе на восемнадцать мѣсяцевъ каждому поселенцу муки ржаной по 36 пудовъ, и соли по одному фунту въ мѣсяцъ; и дѣтямъ противъ всего половину. Съ 1807—1809 поселенія основывались; потомъ, въ послѣдующее десятилѣтіе, устроились. Результаты были благопріятны: въ Нерчинскомъ округѣ число скота замѣтно увеличилось. Причину этому обстоятельству полагають въ изобильныхъ и превосходныхъ пастбищахъ.

селенцы, помѣщенные по рѣкѣ Вилюю (109 душъ), не имѣютъ осѣдлости, крайне облѣнились, ѣдятъ рыбу и сосновую кору. Съ жителями Амгинской слободы (въ 200 верстахъ отъ Якутска) совершился диковинный фактъ: люди славянской расы превратились (посредствомъ браковъ) въ якутовъ, утратили русскій типъ, нравы, обычаи, языкъ; находятся въ бѣдности и безъ хлѣба, замѣняя его сосновой корой (въ числѣ 400 душъ). Но въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ не благоприятствуетъ климатъ; тамъ нѣтъ ни сѣнокосныхъ, ни удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества (кромѣ Амги и Алдана). При столкновеніи съ этимъ краемъ — оказалась даже невозможною гужевая дорога, стоившая казнѣ огромныхъ издержекъ, не принесшихъ никакой пользы. Въновь проложенный путь (въ 1852 году) отъ Якутска до Аяна, на который издержано 20,000 руб. и переселено 211 душъ, ничѣмъ не отличается отъ стариннаго несноснаго пути по болотамъ къ Охотску. Мѣстность тамошняя — лѣсистая и болотистая; климатъ — недружелюбно суровый и переселенные люди — жалкіе. Но и тутъ опять-таки препятствія физическія: обширныя тундры и кочковатыя болота, лѣтомъ превращающіяся въ непроходимыя топи, потомъ каменистыя и утесистыя горы съ горными потоками, безпрестанно мѣняющими свое направленіе. Нельзя строить ни мостовъ, ни перевозовъ. Въ 1853 г. пытались было снова между Амгою и Охотскомъ (на 803 верстахъ) устроить поселенія, но и эти попытки рухнули ... Противъ природы не пойдешь!

„Въ Америкѣ — говоритъ г. Пейзенъ въ концѣ своей статьи — въ Америкѣ духъ предпріимчивости, промышленныхъ и торговыхъ спекуляцій имѣлъ послѣдствіемъ, что цвѣтущія колоніи, города, мануфактуры, фабрики возникаютъ съ немовѣрною быстротою: всему этому осталась чужда

Сибирь! Казалось бы, для населенія столь огромнаго края, какъ Сибирь, много должны были способствовать ссыльные поселенцы, которыми наполняется Сибирь вотъ уже двѣсти лѣтъ и которыхъ ежегодно присылается сюда по нѣскольку тысячъ. Но, къ сожалѣнiю, должно сказать, что въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ развились въ Сибири золотые прииски, колонизація ссыльными не достигаетъ дѣйствительной своей цѣли: ссыльные увеличиваются только числомъ, но влiянiе ихъ на заселенiе края и развитiе въ немъ предпрiимчиваго духа — самое ничтожное“.

Неужели такая же судьба ждетъ и амурскiя поселенiя? Для Амура обстоятельства сложились иначе, благопрiятнѣе. Сзади администраторовъ лежитъ цѣлая исторiя всяческихъ колонизацiй, начиная отъ Америки и Ботанибея до французскихъ поселенiй въ Алжирѣ и до русскихъ — въ оренбургскихъ и саратовскихъ степяхъ. Тутъ и тамъ — готовыя ошибки, которыя опасны такъ, какъ опасны кораблю банки и рифы; тутъ и тамъ — готовыя формы, по которымъ съ перваго разу можно отливать оконченные образы. За Амуромъ — право, Богомъ благословенной страны, богатой климатомъ, роскошной растительностью, — на половину тѣ же условiя физическiя, какiя представляетъ Забайкалье, на половину тѣ, которыя схожи съ условiями недавнихъ поселенiй въ Охотскомъ краю. За примѣромъ и поученiемъ ходить недалеко. Подъ бокомъ у Амура богатая, хлѣбородная, готовая въ своихъ формахъ страна; глубокия воды, удобныя для сплавовъ отъ слiянiя главныхъ рѣкъ до самаго дальняго изъ всѣхъ океановъ — Восточнаго. Такъ ли все это творится тамъ, какъ творилось прежде, или взяты новыя источники, приложены нынѣшнiя правила, не менѣе логичныя и послѣдовательныя?

Вотъ всѣ тѣ вопросы, которые естественно возникаютъ впереди всѣхъ другихъ и требуютъ правдиваго, неподкупнаго отвѣта. Съ вѣрою въ возможность легкой добычи матеріаловъ, при всяческомъ обезпеченіи, съ убѣжденіемъ въ несомнѣнную пользу всѣхъ выводовъ и наблюденій, и, наконецъ, съ твердымъ намѣреніемъ говорить только то, въ чемъ можно убѣдиться только при личномъ наблюденіи — приближался я, не торопясь и исподволь, къ вождѣльному и темному для меня Амуру. Осталась сзади меня Карымская степь съ бурятами, городъ Чита, выстроенный на печальномъ и неудобномъ мѣстѣ; городъ Нерчинскъ — не тотъ Нерчинскъ, куда по указу 1797 года велѣно отсылать уголовныхъ преступниковъ, — этотъ Нерчинскъ-городъ онъ населенъ по преимуществу коренными сибиряками и заводскими, отслужившими свой срокъ, крестьянами; слишкомъ въ 200 верстахъ лежитъ отъ города ссыльное мѣсто каторжныхъ, носящее названіе Нерчинскаго завода (который почему-то привыкли у насъ смѣшивать съ мирнымъ городомъ Нерчинскомъ). Здѣсь, въ послѣднемъ, въ двухъ соборахъ стараго и новаго города, сохраняются тѣ образа, которые были нѣкогда съ казаками на Амурѣ, въ Албазинѣ, двѣсти лѣтъ тому назадъ. А вотъ и село Бянкино, въ тридцати верстахъ отъ города, съ нѣкоторою остановкою для меня.

Предоставляя себѣ право снова обратиться къ этимъ мѣстамъ для болѣе подробнаго описанія, я теперь прямо и непосредственно перехожу къ тому времени, въ которое я приблизился къ Амуру. На этотъ разъ я пока принужденъ буду ограничиться мелкими замѣтками, какія удалось мнѣ вносить въ дневникъ по мѣрѣ того, какъ амурскія подробности бросались въ глаза. Добытыя простымъ путемъ личныхъ наблюденій и разспросовъ, замѣтки эти останутся въ томъ же видѣ и въ томъ

же порядкѣ, въ какомъ онѣ наскоро вписались въ дневникъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ ловились на мѣстѣ, попадались подъ перо въ тотъ же самый часъ, даже въ тѣ самыя минуты.

Въ то время, когда рѣка Шилка понесла свой послѣдній весенній ледъ, отправился и я вслѣдъ за нимъ по теченію рѣки къ Амуру изъ села Стрѣтенскаго, на которомъ прекращается лѣтній телѣжный путь. Стрѣтенскъ разлучалъ меня надолго съ сухопутьемъ, со способами переѣздовъ, родными и привычными съ дѣтства. Мнѣ предстоялъ впереди длинный и продолжительный водяной путь по Амуру, обѣщавшій со временемъ превратиться въ не менѣе безотрадный морской путь. Быстро плыла моя лодка по теченію Шилки, подгоняемая еще такъ называемою коренною водою. Вода эта — по туземнымъ примѣтамъ — сопровождаетъ, а иногда и совпадаетъ съ весеннею прибылою водою отъ рѣчныхъ льдовъ. Коренная вода набирается отъ ручьевъ и источниковъ изъ оттаявшихъ болотъ и горныхъ родниковъ. Быстро плыла моя лодка на этой коренной водѣ, скоро мелькали мимо меня берега и селенія, и вотъ что писалось на ту пору въ дневникѣ:

„Общія впечатлѣнія рѣки Шилки неблагоприятны. Разъ задалась она извѣстнаго рода картинами — и потомъ на всемъ своемъ долгомъ протяженіи и пошла писать все одно и то же, повторять одни и тѣ же виды съ ничтожными измѣненіями. Течетъ она прихотливо-извилисто: горы направо, горы налѣво, большею частию каменистыя, а иногда и сплошь каменные. Растительность не изъ богатыхъ, деревья рѣдки, отчасти, можетъ быть, и оттого, что сильно вырублены. Можетъ быть, тамъ, за горами, деревья эти образуютъ сплошной лѣсъ, но на побережьяхъ лѣса эти глядятъ рѣшительными рошіями. Тамъ, гдѣ горы отойдутъ отъ воды и выдвинутъ впередъ себя лощину, низмен-

ность: станица стоитъ, село выстроилось. Таковы: Бянкино, Володино, Стрѣтенскъ, Шилкинскій заводъ, Горбица и друг. Тамъ, гдѣ выбѣгаетъ изъ лощины (по здѣшнему — пади) прибрежныхъ горъ рѣка Черная, бойкая и быстрая, теченіе Шилки сильно. Черная прямо бьетъ въ утесъ противоположнаго берега.

— Немного не усноровишь, — говорилъ мнѣ гребецъ, — какъ разъ на эту скалу наскочишь. Плоты и баржи казенныя здѣсь зачастую бѣдуютъ.

Утесъ, обрѣзанный водой и какъ-будто подрубленный снизу, чрезвычайно картиненъ съ лодки. Вода подъ нимъ и визжитъ, и шипитъ. Шипитъ она и журчитъ во многихъ мѣстахъ и на дальнѣйшемъ протяженіи — тамъ, гдѣ изъ ложбинъ между скалъ выбѣгаютъ горныя ручьи, всегда бойкіе, иногда минеральныя, какъ, напр., въ Ключахъ (въ деревнѣ въ 5 верстахъ отъ Бянкиной ¹).

Станицы, расположенныя по берегамъ — грустноунылаго вида, который еще болѣе мрачится тѣми сѣрыми, полусгнившими частоколами, за которыми берегутъ, во время дневокъ, каторжныхъ, кандалныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Остроги эти, преслѣдуя отъ Москвы черезъ всю Сибирь, наконецъ, кончаются здѣсь Шилкинскимъ заводомъ (казеннымъ стекляннымъ, гдѣ теперь работаютъ по волѣ; каторжныхъ уже нѣтъ). При устьѣ Кары, по берегу Шилки, выстроилось длинное зданіе госпиталя для больныхъ каторжныхъ. Здоровые изъ нихъ работаютъ въ 15 верстахъ отъ того мѣста, на такъ называемыхъ карійскихъ промыслахъ. Тамъ-то вотъ и послѣдній, самый дальній изъ остроговъ, крайній пунктъ, до котораго тянутся кандалныя партіи изъ-за Урала. Остроговъ этихъ нѣтъ уже на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи Шилки.

¹ Ключъ этотъ, давшій свое названіе деревнѣ — кислый; открывается онъ на поверхности земли въ юнѣ по собственной прихоти, гдѣ вѣдывается.

За Горбницами Шилка уныла, лѣса очень часты, сплошные и непочатые: ничтожныя по величинѣ площадки вырублены на 28—30 верстахъ для зимниковъ, въ которыхъ живутъ почтовые ямщики. Шилка передъ сближеніемъ съ Аргунью, круто поворачиваясь къ югу и загибаясь, — камениста, къ тому же и теченіе ея становится быстрой и прямо идетъ на скалы. Гребцы-ямщики не брались везти моей лодки даже и въ ту легкую потемнь, которая характеризовала на то время весеннія забайкальскія ночи. Равняясь съ Аргунью, Шилка расходится на три протоки (средняя глубже другихъ), между которыми образовались два небольшихъ острова и видно было много дичи: куликовъ и утокъ, поднимавшихся надъ водой густыми, шумливыми стаями. Аргунь выпла также двумя протоками, но самая широкая изъ нихъ немногимъ больше самой узкой протоки шилкинской. Повидимому, Аргунь меньше Шилки и къ тому же — какъ говорятъ — очень камениста. Видъ на сліяніе этихъ рѣкъ очень хорошъ: оставленная казаками станица (или караулъ) — Усть-Стрѣлка прилѣпилась къ невысокой, правда, скалѣ, но такой, которую вѣнчаетъ высокій гребень горъ лѣсистыхъ, шилкинскихъ. Высокіе же гребни горъ пошли по правому прибрежью Аргуни и затянулись синевой и тою картинною мрачностью, до какихъ такіе охотники живописцы морскихъ видовъ ...

Начался Амуръ, тотъ Амуръ, до котораго два года уже стремились всѣ мои помыслы; два года ледѣйная въ моемъ воображеніи, сильно расхваленная одной стороною, значительно униженная другой, но для меня, во всякомъ случаѣ, рѣка вождейная. Радостно бьется сердце по мѣрѣ того, какъ весла моей лодки зачерпываютъ воду уже амурскую, а не шилкинскую. Шилкинская вода послѣ малоснѣжной зимы сиротлива: баржи и

лодки казеннаго сплава то и дѣло становились по мелямъ...

Виды Амура на первыхъ порахъ не представляютъ ничего особеннаго; они служатъ только продолженіемъ шилкинскихъ: та же лиственница (начинающая уже зеленѣть), та же береза, что и по Шилкѣ; Амуръ даже и не шире ея теченіемъ. Если оба берега Шилки обставились крутыми горами — отрогами Яблоноваго хребта безразлично и одинаковой мѣры, зато берега Амура начинаютъ уже какъ-будто сдавать и подчиняться общему закону всѣхъ рѣкъ на свѣтѣ. Правый его берегъ пошелъ круче: скалы отвѣсны, на лѣвомъ берегу чаще показываются низменности, за которыми чернѣютъ и синѣютъ дальнѣйшія горы; и опять всюду лиственница. Ледъ, разбросанный по обоимъ берегамъ Шилки, разбросанъ и по обоимъ берегамъ Амура, гдѣ онъ и будетъ изнывать на солнечныхъ лучахъ, распространя вредныя міазмы и заразы. Теченіе воды въ Амурѣ становится замѣтно спокойнѣе, дѣлается какъ-будто торжественнѣе, особенно по сравненіи съ теченіемъ Шилки.

Вотъ и первая амурская станица — Покровская — изъ новыхъ, существующая только три года.

III.

На Амуръ.

(Первыя путевыя впечатлѣнія.)

1. Отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска.

На лѣвый берегъ Амура вышелъ частоколъ и потянулся внизъ по теченію на цѣлую версту; за частоколомъ этимъ тотчасъ огороды (на этотъ разъ съ расчищенными грядами); въ огородахъ торчатъ черные пни обгорѣлыхъ толстыхъ деревьевъ; такіе же точно пни попадаютъ и въ тѣхъ узкихъ проходахъ, которые ведутъ между огородами на улицу. Улица эта узка и обставлена въ одинъ рядъ домами, которыхъ на этотъ разъ 23. Дома въ одно жилье, въ два-три окна, новенькіе; многіе даже безъ крышъ, съ голыми стропилами. За домами пустыри, огороженные на образецъ двориковъ; въ нихъ кое-гдѣ загороди, высланные соломой для скота; на нихъ бродятъ куры, свиньи, телята. Кое-гдѣ за домами амбарушки; у весьма рѣдкихъ — баня. Сзади селенія потянулся лѣсъ, который кое-гдѣ успѣли уже расчистить и засѣять. Вотъ общій видъ первой амурской станціи — Покровской.

Зашелъ я въ избу: тамъ — свѣтло, чисто, поразительно опрятно (зимой-де было тепло). Снаружи все приглажено, все вычищено: столъ по-

венькій, печь недавно бѣленая. Но каково-то въ печи и на столѣ?

— Ничего, слава Богу, живемъ помаленьку; привыкаемъ.

— А не тоскуете по родинѣ?

— Да чего тосковать-то? Здѣсь еще, пожалуй, и лучше: повольнѣе...

— То есть, какъ повольнѣе?

— Да вотъ хоть бы насчетъ пашни и огородовъ: пашни и городьбу городи, гдѣ хочешь: мѣста много. Наряды ужъ очень обижаютъ...

— Какіе наряды!

— Да кое-куда: все больше насчетъ стройки. Не успѣтъ парень домой вернуться — опять шлютъ. Вонъ тамъ, пониже-то, Черняеву станицу строить.

— А свыклись между собою?

— Живемъ ладно: не ссоримся. Жены вотъ больше, ну да вѣдь это ихное дѣло — извѣстно. Очень намъ неохота гарнизонныхъ солдатъ принимать...

— Отчего же?

— Пакостять много. Уйдешь ты на службу, а онъ норовить, какъ бы къ женѣ твоей. Съ этими тяжело.

— Это дѣло пущай бы бабы и дѣлали; пусть бы, какъ знаютъ, и расправлялись.

— Такъ опять же пользы-то отъ нихъ мало видать. Какіе ужъ они работники?

Выступаетъ впередъ толпы старикъ сѣдой:

— Я вотъ старъ. Въ прошломъ году у меня въ Амурѣ сынъ потонулъ, другой при мнѣ — хворенькой; оба состоимъ на внутренней службѣ; а давай мнѣ „сынка“ — не возьму. Они только бѣдокурятъ. Ну-ихъ, къ ляду!

Ребятишки подошли къ намъ, такіе пухленькіе, веселенькіе — и не дичатся. Да и, вообще, всѣ казаки замѣтно свободны въ движеніяхъ, а до нѣ-

которой степени и въ отвѣтахъ. Такими, по крайней мѣрѣ, кажутся мнѣ на первый взглядъ.

— Всѣ вы здоровы?

— Слава Богу — посвыклись. Ребятишекъ къ веснѣ лихорадка прихватывала: такъ потрясется, потрясется и перестанетъ.

— И ничѣмъ не лѣчили?

— Да чѣмъ лечить? У насъ нѣтъ снадобьевъ.

Позади станицы, къ дальней горѣ, въ луговыхъ ложбинахъ, поля распахиваются, но, замѣтно, въ маломъ количествѣ.

Ребята въ корытѣ-ботѣ, выдолбленномъ изъ бревна, приплыли изъ-за рѣки, которая здѣсь немногимъ, чуть-чуть, пошире рѣки Шилки, на всемъ ея долгомъ и тоскливомъ теченіи. Ребята эти привезли козулю, утку.

— Гдѣ же вы порохъ берете?

— Казна даетъ. Здѣсь насчетъ рыбы и дичи — очень хорошо. Много ихъ.

И дѣйствительно, очень много. Огромныя стаи куликовъ и утокъ тучами летали надъ нашими головами, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка Шилка сливается съ Аргунью, образуя травянистые, длинные острова съ цѣпкими, частыми кустарниками. Водораздѣльный хребетъ высокъ и покрытъ рѣдкимъ и невысокимъ листовнымъ и отчасти березовымъ лѣсомъ. На мѣстѣ сліянія рѣкъ хребетъ этотъ оступается въ Амуръ небольшимъ каменистымъ утесомъ, впереди котораго, по предгорію (не широкому и печальнаго вида) разбросано нѣсколько (около 15) домовъ, почернѣлыхъ отъ времени и непогоды, съ обвалившимися крышами и покинутыхъ жителями: казаки отсюда расселены по новымъ амурскимъ станицамъ. Это давнишній Усть-Стрѣлочный караулъ. Не доѣзжая Усть-Стрѣлки — верстахъ въ двухъ отъ нея на Шилкѣ — казенный соляной сарай; при немъ, по наряду отъ казаковъ, староста, который на время

кое-у-кого въ Покровскомъ землю пахалъ, городьбу городилъ, гряды копалъ. Тѣмъ и кормился.

— А суха земля, хороша для пашни?

— Хороша земля. Есть же, однако, болотины.

Болота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходятъ даже на берегъ Амура. Горы сопровождаютъ рѣку по обоемъ ея берегамъ, и если иногда отходятъ отъ нея на небольшія разстоянія, то оставляютъ впереди себя низменность, всегда обрывистую. На низменности, около станицы Покровской стоятъ полѣнницы дровъ, заготовленные (по 50 коп. за сажень) для частнаго парохода „Адмиралъ Казакевичъ“ и для казеннаго „Лена“. Вотъ и этотъ частный пароходъ, поднимающійся вверхъ по рѣкѣ къ Стрѣтенску, диковинный такой, безобразный. Сахарный заводъ, поставленный на барку, какъ остроумно выразился мой спутникъ: съ однимъ колесомъ позади кормы, накрытымъ чудовищнымъ зонтикомъ. Надъ пассажирскою рубкою (сахарнымъ заводомъ) еще одна рубка для лоцмана, словно скворечникъ. Обладая, при высокихъ рубкахъ, огромною парусностью, опасною при постановкѣ поперекъ рѣки, при сильныхъ вѣтрахъ и волненіи, пароходъ все-таки, говорятъ, ходитъ скоро и счастливо. Чудовищная, некрасивая форма его, говорятъ, весьма обыкновенна въ американскихъ рѣкахъ, но на Амурѣ она какъ-то дика и глядитъ странно, можетъ быть, и потому, что не привыкъ русскій взглядъ къ подобнаго рода пароходной конструкціи.

Оставляя станицу Покровскую, я спрашивалъ казаковъ, отчего они оставили родныя мѣста ради неизвѣстныхъ, невѣдомыхъ новыхъ.

— Тѣсно вато же тамъ стало! — отвѣчали они мнѣ; хотя, какъ извѣстно, они переселены по волѣ начальства, а очутились здѣсь по жеребію.

И вотъ на первый разъ, всѣ впечатлѣнія первой амурской станицы.

Вторая станица — Амазаръ. Вотъ что писалось на то время въ дневникъ:

„Вотъ гдѣ настоящая бѣдность! Въ домахъ пусто, сиротливо; въ амбарушкѣ шаромъ покати; полей не видать; казаки такіе сиротливые. Вотъ какъ это объясняютъ они сами:

— Взяли насъ съ Аргуни — велѣли ѣхать сюда: вотъ это мѣсто указали. Приѣхало начальство, сказывало: „живите съ Богомъ и будьте довольны; васъ теперь на свѣтъ вывели. Тамъ, въ глуши-то своей, вы вѣдь ничего не видали“. Вонъ огородцы развели: хотимъ картофель садить. Хотѣли хлѣбушко было сѣять, а сѣмянъ ни зернушка. Да и получить негдѣ, да и пахать негдѣ.

Дѣйствительно негдѣ. Прибрежная гора отошла отъ рѣки недалеко ста сажень, оставивши низменность версты на двѣ въ длину, и затѣмъ сама встала крутой, бесплодной, скалистой стѣной, словно насторожѣ. Низменность и песчана, и мокра. Но мѣсто найдено удобнымъ для заселенія и на берегу рѣки врыть въ землю столбикъ; къ нему прибита дощечка; на дощечкѣ написано крупнымъ и четкимъ почеркомъ: „Станица Амазарская“. Въ станицѣ четыре дома (одинъ еще только строится). Дома маленькіе, наскоро срубленные, мало надежные. Подлѣ одной избенки пригорожено родъ собачьей конурки для птицы; немного подальше, на задахъ, отгорожены мѣста для скота (этотъ-де еще кое-какъ держится, на половину, однако, палъ еще во время сплава, не доходя Амура). Въ избахъ, пожалуй, и чистенько, но потому, что нечѣмъ грязнить; пожалуй, и просторно даже, но и просторно оттого, что тѣснить нечему: столъ тяжело и наскоро сработанный, лавки подлѣ стѣны — и все тутъ. Передъ домами, по берегу, у самой рѣки, расчищены огороды, но ничего еще не посажено: и сиротливо глядятъ они поднятыми, разрыхленными, раскопанными пустыми грядами.

— А тутъ еще на бѣду наряды. Двое ушли въ Черняеву — станицу строить; да одинъ въ нарядъ съ чиновникомъ. Хотятъ еще, слышь, три семьи приселить къ намъ.

— Чѣмъ же живете?

— Кое-какъ маемся: въ Покровское въ работы наймемся: огородцы тамъ копаемъ, робимъ помаленьку, а они намъ за то хлѣба даютъ.

— А покровскіе-то живутъ несравненно богаче васъ...

— Тѣ и на Усть-Стрѣлкѣ жили съ достаткомъ. У нихъ и земля въ отводѣ не въ примѣръ лучше нашей. А насъ вѣдь и съ мѣста сняли бѣдными.

— Просились бы вы на другое мѣсто.

— Да куда проситься-то?! Новое мѣсто насъ не обогатитъ.

На ребятишкахъ одеженка рваная. Бабы немногимъ лучше. На казакахъ платье попригляднѣй и то, вѣроятно, оттого, что солдатская шинель скоро не изнашивается, и всегда въ одной красотѣ.

У покровскихъ же робили и тѣ двѣ ороchonки, которыя встрѣтили меня на берегу и продали мнѣ утку. Ороchonки эти недурно говорили по-русски (особенно молодая) и давно, говорятъ, выучилась.

— А гдѣ вы живете? — спрашивалъ я ихъ.

— А вонъ гдѣ! — и онѣ указали мнѣ на груду тряпья, валявшагося на прибрежномъ песку; подлѣ кучи этой сидѣлъ ороchonокъ. Оказывается, что онѣ кочуютъ изъ станицы въ станицу и, гдѣ можно, нанимаются въ работу.

Въ гребцахъ у меня очутился еще одинъ ороchonъ, котораго только по чернымъ, жесткимъ волосамъ, да по излишней развитости верхней челюсти можно было признать за инородца, а относительно онъ не дурень. Маленькіе ороchonы, вообще, не безобразны и далеки отъ соплеменниковъ

взрослыхъ. Весьма недурна молодая ороchonка (ей 25 лѣтъ), которая продала мнѣ утку, особенно, если попристальнѣе взглянуть на нее: глаза черные, взглядъ веселый, добрая улыбка и смѣшки. Но за то, по мѣрѣ того, какъ скелетъ ороचना, съ лѣтами, складывается, развивается, принимаетъ законченныя формы, — чѣмъ, однимъ словомъ, чело-вѣкъ становится старѣе, тѣмъ черты его принимаютъ округлость и близятся къ некрасивому самородному типу. Такова тутъ же, у берега, стоявшая старуха: она и мала ростомъ, и щеки ея необыкновенно отдуты и какъ-будто распухли, особенно, по орбитѣ глазъ, да и ходитъ она какъ-то вприпрыжку на своихъ тоненькихъ ногахъ. Но, вообще, во взглядѣ ороchonъ нѣтъ той тупости и безсмыслия, которыми отличаются старые друзья мои, вотяки и самоѣды.

Амуръ продолжаетъ говорить одно и то же. Горы лѣваго берега, отходя отъ рѣки, оставляютъ впереди себя площадь широкую, всю обсаженную тою же лиственницей, начавшею уже на этотъ разъ зеленѣть. Горы праваго берега, принадлежащія уже Китайской имперіи, все-таки продолжаютъ оступаться въ рѣку крутыми утесами, кое-гдѣ разрѣзанными поперекъ ложбинами, изъ которыхъ, журча, бѣгутъ ручейки. Изъ русскаго берега выпала рѣка Урка, рыбная; на ней сдѣланъ, такъ называемой ѣзъ, т. е. тотъ же бѣломорской заборъ для рыбы, только съ измѣненными названіями принадлежностей¹. Попадаютъ въ эти заѣздки: харьюсы, лини, таймени, налимы. Видимо, казаки наши не зѣваютъ. Не зѣваютъ они и около себя. На правомъ берегу во многихъ мѣстахъ виденъ былъ дымъ, показывался даже огонь. Сибирякъ и на Амуръ перенесъ свои вѣковые обычаи пускать

¹ Талы называются здѣсь бердо; частые колья — скамьи. Въ отверстіе въ талыхъ также вставляются плетенныя изъ бережнаго тростника конусы — мордочки (по архангельски — верши).

такъ называемые палы, объяснять и здѣсь ихъ необходимость тѣмъ же, чѣмъ объясняютъ это обыкновеніе и на Шилкѣ, и на Енисеѣ, и на Иртышѣ. Палы эти сжигаютъ, истребляютъ кобылку, вредную для хлѣбовъ, — въ самомъ ея зародышѣ; въ яйцахъ и куколкахъ истребляютъ и всякаго паута (насекомыхъ и гадовъ). Но палы опасны для селеній — это неоспоримая, ежегодно нѣскольکو разъ доказываемая истина. Чрезвычайно красивы эти пожары ночью, когда огненные змѣйки ихъ вбѣгаютъ въ различныхъ направленіяхъ въ гору, или такими же огненными ручейками сбѣгаютъ внизъ, въ чрезвычайно прихотливыхъ и разнообразныхъ извилахъ. Но вотъ оѣлесоватый дымъ паловъ измѣнился въ черный и повалилъ густо и быстро, спирально крутясь вверхъ и брызгая по сторонамъ крупными искрами — загорѣлись смолистые пни, валежникъ, хвоя ближайшаго дерева. Палы начинаютъ трещать и гудѣть: подуей въ это время усиленный, настойчивый вѣтеръ — палы быстро превращаются въ лѣсной пожаръ, отъ котораго трудно сибиряку защититься канавами и новыми палами, пущенными навстрѣчу. Догадливые крестьяне, при приближеніи сильныхъ чужихъ паловъ, деревни свои предварительно опаливаютъ своими палами и иногда спасаютъ ихъ.

— Палы здѣсь (на Амурѣ) жгутъ для скота, чтобы ветошь (старая, прошлогодняя, нескошенная трава) новой травы не глушила, чтобы была хорошая елань (сѣнокосное мѣсто) — объясняетъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ.

Между тѣмъ, высокія и округлыя горы китайскаго берега ушли отъ берега далеко, въ дальнюю монгольскую степь; показалась низменность лѣсистая, а можетъ быть, дальше и болотистая. Лѣвый берегъ, попрежнему низменный; попрежнему горы стоятъ вдаль, въ сторонѣ, уступая мѣсто этой равнинѣ, иногда выбѣгающей къ водѣ прикруто-

стью. Рѣка кое-гдѣ начинаетъ разбиваться на потоки и, такимъ образомъ, строить острова, песчаные у самаго берега, зеленые на всемъ остальномъ протяженіи. Но вотъ рѣчка Игнашина, а за ней, по берегу, и тотъ рядъ новыхъ избъ, которому дано названіе станицы Игнашинской.

Въ ней 20 дворовъ; тѣ же виды и тѣ же вѣсти: впереди огороды, позади ихъ дома, обращенные лицомъ къ рѣкѣ. Сзади домовъ проложили было улицу, да раздумали.

— Начальство нашло, что не ладно тамъ-то: улица по задворьямъ домовъ не живетъ, — велѣли прочищать впереди.

Огороды вслѣдствіе того стали такіе маленькіе и уютные, не столько огороды, сколько игрушки; улица вышла такая узенькая, неровная, оттого, что изрыта поперекъ недавними бороздами и грядами.

— Шибко же грязно живемъ, когда дожди пойдутъ. Земля разрыхлена, что пухъ; для огородовъ приспособляли, а теперь, вишь, улица стала. Чистимъ-чистимъ грады: все плохо!

— Понятно: еще бы не такъ!

Въ началѣ поселенія много пало скота и лошадей: коровы во время сплава промочили ноги, по колѣни стоя въ водѣ во все время, рѣдко получая пищу и не сходя на берегъ; лошади заматились отъ усиленной казенной гоньбы съ почтами и курьерами: — оттого игнашинскіе казаки нынѣшній годъ половину полей не поднимали. Обсѣялись ячменемъ, пшеницей и рожью изъ собственныхъ запасовъ, оставшихся отъ прошлаго года. Запасами въ нынѣшнемъ году подошли сильно, особенно въ хлѣбѣ; ждали вспоможеній отъ казны, да говорятъ-де, отказали, не дадутъ. Зимой четыре мѣсяца пользовались казеннымъ пособіемъ, выдаваемымъ на одинъ мѣсяць, за которымъ пособіемъ (кому нужно было) ѣздили на своихъ под-

водахъ въ Покровское. Живутъ чисто. Землю хва-
лять: лучше-де аргунской. Начали рыбу ловить
самоловами (большими сѣтями заpastись еще не
успѣли). Селеніе прибавляется, обстраивается, да
тутъ и есть гдѣ: мѣста много. Одинъ казакъ, по-
видимому, болѣе достаточный къ первоначальному
квадратному скороспѣлому дому своему сдѣлалъ
пристройку. Вышло недурно, помѣстительно для
его большой семьи. Онъ къ дому и клѣтушку при-
дѣлалъ и скотъ огородилъ плотно.

По бойкости и развязности въ разговорахъ и
движеніяхъ, по кропотливой дѣятельности около
дому, по всей наглазной обстановкѣ (въ гребцы
со мной наряжаютъ, по большей части, ребятишекъ
съ однимъ какимъ-нибудь взрослымъ калѣкой),
вообще, по всему, видно, что благодарная, но не-
воздѣланная и новая почва заставила сбросить
лѣнь, принудила, что называется, развернуться.
Такъ и должно быть. Лѣнивый и у каши не спо-
рокъ. А труда видно было много: лѣсные пни, въ
аршинъ въ діаметрѣ, видны еще во многихъ мѣ-
стахъ: и передъ домами на улицахъ, и на дво-
рахъ, и на задворьяхъ. Лѣсъ этотъ выжигали и,
отчасти, вырубали. Избы въ станицѣ выстроены
изъ толстыхъ, диковинныхъ бревенъ, и зимой
говорять, теплы были. Въ гостиныхъ комна-
тахъ завелись даже картинныя украшенія москов-
скаго дѣла (покупали у проѣзжихъ купцовъ съ
Шилки).

Станица Уруши, — съ новыми рассказами и
жалобами на бѣдность...

Въ рѣчахъ рассказчиковъ много простоты и ис-
кренности, и въ говорѣ ихъ — особенностей. Вообще
всѣ казаки, пришедшіе на Амуръ съ Аргуни, кар-
тавятъ и призекиваютъ: букву з употребляютъ
вмѣсто ж, с вмѣсто ш, и проч. Въ самомъ типѣ
ихъ замѣчается что-то особенное: примѣтная ску-
ластость, узкій разрѣзъ глазъ, поразительная сму-

глость кожи — какъ бы перерожденіе монгольскаго типа въ плохой русскій. Черты и того, и другого типа сплываются и заплываютъ. Всѣ они хорошо говорятъ по-монгольски, вслѣдствіе тѣхъ простыхъ причинъ, что они до этого времени жили по китайской границѣ, среди трехъ племенъ монгольской расы: тунгусскаго, монгольскаго кореннаго и бурятскаго. Женщины-казачки довольно красивы.

За Уруши Амуръ становится замѣтно шире, но берега не теряютъ своей основной характеристики: китайскій лѣсистъ и гористъ, нашъ низмененъ у береговъ, гористъ на дальнѣйшемъ протяженіи. Сплошной рядъ деревьевъ сопровождаетъ рѣку на всемъ ея теченіи и такимъ идетъ, кажется, и дальше. Дальше — новая станица Ольдой (20 дворовъ), но то же горе. Въ маленькой тѣсной избенкѣ живутъ по два и по три семейства. Видъ станицы тотъ же, но съ рѣки не дуренъ, вся она въ лѣсу, обросла крупной лиственницей нови: хорошенько еще не успѣли прочистить. Но зато внутри бѣдность. Я осмотрѣлъ двѣ клѣтшки и нашелъ только лопать (носильное платье), но хлѣба ни зерна. Въ одной кадучкѣ осталось малѣнки двѣ-три гречихи для сѣмянъ. Заработковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ казенныхъ, стало быть, обязательныхъ и бесплатныхъ. Вблизи отъ станицы въ ближнихъ хребтахъ ищутъ золото (и, говорятъ, даже нашли въ незначительномъ содержаніи), но зачѣмъ? За тѣмъ ли, чтобы и здѣсь воспитать негодное, пьяное, развратное и лѣнливое населеніе; чтобы отклонить казаковъ хорошими и надежными заработками отъ присущихъ, отъ самыхъ важныхъ занятій по земледѣлію и домоводству, или, наконецъ, чтобы и здѣсь на молодомъ Амурѣ повторить печальныя мрачныя исторіи нашей Енисейской губерніи и не нашей Калифорніи?!

Отъ Ольдой низменный берегъ Амурса продол-

жаеть тянуться еще версть на 10. Тутъ, говорятъ и трава хороша и для пахоты много мѣста — все оно принадлежитъ Ольдою. Китайскій берегъ продолжаетъ тянуться горами, но уже замѣчательно меньшей высоты. Работы для поселенцевъ съ ихъ лѣсомъ меньше: деревья крупныя, нѣтъ тѣхъ густыхъ, цѣпкихъ кустарниковъ, съ которыми довелось вести долго почти нечеловѣческое дѣло сѣверо-американскимъ поселенцамъ. Да къ тому же для нашихъ не такъ часто разсадились и самыя деревья. Климатъ, повидимому, также не враждуетъ съ новыми поселенцами, а напротивъ, по общему сказу, всѣ казаки здоровы, здоровы бабы, здоровы и ребятишки...

Ѣдемъ мы дальше, и дальше писалось мнѣ въ дневникъ: „Амуръ прихотливъ, хотя въ теченіи своемъ по временамъ и стремится къ чему-то систематическому; такъ, напр, въ иныхъ мѣстахъ, если русскій берегъ гористъ близъ воды, то противоположный — китайскій — низмененъ; иногда же оба берега низменны, и вотъ на китайскомъ опять вышли на берегъ лѣсистыя горы, нашъ русскій продолжаетъ быть низменнымъ. Ледъ, который непрерывными полосами лежалъ выброшеннымъ по берегамъ Шилки въ началѣ теченія Амура, теперь, вотъ уже вторую сотню верстъ, не виденъ: весь ледъ унесло не порывистое, бойкое теченіе, какъ въ Шилкѣ, но строго-спокойное теченіе Амура, какимъ онъ и является, говорятъ, на всемъ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи. Зато снѣгъ залегъ и лежитъ еще большими, довольно-значительными грудами въ ущельяхъ обоихъ береговъ, особенно русскаго“.

Станица Орловка сказываетъ то же, что и прежнія: припасовъ нѣтъ. Хлѣбъ успѣли посеять и рѣсчисти сдѣлали, хотя и живутъ на новомъ мѣстѣ только еще одинъ годъ.

Но вотъ берегъ амурскій отступился съ лѣвой

стороны въ воду высокой скалой; подъ скалой выбѣжала въ Амуръ рѣчка Невуръ; вотъ и станица Рейново (7 дворовъ). Графъ Муравьевъ Амурскій называлъ эту станицу, говорятъ, по имени одного изъ своихъ, но на языкѣ казаковъ она превратилась въ Релино и очутилась въ тѣхъ же печальныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся и всѣ прежнія: хлѣба мало для ѣды, нѣтъ для посѣва. Для послѣдней цѣли услали нѣсколько человѣкъ отъ станицы въ Забайкалье на родныя мѣста за сѣменами: ждуть со дня на день. Огороды раскопали и засадили картофелемъ. Одинъ казакъ ушелъ въ станицу Черняеву, двое — на годовую службу въ Благовѣщенскъ. Къ счастью, лошади и при сильной зимней гоньбѣ, но при короткой станціи, успѣли къ веснѣ отдохнуть и поправиться. Казаки, бывшіе въ гребцахъ, идутъ назадъ домой пѣшкомъ, берегомъ, и идутъ скоро (у меня былъ такой, который успѣлъ уже въ эти сутки разъ сплавать сюда). Дома много работы: избы не отстроены, нѣкоторыя даже не покрыты; сѣнокосныя, мелкихъ надворныхъ работъ много... Видимо, крѣпкая нужда заставляетъ казаковъ дорожить домомъ и спѣшить къ дому. „Спасибо стужа — подживила ноги“. Хорошо, если дѣйствительно справедливо и это предположеніе и тотъ слухъ, который утверждаетъ, что казаки и лѣнны, и не находчивы въ трудныхъ, крутыхъ обстоятельствахъ. Можно бы было благодарить судьбу и считать ее благодѣющею Амурскому краю, если бы новыя мѣста и труды, сопряженные съ расчисткой и обработкой земли, выколотили изъ казаковъ ту лѣнь, которую, говорятъ, привезли они съ собой. И такой теперь ловкій, отличный случай обратить казаковъ на путь правды и сдѣлать изъ нихъ полезныхъ и трудолюбивыхъ! Архангельскій людъ, да и всякій другой, поставленный лицомъ къ лицу со враждебной, негостепріимной природой, не зна-

еть устали, а обусловленный положеніемъ государственныхъ крестьянъ — и независимъ и не имѣетъ того забитаго печальнаго вида, какимъ отличаются всѣ забайкальскіе.

Казаковъ забайкальскихъ наполовину сдѣлали изъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ для того, какъ объясняютъ, чтобы имѣть казенныхъ рабочихъ, обязанныхъ, по самому учрежденію и положенію своему, быть всегда готовыми и не наемными работниками. А забайкальскихъ казаковъ переселили, между прочимъ, и для того, чтобы, такимъ образомъ, упростить и облегчить дѣло устройства Амура. Но все-таки должно сказать, что казакъ забайкальскій, а стало быть, и амурскій вышелъ дурно-обтесанный! Какъ его ни учили вертѣться на каблучкахъ, прищелкивая носками, какъ ни выдергивали руки — онъ все-таки надѣваетъ халатъ и поразительно любить его носить по праздникамъ, хотя въ то же время и при солдатской фуражкѣ безъ козырька, съ краснымъ околышомъ; а солдатскую шинель свою и амурскій, и забайкальскій казакъ все-таки подпоясываетъ кушакомъ; не утратилъ и крестьянской любви своей къ полубубкамъ, теплой шапкѣ и рукавицамъ.

Амуръ передъ Албазиномъ разбился на множество протоковъ (кажется 5); всѣ острова въ свѣжей, хотя еще и небольшой зелени. Горы и нашего и китайскаго береговъ ушли далеко въ сторону, словно для того, чтобы, разступившись, дать мѣсто картиннымъ островамъ. Съ высокаго мѣста видъ на Амуръ и на всѣ его острова и на всѣ его протоки долженъ быть очарователенъ. Главная протока, по которой ходятъ, все-таки чрезвычайно широка.

Замѣчательно, что способъ постройки станицъ начинается нѣсколько измѣняться. Такъ, напр., въ Орловкѣ улица тянется уже по берегу; огороды приготовлены позади дворовъ. Огороды впереди

дворовъ не составляютъ уже существенной, обязательной необходимости. Одинъ казакъ выпихнулъ даже баню впередъ, на берегъ рѣки. Некрасиво оно: да зато за водой не надо бѣгать: она тутъ же подъ руками; выскочилъ, зачерпнулъ и опять въ баню и подъ вѣнникъ; опять выскочилъ и въ воду по завѣтному русскому обычаю, который закалилъ здоровье нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Отчего же и не быть банѣ тутъ, и отчего же не дѣлать этого!..

Но вотъ и Албазинъ — 48 семействъ, 40 домовъ — нѣчто солидное и серьезное. Станица, хотя и существуетъ только три года, но глядитъ большимъ и люднымъ селеніемъ. Поселенцы — болѣею частію, казаки съ Шилки (изъ Горбицы и Усть-Черной); недавно пришли два „сына“ гарнизонныхъ изъ Благовѣщенска и поселены у болѣе достаточныхъ казаковъ. Нужды одинъ и тѣ же: „перебиваемся, говорятъ, кое-какъ, а жить тяжело“.

Послали на Шилку за хлѣбомъ.

— Какъ же перебиваетесь? — спрашивалъ я ихъ.

— Да занимаемъ другъ у друга.

— А не отказываютъ вамъ богатые-то?

— Пошто же они будутъ отказывать, когда сами видятъ, что у насъ ничего нѣтъ. Даютъ мало-мало.

Лица казаковъ имѣютъ еще нѣкоторую пріятность въ чертахъ, особенно тѣ, которые выселены съ Шилки (аргунскіе уже пропадаютъ). Но вообще, казаки пользуются хорошимъ здоровьемъ; хворали они только по веснѣ и осенью, когда приводилось имъ, по цѣлымъ суткамъ, стоять по поясъ въ водѣ — помогать казеннымъ, сѣвшимъ на мель, баржамъ и потомъ платиться за то ногами и страдать тифомъ. Особенныхъ, новыхъ характеристическихъ видоизмѣненій извѣстныхъ болѣзней не замѣчено. Ребятенки хвораютъ лихорадкой (хина

помогаетъ). Ссылно-каторжныхъ поражаетъ очень часто цынга, казаковъ — рѣдко.

Положеніе Албазина довольно счастливое. Позади его идетъ широкая и просторная равнина въ огромную даль (лѣсъ начали вырубать). На китайскомъ берегу впала въ Амуръ рѣка Албазиха, необыкновенно быстрая, достаточно рыбная. Туда ороцоны (живущіе подлѣ Албазина, въ береговыхъ юртахъ) ходятъ за промыслами; ловятъ хорьковъ, бѣлокъ и лосей, соболей мало, но зато албазинскіе соболи почитаются лучшими во всей Сибири.

Большая и главная часть нынѣшней станицы выстроена внутри тѣхъ укрѣпленій, которыя построилъ выходецъ изъ Великаго Устюга, Хабаровъ. Нѣсколько нынѣшнихъ домовъ лежатъ позади этихъ укрѣпленій отдѣльной слободкой. Укрѣпленія до сихъ поръ изумительно хорошо сохранились и во рвахъ и въ насыпяхъ. Два рва и между ними высокая, неправильной формы насыпь, начинаясь на самомъ берегу Амура, справа отъ селенія, тянутся въ гору. Тамъ (въ невырубленномъ еще лѣсу) насыпь и рвы поворачиваютъ влѣво и, обходя кругомъ станицы, справа ея выходятъ снова на берегъ рѣки. Здѣсь въ этомъ мѣстѣ (въ лѣвомъ концѣ станицы) возвышается надъ рѣкою новый валъ, повидимому, насыпной. Это — собственно городокъ, послѣднее мѣсто защиты нашихъ казаковъ. Городокъ господствуетъ надъ всею станицею, такъ что второе укрѣпленіе правильнѣе нужно называть нижнимъ. Мѣсто для него, по однимъ, выбрано казацкою дружиною, посланною нерчинскимъ воеводою въ 1658 г., а по другимъ — гораздо раньше, въ 1652, занято самимъ Хабаровымъ, какъ уже готовое, и именно, послѣ упорной защиты этого мѣста манчжурскимъ княземъ Албазою. Пока Хабаровъ ходилъ съ товарищами внизъ по Амуру для новыхъ завоеваній — Албазинъ былъ

оставленъ. Въ 1665 г. онъ вновь былъ занятъ и возобновленъ однимъ изъ искателей сильныхъ приключеній, бѣглымъ полякомъ Никифоромъ Черниговскимъ. Онъ возобновилъ острогъ въ видѣ крѣпостцы (13 саж. ширины, 18 длины), имѣвшей двѣ башни на стѣнѣ, обращенной къ Амуру, и одну съ воротами на нагорной; внутри сдѣланы были кладовыя. Жилища находились подъ горой и именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ наша станица. Въ 1685 г. явилось къ городу манчжурское войско, и Албазинъ снова былъ оставленъ. 25 человекъ ушли къ манчурамъ и увлекли съ собою священника Максима Леонтьева. Нерчинскій воевода Власовъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же несчастнаго года, послалъ сюда нѣмца Афанасія фонъ-Бейтона, который и привелъ съ собою нарочно для Албазина сформированный въ Тобольскѣ шести-сотенный казачій полкъ. Этотъ-то Бейтонъ и соорудилъ тотъ валъ, вмѣсто острога, примѣтные остатки котораго идутъ четырехугольникомъ кругомъ настоящей станицы. Валъ этотъ имѣлъ въ основаніи 4 сажени, 3 саж. въ вышину и скрѣпленъ былъ кореньями и дерномъ. Округлость той стѣны вала, которая обращена на рѣку, хорошо сохранилась: съ вала этого ясно видна между зеленью противоположнаго острова китайская батарея (въ горѣ городка выкопаны недавно ядра, брошенные этой батареей). Въ самомъ городкѣ, отступя нѣсколько шаговъ отъ рѣчного берега, примѣтна яма, какъ думаютъ, остатки казачьяго колодца; въ гору — къ сторонѣ лѣса — кирпичная яма; тутъ былъ, по всему вѣроятію, пороховой погребъ (кирпичи изумительно сохранились и необыкновенно прочны до сихъ поръ). Къ сторонѣ вновь строящейся церкви и подлѣ нея замѣтны слѣды землянокъ, въ которыхъ жили албазинцы въ іюлѣ 1686 г., когда подъ городомъ явилось восьмьдесятное манчжурское войско и когда всѣ дома, находившіеся внѣ крѣпости,

были оставлены и сожжены. Нынѣшнюю станицу пересѣкаетъ, почти на двѣ равныя части, сухой и глубокий оврагъ, по которому на то время, можетъ быть, протекалъ ручей. Манчжуры, какъ извѣстно, повели траншеи, окопались рвомъ и прикрылись деревянной стѣной, которую, однако, русскіе уничтожили. Тогда-то манчжуры и насыпали тотъ валъ, остатки котораго (и вмѣстѣ со рвомъ) такъ хорошо сохранились теперь, нѣсколько отступя и противъ остатковъ русскихъ укрѣпленій. (Манчжурскія укрѣпленія сохранились лучше русскихъ.) 1-го сентября 1686 года непріятель рѣшился на приступъ, но былъ отбитъ съ жестокой потерей. Манчжуры повели осадныя работы и вели ихъ съ такимъ искусствомъ, что способны дивить и въ настоящее время опытныхъ инженеровъ. Русскимъ, какъ извѣстно, не благопріятствовали обстоятельства. Толбузинъ былъ убитъ ядромъ въ первые дни осады (его мѣсто заступилъ Бейтонъ); въ крѣпости отъ сырыхъ землянокъ распространилась цынга. Недостатка въ съѣстныхъ припасахъ на 736 человекъ, повидимому, не было, если принять въ расчетъ то, что, еще до построения городка, Толбузинъ озаботился снять съ полей весь хлѣбъ, не уничтоженный манчжурами послѣ второго оставленія Албазина русскими (хлѣба насчитано было тысяча десятинъ). Когда манчжуры прослышали, что въ лагерь открылась цынга, то предложили своихъ лѣкарей, но Бейтонъ лѣкарей не взялъ, а для доказательства избытка въ провизіи послалъ въ непріятельскій лагерь пирогъ вѣсомъ въ пудъ. Осада продолжалась съ ноября по май 1687 г. Манчжуры сначала отошли отъ города на четыре версты, а вскорѣ и совсѣмъ оставили осаду. Русскіе начали было уже строить дома, когда было объявлено имъ о трактатѣ, заключенномъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года. По смыслу этого трактата, русскіе, какъ извѣстно, обязаны были очистить Амурь и

оставить Албазинъ. Всѣ они переведены были въ Нерчинскъ. Туда же отвезены были и образа. Нѣсколько иконъ хранится въ старомъ городѣ; три — въ новомъ соборѣ. Образъ Ильи Пророка находится на Шилкѣ въ часовнѣ станицы „Боты!“ и принесенъ туда однимъ изъ албазинскихъ жителей, потомки котораго, Выходцевы, до сихъ поръ живутъ въ Ботахъ. Остальные защитники разсѣялись по разнымъ деревнямъ Нерчинскаго округа¹, но — по старой привычкѣ — все еще продолжали ходить на Амуръ для промысла звѣря и рыбы и для торговли съ инородцами (то же дѣлали до настоящаго занятія Амура и ихъ потомки).

Существованіе въ древнемъ Албазинѣ церкви почти не подлежитъ сомнѣнію и весьма неудивительно что она была, именно, въ крѣпостцѣ на горѣ — послѣднемъ мѣстѣ геройской защиты казаковъ, и, можетъ быть, даже на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ строится настоящая церковь. Доказательство: образа въ Нерчинскѣ, по всему вѣроятію, церковные, мѣстные, — попъ Максимъ Леонтьевъ, сдавшійся китайцамъ и основавшій въ Пекинѣ первую русскую церковь. Если въ Албазинѣ и не успѣли построить церкви въ то давнее время, то, во всякомъ случаѣ, могла и должна быть часовня, какъ и существуетъ въ настоящее время таковая же сзади селенія на горѣ, въ лиственничномъ лѣсу, но внутри стараго укрѣпленія. Замѣчательно, что въ старинныхъ рвахъ, и русскихъ, и китайскихъ, успѣли уже за эти 170 лѣтъ вырасти огромныя, высокія лиственницы (изъ которыхъ многія, впрочемъ, нынѣшними казаками уже вырублены). На горѣ, внутри крѣпости нынѣшнимъ казакамъ се-

¹ Въ одномъ изъ домовъ новой амурской станицы — Бейтоновской — я видѣлъ еще одинъ албазинскій образъ, принесенный поселенцами изъ Горбицъ. Образъ писанъ на холстѣ масляными красками, недурно, но небрежно держится; камни (настоящій аметистъ, гранаты и друг.) по мѣстамъ отвалились; вѣнчикъ изломанъ. Образъ принадлежитъ казаку Исакову.

литься, сказываютъ, заказано. Распахивая подъ поля новы, казаки находили внутри нижняго большаго городка землю разрыхленною, мягкою, вѣроятно вспаханную прежними казаками Хабарова. Откопали топоръ, сошники; находили кресты на-тѣльные: одинъ серебряный, другой мѣдный.

Амуръ за Албазинымъ продолжаетъ разбиваться на протоки и обставляться зелеными островами: мѣста необыкновенно картинныя. Берега все еще низменны: горы синѣютъ вдаль, какъ по правому берегу, такъ и по лѣвому. Въ лѣсахъ появляется особенный видъ березы — черной (*betula daurica*). Казаки начали дѣлать изъ нея кое-какія подѣлки и находятъ ее прочнѣе бѣлой березы, хотя и сплошнаго чернаго цвѣта въ разрубѣ.

Подъ Бейтоновской станицей сидятъ на мели четыре баржи и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сидѣли въ прошломъ году другія баржи. Эти четыре баржи нынѣшнюю весною разгружены; припасы, находившіеся тутъ, сложены на плоты и отправлены въ Благовѣщенскъ.

Баржи эти еще на нашихъ глазахъ продолжаютъ разгружать на плоты. На берегу мука, говорятъ, подмоченная, слежавшаяся, гнилая; на берегу люди, подлѣ берега — плоты.

Вотъ какими видами и слухами встрѣчаетъ насъ Бейтоново.

Въ ней 23 дома и 23 семьи. Эта станица и глядитъ веселѣе, и живетъ въ ней лучше: такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ. Казаки картавятъ, поселены съ Шилки и родную свою рѣку всѣ продолжаютъ называть „Шилька“. Въ началѣ поселенія хворали, но кое-какъ перемоглись; страдали, по большей части, лихорадкой. Теперь здоровы и старики, и дѣти. Мѣста хвалятъ. Прочистивши лѣсъ и расчищая новы, нашли землю такую, которая когда-то и кѣмъ-то была уже разрыхлена, вспахана, но послѣ того успѣла порости

пустымъ лиственничнымъ лѣсомъ. По откопаннымъ въ землѣ сошникамъ и по формѣ ихъ предполагаютъ поселеніе манчжурское. Очищая мѣста подъ избы, въ лѣвомъ (отъ Амура) краю селенія, находили срубы; нашли кирпичи отъ припечки, обуглившееся дерево, ямы для погребовъ. Одна казачья изба, по этимъ старымъ указаніямъ, такъ и выстроилась: гдѣ гнилушки сруба — тамъ домъ; гдѣ яма — тамъ погребъ. Одинъ казакъ нашелъ подъ своимъ домомъ тонкія плиты хорошо обтесаннаго камня; другой казакъ откопалъ ножикъ (формы манчжурскаго), огниво и стальную огнивную плитку уже чисто русской формы. Отчего же не повѣрить и не задаться тѣмъ предположеніемъ, что древніе поселенцы были русскіе, особенно, если припомнимъ, что Хабаровъ изъ Албазина съ казаками ушелъ на низъ, и что казаки, разъ проживши и сумѣвши соорудить городъ и потомъ навѣщая Амуръ ради промысловъ, могли имѣть двѣ-три избы вблизи Албазина, хотя бы и въ томъ мѣстѣ, гдѣ строится теперь Бейтоново. Между тѣмъ, извѣстно, что Хабаровъ на обратномъ пути снizu останавливался и спрашивалъ своихъ казаковъ, гдѣ бы построить городъ для зимовки. Это было въ 1653 году. Выбраны были три мѣста и построены три острога: первый у князя Лавкая, другой — ниже, а третій — на устьѣ рѣки Зеи. Товарищъ Хабарова, Степановъ, привелъ это въ исполненіе и въ томъ же году поставилъ острожокъ тамъ, гдѣ былъ городокъ Лавкаевъ, второй — на устьѣ Урки, а третій — на устьѣ Зеи.

Что можетъ быть счастливѣе выбора этого имени, взятаго въ названіе новой современной станицы! Плѣненный въ польскую войну и сосланный потомъ въ Тобольскъ, Афанасій фонъ-Бейтонъ (родомъ нѣмецъ) привелъ въ Нерчинскъ казачій полкъ изъ шести сотенъ (когда Албазинъ уже сдался). Двѣсти человѣкъ, а съ нимъ и преж-

ніе албазинскіе жители, пошли опять въ Албазинъ, по приказанію воеводы Власова. Бейтонъ сдѣлалъ валъ и укрѣпленія, а когда Толбузинъ (вновь назначенный албазинскимъ воеводою) былъ убитъ, Бейтонъ принялъ начальство надъ войскомъ и, благодаря личнымъ познаніямъ въ инженерномъ искусствѣ, десять мѣсяцевъ выдерживалъ осаду, веденную тоже опытными руками китайскихъ миссіонеровъ — инженерами изъ іезуитовъ. Не прельщаясь никакими предложеніями манчжуровъ (привязываемыми къ стрѣламъ и бросаемыми въ русскій городъ), Бейтонъ умѣлъ, хорошо укрѣпившись, крѣпко и упорно держаться безъ продовольствія, безъ всякой надежды на какое-либо подкрѣпленіе. Только нерчинскій трактатъ 1689 года могъ заставить его выйти изъ укрѣпленій.

Осада Албазина — выдержанная, побѣдоносная, одна изъ рѣдкихъ въ русской исторіи, хотя и не особенно замѣчательная по своимъ послѣдствіямъ: мы все-таки не удержали за собою Амура.

Замѣчательно, что и въ Бейтоновской станицѣ то же горе: по первоначальному плану на рѣку слѣдовали огороды, потомъ дома, позади домовъ — улица (!!). Нашли это неудобнымъ: улицу велѣно пробить передъ домами и между ними и огородами. Огороды были уже раскопаны и обсеяны. Стало быть, пролито достаточно поту; что жъ дѣлать? Дѣлать надо было новыя загороди, отодвигать ихъ до домовъ сажени на 4, на 5; уменьшать величину грядъ и огородовъ, лѣсъ рубить, гряды старыя уравнивать: оттого-то улицы до сихъ поръ и не гладки и требуютъ новыхъ усиленныхъ работъ и вниманія. На бѣду еще казакъ отъ себя прибавилъ: выпихнулъ хлѣвы на самый берегъ; тутъ же, подлѣ, бани приладилъ. Оно и некрасиво, да, по крайней мѣрѣ, своеобразно.

Казакъ бейтоновскіе начали уже ловить рыбу самоловами версты за четыре отъ станицы (осе-

трину, калугу, тайменей). Неводовъ завести еще не успѣли. Замѣчаютъ, что осетръ шелъ, при началѣ ихъ поселенія, около самаго берега, но что теперь началъ держаться середины и идетъ, надушывая стрежъ. Въ первые годы рыба ловилась обильно: нынѣшній попадаетъ очень мало. Кто виноватъ? Усиленное движеніе судовъ, усиленный уловъ на низу, населеніе прибрежное, шумъ и свистъ пароходовъ? Все это должны рѣшить послѣдующее время и сравнительные уловы самой рыбы. Старикъ-рыбакъ началъ очищать (и даже продавать по 1 руб. сер. фунтъ) осетровый клей. Показывалъ: нѣкоторые куски бѣлы и смотрятъ настоящими продажными; другіе красны, кровянисты: „надо, — замѣчаетъ старикъ, — болѣе промывать: которые вотъ промыть не полѣнился, тѣ и бѣлы стали!“

Станица Пермикина — 13 дворовъ.

Тѣ же неудобства первоначальнаго заселенія; но къ прежнимъ общимъ здѣсь присоединились новыя враждебныя препятствія:

— Одолѣли ребятъ комары и мошка и пау ты (оводы). Змѣя (черная и бурая) въ большомъ количествѣ живетъ, ужалила вымя коровы, ребенка. Но, слава Богу! — все прошло благополучно. Змѣю больше аршина убили у меня на углу избы, — сказывалъ старикъ, — отецъ старшаго. Онъ же рассказывалъ, что, передъ переселеніемъ ихъ съ мѣста родины, въ родныхъ ихъ избахъ цѣлый годъ не видать было таракановъ.

— Ушли, и Господь ихъ вѣдаетъ — куда! Сорока опять же появилась, а допрежъ того мы этой птицы въ нашихъ мѣстахъ и не видывали.

То же самое подтвердила старуха — жена его, и дочка. Видимо, присущее бездолье и несчастія, не находя оправданія въ дѣйствительности, заставляютъ казаковъ стараться объяснять ихъ мистическими предзнаменованіями.

Впрочемъ, старикъ этотъ, видимо, крѣпко суевѣренъ: онъ полагаетъ, напр., что змѣя скоро должна уйти отъ селенія, потому что свиньями обзавелись.

— Не терпитъ въ гадинѣ дьявольская сила свиного духа, — и пропадаютъ змѣи. Въ нашихъ мѣстахъ, за Байкаломъ, бывало ужъ экое дѣло.

Болотъ, сказываютъ, нѣтъ, и земли подъ станицей въ избыткѣ. Къ ней подошла длинная широкая равнина; мѣсто это никогда прежде заселено не было. Для скота корму много.

— А дѣвки за ягодами ходятъ?

— Да нѣту ягодъ-то, кажись, а можетъ и есть, такъ еще не успѣли присмотрѣться-то, доискаться.

— А вечерки по зимамъ затѣвали онѣ?

— Дѣвокъ-то у насъ мало, да и не до вечерокъ.

— А на Шилкѣ было весело?

— Ну да какъ не весело? Своя сторонushка! Ревѣли-ревѣли, какъ съ роднаго мѣста снимались! тяжело вѣдъ, дѣло-то не свичное! А здѣсь вонъ и коровушки-то какъ-то плохо телятся: то недоносками безъ шерсти, то зобатые. Родится экимъ теленочокъ, да и помретъ.

Слѣдующая станица Бекетово повторяетъ тоже самое влѣдъ за предыдущими. Мѣсто для нея выбрано невыгодное, на горѣ — тѣсное, каменистое; дѣлаютъ расчисти, но медленно, за неимѣніемъ достаточнаго числа рукъ.

Прошлой зимой, вблизи этой и предыдущей станицы кочевали манегры — особенное отъ ороchonъ племя. У нихъ и черты лица правильнѣе; они и зажиточнѣе, богаче ороchonъ, дѣятельнѣе и оборотливѣе ихъ въ торговлѣ, но тѣ и другіе кочующіе: ороchоны съ оленями, манегры съ лошадыми. Нѣкогда юрты манегровъ попадались по всему теченію Амура, начиная отъ рѣки Невуръ и Албазина, и дальше. Я не видалъ ни одного представителя этого племени: а бродили они, говорятъ, до Кутоманды.

— Куда же они дѣлись? — спрашивалъ я у казаковъ Бейтоновской станицы.

— Пріѣзжалъ, сказываютъ, къ нимъ манчжурскій чиновникъ, перевелъ ихъ на свою сторону. Сказываютъ тоже, что поселили ихъ по рѣкѣ Кумарѣ въ двухъ дняхъ пути отъ Амура. Тамъ-де они и живутъ теперь. Начальство наше велѣло обходиться съ ними поласковѣе, на свою сторону переманивать. Старались мы, прикармливали, припаивали. Иные успѣли даже и призадолжать кое-кому и кое-что.

— А каковъ народъ этотъ на ваши глаза показался?

— Тихой народъ, добрый народъ; кажется и орочонъ лучше; съ ними жить хорошо было.

— Каково вы съ манеграми жили? — спрашивалъ я въ Бекетовой станицѣ.

— Ладно жили. Пользовались отъ нихъ рыбой, мѣхами, кожами на лапотъ. Давали имъ старья, рванья рубахи свои, бутылки, у кого были. Все брали, ничѣмъ не брезговали; особенно имъ любви были старья наши тряпки. Да вотъ по зимѣ-то ушли отъ насъ: всѣ вдругъ, словно по заговору. Успѣли задолжать — не расквитались! Чиновника манчжурскаго, однако, не видали.

— Вернутся они къ вамъ, какъ вы думаете?

— Кто ихъ знаетъ: можетъ, къ веснѣ-то и вернутся: вотъ ужъ ни единого человѣка во всю зиму не видали, а намъ около нихъ и хорошо было: рыбку давали, мѣха продавали: есть же страстишка къ торговлѣ-то...

Амуръ отъ станицы Бекетовой продолжаетъ попрежнему разбиваться на протоки и обставляться островами. Пристально вглядываясь, находишь, что коренные берега Амура — горы, хотя онѣ и отходятъ всегда нѣсколько въ сторону. Низменности, въ послѣднемъ случаѣ выходящія на берегъ — или острова, образованные протоками рѣки, или слу-

чайность въ такой степени, что большая часть окраинъ этихъ низменностей ежегодно отмывается весенней водой и значительными горами отваливается. Пропadaютъ, говорятъ, цѣлые острова; берега за одну весну успѣваютъ сокращаться сажень на пять — на десять: часто изъ воды торчатъ опрокинутыя недавно, вывороченныя лѣсныя, цѣлые кусты, называемые туземцами паршами. Такихъ паршей чрезвычайно много по всему Амuru; въ этомъ отношеніи онъ представляетъ замѣчательную особенность рѣки, еще не установившей своего коренного теченія, продолжающей строиться, принимать законченныя и надлежащія формы. Такихъ рѣкъ, какъ извѣстно, не существуетъ во всей Европѣ; нѣтъ ничего подобнаго и въ рѣкахъ сибирскихъ. Зимомъ, говорятъ, рѣка имѣетъ новые капризы: она обыкновенно замерзаетъ замѣчательно толстымъ слоемъ льду, но теплые ключи береговые въ примѣтномъ множествѣ выжимаютъ воду на ледяную поверхность. Вода тамъ снова замерзаетъ сплошной корой и такъ иногда до трехъ разъ и больше. Вода теплыхъ подземныхъ ключей и ея подледныя испаренія, не находя себѣ исхода, выпираютъ ледъ наверхъ и, такимъ образомъ, дѣлаютъ бугры высокіе, неправильной формы, большею частію, конической! Въ иныхъ и частыхъ случаяхъ испаренія ея успѣваютъ просочить ледъ въ видѣ полыни, преимущественно около кустарниковъ и въ этихъ мѣстахъ рѣка обыкновенно и постоянно отдаетъ паромъ. Такимъ мѣстъ много на Амурѣ. Много и такихъ, гдѣ недостаточно теплые ручьи подводные затягиваются тонкимъ слоемъ льду и забрасываются обманчиво снѣгомъ и гдѣ, стало быть, очень часто проваливаются и верховые проѣзжіе, и ѣдущіе въ саняхъ. Последнее обстоятельство важно еще потому, что теплые ключи не всегда являются въ одномъ и томъ же мѣстѣ: прошлогодніе обнаруживаются и въ слѣдую-

щій годъ, но весьма нерѣдко на совершенно другомъ, новомъ, мѣстѣ.

Острововъ по Амуру чрезвычайно много, острова эти низменны, песчаны, покрыты кустарниками; красиво выплываютъ они впереди, картинно затягиваются въ туманную синеву и пропадаютъ изъ глазъ, предварительно сгруппировавшись въ одинъ сплошной островъ. Такихъ острововъ особенно много передъ ст. Толбузино; легко между ними запутаться: станицы не видать за островами, успѣвшими уже одѣться бойкою и густою зеленью, которая особенно распустилась послѣ недавняго дождя. Чтобы не блуждали въ этомъ мѣстѣ казенные плоты и баржи, догадались, на выдавшемся мысу берега, построить избу-караулку, которая и служить маякомъ.

Толбузино. И вотъ снова историческое имя въ названіи станицы. Алексѣй Толбузинъ два раза былъ на Амурѣ албазинскимъ воеводой; первоначально въ 1684 году. Когда при осадѣ русскіе потеряли сто человѣкъ и когда священникъ съ жителями просили объявить непріятелю о сдачѣ города, Толбузинъ согласился, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ остальные люди отпущены были въ Нерчинскъ. Манчжуры пригласили воеводу и жителей въ лагерь и тамъ вновь предлагали передаться на особенно выгодныхъ условіяхъ. 25 человѣкъ соблазнились и сдались; остальныхъ воевода повелъ въ Нерчинскъ. На пути ихъ вернулъ, какъ извѣстно и выше сказано — Бейтонъ, шедшій изъ Тобольска съ войскомъ, и Толбузинъ снова назначенъ былъ воеводою. Въ іюлѣ 1686 г. явились манчжуры. Толбузинъ, при искусствѣ Бейтона, держался долгое время; но вскорѣ, во время вторичнаго приступа, убитъ былъ ядромъ. Еще одно историческое имя мелькаетъ въ названіи станицы — имя храбраго Хабарова, но далеко впереди, при впаденіи въ Амуръ рѣки Уссури.

Мѣсто для станицы Толбузиной выбрано весьма неудачно. Отъ береговой избы, пустой и съ выбитыми стеклами, до селенія слишкомъ двѣ версты. Тропа къ ней отъ берега Амура ведетъ по болотнымъ кочкамъ, въ четыре мокрыхъ оврага; въ двухъ изъ нихъ налились даже значительной величины лужи. Такое же точно озерко подошло и къ самой станицѣ. Изъ него казаки берутъ воду, стоячую, едва ли особенно годную; озеро весьма невелико и не глубоко, а протокъ Амура, какъ-будто направившійся къ станицѣ, взявъ влѣво и до станицы не дошелъ съ версту, а можетъ быть, и больше. Станица пристроилась къ горѣ, но направо и налѣво отъ нея потянулись луга. По суходольямъ выросла листовенничная роща, въ которой расчищаются пашни. Въ станицѣ обыкновенные виды: дома въ рядъ, скороспѣлые; улица, тоже сдѣланная изъ огородовъ, кочковатая, грязная, едва проходима послѣ недавняго дождя. Между поселенцами-казаками съ Она на, выселился бурятъ, у котораго на дворѣ, въ уголку, сохранилась еще юрта. Хотя бурятъ и выстроилъ для себя русскую избу, но не живетъ въ ней по племенной непривычкѣ. Юрта бурята, какъ и всѣ забайкальскія, укрыта кошмами; посрединѣ въ верхушкѣ конуса отверстіе дымовой трубы, три тагана и три шкапика — первые легкіе признаки нѣкоторой цивилизаціи.

— Отчего — спрашивалъ я казаковъ — отчего выбрали вы такое неудобное мѣсто?

— А лучше нѣтъ. Посуше вонъ тѣ, которыя къ протокѣ, такъ ужъ очень низки.

— А здоровы ли вы?

— Этимъ не похвалимся. Лихорадка часто схватываетъ. Сыро у насъ, большой сыростью сдаетъ вонъ съ болота-то. Ребенокъ захворалъ было лихорадкой — выздоровѣлъ, такъ вонъ, вишь, горлышкомъ хрюкаетъ.

И дѣйствительно, у мальчика въ горлѣ сильное накопленіе мокротъ, а вслѣдствіе того, и хрипота ¹.

Поселенцы слѣдующей амурской станицы Вагановской, выселенные изъ Кучугая, помѣщены здѣсь весьма неудобно: во-1-хъ, они нашли непроходимую густую чащу (кое-какъ вырубали и выжигали); во-2-хъ, мѣсто каменистое, къ хлѣбопашеству неспособное, а потому казаки пашни свои перенесли на противоположный, китайскій, берегъ, гдѣ земля, говорятъ, чрезвычайно хороша. Тамъ они успѣли уже высѣять гречиху, пшеницу; сѣяли еще на острову, по пути къ ст. Олгиной, хотя островъ этотъ тоже близокъ къ китайскому берегу, отъ котораго отдѣленъ неглубокой (въ 1¹/₂ сажени) протокой.

— Ну, а прогонять васъ, выжгутъ вашъ хлѣбъ?

— Нѣтъ, не выжгутъ. Мы спрашивали манегровъ въ прошломъ году: „ничего — сказываютъ — пашите, сколько хотите. Мы не препятствуемъ; намъ лучше: у васъ готоваго хлѣбца купимъ. Только бы нашъ-де начальникъ не запримѣтилъ и не запретилъ бы“. Накосили мы тамъ сѣна — манегри его не жгли, не трогали, развѣ только когда клочочекъ для своихъ коней брали. Нельзя же безъ того: Христосъ съ ними!

Въ доказательство невыгоднаго положенія Вагановской станицы тамошніе казаки приводятъ и то, что скотъ ихъ, не находя себѣ пищи, переплываетъ за кормомъ на другую сторону (у одного казака уплыли, такимъ образомъ, двѣ лошади; не могли найти).

Станицу свою казаки прозвали было Ключевскою, отъ двухъ ключей, бѣгущихъ вблизи (и съ нихъ-де всегда вѣтеръ), но начальство прислало приказъ назвать ее именемъ офицера, который

¹ „Теперь еще они ладно живутъ, — сказывали мнѣ потомъ въ станицѣ Вагановской. — А то вотъ проѣзжали мимо ихъ мы прошлой весной — всѣхъ до единого застали больными“.

взвизгивалъ къ китайцамъ и тамъ былъ убитъ; вывезены-де были однѣ только кости.

Между врагами своими новые поселенцы указываютъ еще на крысъ, которыя объѣдаютъ мѣшки съ мукой.

— Такъ полмѣшка и отвалить проклятая, и съ холстомъ сожреть по всей длинѣ посудыны, — объяснилъ мнѣ старшій станицы.

— Крысы сѣдя, величиной другая въ рукавицу. Одну задавили собаки — смотрѣть было страшно: такая большая! Другая завелась въ избѣ, ныла и проѣдала потолокъ долго, да кое-какъ убили пѣшными. А кошки зимой на улицу не заходятъ. Какъ вотъ стало кошекъ больше, и крысы поубавились. Рубль серебромъ я вотъ за свою кошку-то заплатилъ: нѣтъ у насъ ихъ. Христомъ ужъ Богомъ, на лодкѣ у купца выпросилъ уступить мнѣ. Людямъ, однако, крысы эти обиды не дѣлають.

Не дѣлають также обиды и змѣи, которыхъ также много и въ лѣсу и по берегу, и между которыми бывають-де и черныя и пестрыя.

— На китайскомъ берегу змѣй и крысъ, однако, не видали. Змѣи эти проклятыя молоко высасываютъ. Изъ звѣрей видывали козъ, зюбрѣй, волковъ, медвѣдей: никто, однако, къ станицѣ не подходилъ, не беспокоили. Рыбу вотъ ловить ладимся: лѣтомъ осетѣрь идетъ. Зимой перегораживали кое-гдѣ рѣку: линѣчки, таймени попадались.

Видъ изъ станицы на Амурь картиненъ, особенно въ правую сторону, гдѣ плавають три, затянутые въ зелень, острова: одинъ изъ нихъ совершенно круглый. Острова эти продолжаютъ сопровождать насъ и дальше. Амурь дѣлаетъ изгибъ, колѣно. Зимой разстояніе между станицами Вагановской и Ольгиной всего только 15 верстъ; рѣкой же теперь верстъ 30. Но вотъ и станица Олгина, въ десять дворовъ. Олгина она не по

Олѣ какой-нибудь, а по рѣкѣ Олгѣ, отстоящей отъ станицы верстѣ на 8 и прозванной такъ первыми кочевниками здѣшнихъ мѣстъ — манеграми. Манегры кочевали и на той сторонѣ и на этой. Поселенцы всѣ съ Онону.

Для станицы назначено было мѣсто ниже и внизу, на луговинѣ: тамъ и успѣли уже построить 5 дворовъ три года тому назадъ. Потомъ нашли, что берегъ рыхлый, Амуръ его подмываетъ, а въ большую воду и совсѣмъ затопляетъ; тогда отнесли станицу нѣсколько (въ версту) выше на гору, которая оказалась и крута и высока, покрыта березнякомъ. Березнякъ этотъ успѣли вырубить и построили тутъ пять дворовъ, въ которыхъ успѣли уже завестись сивыя крысы и желтенькія полевые мыши; не завелось достатку, но нѣтъ и особенныхъ лишеній. Новой станицѣ на новомъ мѣстѣ истекъ годъ. Огороды еще копаютъ, пашни хвалятъ, хотя работы сначала и шли туго. Точно также не благопріятствовали и луга: скотъ хворалъ и даже нерѣдко падалъ. И опять повтореніе страннаго явленія. Здѣсь также коровы родятъ зобатыхъ телятъ. Не объѣдаются ли онѣ какой-нибудь вредной болотной травой? Болота есть по близости, хотя и небольшія и не слишкомъ топкія; на нихъ озера достаточной глубины и рыбныя. Ловятъ рыбу и въ Амурѣ по осенямъ. Въ заѣзды попадаютъ осетры; въ невода лжи, таймени. Отравляли лисицъ; водятся волки; змѣй по близости нѣтъ; медвѣдь не бѣдокурить; водится бѣлка; продавали пріѣзжимъ купцамъ сверху: за лисицу давали 2 и 4 рубля, смотря по времени, а больше по наличнымъностямъ.

Климатъ новыхъ поселенцевъ встрѣтилъ сначала недружелюбно: перехворали всѣ; теперь, свыкшись, кое-какъ перемогаются.

— По родинѣ вотъ тоскуется: часто же она приходитъ на память; а придетъ — и всплечешься.

Тамъ хозяйство было больше: здѣсь еще не успѣли устроиться. Сумѣемъ — тогда можетъ и позабудемъ про родину.

Берега Амура за этой станицей опять гористы, и оба покрыты исключительно одной лиственницей. На китайскомъ берегу часто выясняются пади; въ одной изъ нихъ говорливо журчитъ ручеекъ, но, кажется, временный, а не постоянный: у него нѣтъ русла, и мечется онъ, въ двѣ пѣнистыя струи, черезъ камни.

Амуръ (собственно Шилькаръ)¹ начинается становиться шире; особенно замѣтно это между станицами Черняевой и Кузнецовой. Въ Черняевой казаки успѣли уже устроиться и хорошо устроиться, хотя и живутъ только одинъ годъ: по десятинѣ хлѣба нынѣшній годъ посѣяли, огородцы раскопали; мѣсто для станицы выбрано хорошее, луговое, все въ зелени. Хорошо, если на черняевскихъ благодѣтельно подѣйствовали неудачи первыхъ поселенцевъ и они поспѣшили взяться за умъ-разумъ. Велика задача: въ два казенныхъ года расчистить нови, обстроиться, да еще и запасами со своихъ полей заручиться!

Русскій берегъ передъ ст. Кузнецовой становится опять гористымъ; противъ него растянулись низменности китайскаго берега (а за нимъ пошли и горы). Изъ падей шумливо бѣгутъ ручьи, на берегу слышатся живые голоса: птицы чирикаютъ, кукушка кукуетъ. Чуется всюду замѣтная жизнь, и замѣчается на самомъ дѣлѣ, что мы поплыли

¹ Кстати о названіи рѣки. По всему вѣроятію, имя Амуръ дано рѣкѣ, образовавшейся изъ соединенія Шилки съ Аргунью, еще первыми казаками и, можетъ быть, самимъ Хабаровымъ. Впервые слышится это имя въ актахъ 1650 года. Мѣстные обитатели, аборигены прибрежьевъ Амура, называютъ его различно: верхняя часть, отъ Усть-Стрѣлки до впаденія Сунгари, наз. Хе-Лунъ-Цзянь рѣка чернаго дракона, у китайцевъ) и Сахаланъ-Ула-черная (и дѣйствительно, черная рѣка, у манжуровъ). Нижняя часть до впаденія въ море — Хунъ-Тхунъ-Чаянь (у китайцевъ) и Сунгари-Ула (у манжуровъ). Монголы дѣленія этого, какъ и русскіе, не признаютъ, и всю рѣку зовутъ общимъ именемъ Хара-Мурень (т. е. черная рѣка) — равно какъ тунгусы — Шилькаръ (т. е. плесъ).

теперь замѣтно къ югу, и весна входитъ во всю свою силу и права. Горы продолжаютъ держать на себѣ красный цвѣтъ. Казаки увѣряютъ, что краснота ихъ отъ травы; между нею чернѣютъ камни, цѣлыя, выдающіяся въ неправильныхъ формахъ, скалы. Двѣ изъ нихъ (за 2 версты до ст. Кузнецовой) словно остатки стѣнъ, параллельно стоящихъ другъ къ другу, какъ-будто остатки замка, острога. Правильные четверугольные камни, словно кирпичи, образуютъ ту и другую стѣну. Обѣ скалы, взятая отдѣльно и издалика, имѣютъ рѣшительную форму башенъ. Форма эта прихотливо видоизмѣняется по мѣрѣ того, какъ наша лодка отходитъ отъ нихъ. Гранитныя стѣны эти нѣсколько отошли отъ берега (хотя и нераздѣльны съ нимъ). Такъ, по-крайней мѣрѣ, кажутся онѣ издали, и видъ на нихъ съ боку необыкновенно красивъ и оригиналенъ. Передняя стѣна фантастическаго замка, острога, ящика, словно отвалилась отъ двухъ оставшихся и провалилась въ воду. Въ серединѣ, между обѣими стѣнами, разбросаны камни, ютится зелень травы и даже кое-гдѣ деревья; промежутокъ между стѣнами усыпанъ камнями. Послѣ низменности, передъ станицей, и китайскій берегъ становится высокимъ, гористымъ, засыпаннымъ зеленью: береза и лиственница смѣняются между собою попеременно. Вскорѣ, въ свою очередь, китайскій берегъ, сдѣлавшійся крутымъ, началъ выставлять скалы, но неправильной и некрасивой формы. Русскій берегъ превратился въ низменность; изъ-за зелени ея виднѣется уже и станица Кузнецова (бывшій Анганъ), въ 8 дворовъ.

Анганъ. Станица эта зовется такъ потому, что тутъ вблизи текутъ двѣ рѣчки этого имени, а Кузнецова — неизвѣстно (самъ старшой объяснить не могъ). Казаки переселены съ Онона: нужды большой въ продовольствіи не чувствуютъ. Въ прошломъ году пахали землю и нашли ее разрых-

ленною, даже примѣтны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ борозды: видимо, кто-то распахивалъ, если не манчжуръ, то русскіе казаки время Хабарова. Нынѣшній годъ хотѣли было сѣять, да бѣда стряслась: отъ усиленныхъ зимнихъ разгоновъ лошади къ веснѣ пали (у старшого двѣ; у сосѣда его — три). Объясняютъ:

— Станокъ до Олгина большой: уѣдешь — да съ недѣлю и не бываешь дома; а бѣда по горамъ трудная. Однимъ казна давала лошадей, другимъ не давала. Ищите-де свою правду — найдете; станемъ вотъ просить, что Богъ дастъ?

Тѣ казаки, которые выселились позднѣе, строить дома повыше рѣки, поодаль отъ настоящей станицы (два дома уже выстроены тамъ).

— Такъ вотъ и велѣно строиться въ гору.

Дальше къ низу идетъ низменность, которую въ полную воду заливаешь Амуръ. Гора отошла въ задъ станицы, версты на три: и все это мѣсто поросло лиственницей; мѣста болотистыя. Такой же болотистой овражокъ залегъ между рѣкой и станицей: здѣсь, по всему вѣроятію, нѣкогда было русло Амура. До сихъ поръ сверкаютъ тутъ длинныя озерки направо и налево отъ той тропы, по которой шелъ и мнѣ путь въ селеніе, черезъ кочки и по лужамъ въ этой русловой ложбинкѣ.

— Травы у насъ хорошія, — подсказываетъ казакъ, — и мѣста для пашень и огородовъ ладныя. Змѣй нѣтъ; лисицъ отравляемъ; про медвѣдей не слыхать; бѣлокъ кое-когда промышляемъ.

— Чѣмъ же вы землю распахиваете, когда у васъ лошади пали?

— А другъ у друга занимаемся. Беремъ у тѣхъ, у кого остались лошади, помиловалъ Богъ, а то и на волахъ обрабатываемъ. Да вонъ!

По косогору къ рѣкѣ, дѣйствительно, два вола поднимали черную землю и какъ говорятъ — для огородовъ.

Мѣстомъ въ слѣдующей — Ермаковой — станицѣ казаки остаются довольны, почитаютъ здоровымъ, хотя справа и подошло къ самой станицѣ болото, а на немъ разлилось мелкое озерко; дальше — рѣка рыбная. Прозвали рѣку Онономъ — именемъ родной рѣки. Мѣста подъ станицей много; траву при началѣ заселенія жгли было, да не принялись запалы: очень густа и влажна была. Къ осени успѣли накопить сѣна, да стояли зимой пурги сильныя: много стоговъ разметало. Скотъ, однако, кое-какъ перемогается. Нѣкоторые коровы телились голышами, которые тотчасъ по рожденіи и помирали; другія коровы рожали телятъ съ зобами.

— Я, — сказывала одна баба, — съ чужого совѣта сосѣдей, которые раньше насъ поселились, пробовала прикладывать къ зобу сало на тряпочкѣ — помогало: зобъ опадалъ, а видать его, однако, и по сю пору. Овцы начали ягниться на зеленъ (т. е. ко времени настоящей, зеленой весны).

— А какъ вамъ жилось вначалѣ?

— Да ничего, слава Богу. Сначала жили въ балаганахъ, а по осени да при хворости кое-какъ печь сбили, пазы замазали. Зиму жили тепло и сыто: провизію отъ казны получаемъ, на то у насъ — въ селеніи-то — и магазей есть.

Въ хлѣбномъ ермаковскомъ магазинѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, успѣли завестись крысы.

— И плодущія такія, проклятыя, и голодныя: не усмотришь — всю муку изъ мѣшка такъ и высыплеть, хоть и не сожретъ всего. Много же этихъ крысъ и до насъ по берегу-то было.

Змѣй также много; одна заползла не только въ землянку, но и на постель.

— Зашевелилась — разбудила; вздули огня — посмотримъ: черная такая, вреда не сдѣлала. А сразу мы того и не смекнули.

Рыбы еще не ловятъ; промыслятъ въ лѣсу тоже еще не успѣли собраться. Зимнія подводы съ кругу сбили:

— Человѣкъ по десяти господъ въ одинъ день собиралось; иные дня по два ждали. Не успѣешь лошадей откормить — и опять въ дорогу. Тяжело было, а теперъ легче маленько.

Сбивали мнѣ долго подводу; въ гребцы нарядили, между прочимъ, двухъ „сынковъ“ — гарнизонныхъ солдатиковъ.

— Хорошо ли они живутъ съ вами?

— Да не всякій же: все больше озорники. Рѣдкій хорошей-то попадетъ. Въ работѣ онъ тебѣ не помогаетъ, топора въ руки взять не умѣетъ, да и бариномъ жить хочетъ. Я-де у тебя до времени въ избѣ живу, а паякъ свой получаю: стало быть, вы мнѣ не указчики; я-де васъ и знать не хочу. Лаемся-лаемся, грыземся-грыземся, а онъ устоитъ-таки на своемъ и ничего ты съ нимъ не подѣлаешь. Посылаемъ вотъ ихъ больше въ казенныхъ подводяхъ. Никакой они намъ подмоги не дѣлаютъ. Мы ужъ такъ имъ не рады, что хоть бы взяли ихъ отъ насъ — обѣими бы руками перекрестились!

Вотъ и дальные, давніе слухи о нихъ — на самомъ дѣлѣ, на самомъ фактѣ. Народъ, впрочемъ, бойкій въ движеніяхъ, ловкій на словахъ, острый на языкъ. Всю станцію пѣсни пѣли, и вдобавокъ еще — веселыя: видимо, даже гордятся и этимъ хвастаются; забайкальскіе казаки, какъ извѣстно — что рыбы, — пѣсенъ никогда не поютъ и не знаютъ. Не слыхалъ я пѣсни давно, больше полугода. Казаки и топоромъ тешутъ, и сѣно косятъ, и веслами гребутъ сосредоточенно — молча, ни слова между собою, ни прибаутки, ни присказки. Ихъ, повидимому, дивили даже развеселые солдатики, но пѣсни ихъ нравились.

Одинъ изъ „сынковъ“ гребетъ и приговари-

ваетъ: „кто на Амурѣ не бывалъ — тотъ и горя не знавалъ; и кто на Амурѣ побывалъ — тотъ и горе распозналъ“, и завернулъ это все глубокимъ, тяжелымъ вздохомъ. Вотъ и новая, готовая поговорка — пока, на время; пойдетъ ли она дальше въ вѣка? — неизвѣстно. И опять-таки высказалъ ее, выпустилъ изъ устъ не забайкальскій казакъ, а русскій солдатикъ.

— Не хитра она складомъ, да ладная! — замѣтилъ онъ мнѣ.

На половинѣ станціи русскій берегъ изъ скалистаго превратился въ песчаный. Полукругомъ правильнаго очертанія обступилъ онъ рѣку и состоитъ изъ желтаго песчаника вверху съ тонкимъ напластываніемъ чернозема и съ довольно-скудною растительностью (лиственницъ на $\frac{3}{4}$ вышины). Желтый песчаникъ нерѣдко превращается въ бѣлый, который во многихъ мѣстахъ въ свою очередь перерѣзанъ тонкими слоями или полосами какъ-будто глины. Бѣлый песчаникъ во многихъ мѣстахъ отдѣлился отъ основнаго желтаго и образовалъ родъ скаль, такихъ же, каковы до этого времени были каменные скалы. Верхнія глыбы этихъ песчаныхъ скаль какъ-будто известковаго свойства. Онѣ идутъ, на дальнемъ своемъ протяженіи, при тѣхъ же условіяхъ, какъ шли прежде каменные скалы, т. е. съ ущеліями и пещерами. Въ одномъ изъ этихъ ущелій дымится, курится что-то, или, какъ называютъ казаки, „горитъ живой огонь“.

— Ёдешь ночью, — увѣряютъ гребцы, — видишь даже, какъ сыплется оттуда песокъ и даже съ искрами. А дымить такъ, что когда ни поѣдешь: днемъ ли то, ночью — все курить и не перестаетъ. Зимой дорога стороною идетъ — не видывали, что тогда бываетъ.

По срединѣ этого песчаниковаго полукружія, почти въ самомъ центрѣ его, помѣстился на Амурѣ совершенно песчаный же островъ, съ зеленою на

томъ краю, который обращенъ по направленію къ ближней станицѣ. Видъ на полукруглый берегъ издали, если не особенно красивъ, то, во всякомъ случаѣ, неожиданный и оригинальный. Берегъ очень крутъ и обрывистъ: подниматься на него прямо съ рѣки нѣтъ никакой возможности, надо обходить далеко, даже очень далеко. Амуръ въ этомъ мѣстѣ подъ берегомъ, по словамъ гребцовъ, чрезвычайно глубокъ. Глубокъ онъ и вообще на всемъ протяженіи, подлѣ всѣхъ крутыхъ и обрывистыхъ береговъ своихъ, сколько можно судить объ этомъ по постоянно-вертящимся и крутымъ кругамъ. Темнота воды также поразительна.

Впереди еще три станицы печальнаго вида. Двѣ изъ нихъ выстроены недавно; одна принадлежитъ къ первымъ заселеніямъ. Въ Аносовой (Унмійской) — девять домовъ, одиннадцать семей, черноземная земля, мѣсто хорошее и благодарное. Раскапывая землю, находили ее и здѣсь разрыленною для нашенъ; костей всякихъ нашли довольно, черепа откапывали, втулку отъ телѣги нашли. Въ нынѣшнемъ году въ станицѣ пало много лошадей (отъ частыхъ зимнихъ разгоновъ, и много пало рогатаго скота); отъ глубокихъ снѣговъ совсѣмъ почти не было сѣна. Станица отодвинута отъ Амура на полверсты, но зато стоитъ на сухомъ мѣстѣ: сильно разливающійся въ этомъ мѣстѣ Амуръ, во всякомъ случаѣ, до селенія никогда не доходитъ. Подъ тѣми же условіями населено и Кольцово (два дома, пять семей). Нужды здѣсь не имѣютъ, получая пока еще казенный провіантъ (живутъ на новомъ мѣстѣ только годъ), но спѣшатъ засѣяться, чтобы имѣть запасы на будущее время, когда сойдутъ съ казеннаго содержанія (по истеченіи двухгодичнаго срока). Ни въ лѣсу, ни въ рѣкѣ осмотрѣться еще не успѣли. Къ осени прошлаго года, вскорѣ по приходѣ на мѣсто, сильно прихварывали. Здѣсь не только телята, но и ягнята

родятся съ зобами, съ желваками: по совѣту сосѣдей — припариваютъ опивками отъ кирпичнаго чаю — „помогаетъ: желваки мало-мало пропадаютъ“. Станица Ушакова (4 дома, 5 семей) только строится: двое живутъ еще въ землянкѣ, хотя со времени прибытія ихъ сюда прошелъ уже годъ. Жилье вырыто въ берегу рѣки и кое-гдѣ схвачено тонкими бревнами и безъ крыши. Безъ крыши же стоятъ и двѣ другихъ избы: одна вновь построенная, другая временная, прошлогодняя, которая, конечно, скоро превратится въ баню; въ ней не столько тепло, сколько душно. Нужды не чувствуютъ, потому что живутъ еще на казенномъ довольствіи (успѣли, однако, развести огородецъ и пахать поле); но всѣ болѣютъ; понятно, что сколько же и новой климатъ, сколько, наконецъ, и сырое помѣщеніе въ землянкахъ неводѣланной первобытной земли — порождаютъ лихорадки. Больныхъ много. Мѣсто, однакожъ, привольное и сухое: равнина прошла на далекое пространство; хороши покосы, хороша и пастьба для скота: „Зимой замотались отъ гоньбы лошади — и пали“.

По предписаніямъ областного начальства видно, что прошлымъ лѣтомъ слышались жалобы казаковъ на сплавщиковъ, шедшихъ съ паромами: сплавщики - солдатики, растерявши или даже и истребивши въ пищу казенный скотъ, угоняли казачій и воровали по избамъ лопать. Посовѣтовали остерегаться и смотрѣть за собственностью. По другому изъ таковыхъ предписаній видно, что по Амуру гуляла фальшивая бумажка въ 25 руб., но аляповатой, топорной работы. По третьему видно, что солдаты бѣгали съ плотовъ; „выпросится на берегъ скотъ пасти — и удереть“. Казаки приносили жалобу также и на то, что поселенческій скотъ травилъ ихъ траву и даже готовое сѣно.

Амуръ на всемъ этомъ протяженіи (въ 75

версть) между тремя упомянутыми станціями, становится замѣчательно широкимъ. Особенно широкъ онъ верстахъ въ семи отъ станціи Кольцевой, гдѣ лѣвый берегъ тянется обширною, безлѣсною низменностію, видъ на которую не лишенъ оригинальности. На китайскомъ берегу (все еще гористомъ) видѣлась высокая обрывистая скала. При взглядѣ на нее видится легкая возможность существованія батареи, которая обстрѣливаетъ рѣку на значительныхъ пространствахъ, господствуетъ надъ низменнымъ русскимъ берегомъ и можетъ не пропускать въ Амуръ никого, ни съ верху плывущихъ, ни снизу. Дальнѣйшій китайскій берегъ далеко не высокъ въ такой степени, и хотя еще гористъ, но не даетъ скалъ. За станицей Ушаковой оба берега низменны и песчаны. Иногда эти площади усыпаны мелкими камнями; по рѣкѣ плаваютъ зеленые острова. Берега, однако, не выдерживаютъ своей характеристики: и горы, все время уходившія вдаль, передъ станицей Кумарской вышли на рѣку и оступились въ воду крутымъ утесомъ съ небольшимъ навѣсомъ у вершины. На утесѣ русскаго берега крестъ поставленъ: говорятъ, такъ — для примѣты. Растительность на горахъ становится замѣтно рѣже и лѣса почти пропадаютъ: нѣсколько держатся они только въ ложбинахъ, въ падахъ между горъ. Повидимому, мы начинаемъ близиться къ степнымъ мѣстамъ. За дальними островами сверкаютъ протоки и наконецъ рѣка Кумара, вышедшая изъ китайскаго берега, по которой расселены мангры и живутъ манчжуры. На низменности, подлѣ рѣки видны распаханная поля, торчитъ шалашъ — говорятъ, манчжурская сторожка: видно-де тутъ у нихъ хлѣбъ посѣянъ. Замѣтна жизнь; замѣтно движеніе ея теперь и на правомъ берегу, до сихъ поръ мертвенно-пустынномъ, въ первобытной тишинѣ и безлюдьи. На русскомъ берегу, песча-

номъ въ водѣ, зеленомъ во внутренности, бродятъ коровы; видны лошади. Видна, наконецъ, и станица Кумарская.

Это одна изъ самыхъ большихъ и людныхъ станицъ по числу душъ и домовъ (домовъ 28, семей около 40). Видъ ея и съ берегу общаетъ многолюдство и кажется селеніе. Вытянутая въ одну линію и на этотъ разъ неправильную, она, съ двумя амбарами на низу, съ двумя улицами, съ огородами, не примкнутыми къ домамъ, а разбросанными кое-гдѣ и кое-какъ безъ стремленія къ симметріи военныхъ старорусскихъ поселеній — кажется рѣшительнымъ селеніемъ, не похожимъ на всѣ прежнія станицы (исключая, можетъ быть, одного только Албазина). Чистенькій и опрятный съ виду домикъ сотеннаго командира съ палисадникомъ впереди, вновь строящаяся церковь, новая выстроенная позади селенія вѣтряная мельница скоро сдѣлаютъ изъ станицы рѣшительное село, которое будетъ напоминать сколько великорусскія, столько же и сибирскія села. Къ церкви пристраивается слободка въ пять домовъ. Только они, можно сказать, одни напоминаютъ еще недавность заселенія и нѣкоторую скороспѣлость. Этотъ видъ новыхъ домиковъ, въ большей части случаевъ, чрезвычайно похожихъ одинъ на другой, эти свѣжія загороди огородовъ, пни, которые торчатъ по всѣмъ дворамъ и на улицахъ — въ иной чувствительной душѣ могутъ еще, пожалуй, произвести нѣкотораго рода восторгъ, довольство. Что до меня, то мнѣ уже все это, во-первыхъ, надоѣло, а во-вторыхъ и послѣднихъ — эта чистота виѣшняя теперь начинаетъ пугать. Не декорація ли это, наскоро и ярко написанная, издали обманчивая декорація, которая скрываетъ за собою много сору, много неприбраннаго, безпорядочнаго хлама? Артисты еще полунагіе, принарядиться и подматься еще не успѣли, ролей не затвердили и къ

выходу еще не готовы. Къ тому же, судя по степени ихъ талантовъ, не общаются они не только хорошаго, но даже и порядочнаго спектакля. Пускался я и въ другіе разспросы, надѣясь, какъ-нибудь удержать за собою пріятность перваго впечатлѣнія и — не имѣлъ успѣха:

— Многіе очень нуждаются, особенно тѣ, которые живутъ здѣсь третій годъ и четвертый, хотя при батальонахъ и сотняхъ старались селить богатыхъ казаковъ. Земли вспахать еще не успѣли: трудна очень, жестка. Сѣмянъ для посѣвовъ не припасли. На родинѣ (одни съ Онона, другіе съ Аргуня) не въ примѣръ было лучше: тамъ и земля-то какъ-будто ладнѣе. За что ни ухватись — все здѣсь купи, за все отдай деньги. А купцы привозятъ товаръ, что ни на есть гниль: надѣнешь два раза и сбрасывай. Деньги за все беретъ нестерпимыя. Вотъ кирпичный чай; по два рубля серебромъ за кирпичъ покупали. А намъ безъ него, какъ безъ рукъ: и привыкли, и сытной онъ. Лѣньской (прошедшій) годъ у манчжуръ еще кое-чѣмъ заимствовались: нонѣ и они не стали ходить.

— Давно ли же они къ вамъ не ходятъ?

— А не видать ихъ съ той самой поры, какъ рѣка встала. Разсердились что ли на то, что ихніе бекеты противу нашего берега сожгли, или за то, что имъ не велѣли на нашемъ берегу лѣсъ рубить — Господь ихъ вѣдаетъ! И тѣ насъ горемычныхъ покинули. Никого теперь и не осталось за нами.

— Какую же пользу приносили вамъ манчжуры?

— Муку продавали, буду (пшено) привозили. Кушешь буды куль: кашу и ѣшь всласть и впрохолодь:

— На что же вы у нихъ все это покупали?

— А все брали. Старый, чуть годящій полу-

шубокъ, платокъ рваной; всякую негодную лопатинку брали и — не обижали. А вотъ имъ пятаки мѣдные, старинные: такъ ужъ это самое лучшее. Это ужъ ихъ великая радость: дивно любить пятаки. Бумажки-то вотъ, однако, не берутъ же, стало, не понимаютъ ихъ силы, какая въ нихъ такая она заключается.

— Какъ же вы съ ними объяснялись?

— Да ладили кое-какъ. Чего на перстахъ, чего какъ... смекали же, а то и слова ихнія стали доめкать; свои имъ тоже втолковывали. Ничего: шло дѣло! А вотъ теперь и ихъ нѣту...

Чувствуя, что разговоръ нашъ опять впадаетъ въ плаксивой тонъ, я перебилъ:

— Ну, а манегры что и какъ?

— Да и манегры ушли: увели ихъ. Манегры вѣдь тѣ сами народъ бѣдный; отъ этихъ нечѣмъ поживиться. Народъ этотъ такой, что ему самому какъ бы сыту быть, а ужъ другимъ удѣлить нечего. Жили они гдѣ день, гдѣ ночь; сегодня на одномъ мѣстѣ, на утрѣ — ищи ихъ на другомъ. Дикій тоже народъ.

Паромы съ гарнизонными солдатами, сѣвшіе въ прошломъ году на мель, оставили въ Кумарской станицѣ нѣсколько молодцовъ, назначенныхъ къ поселенію на Уссури. Разговорился я съ ними:

— Да что, ваше благородье! — говорилъ одинъ. — Житѣ здѣсь самое не натуральное, потому какъ очень казаки здѣшные во всякомъ провіантѣ сами нуждаются очень, и таперича безъ всякой причины ихъ мало того, что нарядами обязываютъ, еще къ нимъ сынковъ изъ нашихъ гарнизонныхъ ставятъ. Иному самому кормиться нечѣмъ, а тутъ другого еще корми.

Вотъ такъ-договорился, какъ ни сильно ткалъ свою російскую, казарменно-писарскую рѣчь, желая уснастить ее красноглаголаніемъ и долго не попадая въ настоящую точку.

— Только вотъ, кажись, въ одну полночь, когда ужъ крѣпкимъ сномъ забудешься, — о родинѣ-то своей не вспоминаешь, а то она, родная, все на умѣ: домъ-то нашъ, сусѣди... и все (слезы).

— Ты откуда родомъ-то?

— Изъ Расеи; изъ Саратовской губерніи (жена одного изъ гарнизонныхъ солдатиковъ).

— Овцы плохо ведутся: слѣпнуть (телята рождаются здѣсь уже безъ зубовъ).

— Не вредить ли имъ гадъ какой? Хороша ли пища; нѣтъ ли болотъ по близости, и тамъ травъ вредныхъ?

— Трава-то, пожалуй, и хорошая, а коли и есть болота, такъ небольшія, да и тѣ больше въ озерки втягиваются. Травы тоже вредной не замѣчали, а и гадъ не вредить: нѣту такого.

— Въ прежнихъ станицахъ на змѣй указывали.

— Есть онѣ и у насъ, да вреда никакого не дѣлаютъ. Лѣтось парнишко мой сидѣлъ на дворѣ около пня, посмотрю: одна калачомъ такъ и легла кругъ него, а не ужалила. Большая была, пестрая. На первыхъ-то порахъ, какъ выселились сюда, много ихъ было. Теперь стало не въ примѣръ меньше. Стало, онѣ бояться человѣка, стало, дальше въ лѣсъ уходить, въ хребты, въ пади.

Изъ послѣдующихъ разспросовъ оказалось, что крестъ, видѣнный нами на скалѣ русскаго берега, поставленъ по приказанію начальства, и молебствіе-де при этомъ было; а никакой тутъ могилки нѣту.

Казакъ обкапываетъ древесный пенъ, среди улицы. Я спросилъ:

— Тяжелая поди работа-то: долго провозишься?

— А вотъ обкопаю кругомъ: корни стану топоромъ перерубать и выворочу: часа на два будетъ работы. Надо же вырубать!

И здѣсь, въ станицѣ Кумарской, зимнія подводы измотали лошадей, изъ которыхъ также многія пали.

Позади селенія мѣста много, и мѣста привольныя, хотя берегъ нашъ и низменный, по обыкновению. Противъ него, за рѣкой высоко поднимается скалистый, крутой манчжурскій.

Шесть человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ, помѣщенныхъ въ Кумари въ сынки — по словамъ старшого — люди хорошіе; другіе есть со всячиной.

— Съ какой же всячиной? — спрашивалъ я.

— Ленивы работать.

— Грубы, непослушны?

— Ну этого нѣтъ, потому какъ подлѣ боку начальство.

Вообще старшой здѣшней станицы не разговорчивъ, но расторопенъ: скоро по требованію нарядилъ мнѣ гребцовъ: поѣхали. Дорогою я разговаривалъ съ рулевымъ (казакъ, поселенецъ съ Аргуни).

— Какъ поживаешь, привыкаешь ли?)

— Плохо. Провіанту мало.

— Какъ же перебиваешься?

— А у манчжуръ покупаемъ будущку: тѣмъ и питаюсь.

— Да вѣдь они ушли отъ васъ?

— Зимой были; да вотъ гляди — скоро опять придутъ. Становятся на устьѣ Кумары шалаши. Мы ѣздимъ туда и они къ намъ въ станицу ѣздить.

— Что же они тутъ на устьѣ дѣлаютъ?

— А ничего: стоятъ да наблюдаютъ, чтобы наши на ихъ берегу земли не пахали. Сѣно косить не воспрещаютъ, однако.

— Рыбу-то ты ловишь?

— Семейные которые казаки — тѣ ловятъ, а одинокому — нельзя. Поставишь ловушку-то, а

тамъ тебя на службу угонять. Два дня проходишь: вода и несетъ твою ловушку. Вотъ и въ лѣсахъ одни только богатые промышляютъ козъ...

— А бѣлокъ?

— Нѣтъ же у насъ бѣлки-то, не водятся какъ-то. Вонъ и манчжуры приходятъ съ Кумары и приносятъ бѣлку, да мало, да и бѣлка не хорошая такая.

— Много мы, ваше превосходительство, скота дорогой порастеряли, у меня у одного шесть головъ пало. Надо быть отъ дороги все это: сходили въ воду — ноги застудили, опять же все на водѣ да въ водѣ и все больше безъ пищи, безъ гулянки опять; а путь дальнѣй: какъ тутъ не падать скотинкѣ.

— Сколько же теперь у тебя осталось?

— Да двѣ лошади: зимою изморились — къ веснѣ опять въ тѣло вошли. Землю-то ужъ волами зацали пахать. Овецъ одна есть — а купить другую: такъ вотъ у насъ овца-то рубль стоитъ.

Аргунецъ — по обыкновенію — шепеляетъ и покаетъ. По этому признаку казаковъ съ Аргуни весьма легко отличить отъ поселенцовъ съ Шилки.

За пять верстъ до ст. Казакевича, лѣвой, русскій берегъ скалистъ, и скалы эти, какъ будто разрѣзанныя пополамъ, картинно глядятся и оступаются въ воду, на этотъ разъ затянута еще сверхъ того красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца. Китайскій берегъ — лѣсистая низменность, въ добавокъ еще песчанистаго свойства. Одна часть берегового русскаго хребта, постепенно понижаясь, оканчивается сопкой правильной конической формы; въ вершинѣ ея, прихотливо забравшись, выросло капризное деревцо одно-одинёшонько. Образовалась падь; изъ пади по обык-

новенію выбѣжала рѣчка (небольшая). Изъ рѣчки опять поднимается скала, начинающая новый хребетъ, который также въ свою очередь (на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты), постепенно и въ полторахъ верстахъ отъ станицы Казакевича, выдвигаетъ изъ себя выпуклую скалу.

— На скалѣ этой — рассказываетъ рулевой — у манчжуръ моленная была. Приносили они тутъ жертвы камнямъ, и позади была настоящая моленная. Ее велѣли сжечь и эту сжечь. Манчжуры прошлой зимой опять приходили и зачали строить новую кумирню. Отъ насъ, изъ Кумары, назначены были 20 человекъ — разломали: строиться не пустили. Кумирню-то они начали ладить дощатую: легко было ломать.

— Сердились манчжуры-то?

— Отступились, бросили строить. Ладятъ, сказываютъ, на ноябрьской годъ строить новую, супротивъ старой.

Этотъ пунктъ — выдававшаяся скала — важенъ потому, что по пади вправо отъ него, тропинкой, до изгиба Амура всего только версты $1\frac{1}{2}$ —2. Вотъ почему и тамъ и здѣсь рѣшились буддисты-манчжуры освятить пункты священными зданіями. Отъ этой-то выдающейся скалы, изъ той же пади, гдѣ идетъ тропинка въ станицу Карсакову, сейчасъ же поднимается утесъ, образующій сплошной кряжъ на всемъ протяженіи до станицы Казакевича. Угрюмо глядитъ онъ высокими, темными скалами, высота которыхъ замѣчательна и по сравненію со всѣми прежними. Словно громадный камень, сплошной и твердый, залегъ тутъ. Объ этотъ-то камень какъ будто и надломился Амуръ, соблазнившись низменностью противоположнаго манчжурскаго берега. Рѣка дѣлаетъ луку, крутой поворотъ къ западу, встрѣчая дальше скалы и на манчжурскомъ берегу и, словно сдавленная ими, беретъ направленіе къ юго-востоку

и потомъ снова течетъ къ сѣверу, какъ будто завязываетъ узелъ, и обоими своими концами не сходится только въ разстояніи 3—4 верстъ. Форма извива Амуре въ этомъ мѣстѣ нѣсколько похожа на подобный же тому въ Волгѣ, подъ Самарой, гдѣ, по словамъ пѣсни, лѣбили „разбойнички шалить“.

Извивъ Амуре сумѣлъ такъ выгнуться колѣномъ, что вмѣсто трехъ верстъ разстоянія между станицами даетъ намъ обходъ въ 28 верстъ. Скала, на которой совершается этотъ переломъ рѣки, быстро сбѣгаетъ въ низменность, на мысу которой и стоитъ станица Казакевича.

— На этомъ мѣстѣ (продолжаетъ рулевой все объ той же пади съ тропинкой и пряникомъ въ станицѣ Карсакова), да и тамъ, подъ Карсаковой, манчжуры жили еще въ прошломъ году. Теперь ихъ прогнали: не живутъ больше. Мѣсто это что-то они очень любили.

— Ну будетъ, казакъ, спасибо и на томъ! А какая это птица кричитъ?

— А не знаю, какъ назвать: не примѣнились еще; не приладили прозванія никакого,

— Островамъ именъ тоже не дали?

— Не дали еще. Можетъ послѣ какъ приладятъ.

Однако я слышалъ уже, что одну высокую скалу, вышедшую на Амурѣ выше станицы Амосовой, казаки успѣли уже прозвать Масляной. Мало-по-малу такимъ образомъ и все окрестятъ.

Обѣ станицы (Казакевича и Карсакова) отправляютъ гоньбу по очереди (понедѣльно) съобща. Въ Казакевичевой 8 дворовъ; огороды раскопали, рожь возшла хорошо, ярица—тоже. Разговорился я въ ней съ казаками:

— Какъ вы думаете: отчего Амуръ-отъ изогнулся?

— Не можемъ знать отчего.

— И не думали вы объ этомъ, не толковали?

— Не думали. Господь его вѣдаетъ, чего онъ этакъ-то...

— Земля-то плотная, когда вы ее распахи-вали?

— Хорошая земля, плотная.

— До камней внизу не дорывались?

— Не дорывались.

— А ничего тамъ не находили?

— Черепки отъ горшковъ словно попадались, когда вотъ погребѣ себѣ рыли.

— А не замѣчали, что земля была разрыхлена, и тутъ было селеніе прежде, когда-то?

— Нѣту, не замѣчали. А три дома манчжурскихъ у Карсаковой были.

— Да вѣдь вы ихъ сожгли вмѣстѣ съ кумирней?

— Сожгли.

— Сердились манчжуры-то?

— Сердились точно, а не грозились однако: такъ и ушли.

По мѣрѣ того, какъ мы плыли дальше, плыли вторыя сутки, береговыя горы начинали принимать печальный видъ: утлыя деревья разсажены кое-гдѣ, въ рѣдкую, по вершинамъ и въ ничтожномъ количествѣ; выплывающіе навстрѣчу острова покрыты низкими и негустыми кустарниками. Лѣвый берегъ настойчиво удерживаетъ за собою характеръ низменнаго, равниннаго; правый только въ падахъ горъ зеленѣетъ какъ будто лѣсомъ. На низменностяхъ русскаго берега разбросаны кустарники (и стало быть лѣсъ также дровяной, а не строевой). Въ станицахъ къ прежнимъ и общимъ жалобамъ присоединяются новыя:

— Мѣсто у насъ привольное, сухое, однимъ вотъ только и тяготимся: лѣсу очень мало, строиться не изъ чего. Рубили ужъ вотъ на

томъ берегу; тамъ еще задался кое-какой, а живемъ вона въ землянкахъ еще, что кроты какіе-нибудь.

Вотъ что говорили мнѣ въ ст. Буссе. Въ Бибиковой видѣлъ я готовые дома: но всѣ они глядятъ замѣтно почернѣе, и станица не имѣетъ свѣжести первыхъ. Поселенцы (съ Онона) плыли сюда на плотахъ; бревна изъ этихъ плотовъ и были употреблены ими на постройку домовъ (которыхъ въ станицѣ десять). Свѣжи еще, впрочемъ, глубокія ямы на берегу — мѣста недавнихъ землянокъ. Дворы и хлѣвы успѣли уже обнести плетнемъ.

— Ивняку-то много же по берегамъ! — замѣтилъ мнѣ казакъ изъ гарнизонныхъ солдатъ, съ годъ уже поселенный здѣсь.

— Лѣсу-то у васъ мало: не видно нигдѣ!

— У насъ еще что?! У насъ хоть дровяной есть — версты за двѣ растеть. А вонъ въ Благовѣщенскѣ за двѣнадцать верстъ за дровами-то ѣздить. Сажень до 3 руб. сер. дошла тамъ. На улицѣ каждую щепочку приберутъ да припрячутъ.

Видю нѣсколько полѣницъ по берегу Амура: дрова, вѣроятно, заготовлены для частнаго парохода. Спрашиваю:

— Почему они вамъ за сажень-то платятъ?

— По два рубля серебромъ.

Въ доказательство близости степныхъ мѣстъ казаки приводили мнѣ необыкновенное присутствіе на всѣхъ этихъ прибрежьяхъ и островахъ паутъ (т. е. комаровъ, мушекъ и слѣпней): „отъ нихъ-де и на водѣ никакого спасенія, и скотину сильно обижаютъ; часовъ пять побродить она въ полѣ, да и бѣжить домой: силъ ея не хватаетъ. Мошка какая-то жгучая; слѣпни тучами носятся. Легче бываетъ, когда дождичокъ вспрыснетъ, либо сильной вѣтеръ завяжется: мошка и всякій паутъ тогда улетаетъ, по своимъ мѣстамъ прячется“.

Въ станицѣ Екатерининской (по-казацки — Катериновкѣ) живутъ по большей части въ землянкахъ. Нѣкоторые также успѣли построить дома изъ бревенъ, приплавленныхъ въ плотяхъ съ дальнихъ мѣстъ родины, но дома эти обнаружили всю свою невыгоду: всю зиму сильно промерзали, не успѣвши сѣсть и просохнуть; и давали сильную капель со стѣнъ и потолка, противъ которой нельзя было предпринимать никакихъ рѣшительно мѣръ.

— Вытрешь когда — глядишь, и опять заканало. Опять же шибко угарны были: головушекъ не подымывали. Лихорадка крѣпко била, да вотъ не отстаетъ и теперь. Ждемъ своихъ сверху — не дождемся: мѣсто здѣсь просторное, да все и веселѣй кабысь будетъ съ ними, да и по нарядамъ казеннымъ легче. Опречь лихорадки-то — тоска одолѣла. Выйдешь на берегъ-отъ да чуть не всплачешь: вода да горы и все тебѣ тутъ. Зимой-вотъ, чтó выѣздишь, чтó заработаешь денегъ, то и отдашь манчурамъ за припасы.

По берегу валяются выдернутые пни толстыхъ деревьевъ. Такія же точно деревья (и даже березовыя) гнили на берегу ст. Бибикова. По всему вѣроятію, здѣсь нѣкогда существовалъ густой лѣсъ, который и вырубленъ манчурами. По множеству полѣнницъ, стоящихъ на правомъ берегу — думаю — безошибочно можно заключить о томъ, что манчуры въ здѣшнихъ мѣстахъ заготавливаютъ лѣсъ и дрова: можетъ даже быть и для Айгуна.

Разговорился я съ однимъ казакомъ. Казакъ этотъ рассказывалъ, что пестрыя-де крысы безпokoятъ, а есть-де и маленькія мыши, красненькія; соболямъ и слыху нѣтъ; бѣлкамъ также.

— Нѣтъ ни осины, ни лиственницы: оттого и не водъ имъ. Волкъ одинъ заходилъ зимой, заходилъ на дворъ: овцу зарѣзалъ. Лисицы есть: одна объѣлась (окормили), другую затоптали лошадьми.

— Какъ такъ?

— А возвращались домой съ подводы — увидали. Стали на лошади гоняться — замучили, загоняли. Видѣли разъ и чернобурую лисицу, да не доспѣли.

— А рыбы много было?

— Лонскимъ годомъ много было: не пріѣдали — (въ Бибиковой сказывали, что-де не только сами объѣдались, но и продавали чуть не возами). Какъ поселились, то и заѣзды сдѣлали и — нивѣсть сколько попадалось. Нонѣ весна-то что ли запоздала: совсѣмъ стало рыбы мало. Оттого поди нонѣшной годъ все словно не такъ кабы починяется. Ужъ Христось вѣдаетъ отчего!..

На правомъ берегу огоньки засвѣтились.

— Что это такое?

— А манегры: рыбу, надо быть, ловятъ. Всегда они въ это время выходятъ сюда.

— Куда жъ и за чѣмъ уходятъ отсюда?

— А Господь ихъ вѣдаетъ: этого мы не знаемъ.

Еще до Екатерининской станицы Амуръ величественно-смѣло началъ разливаться въ неоглядную даль, особенно когда перестали тѣснить его послѣднія скалы манчжурскаго берега. Амуръ становится замѣчательно красивымъ: во множествѣ плаваютъ на немъ на половину зеленые, на половину песчаные острова. Оба берега становятся низменными. На встрѣчу выплываетъ одинъ островъ; два остались назади и, помѣстившись среди рѣки, становятся одинъ за другой, выравниваются, какъ лебеди на полетѣ къ небу, въ дружной и большой стаѣ. Выравниваются острова какъ будто для того, чтобы пропустить впередъ себя другого вожака передоваго, болѣе ихъ красиваго, болѣе ихъ зеленаго. А тамъ, за этимъ самымъ переднимъ островомъ, и голубое небо слилось съ водой. Пріятно и отрадно дать теперь возможность отдохнуть глазамъ на вольномъ просторѣ прибрежныхъ равнинъ. Надоѣли уже, сильно надоѣли эти горы, эти скалы,

которыя вотъ уже двѣнадцать сутокъ утомляютъ наше зрѣніе, около тысячи верстъ тѣснить теченіе Амура.

За Екатерининской станицой Амуръ прямо-таки пошелъ по равнинѣ. Горы ушли отъ него въ замѣтную даль. Острововъ показалось гораздо большее количество, чаще стали вливаться въ Амуръ рѣки. Вотъ двѣ, такъ называемыя Грязныя, впали. Скоро выйдетъ большая — Зея рѣка.

— И все вотъ такъ идетъ она до самаго Благовѣщенска — объясняетъ рулевой. — Протокъ очень много и косы есть: одна подъ самымъ городомъ, большая очень. Зея надо быть наметала.

Въ водѣ плещаются и выпархиваютъ потомъ на берегъ воробьи особой породы, такъ называемые водяные, нѣсколько побольше полевыхъ, но съ длинными, родъ утиныхъ, носами. Гуси огромными стаями и очень часто летаютъ надъ нашими головами и гогочутъ, лебеди показались. Наступила ночь, выплыла луна: рѣка сдѣлалась еще красивѣе: береговъ почти не видать стало...

На другой день, раннимъ утромъ, я былъ уже въ Благовѣщенскѣ.

2. Отъ Благовѣщенска до Хабаровки.

Немного надо умѣнья и красокъ, чтобы описать виѣшней видъ новаго амурскаго города Благовѣщенска. Достаточно, если читатель представить себѣ длинный рядъ новыхъ домовъ (числомъ 16), вытянутыхъ въ прямую линію по прибрежной равнинѣ рѣки Амура на двухверстномъ пространствѣ. Мнѣ прибавить къ этому остается немного: всѣ эти дома деревянные, недавней постройки, всѣ съ красными крышами, всѣ однообразнаго фасада. Два изъ этихъ домовъ (крайній и средній) съ балконами вышли на самый берегъ рѣки; всѣ остальные отошли на замѣтное разстояніе внутрь, образуя впереди себя длинную площадь, на этотъ

разъ пыльную и пустынную. Дома эти, не стяннутые заборами, кое-гдѣ и изрѣдка обставленные кое-какими службами, придаютъ новому мѣсту видъ чего-то унылаго и тоскливаго. Пустыри, залегшіе кругомъ строеній, отсутствіе малѣйшаго, ничтожнаго деревца, долгая и безпривѣтная степь справа, слѣва и позади строеній — все это взятое вмѣстѣ не располагаетъ новаго пришельца въ пользу новаго города. Можно надѣяться на его будущее, но нельзя похвалить настоящаго: Благовѣщенскъ пока только казарма, наскоро построенная, холодная, со сквознымъ вѣтромъ, съ капелью съ потолковъ и крышъ. Ладила ее линейный солдатикъ, у котораго въ первый разъ въ жизни очутился въ рукахъ топоръ ненадежной работы казеннаго Петровскаго завода. Дѣло солдатику этому дано на урокъ и на спѣхъ, оттого онъ и углы плохо приладилъ, онъ и пазы кое-какъ загрунтовалъ; кое-гдѣ моху положилъ, кое-гдѣ заткнулъ просто ветошь, т. е. старую прошлогоднюю траву; солдатъ-плотникъ кое-гдѣ и такъ обошелся. Пусть себѣ сквозить и дуетъ: отъ холоду можно и въ полусубкахъ согрѣться, а чиновники могутъ и въ шубахъ праздничные визиты дѣлать. Оттого-то, говорятъ, въ цѣломъ городѣ въ прошлую зиму было всего три или четыре теплыхъ комнаты; оттого-то слова: „житейскій комфортъ, удобства“ здѣсь пока еще анахронизмъ, и оттого-то, наконецъ, Благовѣщенскъ — городъ только еще въ будущемъ и никакъ не въ настоящемъ. Правда, однако, то, что дѣлается въ немъ много, но сдѣлано мало; пустыри стараются застроить, облюдовать: между казармами заложенъ огромный домъ для губернатора и небольшой частный; сзади казармъ видится нѣсколько срубовъ, маленькая церковь, сдѣланная недавно и наскоро изъ часовни; на двухъ противоположныхъ краяхъ казарменной линіи, въ двухверстномъ разстояніи одинъ отъ дру-

гого, расположены два замкнутыхъ заборами, отдѣльныхъ квартала: одинъ принадлежитъ Амурской компаніи, другой — артиллерійской батарее. Оба они представляютъ видъ нѣкоторой законченности и постройки не на живую, а на прочную и крѣпкую нитку. Отъ Амурскаго квартала вышли впередъ, на самой берегъ, два сарая-пакгауза, около которыхъ предположено расселить торгующее купечество съ ихъ домами и лавками по направленію, внизъ рѣки, къ устью Зеи. Между пакгаузами выстроится домъ, долженствующій служить украшеніемъ города; передъ ними соорудится пристань для частныхъ и компанейскихъ пароходовъ. Въ свою очередь, на противоположномъ краю города, противъ такъ называемаго артиллерійскаго квартала, на берегъ Амура вышли два сарая, но уже на этотъ разъ казенные, для хлѣбныхъ и другихъ складовъ; позади предполагается строить новый кварталъ съ госпитальными зданіями. Тутъ же, въ этомъ краю Благовѣщенска, уцѣлѣли два-три обмазанныхъ глиной барака, въ которыхъ жили первые прибывшіе сюда переселенцы. Вблизи этихъ первоначальныхъ городскихъ строеній, на самомъ берегу рѣки, крутомъ и обрывистомъ, прилѣпились землянки — эти стрижовыя норы, людскія гнѣзда, — составляющія большинство городскихъ зданій. Такой же рядъ землянокъ, плотно прилаженныхъ одна къ другой, выстроился и на дальномъ противоположномъ концѣ города, противъ компанейскаго квартала, въ количествѣ свыше десятка.

Таковъ общій планъ новаго амурскаго города. Прибавлять къ описанію его остается немного. Часть казармъ занята гражданскими и военными чиновниками по количеству далеко еще незаполненнаго штата по положенію объ новомъ сибирскомъ областномъ городѣ Амурской области. Въ четырехъ казармахъ размѣщенъ линейной бата-

ліонъ, на обязанности котораго давно уже легла и лежитъ до сихъ поръ вся постройка городскихъ строеній: вольныхъ плотниковъ въ Благовѣщенскѣ нѣтъ, да и взять ихъ негдѣ. Вольные поселенцы изъ охотниковъ и выслужившихъ казенный срокъ ссыльныхъ, все размѣстились по берегу въ землянкахъ. Нѣсколько (меньше десятка) частныхъ домовъ застроились позади казармъ по сторонамъ церкви и церковной площади.

Наружный характеръ города не представляетъ также многихъ особенностей. Преобладающее населеніе — военное; рѣдко попадается борода и проходитъ какой-нибудь мастеровой, мужикъ изъ поселенцевъ; еще рѣже — чиновникъ. Солдаты на площади пилать бревна; солдаты на домахъ и въ домахъ рубятъ тѣ же бревна. Со всехъ сторонъ слышится лескъ и стукъ топора, визгъ пилы, во многихъ мѣстахъ затанули „дубинушку“ — тащить бревно изъ рѣчныхъ плотовъ на берегъ, тащить его на вновь строящееся зданіе — солдаты вездѣ, солдаты кругомъ, куда ни обернешься. Если прибавить ко всему этому рядъ казармъ, высокія окна которыхъ съ рамами, какъ будто снятыми на время съ парниковъ, — уныло глядятъ на берегъ, и десятокъ чугунныхъ пушекъ на той же площади, которыя тоже зачѣмъ-то глядятъ на рѣку — то картина города едва ли не будетъ полная и законченная, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она казалась мнѣ въ теченіе трехъ дней мая мѣсяца. Вся эта картина нова и пожалуй недурна; все это пожалуй и похоже на начатокъ города; все это житье и пожалуй радуетъ, особенно послѣ утомительнаго однообразія верховыхъ станицъ.

Берега Амура ниже Благовѣщенска становятся разнообразнѣе и оживленнѣе. Мѣстность все еще упорно продолжаетъ сохранять свой низменный, безлѣсный, степной характеръ, особенно по пра-

вому русскому берегу. Этотъ берегъ замѣтно песчанѣе, именно съ того мѣста, гдѣ рѣка Зея вливаетъ свое широкое русло, вдвое большее русла Амура. Растительность все еще ничтожна и едва примѣтна: это не иное что, какъ чахлые и невысокіе кустарники. Таковъ по преимуществу лѣвый берегъ. Правый берегъ замѣчительно оживленъ, особенно по мѣрѣ приближенія къ манчжурскому городу Айгуну, на 35-верстномъ разстояніи между нимъ и Благовѣщенскомъ. Еще противъ этого послѣдняго города разбросалась манчжурская деревушка Сахалынь-Ула, и затѣмъ весь правый берегъ вплотную почти усыпанъ деревнями (на лѣвомъ берегу деревни эти попадаются замѣтно рѣже). Видъ на нихъ относительно очень обыкновенный, но послѣ верховаго безлюдья онъ производитъ живительное, успокаивающее впечатлѣніе. Къ этому надо прибавить еще то важное обстоятельство, что всѣ эти манчжурскія деревни тонутъ въ рощахъ, на этотъ разъ покрытыхъ уже густой свѣжей зеленью. Насколько голъ и безъ деревьевъ новый русскій городъ, настолько богаты зеленью деревни манчжуръ. Этому обстоятельству они обязаны — какъ говорятъ — тому религіозному чувству, которое повелѣваетъ имъ осѣнять тѣнью деревьевъ высокочтимыя ими могилы отцовъ и дѣдовъ. Деревья кладбищенскія становятся съ того времени неприкосновенною святынею: кто ихъ срубить, тотъ лишается головы. Наши, напротивъ, стараются все срубать: и голая равнина вслѣдствіе того тянется печально отъ Благовѣщенска и до дальнихъ станицъ. Зато почти сплошная зелень подошла и къ самому городу Айгуну. Тѣ же деревни и тѣ же рощи тянутся еще и за Айгуномъ по правому берегу на пространствѣ больше чѣмъ ста верстъ. Станицы казачьи попрежнему размѣщены въ 30 и 40 верстномъ разстояніи одна отъ другой, но во всякомъ слу-

чаѣ выстроились и поселились подь благопріятными условіями. Амурь обложился пространными площадями-равнинами: горы изрѣдка выходятъ на рѣку, но малыми отрогами и по преимуществу на правомъ берегу. Отсутствіе лѣса крайне замѣтно на всѣхъ этихъ пространствахъ: острова, правда, выкрыты всѣ до одинаго кое-какою зеленью и кустарниками, а дальнія горы отдаютъ чернѣтью еще невырубленныхъ лѣсовъ — все-таки станицы строились изъ припавленнаго сверху лѣсу, иногда шилкинскаго, нерѣдко олонскаго. Таковы условія, соблюденныя при постройкѣ станицы Низменной, гдѣ береговые кустарники заслоняють строенія отъ рѣки, и въ ст. Константиновской, удаленной отъ рѣки на 1¹/₂ версты, по той причинѣ, что берегъ ея песчаный, низменный и подмывается водой (нынѣшней весной отвалила вода большой кусокъ, сажени на четыре въ ширину). Къ счастью, Амурь тутъ очень глубокъ, и мѣсто это не скоро можетъ засориться: болотистая у берега равнина эта идетъ къ станицѣ суходолемъ. Мѣстные обстоятельства станицѣ благопріятствуютъ. Вотъ что по этому поводу рассказывалъ мнѣ старшій.

— Противу нашей станицы есть островъ — винограднымъ мы его прозвали.

— За что же такъ?

— Виноградъ на немъ растеть.

— Да негодной — поди, кислой?

— Кислой-прекислой, а ѣсть можно: успѣваетъ же дозрѣвать. Такъ вотъ за этимъ островомъ Старой Амурь прошелъ — преширокая такая протока! Она мелкая, во многихъ мѣстахъ промерзаетъ до дна: рыба-та вся и идетъ къ намъ, въ нашу протоку. Вылавливаемъ ее столь много, что успѣвали въ прошломъ году продавать въ чужіе люди, на сторону.

— Хорошо ли вы живете: не хвораете ли?

— Хворостью Богъ миловалъ, а жили по первоначалу со всячиной. Безъ манчжуровъ было бы плохо.

— Дружно вы живете съ ними, не бранитесь, не деретесь?

— Зачѣмъ драться? Мы отъ нихъ сами ничего худого не видимъ: другъ дружкѣ помогаемъ тоже, потому что все за едино. Они намъ хлѣба, а мы имъ что намъ самимъ не надо — отдаемъ. Очень они наши овчины полюбили: пять кулей крупы давали въ прошломъ году за плохенькой, крѣпко-поношенной полушубокъ. Лопотное (но-сильное) всякое тоже берутъ, и оно у нихъ въ большой силѣ. Съ ними ладить можно, какъ они еще не свычны, не понятливы на наше добро.

— Не привѣсились.

— Точно такъ! — Настоящее это слово. Сами мы промышляемъ лисицъ, да докудова еще очень мало.

Эта Константиновская станица одна изъ большихъ по всему Амуру: — говорятъ — поселена цѣлая казачья сотня. Слѣдующія станицы: Сычовская, Пояркова и Купріянова прожили тоже подъ благодѣтельнымъ пособіемъ манчжуръ, которые весьма охотно (несмотря на запрещеніе начальства) продавали казакамъ муку и буду (крупу). Казаки успѣли уже поосвоиться, пообсѣяться. Лѣса за ст. Поярковой становятся замѣтно гуще и чаще, и на лѣвомъ берегу, по мѣрѣ удаленія отъ манчжурскихъ деревень, преобладающіе въ немъ сорта деревьевъ — черная береза, на этотъ разъ одѣтая густой-прегустой зеленью. Въ станицѣ Купріяновой рассказывали про слѣдующее замѣчательное событіе. Вблизи ея существовали долгое время двѣ деревни орочонъ. Деревни эти сожжены въ прошломъ году по приказанію манчжурскаго нойона (чиновника), пріѣзжавшаго изъ самаго города Цицикара. Причину этого приказанія казаки объ-

ясняютъ слѣдующимъ образомъ: ороконы эти платили манчжурамъ ясакъ соболями: по прибытіи русскихъ — лучшихъ соболей они стали продавать новымъ пришельцамъ; худшіе соболи поступали въ ясакъ. Это было замѣчено въ Цицикарѣ. Замѣчено было также и то, что ороконы стали сближаться съ русскими и показываютъ имъ больше расположенія, чѣмъ своимъ прежнимъ владѣтелямъ. Для изслѣдованія подробностей на мѣстѣ присланъ былъ полномочный чиновникъ, который, найдя, что ороконы близки уже къ тому, чтобы перейти на русскую сторону, рѣшилъ деревни ороконскія сжечь до тла въ чаяніи, что народъ этотъ, оставшись безъ жилищъ, пойдетъ внутрь страны. Но чиновникъ въ расчетахъ ошибся. Ороконы жмутся къ старому пепелищу и до сихъ поръ отъ него не отходятъ:

— Если насъ и за сто верстъ отвезутъ отсюда — говорятъ они нашимъ казакамъ — мы опять придемъ къ вамъ. Жаль, что войонъ не попался намъ глазъ-на-глазъ — мы бы его непременно убили.

— Сидятъ вотъ теперь на пожарищахъ-то своихъ да горько воютъ: жалость даже беретъ! — рассказывали мнѣ казаки купріяновскіе.

— Что же вы: торговали съ ними, покупали у нихъ что-нибудь?

— Рыбу покупали, звѣрей покупали. Больше вѣдь у нихъ ничего не купишь: земли вѣдь они не пашутъ.

— А бродячую жизнь-то ведутъ?

— Нѣтъ: въ домахъ живутъ. Да знать ужъ такіе несвычные. А плутъ же народъ: туги очень, а мы ихъ ласкали, приманивали. Очень ужъ они насъ за то и полюбили.

Казаки здѣшніе какъ будто развязнѣе, смѣлѣе, разговорчивѣе; нѣтъ натянутости въ движеніяхъ, опасливости въ разговорахъ и отвѣтахъ; одѣты

довольно чисто и опрятно: обгоранцевъ почти не видать вовсе. Въ добрый часъ! Станицы — вѣроятно по причинѣ ближайшаго сосѣдства съ манчжурами — сгруппированы чаще и населены гуще. На дальнѣйшихъ 56 верстахъ, залегшихъ между старыми станицами, Купріяновой и Скобельцына, начали строить новую — Никольскую (готовы только три двора). Мѣсто для нея выбрано довольно удачно: вся она тонетъ въ густой зелени черной березы. Подлѣ выбѣжала рѣченка, вся затянута въ густую зелень листвы. Дома отстроены: землянокъ не видать уже. Прибрежья песчаны, но не обрывисты, а потому и станичныя избы подошли почти къ самому Амуру. Горъ на берегу нѣтъ и въ поминѣ: словно всѣхъ ихъ вытянуло на дальнюю тундру сѣверной Сибири и тамъ распластало и разбило на мелкіе холмы и болотныя кочки. Правый берегъ продолжаетъ попрежнему быть густо-зеленымъ: горы не высоки, но зато чрезвычайно отлоги; кое-гдѣ видятся отдѣльные холмы; одинъ изъ такихъ плотно усаженъ дубками и черной березой, а по подушкамъ (маленькимъ пригоркамъ) рассыпалась ель. По всѣмъ этимъ мѣстамъ и по низменностямъ наши казаки во многихъ мѣстахъ видали ямы; были ли то жилья или укрѣпленія, за которыми прятались, — распознать теперь трудно. На рѣкѣ стояла юрта ороchonъ, но ее также сожгли манчжуры.

Равнина лѣваго берега выпустила изъ себя рѣку Бурею — одинъ изъ главныхъ и большихъ притоковъ Амура; устье ея замѣчательно: широко и едва ли меньше устья благовѣщенской Зеи. Про Бурею рассказываютъ казаки, что она — рѣка лѣсная, что на нее ходятъ ороchonы на промысла (звѣрують тамъ), но что остаются ли тамъ на житье — неизвѣстно. Вообще казаки наши, за краткимъ временемъ пребыванія своего на новыхъ мѣстахъ и за крайнимъ недосугомъ, осмотрѣтся

кругомъ себя еще далеко не успѣли; но знаютъ навѣрное, что отъ Айгуна и манчжурскихъ деревень прямокомъ на Бурею давно уже проложена большая, трактовая дорога. Знаютъ также, что по пространнымъ равнинамъ лѣваго берега разбросано множество рыбныхъ озеръ, и что по рѣкѣ Бурей живетъ особое ороchonское племя, называющее себя бирарами. Нѣкоторые представители этого племени выходятъ иногда на амурскія прибрежья съ хорошими соболями для промѣна ихъ на буду и одежду.

Между тѣмъ лодка моя подвигалась дальше, и Амуръ дарилъ насъ такимъ вечеромъ, роскошно-теплымъ, весеннимъ, о которомъ мнѣ давно уже не мечталось. Особенно хорошъ былъ тогда Амуръ при лучахъ заходящаго солнца. И вотъ что на этотъ разъ привелось мнѣ записать въ дневникъ:

„Неистовый визгъ, пискъ, сливающийся во что-то необычайно-шипящее, несется къ намъ съ сѣдняго острова направо. На острову болото; въ болотѣ мириады лягушекъ, у которыхъ, по словамъ рулевого, теперь въ родѣ какъ бы гонбища. Вотъ уже оплываемъ вторую версту, а шумъ этотъ все еще необыченъ. Какъ будто пилать во множество пилъ, какъ будто громадный самоваръ шипитъ и хлещетъ по краямъ... На Амурѣ необыкновенно тихо и торжественно. Острова продолжаютъ выплывать впереди и позади: и всѣ зеленые, и всѣ такіе красивые, даже и въ сумерки. Но скоро выплываетъ луна и острова будутъ еще лучше.

„— Отчего (слышу спрашиваетъ мой спутникъ А. Ѳ. Б. казака рулевого), отчего — какъ я замѣтилъ — многіе изъ казаковъ неохотно идутъ въ греблю?

„— А оттого, что тутъ есть обида. Въ греблю идетъ и тотъ, у котораго лошадь есть: онъ за эту лошадь и получаетъ, а идетъ и такой, пѣшой...

„— Какой пѣшой?

„— А такой, у котораго лошади нѣтъ: пала. Это очень обидно, потому что онъ вѣдь не за себя, а за лошадь въ греблѣ получаетъ; а я ему по человѣчеству и землю вспаши, да и ступай съ нимъ и одинаковое получай. Вотъ отчего идутъ неохотно!

„— Намъ хотѣлось, чтобы начальство гоньбу на подрядъ отдало: и охотники находились. Начальство не согласилось однако“ — сказалъ казакъ и — совралъ.

Вспоминается мнѣ при этомъ совершенно противорѣчащій рассказъ одного изъ начальствующихъ лицъ Амурской области. Лицо въ одной изъ станицъ хотѣло припугнуть казаковъ, ради желанія узнать ихъ мнѣнiе.

„— Слышалъ я, — говорило это лицо, — слышалъ я, что вамъ тяжело, братцы, казенные подводы гонять!

„— Очень тяжело.

„— Такъ я думаю на казенный счетъ принять это.

„— Нѣтъ ужъ помилосердуйте: дайте намъ — мы какъ-нибудь сами ладить станемъ. Не очень же плохо тяжело. Мы однако справимся!...

„Гребцы начинаютъ учащать удары веслами: подошла Буря и валить сильную воду. Вышелъ я изъ каюты: влѣвъ засверкало широкое русло этой рѣки, быстрой и крутой теченiемъ. На двухъ противоположныхъ мысахъ ея зачернѣла густая зелень. На заднемъ и дальномъ мысу горитъ великолѣпный палъ сильнымъ пожаромъ, пущенный можетъ быть и нашими казаками, а можетъ быть и орочами, у которыхъ существуетъ то же обыкновенiе, вѣроятно, заимствованное у русскихъ. За переднимъ мысомъ раскинулась станица. Буря — славная рѣка.

„— Сюземная рѣка! — прихвалилъ ее рулевой казакъ.

„— Что же это значить?

„— А на счет промысловъ и звѣровья очень всё одобряютъ.

„— Лѣсныя мѣста-то пошли по Буреѣ, крѣпко лѣсныя, оттого и есть гдѣ палу разгуляться, оттого онъ и яркой такой! — толковалъ мнѣ рулевой.

„Но вотъ и станица Скобельцына (286 верстъ отъ Благовѣщенска). Пошелъ я въ нее — и не нашелъ. Блуждалъ я по пнямъ и кочкамъ, по гладко-укатанному побережному песку, между кустами черной березы; блуждалъ по кочковатому полю; слышалъ опять визгливый хоръ лягушекъ, хотя и не такой сильный и громкій; блуждалъ я версты съ полторы, но въ станицу таки не попалъ. Ни свѣту, ни собачьяго лаю и — ничего путевого. Пришелъ старшой и рассказываетъ, что поселены здѣсь казаки съ Онона, съ Шилки, но большая часть съ китайской границы. Домовъ въ станицѣ 14; семей 24. Всѣ здоровы. Живутъ порядочно. Успѣли посѣять. Станица удалена отъ берега версты на двѣ!

„Просыпаюсь поутру и вижу: Амуръ продолжаетъ обставляться попрежнему берегами низменными, разбивается на протоки и на острова, которыхъ на этихъ мѣстахъ и особенно много, и они особенно велики. Зеленъ мечется въ глаза преимущественно на правомъ берегу (тамъ видны и горы, ушедшія далеко отъ воды). Лѣвый берегъ песчанистъ, обсыпчивъ и совершенно голый, безъ деревьевъ. О горахъ на этомъ берегу нѣтъ и помину. Вода Амура желта и необыкновенно мутна: прибываетъ ли рѣка — какъ увѣряютъ казаки, или перемутитъ воду цѣлую ночь шедшій дождикъ? Теперь ни дождя, ни вѣтра; солнце свѣтитъ во всю силу, и день предстоитъ великолѣпный. Весна во всемъ своемъ блескѣ: міриады какихъ-то наѣкомыхъ — родъ бабочекъ съ длиннымъ туловищемъ и крыльями — летаютъ надъ водой, плы-

вуть по водѣ, лѣзуть въ лицо и садятся всюду. Жужжалъ комаръ — тоскливый и докучливый гость на Амурѣ, но комарамъ еще — какъ увѣряютъ казаки — не время (20 мая). Появились мухи, одна сейчасъ влетѣла въ каюту — огромная, черная, шумливая.

„На лѣвомъ берегу начали, наконецъ, появляться еще голыя деревья-розги густыми кустами, но печальнаго красноватаго цвѣта и безъ всякой зелени. Низменность предсказывала прежде близость станицы, но теперь это уже не примѣта: низменности обложились кругомъ, но низменности эти — послѣднія. Сегодня же для насъ начинается Хинганъ, картинный — говорятъ, — интересный. Но вотъ пока станица Халтанская или Косаткина“.

Халтанъ — эта станица оттого, что такъ названо было это мѣсто первыми обитателями, ороконами. До сихъ еще поръ сохранилась покинутая ороконами юрта въ неприкосновенной цѣлости, и тутъ же подлѣ нея мельница съ жерновами. Хозяинъ оставилъ старое пепелище по приказанію манчжуръ и, конечно, неохотно; но сила власти взяла верхъ надъ силою привычки къ насиженному и отогрѣтому мѣстечку. По словамъ казаковъ, всѣ сосѣдніе имъ ороконы отведены къ Айгуну и размѣщены по тому тракту, который ведетъ отъ этого города къ главному городу области, Цицикару, въ числѣ — какъ увѣряютъ — двѣнадцати тысячъ. Причину этого полагаютъ въ томъ, что — какъ говорятъ — между манчжурами прошелъ вѣрный слухъ, что русскіе намѣрены въ непродолжительномъ времени идти внутрь Китайской имперіи, и по ближайшему пути: именно къ городу Цицикару. И вотъ по этому случаю готовится имъ на этомъ пути препятствіе и сильная отпора. Но эти вооруженные ороконы успѣли уже привыкнуть и полюбить русскихъ.

— И будь у насъ, — говорили казаки, — будь лишняя мука, крупа, одежда — орочны эти и не задумались бы: всѣ бы перешли на нашу сторону. Манчжурами они крѣпко недовольны: нойоны ихъ грабятъ. „Не успѣваемъ-де соболей бить, а не знаемъ, какъ и выплатить: все, что ни выловимъ, все идетъ въ ясакъ, и все еще мы же — говорить намъ нойоны — въ большомъ долгу у нихъ. Араки (водку) и буди (пшено) цѣнять ужасно дорого, а нашихъ соболей почти ни во что не ставятъ. Русскіе пришли — мы ими довольны: у насъ соболи стали подороже: видно новые люди толкъ въ нихъ знаютъ“.

Дома свои инородцы передъ уходомъ сожгли и здѣсь, будто бы по приказу манчжурскаго нойона, который — по слухамъ — и сюда наѣзжалъ также. Орочонъ по близости станицы не видать теперь вовсе.

Мѣсто для станицы этой, равно какъ и предыдущей, Иннокентьевской, и для заселенія въ полномъ смыслѣ слова великолѣпное и удобное. Равнина здѣсь и тамъ суха и неоглядна. Горы — отроги Хинганскаго хребта — чуть-чуть синѣютъ вдали. Съ обѣихъ сторонъ ст. Халтанской выбѣжали рѣчки, въ которыхъ въ прежніе годы ловили много рыбы (такъ какъ-де рыба была очень дикая, глупая); теперь, однако, попадаетъ замѣтно меньше („стала опасаться снастей нашихъ: вѣдь она тоже разсужденіе себѣ имѣетъ“). Я ходилъ по тропинкамъ, проложеннымъ сзади станицы: суходолье выстилалось мелкимъ приземистымъ кустарникомъ, тѣми кустиками, которые въ сообществѣ съ полынью любятъ затягивать жилия мѣста, и одни безъ полыни все тѣ суходолья, которыя разъ когда-то были уже пропаханы. Доказательство послѣднему — домъ старика орочона, оставленный имъ только въ прошломъ году. Станица отнесена нѣсколько на пригорокъ: въ 20 лѣтъ одинъ разъ (по

свидѣтельству старика-орочона) Амуръ успѣлъ залить весенней водой все это мѣсто. Замѣчательно, что при началѣ заселенія позади станицы была болотистая луговина: стали выжигать траву и валить кустарникъ — высохла. Я шелъ по ней свободно, а безъ указанія и подозрѣвать бы не могъ, чтобы тутъ такъ недавно могло быть сырое болото. Всѣ остальные мѣста кругомъ — сухія.

Земля трудна, жестка была для первоначальныхъ работъ, но теперь общаетъ хорошій урожай. Если казакъ не полѣнится, разъ пропахавши землю, пройти по ней плугомъ въ другой разъ, чтобы разбить траву и корни и такимъ образомъ дать имъ время загнить и превратиться въ наземъ — урожай вѣрный. Безъ этого передвѣиванья трава вздохнетъ и будетъ потомъ глушить хлѣбъ. Жечь траву на выгонахъ казаки также полагаютъ необходимымъ: прошлогодняя трава глушить свѣжую и въ то же время сама по себѣ совершенно бесполезная ветошь. Даже самый воздухъ хуже: „воздухъ на свѣжей травѣ здоровѣе“, — замѣчаютъ даже сами казаки. Земля подъ станицей — по рассказамъ — благодарна до такой степени, что если, напримѣръ, ростокъ или траву поднявшагося картофеля нѣсколько подрѣзать у самаго корня и потомъ пересадить въ новую ямку, въ новое мѣсто — картофель получается необыкновенно крупный (толщиной въ здоровый кулакъ). Надрѣзанный стебель, при этомъ процессѣ, обыкновенно поднимается снова, но потомъ отваливается. Повидимому, и сами казаки своей новой землей довольны и — не нахвалятся. „Одно только тяготить, — говорили они, — что сперва очень трудно было — маялись: жестка земля была, и дѣло несвѣчное. Приглядимся — пойдетъ на ладъ: все отъ времени“.

Сторонія обстоятельства также благопріятствуютъ

станциѣ. Двѣ рѣки: Гануканъ, выбѣжавшая изъ озера, даетъ часто осетровъ и калугъ; а Хара (впадающая въ Амуръ въ 30 верстахъ выше Иннокентьевской и на двадцать верстъ подходящая къ Касаткиной) идетъ хребтами, въ которыхъ много соболей¹. Мѣста по Харѣ весьма удобны для заселенія: нѣкоторые изъ халтанскихъ казаковъ успѣли уже упромыслить на ней нѣсколько соболей. Вотъ что рассказывалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ казаковъ:

— Соболю въ хребтахъ живетъ, въ норахъ. Онъ вѣдь тоже самъ промышленникъ: питается кровью, ѣстъ полевыхъ мышей и другихъ маленькихъ звѣрьковъ, которыхъ можетъ одолѣть своей силой. За ними ходимъ съ собакой. Собаки ужъ ихъ и должны отыскивать, а звѣрь соболю — злюга. Да на бѣду наши собаки плохія, и ведутся онѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ какъ-то туго, таскаютъ щенятъ — да все какихъ-то неладныхъ, мохнатыхъ, глухыхъ. Къ этому вотъ мы еще не успѣли приснаровиться. Опять же въ здѣшнихъ мѣстахъ лисицъ много: брали на отраву. Про медвѣдей не слыхать. Въ прошломъ году тигра убили.

И вотъ что рассказывалъ мнѣ и по этому послѣднему поводу одинъ изъ заурядъ-офицеровъ казачьихъ:

— Залегъ тигръ на острову, въ чащѣ, а чаща густая была: только теперь и начали мы ее выжигать; трава на острову превысокая.

Видю я и островокъ этотъ, какъ разъ подлѣ крайней избы селенія, отъ которой отдѣляется узенькимъ ручейкомъ. Густота растительности на немъ дѣйствительно замѣчательная. Заурядъ продолжалъ:

— Поселился онъ въ этой чащѣ — сталъ со-

¹ Рѣка Хара, вмѣстѣ съ Буреей, вышла изъ одного хребта — Станового. Течение ихъ отдѣлено другъ отъ друга невысокимъ, отдѣльнымъ хребтомъ, на разстояніи — какъ говорить — не больше 20 верстъ.

бакъ заманивать. Думаемъ, скоро, пожалуй, и до скотины доберется. Я собралъ десять человѣкъ казаковъ съ винтовками: собакъ не взяли. Думаемъ такъ: бросится онъ на собаку, собака испугается, побѣжитъ къ человѣку: тигръ человѣка испортитъ. Стали мы въ чащу стрѣлять: звѣрь на видъ къ намъ вышелъ. Одинъ прицѣлился — попалъ надо быть, потому что тигръ присѣлъ, спрятался, а трава густая, выше аршина — не видать его. „Гдѣ-моль онъ?“ — А вонъ — говорятъ — въ этой травѣ. Я ударилъ въ нее. Одни, сказывали, въ лобъ-де попалъ. Я не повѣрилъ: велѣлъ другимъ стрѣлять: одинъ взадъ угодилъ; другой переднія ноги перешибъ. Онъ уже и не пошелъ — убили его. Много же этихъ тигровъ тутъ шатается, бродяжничаютъ. Приходятъ они сюда изъ Хингана, а куда ладятъ — неизвѣстно.

— Да вѣдь они тутъ въ Хинганѣ и рождаются, стало быть, никуда дальше его и не ходятъ.

— Щенятъ ихнихъ дѣйствительно видали, а того не знаемъ: тутъ ли они рождаются, или изъ Китая откуда приходятъ.

— Змѣи, крысы есть тоже и у васъ въ станицѣ?

— Змѣй стало меньше: вреда, однако, не дѣлали; много змѣй въ Пасѣковой. Мы штукъ шесть за все-то это время убили ли полно?! А крысъ много — и есть преужасныя. Эти, какъ ороконы же, когда мы пришли, были бродячія: ходили съ мѣста на мѣсто. Я еще и смѣялся въ ту пору своимъ казакамъ: какъ моль люди-то, такъ моль и крысы-то: бродяжничаютъ. Вѣроятно оттого, что за людьми и онѣ ходили, потому что отъ людей имъ пожива вѣрнѣе.

Теперь есть, стало быть, надежда, что онѣ скоро сдѣлаются, а можетъ быть ужъ и сдѣлались осѣдлыми, потому что новые люди не бродятъ съ мѣста на мѣсто.

На задворьяхъ станицы валяется множество костей и лошадиныхъ череповъ: много лошадей пало въ прошлую зиму отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что и въ верховьяхъ Амура. Впрямъ отъ станицы по задворьямъ пошла поскѣтина; дальше къ лѣсу — поля. И вотъ что рассказывали казаки о поляхъ этихъ:

— Сѣмена къ намъ пришли въ прошломъ году всѣ перемѣшаны, перепутаны: сѣмъ ярицу — родится рожь; сѣмъ рожь — смотримъ: всходитъ и рожь и ярица. Надо быть, тамъ въ Забайкальѣ, а можетъ быть и во время сплава по Амuru плохо смотрѣли за этимъ.

Дома станицы Косаткиной, какъ и Иннокентьевской, разставлены довольно далеко одинъ отъ другого. Между ними оставлены значительные промежутки, столь пригодные и полезные на случай пожара. Это произвело то, что переселенцы не могли сѣсть всѣ вплотную на одномъ мѣстѣ (ниже мѣсто низмениѣ), а потому и принуждены были, отойдя отъ большой станицы на версту и выше, начать строить новую отдѣльную слободу (въ ней теперь уже 7—8 домовъ). Тотъ же самый фактъ повторялся и въ предыдущей Иннокентьевской станицѣ, гдѣ на серединѣ, между обоими слободами, начали строить церковь и соорудили два сарая для казенныхъ складовъ. Дома какъ въ Косаткиной, такъ и въ Иннокентьевской станицахъ — мазанки, за недостаткомъ и неимѣніемъ по близости лѣсу. Дубы здѣшніе какіе-то дряблые, дуплистые, съ толстой корой, но съ мертвой, гнилой древесиной: удобное жилище для крысъ и барсуковъ, но для домовыхъ подѣлокъ неспособно. Впрочемъ, лѣсъ вначалѣ на этомъ мѣстѣ былъ очень частъ и требовалъ многихъ хлопотъ. Пни во многихъ мѣстахъ цѣлы до сихъ еще поръ. Мазанки эти не иное что, какъ два ряда плетей, утвержденныхъ на четырехъ устояхъ, подставахъ. Плотны шитые

и закрѣпленные на углахъ, плетни эти въ промежуткахъ наполнены сухой землей; внутри и снаружи обмазаны глиной. Сверху на плетни эти положены два бревна и на нихъ утвержденъ потолокъ. Крыши пока соломенные, но думаютъ сдѣлать дощатыя. Избы внутри небольшія, но уютныя и довольно опрятныя; полы земляныя, но думаютъ сдѣлать также дощатыя; печи изъ сыромятныхъ кирпичей и не слишкомъ большія. Зимой въ этихъ землянкахъ было и холодно и сыро. Въ Иннокентьевской станицѣ казаки полѣнились связать кольцами угловые устои, а если и связали, то очень небольшимъ числомъ. Вышло изъ этого то, что тяжесть потолка и бревенъ сверху и земли внутри раздвинула устои, выперла стѣны и — обездолила казаковъ. Замѣтно, что какъ въ Халтанской, такъ и въ предыдущей станицѣ казаки спѣшать къ зимѣ запасть бревнами, сплавая ихъ съ Буреи и приготовляясь заводить знакомыя, привычныя, бревенчатыя избы. Во многихъ станицахъ (напр., въ Пасѣковой) мазанки эти строили баталіонные солдаты (въ 1857 г.), и строили не для себя — стало быть кое-какъ, не закрѣпляя плетни къ устоямъ-кольямъ.

— Мажемъ, мажемъ (говорила мнѣ одна казачка), мажемъ и внутри и снаружи, а не можемъ никакъ сладить: все претъ.

Съ двухъ сторонъ этихъ мазанокъ большія окна; было одно окно и съ третьей стороны, да начальство-де распорядилось заколотить это третье окно доской и замазать.

— Что же, лучше ли, теплѣе отъ этого стало?

— Какое теплѣе! Свѣту-то только кажись меньше стало, ничего не лучше.

День выпалъ на нашу долю свѣтлый, теплый, настоящій весенній. Недавніе дожди успѣли вернуть всяческую зелень, и она теперь вся дышетъ тѣмъ здоровымъ ароматомъ, отъ котораго

широко въ груди, легко и пріятно дышется. Все вострепнулось и зажило цѣлостной, завидной, торжественно-веселой жизнью: птицы щебечутъ во всѣхъ кустахъ, въ каждой травяной густотѣ. Капризно перебираетъ, пробуетъ различные трели и мотивы здѣшняя маленькая желтая птичка, которую казаки называли соловьемъ; скворецъ — и тотъ ведетъ разнообразный пріятный говоръ (воробьевъ нѣтъ; вороны не смѣютъ и носу показать). Тамъ далеко, въ низовьяхъ Амура, гніютъ еще по берегамъ выкинутыя весенней водой льдины; здѣсь же въ срединномъ теченіи Амура повсюду уже воцарилась веселая, цвѣтушая, торжественная весна. Легче она чувствуется; труднѣе впечатлѣнія ея передаются. Весенній день этотъ надолго долженъ остаться въ памяти; какъ будто онъ нарочно прибрался и приукрасился для того, чтобы картину входа Амура въ Хинганской хребетъ, такъ сильно восхваленную, сдѣлать на этотъ разъ еще красивѣе и торжественнѣе.

И вотъ на правый берегъ рѣки вышелъ одинъ изъ отроговъ Хинганскаго хребта. Весь вплотную и густо затянутый зеленью, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (и преимущественно около вершинъ) проглядываетъ прогалинамъ и сѣро-пенельнаго цвѣта голышами. Видъ на хребетъ этотъ съ лодки и съ рѣки не лишенъ оригинальности, но пока не имѣетъ еще ничего поразительнаго. Густая зелень его выкупаетъ многое, а высота и неправильность очертаній разнообразить мѣстность, которая вотъ уже около пятисотъ верстъ идетъ почти сплошной низменностью, степью, которой могли бы позавидовать и астраханскія и тѣ же забайкальскія братскія степи. Правда, что лѣвой берегъ все еще низменной и кажется рѣшительнымъ пигмеемъ передъ высотами Хингана на противоположномъ правомъ берегу. Къ лѣвому берегу подтянулись острова, которые замѣтно узять рѣку, до сихъ поръ раз-

лившуюся на замѣчательно-большое пространство. И вотъ, разбиваясь на отдѣльные хребты и на мелкіе, песчаністые отроги, Хинганъ главнымъ хребтомъ своимъ вышелъ прямо на берегъ и оступился въ воду крутой скалой, выкрытой однакожь бойкой зеленью. Наискось отъ этой скалы, по суходолію низменности лѣваго берега, рассыпалась станица Пасѣкова, имѣющая также въ свою очередь въ общей картинѣ входа Амура въ Хинганъ не послѣднее и не худое мѣсто. Станица эта вдобавокъ еще одна изъ людныхъ на Амурѣ и растянулась почти на цѣлую версту. Къ ней примкнулъ и отъ нея потянулся другой отрогъ, другія не менѣ высокія горы того же Хинганскаго хребта. Рѣка въ этомъ мѣстѣ изгибается нѣсколько къ сѣверу и затѣмъ уже круто поворачиваетъ на югъ, уступая силѣ вліянія скалистыхъ хребтовъ и прибрежья. За станицей Пасѣковой Амуръ уже вступаетъ въ настоящій коренной Хинганъ: русло рѣки становится замѣчательно уже; теченіе несравненно быстрѣе и глубина поразительная¹. Рѣку обступаютъ горы и прикрутости, носящія на казачьемъ языкѣ названіе щекъ. Щеки эти на правомъ берегу замѣтно круче и выше, чѣмъ на лѣвомъ; лѣвый берегъ изрѣдка дѣлаетъ даже уступки: пуская впередъ себя отлогости, онъ вдругъ отступаетъ горами своими въ низменность, которая тянется иногда верстѣ на пять въ длину. Горы въ такомъ случаѣ и по обыкновенію начинаютъ отходить дальше отъ рѣки, дугой, чтобы потомъ опять выйти на рѣку и круто оступить въ воду. Правый берегъ во все время продолжаетъ выдерживать свой характеръ — идетъ крутыми высями, между которыми залегаютъ иногда мрачныя и глубокія пади.

¹ Говорятъ, теченіе Амура по фарватеру имѣетъ въ Хинганѣ пять узловъ. Глубина его почти вездѣ одинакова, равна отъ одного берега до другого. При входѣ и при выходѣ рѣки въ Хинганъ задегли въ двухъ мѣстахъ, весьма впрочемъ незначительныхъ, мелъ, которыя лежатъ ближе къ лѣвому, русскому, берегу.

Передъ станицей Раддевской Амуръ становится замѣчательно узокъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ мнѣ сильно напоминаетъ Шилку: тѣ же густые лѣса, тѣ же темныя пади. Амуръ только можетъ быть нѣсколько шире и мрачнѣе, глубже и богаче всякой рыбой, и то затѣмъ можетъ быть только, что богатства его недавно еще только пущены въ оборотъ и не получили опредѣленной, законченной формы. Передъ станицей Раддевской низменный лѣвый берегъ отдѣлилъ и пустилъ впередъ себя островъ... и вотъ другой... вотъ наконецъ и правый берегъ дѣлаетъ уступку, постепенно спускаясь отлогостями и выпуская впередъ себя низменность: Амуръ, пользуясь случаемъ, разливается, становится замѣтно шире. Но зато узкимъ, замѣчательно узкимъ проходомъ, какъ бы корридормъ, кажется русло рѣки, когда обернешься и посмотришь назадъ; и чѣмъ-то торжественно-мрачнымъ глядитъ вся окрестность впереди и съ боковъ. Сидимъ мы какъ будто замкнутые въ гробу, и спѣшить вода, спѣшить за водой наша лодка, какъ бы нарочно стараясь высвободиться на вольный просторъ отъ гнетущей темноты и мрачности прибрежныхъ отроговъ Хингана. Неровности этихъ отроговъ за ст. Раддевской рисуются на горизонтѣ неровными зубцами, словно стѣны крѣпости, и въ общей фигурѣ имѣютъ видъ отдѣльныхъ холмовъ, въ большей части конусообразныхъ возвышенностей, носящихъ на казацкомъ языкѣ названіе сопокъ. Особенно много этихъ сопокъ за станицей Помпеевской. Тамъ одна изъ нихъ, самая большая, исподволь поднимаясь изъ Амуре, растянута у подошвы своей довольно отлогую покатость, а сама ушла въ черную падь и тамъ — по всему вѣроятію — разбилась на мелкіе холмы и огромные и частые камни. У подошвы одной изъ сопокъ, по отлогой покатости, потянулся правильный рядъ домовъ въ одну линію; сзади домовъ огороды; видна

нѣкоторая жизнь, что-то новое и притомъ хорошее новое, тѣмъ болѣе, что кругомъ все затянуло густой, непроницаемой зеленью. Зеленъ эта глухой и высокой стѣной высится направо и налево, высится назадъ. Горы, какъ великаны, высоко поднимаясь и какъ бы чередуясь между собою, обступили Амуръ со всѣхъ сторонъ. Нигдѣ онъ такъ часто и прихотливо и неожиданно не изгибается, не дѣлаетъ колѣнъ, какъ здѣсь. Хинганъ стѣснилъ и сжалъ Амуръ до такой степени, что ширина его теченія дѣлается меньше полуверсты; рѣка течетъ въ рѣшительныхъ стѣнахъ, закованная въ насилуемые, гнетущія цѣпи. Рѣдко даетъ вздохнуть рѣкѣ каменистый Хинганъ; рѣдко позволяетъ ей сдѣлаться нѣсколько пошире, но и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хребетъ сумѣетъ выпустить глубокую падь, и изъ-подъ нея успѣетъ вытянуться недлинная и неширокая площадка, вся въ густой зелени. Но такихъ площадокъ попадаетъ очень мало: упорно держатся каменные выси, болѣе каменистыя и съ частыми голышами на правомъ берегу, чѣмъ на лѣвомъ. Высей этихъ нельзя впрочемъ назвать горами въ полномъ значеніи этого слова: и на Шилкѣ и на верхнемъ Амурѣ скалы попадались выше этихъ. Отроги Хингана скорѣе высокіе холмы, тѣмъ болѣе, что Хинганъ дробится на безчисленное множество такихъ сопокъ. Всѣ они соединяются между собою, но не на берегу, а внутри материка, вдали отъ берега. Рѣдко сливаются онѣ въ сплошныя горы: горы такого рода въ большей части случаевъ чернѣютъ вдали, за глубокими и мрачными падами. На самый берегъ выходятъ лѣса и деревья, изъ которыхъ многіе успѣли уже зацвѣсти: одни сплошнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, какъ черемуха. Изъ глубокихъ и длинныхъ падей выбѣгаютъ рѣчки и, по замѣчательной случайности, не шумливыя, но спокойныя. Богаче этими ручьями и рѣками манчжур-

скій берегъ. Между деревьями нетрудно отличить отъ преобладающей черной березы — и кедры, и пихту (елокъ нѣтъ; сосна — рѣдкая гостя), изъ рѣдка попадаетъ и грецкій орѣхъ (растущій по преимуществу у самаго берега), но орѣхъ этотъ имѣетъ скорлупу необыкновенно толстую, съ трудомъ разбиваемую; зерно, вслѣдствіе толстоты скорлупы, маленькое, мизерное. Тою же грубостью и негодностью отличается и амурскій виноградъ, вьющійся преимущественно подлѣ воды. Мякоть винограда необыкновенно кисла; зерна велики и ѣдки; самъ онъ растетъ въ Хинганѣ не гроздіями, а ползетъ отдѣльными ягодами по стволу. „На клюкву похожъ, но до настоящаго винограда ему далеко“.

Вотъ и послѣдняя станица въ Хинганѣ — Поликарповка... Но возвратимся назадъ, къ первой.

Ст. Пасѣкова (Пашкова, 23 дома) выстроена вся въ орѣшникѣ, котораго очень много подъ самыми домами; онъ уже устилаетъ всѣ зады станицы и берега небольшой рѣчки, Хингана, протекающей въ верстѣ отъ селенія: рѣка — шумлива и бѣшена въ полную воду, рыбная въ тихую. Много рыбы и въ Амурѣ, на счастье станицы выселены сюда изъ Горбицъ (съ Шилки) рыболовы, которые и поспѣшили завести здѣсь самоловы, сложившись между собою артелями, по двѣ семьи вмѣстѣ¹.

Позади станицы, и сейчасъ за домами, пришелся лугъ — болотистый и водяной въ томъ мѣстѣ, которое подошло широкой ямой къ берегу

¹ Самоловы эти — довольно толстыя веревки съ крючьями, которые смазываютъ саломъ или сметаной; на нихъ укрѣпляется поплавокъ изъ сосновой коры. Самоловы эти привязываются къ толстой веревкѣ. Веревка укрѣпляется на каменномъ якорѣ, утвержденномъ въ деревянной распорѣ. На поверхность воды выпускается деревянная поплава. Начало эту поплаву тянуть въ воду — на крючья попала рыба: по большей части севрюжина, калужина (не превышавшая вѣсу 20 пудовъ). Про стерлядей казаки не слыхали, да — говорить — и нѣтъ ихъ здѣсь.

Амура. Змѣй около станицы много (и тѣмъ дальше въ Хинганъ, тѣмъ ихъ больше); водятся змѣи всюду: и чрезъ Амуръ плывутъ, и по хребтамъ ползаютъ. Въ хребтѣ, позади станицы, водятся соболи, которыхъ казаки сбываютъ купцамъ проѣзжимъ за 5—6 руб. сер. и самыхъ лучшихъ за 8 и 10 руб. Въ свою очередь, и сами казаки скупаютъ ихъ у ороchonъ. За соболя прежде давали одну штуку дабы (да еще — говорятъ — отрывали кусокъ), а теперь давай-де двѣ штуки.

— Да и все вотъ такъ теперь сильно вздорюжало, и въ станицѣ настоятъ нужда великая.

Мальчишки бѣгутъ мимо меня въ рваныхъ рубашонкахъ,

— Бѣдно же живутъ казаки: вонъ, и ребятъ одѣтъ не могли...

— Одинъ казакъ всю зиму ходилъ въ одной и той же рубахѣ; да я ужъ глядѣлъ-глядѣлъ: далъ свою казенную. Намъ по три рубахи выдали. (Разсказчикъ изъ гарнизонныхъ солдатъ Владимірскаго баталіона, въ сынкахъ у бѣднаго казака, который-де ведетъ свои дѣла еще кое-какъ).

— Всю, батюшко, лопотинку за хлѣбъ манчжурамъ (орочонамъ) отдали. Такъ дошли, что и холодно и голодно было. А теперь вотъ новое горе: безъ соли сидимъ. И рыбы промыслишь, да не станешь ее ѣсть безъ соли. Ладно вотъ, еще хоть скотинка-то мало-мало держится: которая благополучно дошла да устоялась, та и хорошая, за ту и руками и ногами хватаемся — бережемъ, значить.

— А не рождаетъ она уродовъ, съ зобами?

— Этимъ Богъ миловаль. Овцы, почестъ, извелись: собаки перегрызли. Господа проѣзжали тутъ у насъ: злющихъ какихъ-то собакъ оставили; дали приплодъ. Презлыя собаки стали и все какія-то несвычныя.

— Про медвѣдей и волковъ не слыхать. Бѣ-

локъ очень много: на крышахъ домовъ зачастую бѣгаютъ. Да теперь и тѣхъ стало меньше: удаляются. Тигровъ видали въ сторонѣ, а къ деревнѣ они не подходили. Водятся барсы. Одинъ плылъ черезъ Амуръ — увидалъ казаковъ въ лодкѣ: поплылъ на нихъ за лодкой. Казакъ одинъ выстрѣлилъ въ него изъ винтовки: сказываютъ, подлѣ сердца попалъ. На томъ и успокоились, а сами спѣшили угребать и плыть верстъ тридцать; барсъ до половины плылъ за ними, а тамъ и пропалъ. Пристали казаки къ берегу: стали теплину разводить. Одинъ изъ ихнихъ бѣжитъ и кричитъ: „барсъ-отъ, братцы, здѣсь!“ — Что врешь-то молъ не путное. „Ей Богу — слышь — здѣсь: подите — посмотрите“. Приходятъ и видятъ: лежитъ, распластался: мертвый. Лежитъ въ пади подлѣ самаго того мѣста, гдѣ наши огонь развели. Ихъ, надо быть, искалъ и наслѣживалъ, да не дошолъ: вотъ какой живущой. Рану подлѣ самаго сердца нащупали.

У станицы Пасѣковой начинается первый строевой лѣсъ, растущій не дальше 4—6 верстъ. Пашни въ этой станицѣ разведены за версту повыше и по ту сторону рѣки Хингана, потому что сзади селенія потянулся въ гору густой орѣшникъ, и все станичное мѣсто имѣетъ видъ восходящаго возвышенія, какъ подошва Хингана.

Станица Раддевка прислонилась къ двумъ горамъ — отрогамъ Хингана, между которыми образовалась падь: каменистая, съ пещерами — какъ выразились казаки. Поля пошли влѣво, вверхъ по рѣкѣ, по низменности. Избы бревенчатыя; станица большая: мѣсто выбрано удачно. Хинганъ праваго берега не высокъ; одинаковы съ нимъ горы и лѣваго берега. Казаки распахали пашню; осенью (съ Покрова) ходили въ хребты за соболями (штукъ около 200 упромыслили). Скоть станичный нѣсколько подошелъ, потому что прохо-

дившій въ прошломъ году скоть все потравилъ: и траву и сѣно. Особенно туго и трудно поправляется тотъ скоть, который приплавленъ былъ на казенныхъ паромехъ. Выходы по веснѣ были хороши, но теперь хлѣбъ въ стрѣлу пошелъ, оттого-де, что все засуха стоитъ, ни одного дождя не видали. Изъ звѣрей — бѣлокъ стало меньше: „оттого-де, что въ прошломъ году былъ малый урожай на кедровые орѣхи“. Много волковъ: обижаютъ (рѣжутъ) скотину, особенно въ настоящее весеннее время. Охотясь по зимамъ, видали слѣды тигровъ и барсовъ, но немного...

Ст. Помпеевская (по казацки Панфеева) разбросана по косогору и — по словамъ казаковъ — не на удобномъ мѣстѣ.

— Гдѣ у васъ поля? — спрашивалъ я у нихъ.

— А по пади вправо, да туда дальше верстъ за восемь. Мѣста не хорошія, потому что камней очень много. Вотъ хлопотали два года, а только по десятинѣ на домъ и успѣли заготовить. А земля очень хорошая: черноземина такая, что вонъ въ Ратьбинскомъ (въ Раддевкѣ) по залежамъ пахутъ. Хорошо бы пахать по пади на правомъ берегу: тамъ и камней почестъ совсѣмъ нѣтъ, такъ вишь земля-то, говорятъ — не наша. По рѣкѣ трава родится хорошая: сѣна нагребли на цѣлую зиму. Одно не ладно: въ прошломъ году много лошадей пало отъ сильной гоньбы; въ первой-отъ годъ гоньбы меньше было — и скоть поправился, въ тѣло вошелъ.

Строевой лѣсъ верстахъ въ 14—15 отъ станицы: крупной кедровникъ.

Слѣдующая станица въ Хинганѣ — Поликарпова, несетъ всѣ тяжести неудачно-выбраннаго мѣста: ни скотины некуда выпустить (лѣсъ чернопереберовый густъ, луговинки малы и ничтожны), ни огородовъ распахать (тѣ же препятствія).

— Студено было: всего скота познобили. Мѣсто открытое, круглыя сутки вѣтры дуютъ.

Къ станицѣ подошла высокая, каменистая сопка, но она нисколько станицы отъ вѣтровъ не защищаетъ.

— Пахать совсѣмъ негдѣ: вотъ и сѣменной хлѣбъ привезли. Кабы туда намъ переселиться, али бы вотъ верстъ за 15 отсюда (мѣста хорошія!) — жить бы можно.

— Хотимъ на ту сторону перебраться, и начальникъ совѣтоваль.

— Мы на томъ берегу все лѣто лоньскаго году прожили и сѣна тамъ накосили. Такъ и того боимся, чтобы не прогнали: чужое мѣсто. А здѣсь выпустилъ скотину, да и гляди — не ушла бы, а уйдетъ — пропадаетъ; кругомъ чаща да орѣшникъ.

Въ прошломъ году одну лошадь зарѣзалъ тигръ верстахъ въ полторахъ отъ деревни:

— Прибѣжалъ я туда (искалъ ее); смотрю — весь пестрой, жретъ — и до половины сѣлъ, а хвостиче у него длинной, да толстой, что полозъ отъ саней. Даль я драла назадъ — не что станешь дѣлать.

— Скучно живемъ: вотъ старику и укусить нечего. Хочу ему изъ сѣменнаго хлѣба дать — все прѣли.

Смотрю: собралась ко мнѣ вся станица съ просьбою похлопотать перевести ихъ на другое мѣсто.

— А здѣсь не сживешь — тяжело очень и гнуса всякаго много: змѣи, крысы одолѣли. Рѣки нынче мелкія; рыбы дали мало, да и совсѣмъ почестъ нѣту. Вонъ взять пониже-то: Бѣлую, али Быструю...¹ Есть у насъ и орѣхи грецкіе, вино-

¹ Рѣку эту казаки прозвали Быстрой за необыкновенно бойкое ея теченіе по камнямъ, которыми такъ она и завалена вплотную. Изъ этой рѣчки выходитъ и идетъ вверхъ полуголая скалистая сопка.

градъ растеть по берегамъ-то, да что въ нихъ толку-то?! — и не глядѣль бы. Хлѣбъ намъ изъ своей стороны (съ Аргуни, изъ острога) везли: такъ сложили, слышь, въ Низменной, а къ намъ не спускають. Сказываютъ, что будто ужъ его тамъ и порѣшили. Не знаемъ мы, какъ и жить. А еще — сказываютъ — десять семей селить хотять. Мы дома свои перенесли ужъ на зады, за лѣсокъ, а то, гдѣ теперь стоитъ, мѣсто неладное, всю зиму студило. Тамъ словно и вольготнѣе будетъ, потеплѣе — соболя кругомъ насъ очень довольно, и соболю хорошій: такъ опять же некогда ходить за нимъ: около дому дѣла много. Распахиваешь-распахиваешь, а не много наготовишь. Очень трудна земля, и — не приведи Богъ! Все новое: рощистей старыхъ не видать, да и не было. Зимовье однако ороchonское было, да снесено теперь. Въ Панфеевой не въ примѣръ лучше!...

Хинганъ въ этомъ мѣстѣ довольно живописенъ.

— Хороши мѣста здѣсь, красивы! — замѣтилъ я матросу Ершову, который плылъ со мной изъ отпуска въ Николаевскъ.

— Нѣтъ, не хороши: горы все, полей нѣту!

— Да ужъ поля надоѣли; горы теперь пріятнѣе. Мы уже отъ нихъ начали было отвыкать.

— Нѣтъ, поля лучше. Вотъ они опять скоро пойдутъ туда пониже-то. Здѣсь на счетъ козуль очень надо быть хорошо: ихъ много.

— Козуль мало — перебилъ казакъ — тѣ либо выше гдѣ, либо ниже водятся. Изюбрей здѣсь много...

Но вотъ и самъ козелъ, легокъ на поминѣ. Козель этотъ, вѣроятно, выждавши проходъ нашей лодки, незамѣтно соскочилъ въ воду съ лѣваго берега. Мы видѣли уже, какъ онъ плылъ, оставивши на поверхности воды одну только голову. Плылъ онъ бойко и скоро вышелъ на правый бе-

регъ; встряхнулся тамъ и быстро исчезъ на своихъ бойкихъ ногахъ въ береговой чащѣ.

— Когда вотъ въ первой-отъ годъ поселенія заводили — медвѣдей очень много видали. Ужаси много медвѣдя было, и звѣрья всякаго. Медвѣдь смиренъ; никого не трогаетъ. Иной сядетъ на берегу, да и поглядываетъ на лодку-то, словно дивится. Много звѣрья и по рѣкѣ плавало. Теперь все это ушло дальше съ той самой поры, какъ русь поселилась.

Отступая пять верстъ ниже станицы Поликарповой, Хинганъ незначительной крутизной разстается съ Амуромъ на манчжурскомъ берегу и потомъ идетъ и круто сворачиваетъ вправо, сначала значительно возвышаясь и потомъ постепенно спадая и теряясь въ туманной синевѣ и дали. Впередъ себя онъ на этотъ разъ пустил огромную низменную равнину, уставленную богатой растительностью. Щеки Хингана кончились, но лѣвый берегъ продолжаетъ еще быть гористымъ, какъ бы наверстывая то пространство, которымъ онъ запоздалъ передъ ст. Пасѣковой. Горы этого берега на половину изъ голаго камня: въ падяхъ растительность гуще и изъ многихъ текутъ рѣки; по рѣкамъ тянутся луговины.

— Сюда-то вотъ и пропадаетъ нашъ скоть. Сюда-то вотъ онъ и заходитъ такъ, что никакъ мы его отыскать не можемъ — замѣтилъ мнѣ рулевой.

— Вотъ бы вамъ хорошо было здѣсь поселиться! — замѣтилъ я въ свою очередь, указывая на роскошную низменность манчжурскаго берега.

— Гдѣ ужъ намъ!? Намъ бы вотъ и въ концѣ гривы-то той ладно было.

И онъ указалъ на отлогости при подошвѣ Хингана, кончавшагося на правомъ берегу. Къ подошвѣ этой подошла довольно широкая падь, рас-

тельность на которой и не такъ густа, а — по словамъ казаковъ — и лукаекъ больше, и для скота привольнѣе. Вся бѣда въ томъ, что та — хорошая сторона — не наша. Казаки этого никакъ понять не хотятъ.

— Вишь лѣвой-отъ берегъ (толкуютъ они) гористой такой задался! Чтобы начальству-то нашему правой бы взять, а лѣвой манчурамъ отдать: пущай бы ихъ тамъ!...

По мѣрѣ удаленія отъ Поликарповки, Хинганъ лѣваго берега начинаетъ дѣлать уступки: разъ отошелъ отъ берега на большое пространство, пустивши по обыкновенію впередъ себя низменность. На низменности этой двѣ избы, недавно выстроенныя, но еще не покрытыя. Мѣсто хорошее. Подъ хребтомъ (голымъ къ низменности) протекаетъ порядочная рѣчка.

— По ней хорошіе луга, травянистые — объясняетъ казакъ. — По хребтамъ довольно количество еланей для нахоты. Сюда-было мы и просились, а на старомъ мѣстѣ хотѣли зимовье сдѣлать и соглашались станокъ держать для проѣзжающихъ. Начальство не позволило: нельзя — говорить — старому мѣсту безъ селенія оставаться. Тутъ бы и залежи есть: манчжуры жили, расчищали мѣсто. Да оно и зовется-то Манчжурка. Не знаемъ, какъ теперь начальство позволить прозывать. До этого вотъ до самаго мѣста отъ нашей станицы ни одного лужка, ни одной елани нѣтъ: все горы крутыя, да съ густыми гривами, а ничего больше.

Скалы, заключающія Хинганъ на Амурѣ (лѣваго берега), голы и обрывисты: видъ на нихъ издали очень не дуренъ. Вблизи онѣ кажутъ мало разнообразія: между нѣкоторыми изъ нихъ образовалось отверстіе — родъ воротъ: во многихъ другихъ видны дыры, норы, нерѣдко глубокія. Въ ложбинахъ, рубцахъ уцѣлѣла земля, и на ней

прицѣпились маленькіе дубки, почти пропадающіе въ общей картинѣ сѣраго фона. Это — сѣверный отклонъ; восточный нѣсколько богаче растительностью. Последняя скала отлого спустилась въ воду, довольно красиво поросши, по покатому спуску своему, рѣденькими деревцами, словно алеей столбовой почтовой дороги. На берегъ вышла лѣсистая низменность; но растительность съ этой поры начинаетъ замѣтно ослабѣвать; дубы выросли только на берегу; дальше идетъ уже голая степь. Горы праваго берега всѣ густо-прегусто затянуло дымкой, и онѣ отошли далеко назадъ, стали едва примѣтны.

И вотъ Хингана словно не бывало. 158 верстъ сопровождалъ насъ этотъ хребетъ, идущій изъ крайней дали Манчжуріи и Кореи и черезъ Бурейскія горы соединяющійся съ юго-восточными отрогами нашего сѣвернаго — Становаго — хребта. Больше расхваленный, чѣмъ картинный на самомъ дѣлѣ, онъ, можетъ быть, и поразилъ бы свѣжаго прохожаго, если бы не существовало на пути къ нему Шилки съ ея не менѣе высокими прибрежьями, не менѣе своеобразными и характерными неожиданностями. Изъ станицы Екатерино-Никольской Хинганъ праваго и лѣваго берега сливается уже въ одну сплошную стѣну и густо затягивается синеватой дымкой дали.

На берегу Амура пропасть ребятишекъ: шумъ, смѣхъ и громкіе, звонкіе разговоры: подбираютъ разбросанные кули съ сѣменнымъ хлѣбомъ. Станица общаетъ многолюдство; два сѣзда — нѣкоторый родъ хозяйственнаго благоустройства. И дѣйствительно — станица глядитъ привѣтливо и весело. Недаромъ ходятъ слухи, что на этомъ мѣстѣ хотятъ выстроить городъ. Мѣсто счастливое, просторное, веселое. Крутой и высокій берегъ Амура (на 6 и на 7 саж.) обезпечиваетъ станицу отъ могущихъ быть когда-либо наводненій. Рядъ домовъ тянется

по берегу рѣки; противъ нихъ картинно и счастливо уцѣлѣли довольно толстые и высокіе дубы. Вправо отъ станицы, внизъ по Амуру, на крайнемъ углу помѣстились дома Амурской компаніи; нѣсколько отойдя (саженъ около ста) на высокомъ пригоркѣ заложена церковь. Позади ея, въ глубь еще не вырубленнаго лѣса, пошолъ новый рядъ домовъ. Такой же рядъ избъ тянется позади домовъ Амурской компаніи. Распаханы огороды; распаханы поля. Вотъ привезли сегодня сѣменнаго хлѣба — казаки ликуютъ, несказанно радуются. Къ Троицыну дню начальство неожиданный праздникъ пригнало.

— Чему больно обрадовались? — спрашивалъ я у толпы.

— Какъ тутъ не радоваться?! Землю мы вспахали, а сѣмянъ не было; засуха начала просушивать все, что ни успѣли поднять. Дождей нѣту. Боимся за голодъ: а ужъ онъ къ намъ и такъ началъ было подбираться. Теперь — слава Богу — какъ будто бы и отойдемъ маненько: есть надежда!...

Между станицей и тѣмъ возвышеніемъ, на которомъ строится церковь, замѣчательно сохранились слѣды трехъ рововъ: два изъ нихъ съ возвышеніями несомнѣнно насыпными (которыя однако успѣли уже порости толстыми и высокими дубами) идутъ отъ настоящей станицы и круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ въ Амуръ и оканчиваются на берегу его. Прямо противъ нихъ идетъ третій ровъ, которой почти правильнымъ квадратомъ ограничиваетъ площадку саженъ въ десять-двѣнадцать. Внутри этой площадки — глубокіе и хорошо сохранившіеся слѣды ямъ — мѣста землянокъ. Такія же ямы залегли между первыми двумя параллельно идущими рвами, по направленію къ возвышенности, на которой церковь. Квадратъ этотъ четвертой стороной своей

примыкаетъ къ рѣкѣ; берегъ рѣки крутъ и осыпчивъ. Подробности земляныхъ работъ тождественны съ работами (лучше впрочемъ сохранившимися) въ Албазинѣ и видимо производились подъ одними тѣми же условіями, по одному и тому же закону. Повидимому этими слѣдами древнихъ укрѣпленій въ ст. Катерино-Никольской дорожить не намѣрены. Одинъ ровъ уже вскопали, чтобы приладить на томъ мѣстѣ домъ для священника и отыскать въ этомъ мѣстѣ глину, которой дѣйствительно тутъ много. Станица впрочемъ стоитъ вся на песчаной почвѣ, и туфъ — какъ говорятъ — доходить только до одного фута глубины. Туфъ этотъ естественно образовался отъ наноса листьевъ съ деревьевъ, листьевъ, постепенно обращавшихся въ почву въ теченіе не одного столѣтія. Ниже станицы — лучшія мѣста для пахоты. Выше ея, на рѣкѣ Манчжуркѣ (въ 14 верстахъ) попадаются известковыя мѣсторожденія: одна большая плита — марморная.

Между разспросами одно извѣстіе поражаетъ всѣмъ ужасомъ неожиданности: прошлой весной въ станицѣ Катерино-Никольской тигръ растерзалъ часового казака, поставленнаго къ сараю съ казеннымъ складомъ.

— Изба его была тутъ подлѣ самаго магазина. Никто даже не слыхалъ его голосу: не успѣлъ видно крикнуть — прибавляли казаки къ этому печальному извѣстію.

Второй разсказъ о тигрѣ имѣетъ иной характеръ. Казаки выѣхали преслѣдовать его на лошадяхъ — нашли спрятавшимся за горой. Выѣхавши на эту гору, встрѣтились съ нимъ почти лицомъ къ лицу и быстро спѣшили. Одинъ выстрѣлилъ — мимо; другой бросился на звѣря, но тигръ подмалъ казака подъ себя и началъ хватать лапой за руку, постепенно переставляя лапу. Третій казакъ въ это время принялъ тигра на штыкъ и поднялъ на

дыбы. Подмятый казакъ былъ спасенъ; тигръ началъ возню со штыкомъ. Стараясь высвободиться, звѣрь обернется направо, и казакъ наклоняетъ штыкъ направо. Тигръ сильно погнулся — и штыкъ переломилъ. Но казаки успѣли уже доходить его пулями изъ ружей.

За станицой Екатерино-Никольской Амуръ повелъ свою обыкновенную, казенную степную форму: сильно разлился онъ въ этихъ мѣстахъ. На правый берегъ вышла невысокая, коническая сопка, одинокая, сиротливая. Богъ вѣсть откуда она взялась и зачѣмъ тутъ одиноко помѣстилась. День опять задался чудный. На лѣвомъ берегу кричить, словно въ горомкую дудочку, какая-то птичка и словно выговариваетъ: „кто ты таковъ“? Говорятъ, маленькая, желтенькая.

— А какъ вы ее назвали?

— Поботунъ назвали. Не знаемъ, ладно ли?

И вотъ новое слово, и при томъ мѣткое и ловкое.

— А есть еще птица, которая все около самой земли летаетъ и словно бы все стонетъ жалобно. Эту назвать еще не примѣнились какъ. Обѣ эти птички на летъ проворныя, спѣшливыя. Все летаютъ и никакъ долго не посидятъ на мѣстѣ.

Рѣка Амуръ становится замѣтно шире (470 саж. противъ ст. Екатерино-Никольской). Станица Добрая отошла отъ берега на цѣлую версту.

— Такъ-де сначала начальство распорядилось; теперь стали выселяться на берегъ; земля очень хорошая. Голоду хватить-таки успѣли.

Въ этой станицѣ попался мнѣ первый гольдъ, подѣхавшій на своей маленькой лодкѣ, форма которой рѣшительная манчжурка: въ родѣ длиннаго ящика, безъ кия, съ четвероугольною, почти квадратною кормою и выступомъ на носу. У

гольда въ лодкѣ сѣть и на распоркахъ, словно крылья летучей мыши, просушивается кожа съ рыбы калуги. Кожу эту гольды употребляютъ на обувь. Съ гольдомъ трое ребятишекъ: у одного подвѣска въ ухѣ, серьга: вѣроятно дѣвочка; двое другихъ — повидимому мальчики. Цвѣтъ лицъ рѣшительно-черный; но окладъ имѣетъ замѣчательное сходство съ манчжурскимъ. Гольдъ ласковой такой: кричитъ „мендо!“ (здравствуй!). Казаки разговорились съ нимъ:

— Рыба есть купи?

— Рыба купи нѣту.

— А соболи есть?

— Има; юрта (есть въ юртѣ). И юрта эта тутъ же недалеко на правомъ берегу. Гольдъ этотъ пришелъ съ Сунгури, которая въ этомъ мѣстѣ на 15 верстъ отошла русломъ отъ русла амурскаго. На ребятишкахъ-гольдахъ надѣта ужасная рвань: безпредѣльно дырявые полшубки, вѣроятно вымѣненные у казака на соболя. На самомъ гольдѣ шляпа чуть держится и до того ветха, что похожа на старый, измызганный, истоптанный валяный сапогъ. Подѣзжалъ онъ къ намъ видимо изъ одного любопытства: иной причины не могло быть, потому что въ лодкѣ у него ничего, кромѣ рыбьей кожи на распоркахъ, не было.

Ст. Квашнина (13 домовъ, 26 семей) выстроилась подъ тѣми же благопріятными условіями, какъ и предыдущія: мѣсто просторное, сухое и привольное; степь даетъ и мѣста пахатныя и великолѣпныя мѣста сѣнокосныя, здоровыя.

— Всего одинъ казакъ умеръ.

— Тягостно одно вотъ: лѣсу нѣту, лѣсъ далеко.

— А вотъ этотъ лѣсъ, что подлѣ растетъ?

— Этотъ лѣсъ никуда негодящій: вотъ посмотрите!

Дома станицы выстроены изъ сосѣдняго сосняка и отчасти дубяку. Короткія бревна принуждены

были утвердить на четырехъ столбахъ, поставленныхъ съ каждой стороны по фасаду — чрезвычайно оригинально. Бревна эти мохомъ не скрѣплены, а по всѣмъ пазамъ наскоро смазаны глиной: „холодные были, да перебивались же кое-какъ“.

Празднику (Троицыну дню) казаки обрадовались: вырядились въ бѣлыя рубахи; казачки — въ ситцевыя платья (купленные у проѣзжихъ купцовъ); даже маленькія дѣвочки и тѣ въ ситцахъ и платкахъ на головахъ. Дѣвочки эти поставили на краю станицы березку: ухватились за руки — стали хороводъ; родину на чужой сторонѣ вспомнули: „по своей забайкальской вѣрѣ“ — замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ.

— А тоскуется? — спросилъ я его.

— Ну да какъ же? Оно пожалуй и все бы ничего, коли бѣ вотъ хлѣбушко-то былъ, а родится онъ хорошо: земля добрая; супротивъ нашей забайкальской будетъ много лучше.

Орочоны для казаковъ подспорье ничтожное; гольды — также.

— Рыбой около нихъ заимствуемся. Прежде они все брали: всякую рвань, всякую тряпку; а нонѣ давай имъ дабу да серебро. А гдѣ мы серебра-то возьмемъ; мы его отродясь не видавали; нѣту его у насъ.

— Сами-то вы начали ловить рыбу?

— Нѣту; достатковъ не хватаетъ. Зимой-то острой ловили тоже сомовъ, осетровъ...

— Много у васъ сомовъ?

— Шибко много; рыбы всякой много.

— Въ Сунгари-то вы хаживали?

— Не доводилось.

— А пускаютъ туда?

— Нѣтъ, не пускаютъ. Тутъ у нихъ бекетъ стоять: домовъ пять; чиновники ихніе живутъ — не пускаютъ, ни за что. Чиновники есть всякіе:

и съ синими шариками на шапкѣ и съ бѣлыми, а есть и такіе, у которыхъ шарики эти не каменные, а шелковые: простые, надо полагать. Одинъ купеческой приказчикъ съ товарищемъ прошелъ туда, а не пропускали-было. Сказываютъ, до ихняго города (Санъ-Сина) доходилъ, ни на кого не посмотрѣлъ: молодецъ! Однако его убили тамъ. Одни сказываютъ, что къ манчжуркѣ подъѣзжалъ: такъ мужъ-де поступился; а другіе толкуютъ, что-де велѣно было его убить, и на тотъ конецъ чиновникъ къ нему представленъ былъ, какъ это у нихъ всегда водится.

— А слыхали вы что нибудь про рѣку эту?

— Да вонъ вышла въ Амурь-отъ (верстахъ въ сорока отъ нашей станицы) большая-пребольшая и не ладить съ Амуромъ-то, а своей струей идетъ. По рѣкѣ-то по этой много же сказываютъ, всякаго народу живетъ; города-де у нихъ тамъ пошли. По первоначалу — слышь, гольды поселены, а тамъ ужъ и манчжуры пошли дальше.

— Вотъ уже въ пятой станицѣ по пути крышки все соломенные и всѣ размѣтаны; торчатъ почти одни только стропила. Отчего это?

— Вѣтры у насъ живутъ сильные: никакого противу нихъ способу нѣтъ. Тутъ вотъ съ недѣлю назадъ такая мятель закрутила, что все поломала: ужасти что было!

Отвѣтъ этотъ почти слово въ слово передавался мнѣ и въ ст. Квашниной, какъ и во всѣхъ четырехъ предыдущихъ. Особенно эти мятели со взломомъ яростно сказались въ ст. Екатерино-Никольской и Поликарповой, гдѣ вѣтеръ вырывается изъ падей Хингана и всегда въ этихъ случаяхъ необычайно свирѣпъ и продолжителенъ.

Берегъ Амуре передъ станицей низмененъ, песчанъ и сильно обрывистъ: — вода подмываетъ. Едва ли не придется казакамъ перетаскать свои дома подальше, Правда, что впереди домовъ они

успѣли уже развестъ огороды и въ этихъ огородахъ кое-что посѣять. Изъ-за острова (въ 3 верстахъ отъ станицы) вышла въ Амуръ довольно большая рѣка, названія которой еще не придумали казаки. За этой рѣкой синѣютъ горы, но очень далеко.

— Наши, — говоритъ рулевой, — ходили было туда для бѣлковья: четыре дня шли. Кажеть-то вѣдь это только такъ, что близко, а на самомъ дѣлѣ ужасно далеко.

Въ ст. Дежнева тѣ же условія постройки домовъ на осиновыхъ столбахъ (съ трудомъ отыскиваемыхъ) и изъ сборнаго лѣсу (еловыхъ и дубовыхъ бревенъ) и тѣ же явленія и слухи: крыши разметаны; вѣнцы выворочены бурями; луга хорошіе, но въ лѣсѣ сильный недостатокъ. На бѣду еще станица построена не на материкѣ, а очутилась на острову; некуда скотъ выпускать; мало мѣста для огородовъ: просятъ на мѣсто пониже настоящаго: тамъ-де и мѣсто выше, нѣтъ опасности отъ воды, да и мѣста отмѣнно хорошія. Въ дуплистыхъ дубахъ живутъ бурундуки, которые въ сообществѣ съ крысами подѣдають хлѣбъ.

— А мѣста здѣшнія не въ примѣръ лучше забайкальскихъ: одинъ казакъ высѣялъ три фунта гречихи — получилъ три пуда, и можетъ развѣ немногимъ меньше. Большое количество бурундуки у насъ хлѣба поѣли.

Для звѣроловья ходили въ хребты, но промыселъ былъ ничтоженъ: соболей попадается мало.

— Да и тугія времена подходятъ: купцы и проѣзжіе чиновники наложили и подняли цѣну на соболей у гольдовъ. Прежде, бывало, за кусокъ свинцу отдавали соболя, а теперь просятъ деньги серебряныя, да и тѣ чтобы были цѣлковыми.

Вблизи станицы видится много лисицъ, а по всему суходолью, въ дубовыхъ перелѣскахъ, въ норахъ живутъ еноты. Енотовъ этихъ промыш-

ляютъ и гольды, но подняли цѣну на шкурку до 2 руб. сер. Промышляютъ ихъ обыкновенно такимъ образомъ: найдя съ собакой норку, въ которой звѣрь любитъ селиться, и которую онъ прорываетъ глубоко и далеко — входъ въ нее закладываютъ сухимъ назѣмомъ. Назѣмъ поджигаютъ, а чтобы дымъ не терялся въ воздухѣ — покрываютъ все это мѣсто дерномъ. Звѣря дымъ выгоняетъ вонъ: звѣрь выбѣжитъ — его подстрѣливаютъ.

Въ прошломъ году на Сунгарійскомъ посту стояли чиновники манчжурскіе, казаки ходили туда безпрепятственно и даже маклачили кое-какой торговли. Но теперь — говорятъ — присланы чиновники никановъ (китайцовъ), торговля запрещена и казаковъ къ гольдамъ не пускаютъ. Никогда впрочемъ и прежде не пускали ихъ на самую Сунгари: а тамъ-де еще можно бы было вести съ ними торговлю: достатки у нихъ большіе, и народъ бы хорошій гольды, покладливой, — съ ними жить-де можно въ сласть и удовольствіе.

Устье Сунгари и на немъ китайскій постъ расположены въ двадцати верстахъ отъ ст. Дежневой. Эта станица — самое южное мѣсто на всемъ Амурѣ; отъ устья Сунгари Амуръ заворачивается къ сѣверу и постепенно идетъ въ этомъ направленіи къ Николаевску. Лѣвый берегъ Сунгари сопровождаютъ высокія горы; правый остается долгое время низменнымъ. Рѣка эта, впадая въ Амуръ подъ замѣчательно-острымъ угломъ, долго борется своими водами съ водами Амура. Вотъ отчего и здѣсь существуетъ такой же споръ и такое же убѣжденіе, какъ и въ Нижномъ относительно рѣкъ Оки и Волги. Манчжуры остановились на томъ убѣжденіи, что не Сунгари впадала въ Амуръ, а Амуръ — въ Сунгари. Во всякомъ случаѣ рѣка Сунгари чрезвычайно важна во многихъ отношеніяхъ. Она течетъ изъ дальнихъ и высокихъ горъ Корейскаго полуострова; принимаетъ въ себя двѣ

(и даже три) большихъ рѣки: Галхубира, текущую съ юга изъ тѣхъ же Корейскихъ горъ и впадающую въ Сунгари подъ городомъ Санъ-Синъ (Ичше-Хотонъ), и рѣку Понни, берущую начало изъ коренного материковаго — Хинганскаго хребта. На этой послѣдней рѣкѣ лежатъ два города: Маргенъ (на сѣверѣ) и Цицикаръ (южнѣе) — ближайшіе города къ амурскому Айгуну. Въ самомъ южномъ теченіи Сунгари, при выходѣ ея изъ Корейскаго хребта, лежитъ городъ Гиринъ-Хотонъ (Гиринъ — городъ).

Про рѣку эту извѣстно русскимъ гораздо больше, чѣмъ про всякую другую, выходящую изъ Манчжуріи. Обнародованіе этихъ свѣдѣній лежитъ на обязанности тѣхъ изъ русскихъ, которые успѣли случайно посѣтить эту рѣку. Разказы про Сунгари не рѣдки, но по большей части или противорѣчатъ другъ другу или сообщаютъ гадательныя, неправильныя свѣдѣнія. Мы на нихъ останавливаться не рѣшаемся.

Ст. Михайло-Семеновская лежитъ верстою ниже отъ того мѣста, гдѣ вышли на берегъ Амура дома батальоннаго штаба и поставлены двѣ пушки и мачта съ флагомъ.

Манчжуры со здѣшними казаками не имѣютъ никакихъ сношеній и ни за что не рѣшаются пузскать ихъ въ Сунгари; однако враждебныхъ дѣйствій никакихъ не показывали: ни буды, ни муки казакамъ достать было негдѣ. Нужда настояла въ станицѣ, настояла едва ли не бѣлая, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ. Вдобавокъ еще ко всему, они обязаны были въ полтора мѣсяца (!) соорудить два батальонныхъ дома, которые были и холодны и сыры, и весной лиль съ потолка буквально дождикъ.

Гольды, кочующіе по близости, полезны были для казаковъ только рыбой и отчасти соболями (покупали ихъ отъ 3 до 5 руб. серебряною моне-

тою за шкурку). Сами казаки били енотовъ, выкуривая ихъ изъ норъ.

Отъ впаденія Сунгари Амуръ сдѣлался необыкновенно широкимъ. Образуя множество протоковъ, онъ разбился на большое число длинныхъ и низменныхъ острововъ: одна протока, оставаясь главною, ведетъ за собою форватеръ: остальные по большей части мелки, и только подъ крутыми и обсыпчивыми берегами имѣютъ глубину, достаточную для прохода судовъ. За тремя такими мелкими протоками расположена и станица Воскресенская (9 дворовъ, 27 семей), на этотъ разъ очутившаяся въ горахъ; но горы эти, крутыя и высокія, преимущественно синѣютъ вдаль за множествомъ острововъ, которыми особенно сильно затянулся въ этомъ мѣстѣ Амуръ. Положеніе станицы во всякомъ случаѣ не блестящее: она удалена отъ главнаго русла на значительное разстояніе (и лишняго живого человѣка не увидишь); она окружена болотами и вообще глядитъ какъ-то и уныло и крайне бѣдно.

Ничѣмъ не лучше положеніе и состояніе и слѣдующей станицы — Степной (домовъ 8, душъ 23). Степная она настолько же, насколько и всѣ предыдущія. Съ одной ея стороны синѣютъ горы, но до нихъ 40 верстъ, день ходьбы; заднія горы того же лѣваго берега удалены еще дальше, на два дня ходьбы — стало быть, на разстояніе около ста верстъ.

Дома въ станицѣ строены изъ лѣсу, вырубленнаго по сосѣдству, и уже не на столбахъ, да и глядятъ какъ-то лучше и привѣтливѣе, потому что выкрыты не соломой, а берестомъ: бури были часты, но дома ихъ выдержали; зимой было тепло.

У одного казака крысы шесть мѣшковъ порѣшили. Въ этой станицѣ — по рассказамъ — ихъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ.

— Мало провизію — куриць жрутъ прокля-

тыя. Сидеть на курицу-то верхомъ, да и ѣздить проклятая и все норовить какъ бы за горло ухватить и перегрызть его. Бурундуковъ бездна, не знаемъ, какъ и избавиться отъ нихъ. Барсуковъ стрѣляемъ.

— А каковы ваши сосѣди?

— Гольды — честной народъ: забудешь у нихъ вещь — онъ ужъ и бѣжить за тобой, возвращаетъ. Въ торговлѣ однако стараются какъ бы свою подороже отдать, чужую вещь подешевле пріобрѣсти. Рвани нашей теперь не берутъ; поприодѣлись коло насъ. Манчжуры шибко красть любятъ. Когда мы плыли на паромахъ — придутъ къ намъ: гляди, слизнулъ что-нибудь. Такъ ужъ это по положенію. Придутъ манчжуры, и все нашъ скоть считаютъ и все лишутъ по-своему. На что это имъ надобно — Господь про то вѣдаетъ!...

Скотъ, припавленной на паромахъ, и здѣсь не выдержалъ: лошади пали, овцы ослѣпли. Казаки думаютъ — отъ высокой травы и новой свѣжей пищи:

— А можетъ и ноги застудили. Овцы поживутъ недолго на новомъ мѣстѣ; глядишь: выпучать глаза, встанутъ, не двигаясь, и — ничего не видятъ. Лошади трудны были потому, что взяты въ Забайкальѣ изъ степей, съ вольной волюшки. Съ трудомъ великимъ пріучались къ домовымъ работамъ, привыкали къ хозяевамъ. За пропавшихъ коней казна вознаграждала новыми. И спасибо ей! — на наше счастье кони попадались молодые все: легче съ ними ладить было. Скоть теперь ладно держится на богатыхъ травахъ. У насъ и молочко теперь завелось. Короушки выходились.

Поля въ Степной станицѣ отошли отъ нея далеко, версты за 4 за 5; потому что къ самому селенію подошла болотистая луговина, логъ.

— Сѣяли сѣмена хлѣбныя, да что-то неладно вышли; высѣяли ярицу — выросла рожь и какими-то кустами, клочьями. Къ осени догадались, по забайкальской вѣрѣ, траву скотомъ потравили. Трава вышла на нонѣшную весну новая, а зеренъ не дала. Сѣяли гречиху, овесъ — отмѣнные вышли. Сѣмена-то вишь подвозять къ намъ все не вовремя — запаздываютъ.

Мѣсто станичное казаки хвалятъ, но строиться-де шибко дорого. Особенно сильно жаловался гарнизонный солдатикъ изъ евреевъ, высланный сюда изъ Россіи:

— Дорого платишь за бревна: 15 коп. за вывозъ изъ рѣги одного бревна. Строить некому: всѣ руки заняты.

Купцы казаковъ шибко прижимаютъ. Знаютъ они, что казаку вещь нужная, что ни проси — купить.

— Не торгуютъ они съ нами — замѣтилъ одинъ старикъ казакъ — не торгуютъ, а грабятъ насъ. Я такъ это самое одному купцу въ глаза и сказывалъ на-дняхъ.

Солдатикъ изъ евреевъ, вѣрный племенному характеру, успѣлъ уже завести кое-какую торговлю по мелочамъ: по перекупкѣ, перепродажамъ. Вырядившись въ пальто и жилетку, онъ ведетъ эту торговлю, разнообразную, суетливую:

— Да мало — говоритъ — тянетъ, не клюетъ. Гольды за соболя-то съ трехъ рублей довели теперь до восьми.

На дворѣ Духовъ день, и въ станицѣ — праздникъ: въ избахъ жаренымъ пахнетъ (вѣроятно козуля). Среди улицъ стоитъ березка; къ верхушкѣ ея привязана ленточка, словно флагъ. Сама березка обвязана платками; кругомъ ея ходятъ маленькія дѣвочки, одна за другой, и поютъ пѣсни согласно и вѣрно. Старушка подлѣ стоитъ: учить ихъ, налаживаетъ дѣло, показываетъ какъ надо.

какъ водится это на матушкѣ родинѣ, въ Забайкальѣ. Вечеромъ березку эту снимутъ съ мѣста, понесутъ на рѣку и потомъ съ пѣснями бросятъ на воду и что-нибудь загадаютъ на свое дѣвичье, а можетъ быть и станичное счастье ... А маленькія дѣвочки отпращиваютъ обрядъ этотъ потому, что большихъ дѣвицъ нѣтъ.

Амуръ за станицей продолжаетъ разливаться словно широкое озеро. Необыкновенно широка и главная протока: посмотришь направо — островъ вышелъ, и кругомъ этого острова обходить вторая протока далеко-далеко; можетъ быть къ тѣмъ самымъ горамъ, которыя затянуты дымкой и синевой. Посмотришь налѣво — то же самое. Острова выплываютъ впереди, плаваютъ назадъ; островамъ этимъ конца не видать. Амуръ разнообразенъ и своеобразенъ. Прихотливо измѣняетъ онъ свой характеръ почти на каждой сотнѣ верстѣ. День стоитъ чудесный; солнце, въ истинномъ смыслѣ южное солнце, печетъ сильно. Небо необыкновенно чисто, и повсюду тихо, берега далеки; оттого вѣроятно и птицъ не слышать; не слышать даже кукушки, которая крикомъ своимъ преслѣдовала насъ съ утра до вечера нѣсколько сутокъ сряду. На встрѣчу намъ, тяжело махая крыльями, летитъ журавль подлѣ самой воды и скрывается потомъ въ тальникъ и высокой болотной травѣ. Вѣроятно сегодняшній лягушечій концертъ не будетъ совершенно полный; не одинъ, вѣроятно, пѣвецъ сократится: недаромъ у журавля и длинныя ноги, и длинный носъ, и журавль — птица болотная.

Берега Амура замѣчательно низменны и всѣ подмыты водой. Во многихъ мѣстахъ торчатъ тальниковыя корни, и у берега въ водѣ пропасть корья; но и тальникъ этотъ, вѣроятно, скоро рухнетъ въ воду всей своей кучей. По лѣвому берегу выстроено семь домовъ въ рядъ — ст. Го-

ловина, построенная на половину изъ лѣсу, припавленного изъ Забайкалья; остальная половина — бревна осиновыя, мѣстныя. Къ числу общихъ казачьихъ повинностей въ этой станицѣ присоединилось еще содержаніе перевозовъ на двухъ сосѣднихъ рѣчкахъ (одна въ 4 верстахъ отъ станицы; другая въ одной верстѣ). Также низменные берега и такъ же широко, какъ озеро, и картинно расплывается Амуръ и передъ слѣдующей станицей Вознесенской.

Станица эта удалена отъ главнаго русла Амура версты на полторы, на цѣлую версту отъ протока, и помѣстилась на маленькой возвышенности, посреди такихъ луговинъ, которыя, судя по кочкамъ, по разсказамъ гольдовъ и по примѣтамъ самихъ казаковъ, въ иные годы покрываются водой. Оттого трава по луговинамъ отличная и выгоны для скота роскошныя настолько, сколько могутъ позволять это амурскія степныя пространства. Подлѣ деревни довольно длинное озеро, которое въ сухія лѣта высыхаетъ почти все: заводятся черви; но теперь Амуръ наполнилъ его водой, которую казаки употребляютъ въ пищу и остаются довольны. Родниковъ по близости нѣтъ, и самое озеро, конечно, не иное что, какъ протока Амура, замѣненная новой. Но насколько хороши около станицы травы, столько же неблагоприятна земля, исключительно песчанаго свойства. Вообще хлѣбъ не родится, и поля ушли далеко. Дома большею частью сдѣланы изъ лѣсу, припавленного въ паромахъ съ Шилки. Кое-какой осинникъ вырубаютъ въ сосѣднихъ перелѣскахъ. Незначительное число бревенъ тащить за собой Амуръ на полной водѣ и — „имаемъ“ (ловимъ, — добавляют казаки). Въ дровахъ недостатку нѣтъ. Къ домамъ приделаны даже крылечки, видно за тѣмъ малымъ досугомъ, который даетъ непригодная къ посѣвамъ земля. Отъ протока къ станицѣ на первомъ году

поселенія успѣли проложить порядочную дорогу и даже черезъ одну болотную луговину мостъ навели.

Посѣтила цынга и эту станицу (какъ и всѣ почти отъ самаго Благовѣщенска).

— На родинѣ-то мы про нее и не слыхивали, а здѣсь вотъ довелось и на костыляхъ проходить — сначала-то шибко мучились: не знали что и дѣлать. Да вотъ степь-то дала лукъ экой (дикой — черемша): стали ѣсть, ладно вышло. Лукъ-отъ этотъ крѣпко способляетъ. Теперь, однако, цынги этой меньше стало.

Оказалось, что первыхъ поселенцевъ этой станицы сначала выселили было на островъ, который тянется вблизи настоящей станицы, за узенькой, но глубокой протокой. Островъ оказался узкимъ (сажень 150), хотя и длиннымъ (16 верстъ), но безъ удобныхъ мѣстъ для пахоты. Казаки начали сильно жаловаться. Велѣли имъ отыскать новое: выбрали то, на которомъ стоитъ теперь станица.

— Нашо мѣсто еще ничего, — говорили мнѣ казаки, — а вотъ будутъ станицы пониже, дрянъ такая, что и не приведи Господи! Кочки да топи все: лѣсу опять же нѣту. У насъ хотъ выѣхать за дровами, за лѣсомъ есть куда, а тамъ и того нѣту.

Ст. Петровская (8 домовъ, 20 семей) помещена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. До сихъ еще поръ въ неприкосновенной цѣлости всѣ пни, сучья, неровныя, кочковатыя тропинки: все, однимъ словомъ, обстоитъ благополучно.

— Каково, братцы, живете-можете?

— Да такъ, кое-какъ пробиваемся.

— Есть ли запасы? есть ли сѣмена для посѣву?

— Запасы подъ исходъ идутъ: запасами-то крѣпко нуждаемся. А посѣять-то? мало-мало

посѣляли. Вишь у насъ сѣять негдѣ; пахоты-то нѣту, мѣстовъ такихъ: все кочки да болотины.

— Зато для скота, поди, лучше?

— Скоту точно что привольно. Травы растутъ хорошія.

— Лѣсъ для домовъ гдѣ брали?

— А здѣсь вотъ осинникъ рубили: такой и лѣсъ нашъ.

— Да вѣдь этотъ непрочный: погниѣтъ скоро.

— Какой ужъ это лѣсъ! Мы на своей-то сторонѣ и въ избу его въ свою не носили, брезговали. А вотъ теперь и онъ въ честь попалъ: жить въ немъ довелось. Прочность-то его какая: — года чай два простоятъ ли полно?! Весъ онъ укрѣпленъ на ветоши: моху не нашли. Ветошью (а кое у кого и берестомъ) и крыши мы свои крыли. На ветошь эту (старую, прошлогоднюю траву) мы въ Забайкальѣ палы напускали, а здѣсь вотъ и она въ великую честь попала.

— Въ ветоши-то этой, поди, всякаго гнуса много?

— Довольное количество: и ужасти!

— Вѣтры, поди, тоже мечуть крыши ваши?

— Зимами-то сильныя пурги живутъ. Да вотъ и теперь: коли днемъ вѣтру не было, жди къ ночи. Дня безъ вѣтру не проходитъ.

И дѣйствительно такъ. На Амурѣ погода расходуется замѣчательно скоро. Глазомъ почти мигнуть не успеешь, и пойдетъ волна постукивать въ борты лодки.

— Ладно ли ѣдите-то? ладно ли зиму-то прожили?

— Да со всячиной.

Станица Луговая (7 домовъ, 26 семей) помѣщена за протокой; за протокой же лежитъ и ст. Спасовская въ пять дворовъ (21 семья). Спасская протока вытянула длинной островъ, весь затянутый въ густую зелень. Изъ-за зелени этой

не видно второго устья рѣки Уссури, которымъ вышла она въ Амуръ не вдалекѣ отъ Спасской станицы. Второе и главное устье Уссури расположилось въ 40 верстахъ отсюда, подѣ Хабаровкой. Между этими двумя устьями и Амуромъ обѣ рѣки набросали длинный, низменный, несчастный островъ, замѣчательный по величинѣ своей и крайней безполезности.

— Мѣсто тутъ (говорили казаки) самое такое дикое, что все одинъ песокъ да тальникъ, и какая есть трава на свѣтѣ, такъ и той кажись нѣту вовсе.

На правый берегъ Амура (лѣвой уссурійской протоки) вышелъ коротенькій, но довольно высокій горный кряжъ: его-то прорѣзываетъ устье Уссури, столько же широкое, какъ и главная (матерая — по-казацки) протока Амура. Мелкимъ островамъ въ этихъ мѣстахъ какъ будто и конца нѣтъ. Прямо противъ станицы Спасской самый длинный изъ острововъ этихъ; подлѣ него залегла мель, и оголилась длинная песчаная коса.

Въ этой станицѣ жалобы на бездолье превращаются уже въ ропотъ. Оказывается, все — дурно: и земля вся песчаная — ни садить, ни сѣять; для пахоты мѣста вовсе нѣтъ, луга хороши, но кочковаты; лѣсъ еще не вырубленъ. Мѣсто дѣйствительно безутѣшное. Въ нуждѣ своей казаки дошли, напр., до того, что ѣли дубовые жолуди (недѣли за двѣ до моего пріѣзда).

— Зимой всю лопатину (носившее платье) проѣли за буду гольдамъ.

Нѣкоторые стали шить себѣ рубахи изъ мѣшечнаго холста. Хлѣбъ начали подвозить только теперь (24 мая):

— Надо быть сѣмена, — говорили казаки, — да мы ихъ сѣдимъ.

Въ огородахъ посаженъ лукъ, огурцы; послѣдніе уродились особенно хорошо — пришлось залежи. На этомъ мѣстѣ весьма недавно жили

гольды, и до сихъ поръ еще цѣль покинутый ими домъ. Въ дому этомъ бабы дѣлають свои уроки-кирпичи не столько изъ глины, сколько изъ песку: изъ ста кирпичей успѣвають обжигать только тридцать; остальные отъ жару трескаются и разваливаются на нѣсколько мелкихъ кусковъ¹.

Гольдскій домъ замѣчательно выстроенъ. Стѣны его изъ глины, перемѣшанной и перемятой вмѣстѣ съ ветошью, укрѣплены на тонкихъ столбахъ и чрезвычайно прочны. Потолка, по обыкновенію, нѣтъ; но крыша держится вся на тонкихъ тальниковыхъ прутьяхъ, положенныхъ прямо на стропила. Тальникъ этотъ устланъ однимъ слоемъ той же ветоши и также круто смѣшанной съ глиной. На этотъ слой накладывается слой сырой глины по длинѣ крыши, чтобы вода свободно могла стекать на дворъ, а не просачиваться сквозь крышу. На слой глины снова накладывается толстый слой ветоши, которая обыкновенно сплетается китами, т. е. пучками, и рѣшительно въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми же подробностями, какъ это привелось мнѣ видѣть въ Орловской, Тамбовской и Пензенской губерніяхъ.

— Вотъ вамъ, казаки, гдѣ бы поучиться! — замѣтилъ я своимъ проводникамъ. — А то вѣдь ваши крыши всѣ разметало да подбросало. Крыша твердая, толстая, а вѣдь пожалуй и красивая, да и давно ужъ стоитъ поди.

— Лѣтъ восемь стоитъ, надо быть, потому что и мы-то вотъ ужъ четвертый годъ здѣсь живемъ,

¹ Новый родъ повинности — дѣланіе кирпичей лежитъ на обязанности казачекъ. Въ ст. Головинной каждая баба, начиная съ двѣохъ и оканчивая старухами, обязана сдѣлать въ мѣсяцъ по тысячѣ кирпичей для вновь строящагося сотеннаго дома. „Не знаемъ, говорили мы бабы, ребятъ ли кормить, огородцы полоть, скотину обрывать, за мал. лѣтками смотрѣть, около дому возиться, али казенные кирпичи дѣлать?“ Въ ст. Вознесенской тотъ же урокъ, и по той же тысячѣ на бабу. Въ прошломъ году, сказывали онѣ мнѣ, по полтора-раста кирпичей дѣлали для себя, а нынѣ вотъ на казенную работу посадили; а глина здѣсь съ пескомъ, плохая глина — половину сдѣлаешь, другая татъ прахомъ на огнѣ и разсыплется!

а домъ этотъ казалъ и вначалѣ словно бы давно ужъ тутъ.

— Такъ отчего же вы не берете простыхъ такихъ и хорошихъ примѣровъ?

— Некогда, Богу повѣрьте: некогда! Денегъ въ рукахъ своихъ никакихъ не видимъ. Получимъ вотъ сѣмянъ, да и все тутъ.

— У насъ еще что! — приговаривалъ другой казакъ. — А вотъ по Усюрѣ, такъ тамъ ужъ плохо. Мы хоть козулю убьемъ да съѣдимъ, а тамъ и того нѣту. Вонъ батальонъ-то подъ горой пришелся...

Вправо отъ насъ синѣетъ гора, подъ которой течетъ Уссури и выстроена станица Казакевича съ батальоннымъ штабомъ (до нея отъ станицы Спасской съ небольшимъ 30 верстъ пряникомъ по уссурійской протоцѣ).

— Работа у нихъ тяжелая, — рассказывалъ мнѣ казакъ. — Лодки-то плавать они все вверхъ: станокъ-отъ еле въ сутки одолѣваютъ...

Не больше радостей и вѣстей отрадныхъ получаешь и въ слѣдующей амурской станицѣ — Новгородской. Первоначальное мѣсто для ея основанія пришлось въ лѣсу, среди кочекъ и выбоинъ: мѣстъ для пахоты изыскивать было нельзя; рѣшили перенести селеніе на новое мѣсто, верстъ на пять пониже. Мѣсто оказалось очень удобное: всходы были отличные. Въ день моего приѣзда получили небольшое количество сѣмянъ и всѣ, несмотря на праздничный день, бросились въ поле (верстахъ въ 3 отъ селенія). Въ станицѣ я не нашелъ ни одного казака. Лѣсъ отъ станицы верстахъ въ двухъ, но хорошаго нѣтъ: одинъ только осинникъ. Бурундуки разрываютъ огороды и ощиываютъ зелень преимущественно на капустѣ.

— Какъ (говорятъ) плотно ни прикроешь садъ, пролѣзетъ проклятый. Есть они тоже у насъ въ Забайкальѣ, такъ станешь прочищать мѣста около лѣсу, корни выкапывать — пропадаютъ.

Въ сосѣдномъ лѣсу трехъ кабановъ убили: одного въ 10 пудъ, другого въ три. Тѣ, которыхъ убили осенью, были жирнѣе; весенніе (недавніе) попались скудны тѣломъ и жиромъ. Охотились на сохатаго, на козуль. Вотъ казачья мясная пища! Въ прошломъ году былъ неводъ — рыбу ловили.

— Нынче неводъ загнилъ, а новаго сдѣлать некогда, да и не на что. Хлѣбомъ кое-какъ перебывались изъ Хабаровки, по небольшому количеству снабжали — были милостивы. Кое-что покупали у гольдовъ. У манчжуръ всего много въ избыткѣ, да ничего они продавать не хотятъ. Такъ, слышь, имъ отъ ихняго начальства приказано!

Новгородская станица — послѣднее казачье селеніе на лѣвомъ берегу Амура и послѣдняя принадлежащая Амурской области. Хабаровка — первая станица на правомъ берегу Амура и лѣвомъ Сибири. Характеръ мѣстности и характеръ самыхъ селеній принимаетъ инныя формы, видоизмѣняется. Амуръ изъ степныхъ пространствъ вступаетъ въ лѣсную полосу: лѣса сопровождаютъ его вплоть до устья, до Охотскаго моря. Все пространство это отъ устья Уссури предназначено для такъ называемыхъ гражданскихъ поселенцевъ, изъ охотниковъ — крестьянъ русскихъ губерній. Хабаровка стоитъ на самомъ рубежѣ этихъ двухъ разнородныхъ семействъ: казачьяго и крестьянскаго (казачьи поселенія идутъ еще по всему правому берегу рѣки Уссури).

Хабаровка расположена въ 927 верстахъ отъ Благовѣщенска и почти въ такомъ же разстояніи отъ Николаевска.

3. Отъ Хабаровки до Николаевска.

Рѣка Уссури, впадая въ Амуръ почти подъ прямымъ угломъ, ведетъ по лѣвому берегу своему тотъ низменный и песчанистый островъ, который

образуется ея вторымъ рукавомъ и рѣкою Амуромъ. На правый берегъ Уссури (за 40 верстъ до устья) выходятъ высокія сопки — отроги внутренняго возвышеннаго хребта, носящаго на языкѣ туземцевъ названіе Хохцыра. Отроги его, по мѣрѣ приближенія рѣки къ устью, постепенно склоняются и идутъ въ большей части случаевъ сплошными прикрутостями. Тамъ, гдѣ Уссури встрѣчается съ Амуромъ, послѣдняя прикрутость Хохцыра оступается въ воду крутой, каменистой скалой, стоящей какъ бы отдѣльно и въ то же время богатой разнообразіями растительнаго царства. Объ эту скалу Амуръ какъ будто надламывается и, какъ бы уступая быстрому подгорному теченію Уссури, круто поворачиваетъ къ сѣверу и идетъ почти въ томъ же направленіи, какъ и Уссури. Долго затѣмъ темная вода этой послѣдней рѣки не мѣшается съ желтоватою полосою воды амурской; долго потомъ Амуръ течетъ все въ одномъ и томъ направленіи, какое назначено ея притокомъ. Устье обѣихъ рѣкъ замѣчательно широко и многоводно; сліяніе ихъ обозначилось вначалѣ огромнымъ откосомъ, замѣчательной величины мелью; фарватеры обѣихъ рѣкъ прижимаются къ противоположнымъ берегамъ (уссурійскій къ правому, амурскій фарватеръ къ лѣвому берегу); круто-обрывистая скала служить раздѣломъ водъ и той и другой рѣки. Около этой-то скалы и по ея отклонамъ, или прикрутостямъ уссурійскаго берега, выстроилось новое казенное селеніе, носящее имя перваго храбраго завоевателя Амурскаго края, Хабаровъ.

Застроенная исключительно домами батальоннаго штаба (въ видѣ крупныхъ казармъ и мелкихъ домовъ для семейныхъ), Хабаровка съ рѣки поражаетъ замѣчательною оригинальностью постройки и самаго вида. Благодаря естественному строенію Хабаровской горы, разбившейся на двѣ — на три террасы, и отчасти предусмотрительности

строителей, Хабаровка выстроена именно такимъ образомъ, что ни одно строеніе ея, какъ бы оно ничтожно и некрасиво ни было, не прячется отъ глазъ, не скрывается одно за другимъ. При сравнительно-маломъ числѣ строеній, Хабаровка кажется при выѣздѣ съ Амура большимъ, люднымъ и хорошо обстроеннымъ селеніемъ. Дома Амурской компаніи, застроенные поодаль за оврагомъ на отдѣльной прикрутости по направленію къ Уссури), въ общемъ видѣ Хабаровскаго селенія играютъ не послѣднюю роль и въ свою очередь значительно дополняютъ своеобразность этого ландшафта. Лишь только проѣзжіи очутятся на берегу, стукъ топора и визгъ пилы преслѣдуютъ его съ утра до вечера вездѣ: и на томъ краю, гдѣ выстроились въ два ряда длинныя казармы, и на другомъ флангѣ (какъ привыкли выражаться въ Хабаровкѣ), гдѣ опять идутъ казармы, нѣсколько землянокъ и оврагъ съ пересыхающимъ ручьемъ, за которымъ на горѣ и въ невырубленномъ еще лѣсу помѣстились строенія Амурской компаніи. Между домами кое-гдѣ огороды, во многихъ мѣстахъ убраны свѣжіе пни богатыхъ и нѣкогда рослыхъ деревьевъ и, благодаря распорядительности начальства, съ одного конца селенія до другаго (на разстояніи двухъ верстъ) проведена гладкая дорога, родъ шоссе. Шоссе это, воспользовавшись разлогами скалъ, спускается на берегъ Амура, ниже скалы, раздѣляющей воду двухъ рѣкъ, и оканчивается тамъ, гдѣ выстроены госпитальныя зданія. Лѣсъ на этой скалѣ остался въ цѣлости, невырубленнымъ; прочищены между деревьями дорожки и убранъ валежникъ, вслѣдствіе чего первобытное лѣсное мѣсто превратилось въ довольно большой и красивый садъ. Съ одного пункта этого сада, съ одной площадки его, видна вся затѣйливая и хитро обдуманная постройка Хабаровки, видна Уссури съ двумя песчаными отмелями, съ низменнымъ

огромнымъ островомъ, дальнимъ высокимъ хребтомъ Хохцырь, виденъ прямо передъ глазами широкій Амуръ, огибающій огромную низменность, ушедшую въ безконечную даль къ станицамъ Новгородской, Спасской и Луговой¹. Вторая, расчищенная въ саду площадка выводитъ наблюдателя уже прямо на Амуръ и показываетъ ему то мѣсто, гдѣ обѣ рѣки сошлись въ одно русло, и только подлѣ самаго берега, подъ ногами, вода рѣки Уссури быстротой теченія оспариваетъ свое мѣсто и право у спокойнаго, торжественнаго теченія желтоватой воды амурской. Прямо передъ глазами тянется еще во всей своей неоглядной красотѣ зеленая степь низменнаго лѣваго амурскаго берега; правѣе и дальше wypлываютъ амурскіе острова, и еще правѣе, по правому берегу Амура, протянулись уже вѣковые густые лѣса, наполненные дубами, лиственницей, букомъ, орѣшникомъ и проч. На этотъ разъ правый берегъ Амура — русскій берегъ, нераздѣльно съ лѣвымъ принадлежащій по правительственному раздѣленію — какъ извѣстно — къ Приморской области Восточной Сибири.

Во всякомъ случаѣ Хабаровку должны мы отнести къ числу лучшихъ, красивѣйшихъ мѣстъ по всему долгому теченію Амура, и готовы пожалуй признать за нею всѣ выгоды и преимущества для того, чтобы селенію этому со временемъ превратиться въ городъ². Дѣйствительно, лучшаго мѣста для города выбрать трудно, и вѣроятно городъ и будетъ тутъ, если измѣнятся настоящія

¹ Тутъ же, неподалеку отъ этой бесѣдки, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ скалы, уцѣлѣлъ еще до сихъ поръ маленькій гольдской храмъ, родъ часовни, съ чугуннымъ колпакомъ у дверей, замѣнявшимъ для инородцевъ колоколь. Изъ храмъ этомъ сохранились еще два деревянныхъ подсвѣчника и даже уродливый бурханъ — идолъ изъ дерева, можетъ быть и недавній, судя по свѣжести березы, можетъ быть вчера поставленный поклонниками. Всѣ хабаровскіе голды выселились нѣсколько пониже, небольшая часть живетъ въ Хабаровкѣ въ услуженіи.

² Нынѣ г. Хабаровскъ, окружный городъ Приморской области.

условія амурскихъ заселеній и если будущее Амура будетъ счастливѣе настоящаго.

Уссури сдѣлала Амуръ на дальнѣйшемъ теченіи его замѣчательно широкимъ. Рѣдко онъ успѣваетъ протянуть свое русло отъ гористаго материковаго берега до горъ другого противоположнаго, по большей части, какъ и прежде, застилаясь множествомъ острововъ, но зато острова эти становятся замѣчательно больше. Вѣтры, которые на этотъ разъ по большей части низовые (встрѣчные) и по преимуществу сильные и устойчивые, успѣваютъ разводять и гнать такія волны, которыя рѣшительно напоминаютъ волны морскія. Въ одномъ мѣстѣ намъ удастся замѣтить такое огромное количество чаекъ, какое можетъ быть видно только въ одномъ Соловецкомъ монастырѣ; но тамъ чаекъ этихъ прикармливаютъ — здѣсь онѣ сами, съ невыразимымъ пискомъ, поминутно набрасываются на воду, предварительно описывая круги въ воздухѣ. Видимо рыбы тутъ много, и если не всякой, то по крайней мѣрѣ мелкой. Не увеличивая своей глубины, рѣка продолжаетъ иногда затягиваться мелями и даже во многихъ мѣстахъ сдавать такъ называемыми перелѣвами, т. е. песчаными косами такого рода, которыя появляются среди рѣки и затягиваютъ ее почти отъ одного ея берега до другого. По обыкновенію также замѣчательная на рѣкѣ рѣдкость — бунны — камни, случайно помѣстившіеся иногда въ самой серединѣ¹. Береговья отприядыши, откосты, все еще попрежнему очень часты и примѣтны для глазъ по желтизнѣ воды на всѣхъ мѣстахъ подобнаго рода и по тѣмъ толкунцамъ, которые набиваютъ набѣгающія волны — бѣляки. Течение рѣки

¹ Черезъ бунны эти вода — какъ говорятъ казаки — перекатывается; оттого они всегда непримѣтны. Пять-шесть камней замѣчено нами на всемъ теченіи Амура. Малое количество ихъ — гордость, счастливая особенность Амура!

замѣтно быстрѣй, по крайней мѣрѣ на всемъ ближайшемъ къ Хабаровкѣ пространствѣ; быстрота эта примѣтно и значительно увеличивается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, естественно, гдѣ въ Амуръ выбѣгаютъ рѣки, всегда на этотъ разъ горныя и конечно быстрыя, и если не порожиcтныя, то во всѣхъ случаяхъ каменныя и рыбныя. Горы, сопровождающія сначала одинъ правый берегъ, а потомъ, на второй сотнѣ верстъ отъ Хабаровки, оба берега, какъ будто круче и выше; вершины ихъ острѣе, и во всякомъ случаѣ всѣ выкрыты довольно-густымъ лѣсомъ и всѣ мрачнаго, непривѣтливаго вида. Нѣкоторыя сопки, зачастую выходящія прямо на рѣчной берегъ, высотой своей не уступаютъ Хинганскимъ сопкамъ; большая часть изъ нихъ голы и обрывисты. Иногда между горными кряжами задаются пространныя низменности, но замѣчательно рѣдко, — всѣ онѣ заставлены густыми, темными рощами. Острова одни (которымъ положительно можно счетъ потерять) все еще бѣдны растительностью; на большую половину песчанистаго свойства, обрывистые и обсыпчивые на всякой сильной и устойчивой волнѣ, острова эти, по большей части, выкрыты чахлымъ кустарникомъ, носящимъ на мѣстномъ языкѣ казаковъ и солдатъ названіе таваложника. Кустарники эти растутъ часто и плотно, съ трудомъ проходимы, особенно когда по окраинамъ береговъ они идутъ въ сопровожденіи высокаго безтолковаго тальника. Рѣка во многихъ мѣстахъ подлѣ береговъ завалена грудami вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ — явленіе особенно частое и особенно замѣчательное на Амурѣ. Здѣсь процессъ строенія береговъ и образованія коренного законченнаго русла все еще какъ будто не остановился ни на чемъ положительномъ, все еще какъ будто продолжается. Во многихъ мѣстахъ острова значительно (на половину иногда) уменьшились въ величинѣ

и объёмъ; во многихъ они совершенно смыты, пропали. Особенно знаменательный фактъ совершился противъ ст. Горинской (Хоро). Тамъ пропалъ нынѣшней весной островъ, который — по словамъ старожиловъ — до прихода русскихъ имѣлъ длины шесть верстъ; въ началѣ нынѣшней весны отъ него оставался еще замѣчательно большой кусокъ длиной съ версту. Вода пять лѣтъ подмывала его и потомъ, разломавши медленно и вѣрно на нѣсколько частей, разсыпала наконецъ въ разные стороны безъ шума, безъ грома, со всѣмъ сущимъ на немъ: деревьями, камнями, бурундуками, крысами и прочимъ. Конечно, теперь въ этомъ мѣстѣ образовалась мель. Берега Амура густо поросли лѣсомъ: березой, пихтой, сосной и елью; часто на прибрежный щебень изъ падей выбѣгаютъ живые, свѣжіе ручейки-ключи, которые, кажется, нынѣшней только весной выбились на свѣтъ Божій и мчатъ себѣ безъ русла прямо по камнямъ и черезъ нихъ, мало-по-малу быстротой своей раздвигая ихъ. Лѣтомъ образуется русло; къ осени оно пересохнетъ и на осеннихъ дождяхъ, по всему вѣроятію, снова расширится. Зимой все это затынетъ снѣгомъ и закрѣпитъ льдами; на будущую весну ручей вздумаетъ проложить новую дорогу, и старое русло пропало на вѣки. Такихъ ложбинокъ по побережьямъ очень много.

Сторонніе виды на этомъ низовомъ теченіи Амура необычайно дики, особенно по правому берегу рѣки: темная, густая полярная зелень сосенъ, пихтъ и елей сумрачно глядитъ по низовьямъ этого берега, и лѣса-то, постепенно понижаясь и возвышаясь, взбираются по ближайшему невысокому гребню, то, рѣдѣя и путаясь съ свѣжею зеленью недавно распустившихся березъ и лиственницъ, рассыпаются по всей ширинѣ и длинѣ ближайшихъ къ водѣ прибрежій. Хороши и картины во всѣхъ этихъ случаяхъ подъѣмы на горныя отлого-

сти по ровнымъ, словно подстриженнымъ, вершинамъ деревьевъ. Тянутся лѣса эти ровно и гладко на широкомъ пространствѣ и, постепенно черня вдали, пропадаютъ въ падахъ, заставленныхъ новой горой, также вплотную выкрытыхъ такой же рощей. А тамъ дальше, назадъ, словно великаны, стоятъ на-сторожѣ высокіе хребты плотной и мрачной стѣной. Зеленъ тамъ стушевалась въ громадную черносинюю площадь, по зубчатымъ вершинамъ которой стелются и липнутъ по мѣстамъ, что облака, бѣлесоватые и длинные клубы тумановъ. Но зато мирно глядитъ лѣвый берегъ, весь усыпанный мелкимъ щебнемъ, между которымъ съ великимъ трудомъ можно отыскать крупные камни. Камни эти, какъ осколки, сопровождаютъ только скалистые берега; у лѣсовъ же, какъ и на низменныхъ берегахъ, большіе крупные камни — замѣчательная рѣдкость.

Дикость и безпривѣтность всѣхъ этихъ мѣстъ удваивается еще крайнимъ безлюдьемъ. На всемъ этомъ пространствѣ отъ Хабаровки до Маринска (въ пятьсотъ слишкомъ верстъ) весьма рѣдко разставлены одинокія избы въ разстояніи одна отъ другой въ 30—35—40 верстахъ. Избы эти носятъ названія по большей части ближайшихъ къ нимъ гольдскихъ селеній и рѣкъ, чаще отличаются номерами, по счету, начатому съ Хабаровки. Избы эти — станки, деревянные дома, на половину не отстроенные, — населены небольшимъ числомъ (меньше десятка) линейныхъ солдатъ, получающихъ казенное содержаніе и обязанныхъ смотрѣть за казенными почтовыми лошадьми, рубить лѣсъ для казенныхъ пароходовъ. Они выстроили эти избы и перестроили ихъ, когда время въявь показало, что все, что скоро — не бываетъ спору. За все это солдаты получаютъ 1½ фунта хлѣба (сухарями), муки, когда подвезутъ, крупы, когда дадутъ, и вотъ уже почти полгода не получаютъ

ни щепотки соли. Что и рыба гольдская, что и дичь лѣсная безъ этой приправы?

При нѣкоторыхъ избахъ семейными солдатами разведены огороды; вырублены значительныя лѣсныя росчисти; но пахотныхъ мѣстъ нигдѣ не заготовлено — и по необходимости, и за недосугомъ. Въ помѣщеніи этихъ станковъ замѣчается одно общее стремленіе — ставить ихъ ближе къ селеніямъ гольдовъ, безъ разбора удобныхъ или неудобныхъ мѣстъ; нѣкоторые изъ нихъ очутились на острову и иногда на подмываемыхъ водою берегахъ, отчего нѣкоторые станки принуждены были перенести во второй разъ на новыя мѣста. При нѣкоторыхъ изъ нихъ построены бани, по большей части изъ первоначальныхъ землянокъ; около многихъ сооружены сараи для складовъ пайка и покупной у гольдовъ провизіи. Выстроенныя на мѣстахъ, открытыхъ вѣтрамъ, станціонныя избы представляютъ видъ разрушенія: разметанныя крыши, разбитыя окна. У нѣкоторыхъ изъ этихъ станковъ пристроено нѣсколько новыхъ избъ, назначенныхъ для такъ называемыхъ гражданскихъ переселенцевъ, плывущихъ сюда изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Таково по крайней мѣрѣ селеніе Горинское.

Еще далеко до этого селенія и почти сейчасъ же за Хабаровкой, на берегу Амура, разбросаны гольдскія селенія, доходящія въ количествѣ юртъ своихъ въ одномъ мѣстѣ отъ 3 и 4 до 12 и 23. Впрочемъ большая часть этихъ деревень держится материковаго берега и разбросана за островами и по протокамъ; замѣчательно рѣдки онѣ по берегамъ главнаго амурскаго русла. Но всѣ по преимуществу заняли лучшія, удобныя мѣста для поселеній; гольдскія деревни, какъ маяки, могутъ въ этомъ случаѣ служить указаніемъ для новыхъ русскихъ поселеній. Выйдетъ широкая, обширная падь съ бойкой рѣкой или рѣчонкой; разстелется

ровная прикрутость, заслоненная горами, — гольдская деревня непременно уже разбросалась со своими зимниками (назади) по уступамъ, терасамъ, по такъ называемымъ подушечкамъ и со своими лѣтниками, — на стрѣлкахъ, по песчанистымъ или каменистымъ побережьямъ, впереди селенія. Зимники обмазаны глиной, лѣтники изъ береста: обстоятельство, дѣлающее гольдскія деревни похожими одна на другую, какъ двѣ капли воды, даже и въ мельчайшихъ подробностяхъ и обстановкѣ. Таковы всѣ, попавшія намъ на глаза гольдскія деревни: Доле, Маи, Панке, Хунгари, Джооми, Мылки, Бѣльго, Цянка, Хоро и др. Гольдовской деревнѣ обыкновенно предшествуютъ большіе и частые ряды мелкихъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю на всемъ пространствѣ отъ воды до юртъ. На перекладины этихъ кольевъ гольды вѣшаютъ обыкновенно свою юколу — ремни, ленты, вырѣзанныя изъ выловленной красной рыбы: киты и горбуши, и желтыя изъ осетрины (головы рыбы просушиваются особо). Оттого-то осенью гольдская деревня всегда отликаетъ краснымъ цвѣтомъ, какъ будто сплошными полосами крышъ. На этихъ кольяхъ красная рыба обыкновенно вялится и по зимамъ служить вмѣстѣ съ будою единственной пищею этого инородческаго племени (эта же юкола вмѣсто мяса вошла въ паекъ для солдатъ, населяющихъ станки). По этимъ же кольямъ можно легко узнать гольдскую деревню издали и этихъ же колышковъ можно пожелать и русскимъ селеніямъ. Немного отступя отъ берега, поближе къ водѣ, всегда на низменности, выстроены берестяныя юрты-лѣтники, которыя иногда снимаютъ на зиму, иногда относятъ ихъ на нѣкоторые разстоянія отъ селеній, на мѣста болѣе счастливыхъ и выгодныхъ улововъ рыбы. За лѣтниками, всегда на возвышенности, выстроены зимники изъ мятой и смѣшанной съ ветошью глины. Юрты эти ни-

чѣмъ не отличаются отъ манчжурскихъ юртъ. Тѣ же широкія окна съ бумагой вмѣсто стеколъ, тѣ же нары кругомъ всей юрты, накрытыя соломёнными циновками и подогреваемые снизу проведенными изъ печки трубами; тѣ же неизмѣнные горнушки съ горячими угольями во многихъ мѣстахъ подлѣ самыхъ наръ, въ количествѣ трехъ-четырехъ, смотря по числу семействъ, живущихъ въ юртѣ. Уголья эти необходимы для гольдокъ и гольдянокъ, зараженныхъ отъ мала до велика страстью къ куренію табаку. По этой причинѣ у рѣдкаго изъ гольдскихъ селеній не видать на задахъ огородовъ съ длинными зелеными лопухами манчжурскаго табаку. Кромѣ огородовъ у гольдовской деревни нѣтъ никакихъ другихъ особенныхъ украшеній. Въ замѣчательно рѣдкой изъ нихъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ виднѣется деревянный храмикъ съ деревянными же, но некрашенными бурханами. Но зато во всякой изъ деревень — клѣти для рыболовныхъ снастей и домашняго скарбу, утвержденныя на четырехъ столбахъ, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ земли ¹; кучи собакъ, злыхъ и безпокойныхъ; нѣсколько стариковъ, женщинъ и малолѣтковъ, оставшихся домовничать за уходомъ всѣхъ остальныхъ на рыбные промыслы; на берегу лежатъ опрокинутыми гольдскія лодки, носящія общее названіе манчжурокъ ². Затѣмъ — кар-

¹ — Отъ крысъ, какъ увѣряютъ гольды: обыкновеніе замѣчательное, которому нашимъ казакамъ и солдатамъ не мѣшало бы послѣдовать. На одномъ только русскомъ станкѣ и видѣлъ клѣти на столбахъ, но во всѣхъ слышалъ жалобы на бездолие, причиняемое крысами казенному провiанту.

² Изумительно просто устройство этой лодки. Въ основаніе ея положена доска, нѣсколько согнутая, приподнятая къ носу и закругленная. На носу, отступя четверти на двѣ отъ краевъ, въ жолобахъ утверждаются двѣ четырехугольныя доски подъ острымъ угломъ, образующія самый носъ. Къ этимъ носовымъ доскамъ и къ нижней основной прикрѣпляются двѣ параллельныя доски, которыя на кормѣ закрѣпляются снова одной (шестой) дощечкой и — лодка въ родѣ ящика готова. Служить она обыкновенно года два-три. Весла очень легки (ихъ два) и имѣютъ форму закругленной лопатки. Кромѣ лодокъ подобнаго несложнаго устройства, между гольдами, ороочонами и манчжурами употребительна также и такъ называемая омороча или лучше — корыто изъ береста. Бересто прибито къ шпангоуту; шпангоутъ этотъ

тина гольдской деревни не требуетъ уже никакихъ пополненій.

Гольды только чернотой лица и большою скулатостью отличаются отъ манчжуръ, да еще можетъ быть страстью ко всякаго рода подвѣскамъ. Намъ случилось встрѣчать и у мужчинъ въ ушахъ огромныя мѣдныя кольца съ подвѣсками изъ разноцвѣтныхъ камней; тѣ же огромныя мѣдныя кольца попадались въ ушахъ у женщинъ и въ ноздряхъ у маленькихъ дѣвочекъ. Домашняя обстановка, одежда — все повидимому заимствовано гольдами, и народъ этотъ, какъ будто не иное что, какъ одичавшее племя манчжуровъ, живущее въ пустыняхъ и за горами, вдалекѣ отъ городовъ и людныхъ селеній. Тѣ же бритые лбы, длинные косы, черные какъ смоль волосы, рубахи и русскія и манчжурскія, курмы и у гольдовъ, какъ у самихъ манчжуръ. Языкъ гольдскій впрочемъ не имѣетъ ничего схожаго, но зато та же страсть украшать кисеты съ табакомъ нашими русскими цѣлковыми и полтинниками; та же страсть къ торговлѣ, доведенная до навязчивости, и наконецъ тѣ же законы въ заимствованіи и коверканьи русскихъ словъ въ способахъ и приѣмахъ при торговлѣ.

— Далеко ли до Бѣлго? — спрашивали мы одного гольда.

— Нѣту далеко! — отвѣтилъ намъ гольдъ такъ же, какъ отвѣтилъ бы намъ въ подобномъ

или ребра изъ узкихъ и тоненькихъ драпокъ. По бортамъ — скрѣпы круглыми деревянными брусками съ тремя, четырьмя и пятью распорками поперекъ. Садится одинъ человекъ по ширинѣ лодки, и борты ея уже подлѣ самыхъ боковъ сѣдока. По длинѣ оморочи могутъ располагаться, поджавши и даже вытянувши ноги, два и три человека на днѣ. Весло держится обѣими руками и противъ груди, потому что у весла его двѣ лопасти съ противоположныхъ краевъ. Гольдъ обыкновенно то опускаетъ одну лопасть, поднимаетъ другую, то загреба-етъ одной лопастью, смотря по тому, куда и какъ ему нужно приставать, и во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ необыкновенно ловко. Омороча летаетъ какъ птица, не отставая отъ легкихъ амурскихъ пароходовъ на полномъ ходу. Оморочу гольдъ обыкновенно по берегу переноситъ на плечахъ; такъ она легка. Легка и манчжурка: ее обыкновенно носить два человека.

случаѣ и манчжурь, умѣющій — что называется здѣсь — говорить по-русски.

— Деревня тамъ? — спрашивали мы опять того же гольда.

— Рушки юртъ — отвѣчалъ онъ намъ; и тотчасъ же обратился съ своимъ запросомъ:

— Соболи есть купи: селебело есть купи соболи?

Отъ привычки нетрудно было понять, что у него есть соболи, что онъ желаетъ ихъ продать, но не иначе, какъ на серебряную монету.

Въ лодку мою, лишь только она приставала къ какой-нибудь гольдовской деревнѣ, лѣзли эти гольды съ юколой, осетриной, бѣлужей свѣжей икрой. Привелось мнѣ у одного купить и расплачиваться пятиалтынными. Гольдъ и толкъ потерялъ: не беретъ.

— Покажи сколько ихъ приведется на чальковой! — могъ я понять по его движеніямъ и словамъ. Манчжуры въ этомъ отношеніи далеко опередили гольдовъ, и счетъ деньгамъ русскимъ знаютъ лучше нашей другой старосвѣтской мелкопомѣстной барыни.

Одинъ только гольдъ на всемъ пути моемъ отъ Хабаровки до Маринска сумѣлъ прямо выпросить четыре чальковыхъ и половину за одного довольно порядочнаго соболя.

Солдаты наши у одного изъ гольдовъ на кisetъ съ табакомъ, между многими подвѣсками, замѣтили русскій серебряный крестъ. Потолковавши между собой, рѣшили крестъ этотъ выкупить, „чтобы нехристь надъ нимъ не надругалась“. Пошли на сдѣлку и „кое по перстамъ, кое на языкѣ“ столковались на томъ, чтобы отдать столько серебряныхъ монетъ, сколько вытянетъ крестъ. „Крестъ вытянулъ три четвертака: три четвертака и отдал“.

Кроткій, миролюбивый взглядъ, крайняя бѣдность одежды, коротенькія наполеонскія клинообразныя бороды у стариковъ, смѣлыя улыбающіяся

лица у ребятишекъ и робость при встрѣчѣ русскаго только въ прекрасной половинѣ гольдскаго племени, въ говорѣ частыя придыханія: — вотъ все, что можно было замѣтить въ гольдахъ при легкомъ поверхностномъ наблюденіи.

Шумно живутъ довольно людныя гольдскія деревни, оживленныя и людскимъ крикомъ и лаемъ собакъ. Какъ и быть надо, жилымъ и настоящимъ селеніемъ глядятъ всѣ эти Бѣлго, Джооми, Хунгари и друг. Въ этомъ отношеніи имъ могутъ даже позавидовать всѣ наши казачьи верховыя станицы. И какимъ-то мертвеннымъ, бездушнымъ контрастомъ отбиваютъ наши русскія избы, построенныя всегда поодаль деревень гольдовъ (верстахъ $1\frac{1}{2}$ и 2 хъ), хоть бы, напр., и та изба, которая выстроена неподалеку отъ деревни Цянка. Въ деревнѣ этой намъ довелось купить у гольда рыбы калужины (бѣлужины) и фунтовъ 10 икры. Мы давали ему серебра; серебра онъ не бралъ: просилъ табакъ. „Подари, говоритъ, мнѣ табакъ, а я тебѣ рыбу подарю“...

— Чѣмъ вы пользуетесь отъ гольдовъ? — спрашивалъ я у солдатъ.

— Да чѣмъ отъ нихъ поживишься?! Рыбу даютъ: рыбы они много промышляютъ.

— Чѣмъ же вы платите имъ за это?

— А ничѣмъ, да и ничѣмъ: даромъ даютъ, въ подарокъ.

— И дружно вы съ ними живете?

— Дружно: народъ чудесной. Гиляки пониже то живутъ: тѣ народъ — плуты, разбойники, скверной народъ. Самогиры съ верховьевъ Горюнарѣки (Гирина) приходятъ, совсѣмъ какъ гольды, по языку только и распознаешь: другой языкъ. А то все одно!

— Чѣмъ эти промышляютъ?

— Соболей много живетъ въ хребтахъ-то.

— А еще что живетъ тамъ?

— Медвѣдей много. Вотъ и теперь у нихъ съ годъ ужъ живетъ одинъ въ срубѣ: для гиляковъ откармливаютъ. Гиляки эти разъ въ году, въ праздникъ, медвѣдя этого выпускаютъ изъ сруба; бѣгутъ за нимъ, на веревки крутятъ, борются; а какъ онъ изойдетъ ужъ силой — тогда прикалываютъ и ѣдятъ. Этимъ они своему богу почетъ воздаютъ. А на счетъ медвѣдя, то они этого звѣря почитаютъ за человѣка; очень поэтому его любятъ и боятся... Въ хребтахъ-то нашихъ еще олени водятся...

И вотъ послѣ слуховъ о кровожадныхъ тиграхъ начинаются слухи о недалъныхъ оленяхъ — самыхъ мирныхъ изъ всѣхъ лѣсныхъ обитателей. Амуръ сильно подается къ сѣверу и все на немъ обличаетъ близость суровыхъ полярныхъ странъ. Дни все время стоятъ замѣтно холоднѣе, чѣмъ тѣ, какими дарили насъ берега Амура между Хинганомъ и Хабаровкой; ночи замѣтно суровѣе: разъ завязавшійся вѣтеръ, всегда крѣпкій, тянетъ непрерывно полторы-двой сутки. Вѣтеръ этотъ какъ будто припадетъ на рѣкъ; слышишь — онъ уже гудитъ по горѣ, шатаетъ лѣсами, несетъ оттуда гуль, который постепенно усиливается; вѣтеръ накидывается на воду, круче заворачиваетъ уже раньше расходившіяся волны и рябитъ ихъ хребты съ визгомъ и крупными брызгами. Гуль становится общимъ; опять на время припадаетъ и опять начнетъ сначала. Вѣтеръ иногда, что называется, обтечетъ и станетъ намъ боковымъ и начнетъ какъ будто укладывать, уменьшать волны: смотришь — и опять онъ во всей своей силѣ, какъ и быть надо весеннему свѣжему и не столько рѣчному, сколько морскому вѣтру.

На дальныхъ горахъ замѣчаются какъ будто просвѣты, и просвѣтовъ этихъ особенно много послѣ того, какъ разрѣдились туманы, сгруппировавшіеся по дальнимъ окраинамъ неба. Какія-то свѣт-

лая, серебристая, яркія пятна видятся намъ на дальнихъ горныхъ вершинахъ.

— Гольцы подошли! — замѣтилъ одинъ солдатикъ.

— Въ Камчаткѣ и все такъ! — подсказалъ другой.

— На Байкалѣ-морѣ такихъ гольцовъ тоже очень много, и на нихъ снѣгъ никогда не таетъ. Эти, надо быть, къ морю ужъ подошли! — рѣшилъ изъ гребцовъ моихъ третій.

И дѣйствительно, горы такъ высоки, что какъ будто упираются вершинами своими въ небо. Мѣстахъ въ десяти сверкаютъ остатки снѣга, можетъ быть вѣчнаго, но во всякомъ случаѣ вешняго. Туманъ по мѣстамъ прицѣпился къ нимъ, и снѣгъ отгѣняетъ своимъ мертвеннымъ, дымчатымъ цвѣтомъ еще яснѣе. Горы кажутся рѣшительно высеребренными. Долго смотришь на нихъ и не можешь достаточно налюбоваться: и дико, и своеобразно, великолѣпно!.. Цѣлый гребень гольцовъ этихъ залезъ тамъ въ туманной дали и долго тянется длинной и непрерывной цѣлью; ярко-серебристымъ цвѣтомъ отливаютъ они, рѣзко, необыкновенно-рѣзко отгѣняясь отъ сосѣднихъ бѣлесоватыхъ облаковъ. Одинъ хребетъ выше другого и безъ всякаго сравненія выше переднихъ, близкихъ къ рѣкѣ. Послѣ крайняго однообразія амурскихъ береговъ картины гольцовъ увлекательны. Долго потомъ держался туманъ около этихъ снѣговъ, но затѣмъ мало-по-малу пропалъ, поднявшись выше, и серебро горъ потеряло всю свою прелесть и весь эффектъ. Серебро вершинъ ихъ, не отгѣняемое теперь контрастомъ дымки тумана, оказалось простыми глыбами снѣгу, залежавшагося еще на горахъ, несмотря на то, что было 1-е іюня. Гольцы по всему вѣроятію не гольцы, а болѣе возвышенныя вершины, покрытыя тѣмъ же лѣсомъ, хотя на этотъ разъ можетъ быть и чахлымъ, рѣденькимъ.

низкимъ. Горять серебромъ только самые дальніе и высокіе хребты; на горахъ (также высокіхъ) по лѣвому берегу снѣгу уже нѣтъ нигдѣ и уцѣлѣлъ онъ только въ падахъ и ложбинахъ между горами праваго берега.

Немного разнообразія несутъ за собою и слѣдующія мѣста по Амуру, и слѣдующіе станки за Гириномъ, окрещенные уже русскими именами, каковы: Чуринова, Шелехова, Литвинцева, Жеребцовская, Шахматова, Ѳедоровская, Елисеева. Чуриновскій домикъ — рѣшительная вербная игрушка: и лѣсенка, и избушка, и мохъ даже есть... Въ немъ нашли мы двухъ линейныхъ солдатъ (двое другихъ ушли на работу въ лѣсъ); ни полей, ни огородовъ не разводили. Соль вчера получили; безъ нея сидѣли долго. Въ Шелеховой видѣ тотъ же: изба на горѣ по подушкѣ, ручеекъ выбѣжалъ, на берегу къ горѣ примкнулась баня. Въ станкѣ Ѳедоровскомъ на берегъ вышла баба; гребцы мои солдатики, отпавленные въ Николаевскъ изъ Хабаровки, завели съ ней разговоры; ничего интереснаго.

— Сколько вереть до Елисеевскаго?

— Тридцать.

— Гдѣ солдаты-то?

— Лѣсъ рубятъ (слышенъ звонъ топоровъ гдѣ-то по близости).

— Чей мальчикъ-то?

— Мой.

— И ладно! Промежуточнаго станка нѣтъ?

— Нѣту.

— Будь здорова, тетка, прощай!

И ребята хохочутъ: довольны.

— Охота же вамъ объ такихъ пустякахъ разговаривать, — замѣтилъ я имъ.

— Живой человѣкъ, ваши благородіе! Поговорить хочется: скучно ужъ очень шестыя сутки безъ молвы ѣхать; скучно ѣхать...

Дѣйствительно скучно: мѣста прибрежныя становятся сумрачнѣе и тоскливѣе; горы глядятъ голыми камнями, лѣсъ затянулся мертвеной хвоей. Противный вѣтеръ тянетъ крѣпкимъ холодомъ и цѣлыя сутки держитъ насъ прибитыми въ лодкѣ къ пустынному песчанистому берегу. Гольдскія деревни становятся рѣже и мельче: дома два-три и — не больше. Припадетъ вѣтеръ — на вершинахъ горъ завяжутся туманы: скоро поползутъ они внизъ; мгновенно затянутъ дальнюю деревню, разстелются по рѣкѣ; мигомъ закроютъ отъ насъ все и сыплютъ потомъ на лодку, на ваше платье крупныя капли росы. Долго и упорно крѣпится туманъ надъ рѣкою; пахнетъ вѣтерокъ — погонитъ его съ воды, съ береговъ; покажетъ намъ вдаль одинокую, сиротливую избу-станокъ, какъ двѣ капли воды похожую на всѣ прежнія, и поползетъ опять этотъ докучливый туманъ по горнымъ отлогостямъ къ вершинамъ; заляжетъ въ ложбинахъ и долго потомъ лежитъ въ нихъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ, пока опять не потянетъ низовой вѣтеръ.

— Безъ вѣтру, знать, Амуръ-отъ не живетъ! — замѣчаютъ про себя мои солдатики.

— Зубъ, братецъ ты мой, на зубъ не попадаетъ, а кажись бы и лѣто въ порѣ! — подсказываютъ другіе.

И то и другое замѣчаніе справедливы и неоспоримы. Но отъ этого не легче!

Къ полудню начнетъ проглядывать и пригрѣвать солнышко. Въ лѣсу заиграетъ какая-то птица, словно горнистъ въ трубу: и густо, и звонко, и часто, какъ будто пробуетъ горло, не отсырѣло ли оно, не засорилось ли за ночь и за туманомъ. Еще какія-то птички чирикаютъ и съ ними неизбѣжная кукушка, которая особенно любитъ расходиться къ вечеру. Для полноты картины лягушки разведутъ свои концерты. И иногда, изрѣдка,

гольды, легкіе на поминѣ и на ногу, протащатъ вверхъ на лямкѣ большую лодку, бойко прыгая по камнямъ, и вызовутъ отъ моихъ солдатиковъ безцѣльное замѣчаніе:

— Должно быть на дальней промыселъ собрались!

Гольды, однако, въ лѣтнемъ платьѣ и всѣ въ своихъ остроконечныхъ, на подобіе воронки, бѣлыхъ шляпахъ, сдѣланныхъ изъ бересты и въ одномъ только мѣстѣ (и аляповато) сшитыхъ черными толстыми нитками.

Ст. Елисеевская то мелькнетъ, то снова пропадетъ отъ насъ за возвышенностями праваго берега, спрятавшись между кустами острова, хотя и стоитъ она на матеромъ берегу¹. Изъ-за острова вышла вторая протока; при сліяніи ея на берегу очутилась обрывистая и крутая скала, покрыта лѣсомъ. За скалой образовалась падь; на этой-то пади и выстроена станціонная изба Елисеевская. За ней, по обыкновенію, вблизи растинулась гольдская деревушка; на этотъ разъ большая (10 домовъ) и красивая.

Въ избѣ солдатики что-то варятъ въ печи: оказалась рыба, подаренная гольдами; на заѣдку казенные сухари принесли.

— Отбираемъ — толкуютъ солдатики. Которые ржавые — не ѣдимъ; остальные въ водѣ мочимъ — хорошо. Муку вотъ очень плохую получаемъ. На сплавѣ-то она подмокла.

Показали и муку эту: дѣйствительно нехороша.

— Плохое же, братцы, житье ваше.

— Очень плохое: вотъ и обуви и одежи нѣту хорошей.

Дѣйствительно: на нихъ какія-то куцыя шинелки, дырявыя и заплатанныя рубахи.

¹ Материковый берегъ казаками называется становымъ; материкомъ же называется собственно стрѣжъ, форватеръ. Отмелое мѣсто, мель безъ различія зовется и лайдой и кокой.

На ногахъ какіе-то ошметки, называемые чарки или черки, изъ сыромятной кожи. Это — башмаки, калоши, туфли — все что угодно, только никакъ не сапоги. Процессъ созиданія ихъ очень простъ и печаленъ. Это — кожа, очищенная отъ шерсти и потомъ мятая въ талькахъ (родъ льнянаго трепала съ языкомъ) самими же солдатами изъ казеннаго товару и потомъ сшитая въ казармахъ умѣлыми и досужими. За чирки берутъ рубль, а больше одного-де мѣсяца не выдерживаютъ. На поношенные, прослужившіе мѣсячный срокъ смотрѣть невозможно. Подобные чарки носятъ всѣ линейные солдаты; подобнаго же рода ошметки оказались на ногахъ и моихъ гребцовъ.

— Въ Николаевскѣ — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ — матросы въ сапогахъ ходятъ ¹.

И неужели амурскій солдатъ не стоитъ лучшей одежды и обуви, когда онъ поставленъ въ трудное, бездомовное и безпріютное положеніе? Солдатики на Амурѣ, какъ извѣстно, несутъ тройную службу: онъ и складщикъ казенныхъ складовъ на паромахъ, лодкахъ и баржахъ; онъ и плотникъ — строитель всѣхъ казенныхъ зданій по Амуру, всѣхъ станціонныхъ домовъ и проч.; онъ же и подъ ружьемъ на николаевской гауптвахтѣ; онъ — однимъ словомъ, на всѣхъ тѣхъ работахъ, гдѣ и платье вчтvero скорѣ изнашивается и рвется.

Но — ѣдемъ дальше!

Правыя горы за ст. Елисеевской выходятъ на берегъ сначала невысокой обрывистой скалой, потомъ идутъ лѣсистыми высокими сопками. Въ кустахъ лѣваго берега видны двѣ гольдскія деревушки; а вотъ на прикрутости праваго берега и городъ Софійскъ! ²

¹ Сапоги или такъ называемые бродни стоятъ въ продажѣ (хотя бы и въ той же Хабаровкѣ и на Уссури) 1 руб. 50 коп. сер. и 1 руб. 70 коп. Кузнецкіе сапоги отъ 3 руб. 25 коп. до 3 руб. 50 коп.

² Нынѣ село Хабаровскаго округа, Приморской области.

Длинная-длинная казарма съ ярко выкрашенной красною краскою крышей, вся еще на сваяхъ, безъ закрутовки. Вблизи этой казармы четыре-пять домиковъ, крыши которыхъ не успѣли еще выкрасить красной краской. Застроенная и до половины не доведенная церковь стоитъ прямо подлѣ берега. Пни на берегу, пни передъ казармою и пни за казармою; приготовленный шестъ для флага. Кругомъ густой, дремучій лѣсъ; огромныя выси скалъ. Вотъ общія впечатлѣнія того мѣста, которому рѣшено дать названіе города Софійска. Затѣмъ — стройка кругомъ; солдатики во всѣхъ мѣстахъ: и на строеніяхъ, и на берегу. Вездѣ щена и соръ. Мѣсто впрочемъ довольно возвышенное и удобное для заселенія, хотя гигантскихъ трудовъ стоила — по всему вѣроятію — очистка его, плотно и густо поросшаго лѣсомъ. На гору ведетъ лѣстница. На самомъ берегу еще что-то застроили. Городъ покуда заселенъ только одними солдатами; часть изъ нихъ ушла прорубать просѣку къ озеру Кизи, и отъ озера Кизи къ морю (версты съ четыре уже прорубили, а всѣхъ около ста).

Одинъ изъ моихъ солдатиковъ стоитъ на кормѣ, глядитъ на Софійскъ, головой покачалъ и грубо вздохнулъ. Я спросилъ:

— Кого тебѣ жалко? — Поднялъ вздохъ съ самаго донушка.

— А вотъ на городъ-отъ смотрю и всячески думаю: строили, строили. Сколько денегъ потеряли, а зачѣмъ все? Поставили бы станокъ и такъ бы хорошо было.

— Да вѣдь городъ надо.

— Зачѣмъ городъ? Не надо города. Обошлись бы всячески и безъ города. Вѣдь есть городъ, Маріинскъ, близко.

— Да вѣдь, чудакъ, надо же гдѣ-нибудь начальству жить, чтобы народомъ-то управлять?

— Какимъ народомъ управлять? Много ли

мы съ вами народу видѣли, отъ Хабаровки ѣхадши?

— Все же, кавалеръ, лучше какъ городъ стоять, а не станокъ.

— Ничего не лучше!

— Толкуй съ тобой!

Но солдатикъ мой везетъ свое:

— Зданьевъ-то настроили много, а что въ нихъ пути? Все на живую нитку. Дуракъ вѣдь медвѣдь здѣшной — смиренъ...

— Какъ такъ?

— Напустить бы нашего, расейскаго, умѣлаго: ему бы тутъ и на одну ночь работы не хватило. А двухъ приставить — живо, по бревнушку разметали бы...

Воспослѣдовалъ неистовый, довольный хохотъ. Рулевой, вообще смѣшливый, такъ и занылъ. Слышу: и между гребцами кто-то хихикаетъ; и правый гребецъ очень доволенъ и крѣпко осклабился, и ротозѣй солдатикъ, замѣнявшій въ артели должность повара, сначала гикнулъ, а потомъ и его раскачало со смѣху.

Тотчасъ же отъ Софійска подлѣ берега начала изгибаться правая протока по направленію къ озеру Кизи; на мелкихъ лодкахъ ее проходить смѣло. Лѣвая протока глубже и полагается если не главною, то удобною; верстами пятью она длиннѣе правой и соединяется съ нею въ одно русло въ 50 верстахъ ниже Маріинска, т. е. идетъ самостоятельно и разъединенно восемьдесятъ верстъ. Между обоими главными протоками образуется такимъ образомъ длинный островъ, разсѣченный ручьями и малыми протоками на множество побочныхъ мелкихъ острововъ (что замѣтно даже на скороспѣлой и крайне невѣрной почтовой картѣ рѣки Амура, изд. 1859 г.). Но особенно замѣтно это, когда проплывешь половину тридцативерстнаго пространства между двумя городами (упраздненнымъ

Маринскомъ и вновь сооружаемымъ Софійскомъ). До половины этого пути Софійскъ продолжаетъ видѣться и бѣлѣть своими новыми зданіями даже до того мѣста, гдѣ торчитъ избенка, съ отшельникомъ-солдатомъ, такъ называемый полустанокъ. Протокамъ, а вслѣдствіе того и островамъ нѣтъ числа. Этотъ лабиринтъ, этотъ архипелагъ острововъ единственное (и послѣднее) мѣсто на всемъ Амурѣ. Ночью идти тутъ нѣтъ положительно никакой возможности. Острова и протоки перепутаны такъ, что непрерывною цѣпью окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ: не знаешь куда идти и что выбрать; протоки всѣ, какъ будто, одной ширины; у всѣхъ изъ нихъ правый берегъ обрывистый и глубокій. Въ глинистыхъ обрывахъ его стрижи понадѣлали норки и мечутся около нихъ, словно мухи, въ огромномъ количествѣ. Теченіе по берегамъ мырять воду: вѣроятно тутъ и сильная глубина и можетъ быть подводные ключи бьютъ: вода ходитъ большими кругами и образуетъ почасту во многихъ мѣстахъ воронки.

Соблазнительны для насъ и правыя протоки; общають удачное плаваніе и лѣвыя. Нѣтъ ни одного знака, ни одной примѣты, которая бы указывала намъ настоящую дорогу. Плыдемъ наугадъ, помня предостереженіе и совѣтъ держаться съ половины пути правой стороны; но тамъ боимся попасть въ большую мелкую протоку. Боимся плыть и влѣво, чтобы не уйти далеко: хочется видѣть Маринскъ. Плыдемъ долго и много; попали въ какую-то узенькую протоку, въ которой весла наши задѣваютъ за оба берега. Мы несомнѣнно запутались и остановились у перваго острова. Островъ этотъ оказался песчаный и съ диковинкой: видимъ нѣсколько деревьевъ, вершинами какъ будто связанныхъ до того, что въ такомъ видѣ образовали родъ алеи, или лучше — полукруглыхъ воротъ, подъ самымъ крайнимъ сводомъ которыхъ

стоитъ что-то бѣлое, берестяное, родъ улья. Отъ улья этого, по песку къ берегу, идутъ въ два ряда колушки, образующіе родъ тропинки, дорожки, ведущей прямо въ воду. Налѣво отъ улья, низенькаго и широкаго, къ кустамъ вытянута и брошена лодка, довольно уже почернѣлая и съ веслами.

— Что это такое?

— Гольдь потерялся.

— Какъ потерялся?

— Сдохъ тутъ.

— Какъ сдохъ?

— Потонулъ — значить. Тутъ ему могилу сдѣлали и вишь какую честь воздали. Промышленникъ надо быть былъ...

Съ трудомъ, при неистово-бурномъ и враждебномъ намъ вѣтрѣ, тянулись мы впередъ. Въ срединѣ самой широкой и едва ли не главной протоки вытянулась мель, вся уже затянутая въ зелень будущій (и недалекий уже) островъ. Отъ праваго острова отошла новая отмель: воды на ней сначала оказывалось на два аршина, а потомъ сдѣлалось на поларшина. Мы стукнулись и остановились. Съ великимъ трудомъ и послѣ сильныхъ и долгихъ блужданій мы выбрались въ главное русло Амура, и передъ нами сверкали уже огоньки селенія Кизи и ех-города Мариннска.

Селенію Кизи предшествуетъ скала, на которой выстроенъ красивый домикъ фермы (принадлежащей командиру портовъ Восточнаго океана П. В. Казакевичу). По низменности растянуты казенныя зданія казармъ, между ними — окончательна отстроенная церковь, домъ священника, купеческая лавка. Общій видъ селенія очень недурень; по близости его идетъ та не широкая протока, которая соединяетъ главное русло Амура съ озеромъ Кизи, расположеннымъ не дальше версты отъ селенія, получившаго его имя. Озеро это говорить — мелко и удобно для прохода только мел-

кихъ судовъ, но, подвергнутое вліянію воды амурской, въ нѣкоторые годы и на нѣкоторое время оно наполняется до значительной глубины. Окруженное отчасти горами, отрогами внутренняго хребта (Геонга?), отчасти низменностями, озеро это, широкое и длинное, важно въ томъ отношеніи, что сокращаетъ путь отъ Амура до гавани де-Кастри, находящейся уже въ Восточномъ океанѣ. Отъ селенія Кизи до поста нашего въ этой гавани давно уже существуетъ сообщеніе (на половину въ лодкѣ по озеру и на другую половину по просѣкѣ); сообщеніе это нельзя назвать правильнымъ, но и нельзя сказать, чтобы оно было особенно часто; просѣку, проложенную къ гавани, также нельзя считать удобнымъ путемъ и окончательною дорогою; и то и другое ждетъ еще будущаго; настоящее и тускло, и печально, и мало-надежно. Озеро Кизи, не смотря на неудобства, представляемые его мелководьемъ во все лѣто, должно однако останавливать на себѣ административное и стратегическое вниманіе. Амуръ какъ будто хотѣлъ на этомъ мѣстѣ сократить свое долгое теченіе и повернуть прямо къ морю. Но спутныя каменные твердыни горъ позволили ему только заполнить водою подгорную котловину, вылиться въ озеро, но не идти дальше ни рѣчкой, даже ни ручейкомъ. Съ другой стороны низменные, степныя приволья лѣваго берега достаточно соблазняли и обезпечивали возможность прорыва, и рѣка, какъ будто надломившись объ кизинскую, спутную скалу, взяла влѣво и тотчасъ у ближайшей скалы повернула, вмѣсто юго-востока, прямо на сѣверо-востокъ, разлившись на безчисленное множество мелкихъ протоковъ и засыпавшись значительнымъ числомъ крупныхъ и небольшихъ острововъ. И дѣйствительно, Амуръ въ этомъ мѣстѣ замѣчательно широкъ и глубокъ. Въ весеннюю воду онъ — говорить — разливается на неоглядное пространство

по низовьямъ лѣваго берега и даже заливаешь весь тотъ низменный, болотистый перешеекъ, который отдѣляетъ селеніе Кизи отъ Маріинска и находится въ связи съ низменностями побережья озера. Изъ низменностей перешейка этого по отлогимъ прикруностямъ разбросалось и то селеніе, которое носило названіе города Маріинска¹. Маріинскъ замѣчательно больше и населеніе не только сосѣдняго Кизи, но и многихъ другихъ, лежащихъ по Амуру. Нѣкоторое сходство имѣетъ онъ съ Хабаровкой, представляя въ свою очередь тотъ же видъ военнаго лагеря, остановившагося на долгую и продолжительную стоянку. Батальонный командиръ выстроилъ для себя на лучшемъ, выгодномъ и возвышенномъ мѣстѣ бревенчатый домъ съ крылечкомъ и выставилъ подлѣ послѣдняго неизбѣжный денежный ящикъ на колесахъ, выкрашенный зеленой краской, и приставилъ къ нему часового. Кое-кто изъ офицеровъ и даже изъ солдатъ многіе успѣли также обзавестись домами собственными, можетъ быть по скорости и непрочности сдѣланными, холодными и тѣсными, но во всякомъ случаѣ также бревенчатыми. Построили госпиталь, баню, сарай для казенныхъ складовъ и цейхгаузъ. Изворотливый, ловкій и падкій на барыши купецъ, откуда ни взявшись, поспѣшилъ пристроить къ господамъ военнымъ людямъ и свой домишко. Въ домишкѣ этомъ, въ одной изъ комнатъ его, онъ понаѣлалъ полки и разложилъ на нихъ кое-какіе, попавшіеся подъ руку товары: красные и некрасные; комнату эту разгородилъ надвое прилавкомъ; на прилавокъ чернильницу поставилъ, счета положилъ и сталъ маклачить, торговать на мелкоту, но преимущественно виномъ и

¹ Городъ этотъ переведенъ въ Софійскъ, линейные солдаты батальона въ Николаевскъ. Дома, которыми успѣли уже они обзавестись за долгую стоянку, поступили въ частныя руки назначенныхъ сюда поселенцевъ изъ Вятской губерши.

водкой. Когда немного оправились дѣла его, онъ надъ дверями приколотилъ вывѣску, во многихъ мѣстахъ починилъ свою хату, еще больше накупилъ въ Николаевскѣ товаровъ и опять на слѣдующій годъ повелъ торговлю, и опять преимущественно виномъ и водкой.

Маріинскъ отъ Хабаровки отличается можетъ быть тѣмъ только, что въ немъ замѣчательно больше вольныхъ поселенцевъ, и цѣлая улица наполнилась домами частныхъ собственниковъ; но и здѣсь, такъ же какъ и тамъ, преобладающее населеніе военное. Нѣтъ въ Маріинскѣ церкви; нѣтъ даже и часовни; жители его ходятъ молиться за двѣ версты, въ Кизи. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣстились эти два русскихъ селенія, существовала деревня гольдовъ Кизи, оставившая послѣ себя только одно названіе, перешедшее по наслѣдству къ новому русскому селенію. На скалѣ Маріинской — по обыкновенію — существовалъ гольдскій храмъ, также въ свою очередь теперь оставленный ими и позабытый даже съ бурханами.

Отъ Маріинска внизъ по Амуру живетъ уже другое инородческое племя — гиляки, совершенно отличное отъ мирнаго гольдскаго племени. Крайняя скуластость, свидѣтельствующая объ необыкновенномъ монгольскомъ происхожденіи гиляцкаго племени; крупныя и суровыя черты лица; самый взглядъ, въ которомъ много звѣрства и дерзости — все это замѣтно и для простаго глаза — отличаетъ суровыхъ гиляковъ отъ кроткихъ и мирныхъ гольдовъ. Гиляцкое племя искало и нашло болѣе суровыя страны; оно потянулось къ морю, какъ будто отыскивая опасности, и разбрелось по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя негостепріимны и по климату и по качеству почвы: каковы устья Амура, сѣверныя побережья Охотскаго моря и сѣверныя берега острова Сахалина. Много рассказываютъ объ ихъ

звѣрскихъ наклонностяхъ, объ ихъ жаждѣ къ крови, негостепріимныхъ и грубыхъ приѣмахъ, оказанныхъ новымъ пришельцамъ на ихъ старыя пепелища, объ отправленіи мирныхъ религіозныхъ празднествъ съ участіемъ въ долгой и свирѣпой борьбѣ съ нарочно откармливаемымъ цѣлый годъ медвѣдемъ. Говорятъ объ ихъ изумительной ловкости на водѣ при самыхъ опасныхъ промыслахъ, каковы, напр., промыслы бѣлугъ и тюленей; но положительно всё согласны отличать и признавать гиляковъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ племенемъ отъ гольдскаго, хотя бы они и сходились въ одинаковости производства промысловъ, домашнего быта, въ подробностяхъ одежды, хотя бы носили тѣ же косы и также бы безпрестанно курили ганзы и мужчины, и женщины, и дѣти. Если признавать гольдовъ одичавшимъ племенемъ манчжуръ, то гиляки, по всему вѣроятію, осколокъ монгольскаго племени и можетъ быть разновидность племени тунгусовъ (ихъ ближайшихъ сосѣдей), съ тою только разницею, что тунгусы гораздо миролюбивѣе амурскихъ и приморскихъ гиляковъ. Этими гиляками населены всё тѣ мѣста низовьевъ Амура, которыя нанесены даже и на почтовую карту: всё эти Тырѣ, Кабачѣ, Кальго, Табахѣ, Мяго, Сабахѣ, Проньга и проч.

Въ средѣ этого народа и среди его давнихъ поселеній разселены первые поселенцы изъ крестьянъ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Селенія этихъ крестьянъ (носящія въ большей части случаевъ имена праздниковъ, отправляемыхъ крестьянами на мѣстахъ ихъ родины), въ числѣ пяти, помѣщены ниже Маріинска. Это — Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское и Воскресенское. Основаніе этихъ селъ — одновременно съ водвореніемъ первыхъ казаковъ и основаніемъ первыхъ амурскихъ станицъ въ верховьяхъ рѣки. Въ каждомъ изъ этихъ кре-

стьянскихъ селеній предложено выстроить церкви, но церкви существуютъ пока только въ двухъ селеніяхъ: Богородскомъ и Михайловскомъ. Это послѣднее людиѣ и обстроено лучше другихъ. Если судить по замѣчательному количеству домовъ, по вишнему виду села, разбросаннаго по горѣ и раздѣленнаго оврагомъ на двѣ половины — крестьяне поселились лучше. Обезпеченные гарантирующими ихъ льготами, они скоро успѣли выстроить хорошіе, теплые дома съ надворными строеніями, имѣющими законченный видъ; много расчистили дѣсу, завели пашни, раскопали огороды и второй годъ уже успѣваютъ продавать въ Николаевскѣ картофель и другія овощи, хотя разстояніе до города и замѣтно большое (около полутора ста верстъ). Выгода новыхъ мѣстъ жительства, по сравненію съ оставленными прежними мѣстами родины, остается, конечно, на сторонѣ послѣднихъ, но крестьяне довольны отчасти и остановились на заманчивыхъ преимуществахъ отъ рекрутчины и всякихъ податей. Въ Михайловскомъ выстроено даже домъ для сельской школы; сооружена большая и помѣстительная церковь; крестьяне живутъ въ довольствѣ; ѣдятъ сыто и сладко. Всѣ другія крестьянскія селенія малы и только какъ будто зачатки будущихъ большихъ селъ (таковы въ особенности Ново-Михайловское, Воскресенское и Иркутское). Всѣ они расположены одинъ отъ другого въ замѣчательно равномъ разстояніи (въ сорокъ верстъ).

Амуръ въ этихъ низовыхъ частяхъ своихъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ (на пространствѣ слишкомъ въ триста верстъ) какъ бы совершенно утрачиваетъ свои рѣчныя свойства. Сохраняя только прѣсный вкусъ воды, онъ носитъ крупныя морскія волны, которыя долго потомъ (по прекращеніи вѣтра) не укладываются. Обставляясь въ большую часть года густыми туманами, Амуръ почти всегда находится въ состояніи той же по-

годы, какая существуетъ на то же время по лиману и на морѣ. Вліяніе послѣдняго ощутительно до такой степени, что подлѣ Тыра и самаго Маринска (а нерѣдко и выше его) ходятъ огромныя стада крупнаго морского звѣря бѣлухи (*balaena sphineter*). Рыба въ огромномъ количествѣ и крупнаго вида замѣчательно густо наполняетъ амурскія воды и рыба эта всегда морская, какова китъ (семга Охотскаго моря), горбуша (родъ лососины), огромные сомы и проч. Огибая высокую скалу Тыръ (также освященную пребываніемъ гилѣйскаго божества и существованіемъ храма), Амуръ мчится мимо этой скалы съ поразительной быстротой и прорываетъ въ этомъ мѣстѣ глубину въ сорокъ сажень... Устойчивые, продолжительные и холодные вѣтры дуютъ здѣсь большую половину года по нѣсколькимъ суткамъ кряду, не переставая. Съ трудомъ осиливаютъ ихъ казенные пароходы, каковы, напр., „Аргунь“ и „Лена“, и всегда почти прибываются къ берегу большія и малыя лодки: почтовые, пассажирскія и купеческія. Замѣчательно тише шелъ и частный пароходъ „Адмиралъ Казакевичъ“, снабженный высокою, въ видѣ сахарной головы, рубкой, — пароходъ, замѣчательный своей устойчивостью и аккуратнымъ ходомъ.

Пароходъ этотъ американской постройки и конструкции, столько употребительной на рѣкахъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, но для русскаго глаза невиданный и странный. Устройство его хотя и просто, но оригинально. На баркѣ, или днищѣ утверждено необыкновенно высокое зданіе въ два этажа, съ окнами: нижній этажъ назначенъ для кладя, кухни и паровой прислуги; верхній — для пассажировъ, могущихъ приобрести право на каюты и удобное помѣщеніе. Въ носовой части подъ навѣсомъ помѣщаются тѣ пассажиры, которые лишены возможности платить за удобное по-

мѣщеніе. Колесо утверждено назади, за кормой, и прикрыто огромнымъ зонтикомъ. Надъ пассажирской рубкой, издала имѣющей рѣшительное подобіе какой-то фабрики, укрѣплена еще вторая рубка, вся въ стеклахъ, какъ фонарикъ. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ пароходъ чрезвычайно оригинальнымъ. Онъ очень скоръ на ходу, не смотря на сильную парусность двухъ рубокъ и надколеснаго зонтика. Рѣдкому изъ пассажировъ не приходится на умъ, при сильномъ боковомъ вѣтрѣ, предположеніе возможности лечь пароходу на бокъ: такъ высока и длинна его рубка! Впрочемъ подобнаго рода несчастій съ нимъ не случилось (пароходъ ходилъ уже второе лѣто); въ быстротѣ хода соперничаетъ съ нимъ изъ всѣхъ амурскихъ пароходовъ только казенный „Амуръ“.

Мелкосидящій американскій пароходъ „Казакевичъ“ ходитъ далеко ю Шилкѣ — до Стрѣтенска, а въ нынѣшнемъ году, благодаря смѣлости и рѣшительности своего опытнаго и трудолюбиваго капитана, онъ, какъ говорятъ, входилъ даже въ мелкую рѣку Перчу (воспользовавшись прибылой водой) и грузился у гостинаго двора города Нерчинска. Событіе знаменательное, небывалое по риску и случайностямъ и, по всему вѣроятію, не мало поразившее обитателей этого мирнаго сибирскаго городка. Замѣчательно также и то, что пароходъ „Казакевичъ“ никогда почти не становится на мель, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ казенныхъ пароходовъ. Удобствъ въ помѣщеніи этотъ частный пароходъ особенныхъ не представляетъ: огромная зала его со столомъ по серединѣ и съ койками по сторонамъ, въ два ряда, отчасти напоминаетъ семейную баню, не высокую, съ полками, и вдобавокъ еще на лѣтнее время чрезвычайно жаркую. Отдѣльныхъ каютъ для дамъ только двѣ, но и тѣ замѣчательно узки и тѣсны. Если принять въ расчетъ много пустыхъ, неза-

мѣщенныхъ мѣсть между колесомъ и рубкою, всегда свободную носовую часть (употребляемую для товарныхъ складовъ), неудобство помѣщеній, то пароходъ „Казакевичъ“ нельзя принять ни въ какомъ случаѣ за образецъ пароходовъ, необходимыхъ для амурскаго края; онъ — не болѣе, какъ оригинальная случайность и не ничтожное пособіе при передвиженіяхъ и при совершающихся работахъ по заселенію вновь прибрѣтеннаго края. Ко всему этому надо прибавить и то серьезное и важное обстоятельство, что цѣна за проѣздъ на этомъ пароходѣ замѣчательно велика, даже принявъ въ соображеніе вообще высокія цѣны, существующія на Амурѣ на всѣ необходимые жизненные припасы¹. „Пассажиры, желающіе имѣть собственный столъ, на пароходъ не принимаются“, говорить объявленіе. Но почему же? Для того ли, чтобы лишить ихъ возможности ѣсть въ сухоматку въ видахъ заботы о здоровіи русскаго желудка, или наконецъ для того, чтобы обязать пассажировъ непременно ѣсть тѣ припасы, которыми запасается пароходъ въ большомъ количествѣ? Последнее обстоятельство можетъ имѣть основаніе въ томъ только случаѣ, когда пассажиры обезпечены возможностью получать всегда свѣжую провизію, какъ-то: печеный хлѣбъ и мясо. Амуръ въ нынѣшнемъ году оказался не такъ бездоленъ, какъ былъ

¹ Пароходъ „Казакевичъ“ беретъ съ пассажировъ, ѣдущихъ вверхъ по рѣкѣ, отъ Николаевска до Кизи, 25 руб. (за 300 верстъ), отъ Николаевска до Хабаровки — 75 руб., до Благовѣщенска — 125, до Усть-Стрѣлки — 175 и до Шилкинскаго завода 200 руб. — суммы значительныя для ѣдущихъ съ семействомъ, хотя бы даже съ дѣтей и прислуги полагалась половинная плата, хотя бы всякій пассажиръ и имѣлъ право взять съ собою бесплатно два пуда тяжести, а дѣти и прислуга — по одному, и хотя бы, наконецъ, плата за провозъ внизъ по рѣкѣ полагалась ниже и именно вдвое противъ означенной выше. За тяжелый грузъ назначается особенная плата, пунктуально обозначенная въ таксѣ (цѣна довольно, впрочемъ, высокая), гдѣ грузъ подраздѣленъ даже на тяжелый, легкій и громоздкій и даже обозначены предметы, принадлежащіе къ той и другой категоріи грузовъ. Но отчего же купцы жалуются на самопроизвольное увеличеніе цѣнъ и предпочитаютъ сплавлять товары на собственныхъ лодкахъ, и отчего же на послѣдній рейсъ нынѣшняго года за товары взята, говорятъ, изумительно высокая, произвольная сумма!

онъ въ прошломъ и въ прежніе годы. Если не всегда и не вездѣ можно было доставать свѣжее мясо, то повсюду почти была свѣжая огородная зелень и свѣжій печеный хлѣбъ; а на пароходѣ, въ теченіе трехъ сутокъ моего пребыванія, на столѣ были одни только сухари и солонина. Правда, подавались свѣжія яйца къ утреннему чаю и какая-нибудь жареная рыба къ ужину. Но рыба на Амурѣ такая недиковинка, которая въ недѣлю успѣваетъ, что называется, набить оскмину; и относительно этихъ двухъ пунктовъ (последнихъ) можно сказать развѣ только то, что хозяева парохода исполняютъ всѣ свои обѣщанія, высказанныя въ объявленіи, и что за означенную плату пассажиры имѣютъ общій столъ, который дѣйствительно накрывается три раза въ день, но — и только! Замѣчательно также и то, что всѣ семейные люди, всѣ чиновники, ѣдущіе на службу или въ отпускъ, стараются выждать и выпросить у начальства право попасть на какой-нибудь изъ казенныхъ пароходовъ. Дороговизна цѣнъ за проѣздъ, по всему вѣроятію, играетъ тутъ одну изъ главныхъ ролей. Тѣ же лица готовы заплатить охотно половину прогонныхъ денегъ за проѣздъ и умѣренную плату за столъ особо, по ихъ личному желанію. О семейныхъ пассажирахъ во всякомъ случаѣ хозяева парохода „Казакевичъ“ обязаны серьезно подумать и позаботиться, или же въ противномъ случаѣ не могутъ претендовать на то, когда этимъ лицамъ обязательное начальство изъ амурскаго края отведетъ теплое, удобное и дешевое мѣсто на одномъ изъ казенныхъ пароходовъ¹. Наконецъ, ко всему вышесказанному въ

¹ Казенные пароходы обыкновенно берутъ 1 руб. 60 к. и 1 руб. 75 к. за проѣздъ черезъ всю рѣку Амуръ и за проѣздъ отъ одного ближайшаго мѣста до другого — безразлично. Деньги эти поступаютъ въ суммы, такъ называемаго, запаснаго капитала. Капиталъ этотъ предназначенъ, какъ говорить, для споспѣшествованія вообще успѣхамъ заселенія приамурскаго и прихорскаго краевъ. Появившіяся въ нынѣшнемъ году пароходы Амурской компаніи взяли съ пассажи-

заключение должно присовокупить и то, что пароходъ ходить въ неопредѣленные сроки, къ которымъ населеніе, конечно, въ настоящее время и примѣниться не можетъ.

День пятого іюня задался какой-то туманный и тяжелый; облака, свинцовою стѣной нависшія надъ Амуромъ, темнили воду. Вода, на тотъ разъ поднимаемая низовымъ вѣтромъ, бросала крѣпкія и сердитыя волны; цѣлое утро лежалъ по берегамъ туманъ, и только къ полудню при сильномъ вѣтрѣ его разнесло по падиамъ. Сумрачно глядѣлъ правый берегъ, гористый и высокій, весь затянутый въ мертвенно-мрачную полярную зелень елей и сосенъ. На середину рѣки вышелъ длинный, безконечно-длинный островъ, оказавшійся Константиновскимъ; изъ-за него глянула на насъ батарея того же названія и, наконецъ, самъ Николаевскъ. Видно, какъ вырублена была для него просѣка въ дремучемъ лѣсу, обступившемъ его и теперь непроглядной стѣной съ трехъ сторонъ; видны дикаго цвѣта дома, покрашенные зеленой краской и пригляднаго вида; видимъ нѣсколько морскихъ судовъ крупнаго ранга на рейдѣ: два корвета („Бояринъ“ и „Гридень“), шкуна, транспортъ, два клипера, три-четыре парохода, какое-то большое купеческое судно (брикъ): суда подняли вымпелы; одинъ только клиперъ стоитъ на боку, обставленный кругомъ его обвитыми сваями. Рейдъ Николаевскій — богатый и оживленный; въ порту слышно стуканье, звонъ; надъ зданіями порта несетя дымъ и паръ, на водѣ пыхтитъ и шумитъ паровой барказъ, пробираясь зачѣмъ-то къ судамъ отъ портовой пристани. Городъ вытянулся на большое пространство и обстроился широко и плотно.

ровъ половинную противъ американскаго парохода цѣну; но, къ несчастію, разбился при входѣ въ рѣку Шилку и пассажировъ и клади не довезъ. Четыре легкихъ казенныхъ пуцены также для плаванія внизъ и вверхъ по рѣкѣ.

Видъ на него съ рѣки чрезвычайно картиненъ и оригиналенъ: свѣжіе недавніе дома безконечно разнообразныхъ фасадовъ; церковь съ выкрашенными главами и еще необшитыми стѣнами; направо по низменности, далеко вытянувшейся въ рѣку, зданія порта, всѣ деревянные и, конечно, въ фасадахъ своихъ не менѣе оригинальныя: два элинга, зданіе, гдѣ шьются паруса, зданіе, гдѣ помѣщенъ паровой молотъ; крошечный домишко (одинъ изъ первыхъ въ Николаевскѣ), вмѣщающій въ себѣ контору надъ портомъ. Видно, что повсюду много сдѣлано, но не все еще сдѣлано: во всякомъ случаѣ Николаевскъ глядитъ рѣшительнымъ городомъ, больше чѣмъ даже Чита какая-нибудь, а тѣмъ паче Благовѣщенскъ.

4. Заселеніе рѣки Амуре.

Заселеніе Амуре произведено было, какъ извѣстно, тремя путями: посредствомъ казаковъ Забайкальскаго войска; посредствомъ переселенія государственныхъ крестьянъ, вызванныхъ изъ российскихъ губерній, и солдатъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, также присланныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ мы останавливаемся на операціяхъ переселенія государственныхъ крестьянъ изъ Россіи, какъ на обстоятельствѣ ближайшемъ намъ по роду нашихъ работъ. Мы будемъ слѣдить за ними въ этой статьѣ по официальнымъ даннымъ и по личнымъ наблюденіямъ нашимъ, сдѣланнымъ на самомъ мѣстѣ водворенія и на пути слѣдованія этихъ крестьянъ. Вотъ что говорятъ намъ официальные матеріалы:

„Одно уже развитіе нашихъ военныхъ морскихъ силъ на устьяхъ Амуре, помимо всѣхъ другихъ соображеній, требуетъ настоятельно быстрого заселенія приамурскаго края. Современная доставка продовольствія для сухопутныхъ и морскихъ ко-

мандъ, снабженіе флота всѣми необходимыми сырыми матеріалами будутъ вполне обеспечены только тогда, когда разовьется мѣстная производительность края, чего безъ усиленія народонаселенія достигнуть невозможно“.

Вотъ что писалъ 20 сентября 1858 года генераль-губернаторъ Восточной Сибири Е. И. В. генераль-адмиралу. Гр. Муравьевъ полагалъ произвести переселеніе въ большомъ размѣрѣ чрезъ дозволеніе его лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ. При этомъ предполагалось освободить переселенцевъ отъ разныхъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, какова, напр., рекрутская очередь, отъ которой ради Амура освобождаются женатые и семейные. Эта мѣра, по мнѣнію гр. Муравьева, представляетъ ручательства къ скорѣйшему заселенію края собственно потому, что уничтожаетъ многія стѣснительныя условія для перехода. Она не простирается на Забайкальскую область, которая, по мнѣнію проекта, можетъ тогда ослабить народонаселеніемъ и уменьшить свои производительныя силы. Переселенцы не подають просьбъ по инстанціямъ (отъ волостного къ окружному началу и отъ окружного въ палату госуд. имущ.), ибо „происхожденіе всѣхъ этихъ инстанцій влечетъ за собою потерю времени, а темные расходы охлаждаютъ въ простомъ народѣ охоту къ переселенію“. Отъ правительства не требуется никакихъ пожертвованій, но для выходцевъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Европейской Россіи настоитъ надобность въ расходахъ для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и скота. Переселенцы въ Читѣ или Иркутскѣ, городахъ, ближайшихъ къ Амуру, будутъ имѣть такимъ образомъ возможность получить ссуды деньгами въ необходимомъ количествѣ, съ возвратомъ впослѣдствіи. Ссуды производятся

изъ хозяйственнаго капитала Восточной Сибири, который восходитъ до 300 тысячъ руб. сер., и въ которой поступаетъ ежегодно до 17 тысячъ. Независимо отъ денежныхъ ссудъ предполагается (для обезпеченія на первое время продовольствія переселенцевъ) учредить на нѣкоторыхъ пунктахъ Амура запасные магазины на счетъ того же капитала. Отсюда прибывшіе на Амуръ получаютъ за деньги или заимообразно потребное количество сѣмянъ для обсева полей и муки для пропитанія на первое время, пока не будетъ ими снятъ хлѣбъ съ засѣянныхъ полей. Все же переселеніе предполагалось произвести возможно скорѣе.

На послѣднее заключеніе министерство госуд. имущ. дѣлаетъ замѣчаніе, что „во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны система и послѣдовательность: безъ этого не можетъ быть порядка, и самая цѣль заселенія — развитіе промышленности — не будетъ достигнута“. Для истиннаго достиженія цѣли министерство полагаетъ употребить тотъ же способъ переселенія, который предпринять былъ относительно заселенія Камчатки, т. е. пригласить къ этому заселенію старожиловъ Западной и Восточной Сибири и затѣмъ усилить переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ сибирскія¹. При ограниченности же спо-

¹ Операции эти произведены были въслѣдствіе Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ 1830 и въ 1832 г. относительно водворенія переселенцевъ на почтовомъ тракѣ между Якутскомъ и Аліномъ. Вызваны были изъ сибирскихъ губерній тѣ, которые не состояли подъ сѣдствомъ или судомъ и которые не были обязаны частными сдѣлками или условіями. Переселенцы освобождены отъ представленія удостовѣреній отъ обществъ приговоровъ. Предполагалось обезпечить ихъ продовольствіемъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ со дня выхода изъ Иркутска, снабдить необходимымъ пособіемъ для постройки домовъ и для приобрѣтенія скота и земледѣльческихъ орудій и хлѣбными и овощными сѣменами. Переселенцы избавлены отъ платежа податей и отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей на 20 лѣтъ и отъ рекрутства навсегда. Въ теченіе 1852 и 1853 годовъ переселено въ Камчатку 25 семей, но въ послѣдующіе годы, по случаю военныхъ обстоятельствъ (какъ сказано въ рапортѣ ген.-губера, Восточной Сибири), дальнѣйшее переселеніе оказалось невозможнымъ. Въ слѣдующихъ къ переселенію въ Камчатку, отправлено 51 семейство къ водворенію около устья рѣки Амура. Переселенцамъ этимъ

собою переселеніе будетъ совершаться въ незначительномъ размѣрѣ и пріисканіе желающихъ не будетъ затруднительно; не за чѣмъ, стало быть, прибѣгать къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, могущимъ развить бродяжничество. Министръ, между прочимъ, полагаетъ достаточнымъ вызвать на Амуръ желающихъ изъ губерній сѣверныхъ и восточныхъ. § 3 говоритъ: „Если бы въ областяхъ (приамурскихъ) оказались люди обоего пола, безъ всякихъ видовъ, то мѣстное начальство, не высылая ихъ изъ области, оставляетъ на мѣстахъ жительства свободно“. Это правило не относится только до каторжныхъ и ссыльныхъ. Противъ этого § возраженія не послѣдовало, но принято въ расчетъ, что такое продолжительное и трудное переселеніе требуетъ предварительнаго обезпеченія переселенцевъ въ пути (чего, какъ извѣстно, не желалъ ген.-губ. Вост. Сибири), и что съ 1839 по 1852 г. въ распоряженіе мин. гос. им. отпускалось ежегодно на расходы по переселенію малоземельныхъ крестьянъ по 142,857 руб. Относительно освобожденія отъ рекрутской повинности принято министерствомъ въ соображеніе, что повинность эта все-таки должна обременительно лечь на семейства, оставшіяся на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, къ переселенію на Амуръ имѣлось въ виду назначить тѣ семейства государственныхъ крестьянъ, на которыхъ приходится менѣе 5 десятинъ на душу. При этомъ министерство желало бы, чтобы въ одинъ годъ шло на Амуръ не болѣе 500 семей или 3,500 душъ обоего пола, „ибо по приближительному расчету содержаніе каждаго семейства обойдется во 150 р.: сумма значительная и обременительная для правительства!“ На продоволь-

предоставлены были тѣ же права и преимущества, какія обѣщало правительство и камчатскимъ переселенцамъ. Для переселенія же на мѣста убылыхъ изъ Сибири, мин. гос. им. въ 1857 г. предписало выпустить по 200 семей изъ губ. Пермской и Вятской на переселеніе въ Восточную Сибирь.

ствіе въ пути выдается по $3\frac{1}{2}$ коп. на каждую наличную душу обоого пола и на платежъ прогонныхъ денегъ по $\frac{1}{2}$ к. на версту на каждую подводу. Относительно предполагаемой возможности нѣкоторымъ переселенцамъ достигнуть до верховьевъ Амура съ семьями — министерство госуд. имущ. высказываетъ сомнѣніе, чтобы въ числѣ переселяющихся нашлось много такихъ, и предполагаетъ, въ дѣлѣ столь важномъ, необходимость пожертвованій со стороны правительства. Не согласно также министерство на произвольное занятіе мѣстъ водворенія прибывшими въ Амуръ переселенцами: „такой порядокъ, по его мнѣнію, можетъ возбудить на переселенцахъ превратное понятіе о правахъ ихъ на занятую землю“. Ген.-губ. Восточной Сибири предполагалъ на предметъ заселенія Амура употребить 50 тысячъ р. изъ хозяйственнаго капитала и притомъ на выдаваемые изъ этой суммы ссуды взыскивать въ предупрежденіе убыли капитала по 3⁰/о.

„Сибирскій комитетъ, разсмотрѣвъ и обсудивъ подробно всѣ вообще обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ, что вопросъ о заселеніи приамурскаго края есть вопросъ первостепенной важности. Усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края. Безъ этого вновь присоединенный богатый край не принесетъ той пользы, которую отъ него вправѣ и ожидать и требовать Россія“. Относительно усиленія на Амурѣ русскаго населенія комитетъ вполне соглашается, но признаетъ также полезнымъ „допустить къ населенію тамъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ переселенцевъ, преимущественно нѣмцевъ, извѣстныхъ своимъ трудолюбіемъ, посредствомъ коихъ отчасти заселились у насъ огромныя новороссійскія степи“. Для привлеченія поселенцевъ комитетъ находитъ главнымъ и существеннымъ условіемъ — твердое обез-

печеніе поземельнаго за переселенцами владѣнія: „Было бы справедливо (сказано въ отношеніи къ министру госуд. им.) постановить условіемъ, что всякій переселенецъ, отправляющійся въ приамурскій край на свой собственный счетъ, имѣетъ право на приобрѣтеніе тамъ участка земли въ собственность, и что лица, переселяемые туда на счетъ правительства, получаютъ участки земли только въ пользованіе“. При исполненіи такихъ мѣръ комитетъ надѣется, что на Амуръ пойдутъ даже изъ такихъ сословій, „переселеніе коихъ туда особенно было бы желательно, напр., изъ мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дворянъ, отставныхъ солдатъ и т. п.“ Съ предложеніемъ относительно ассигнованія вспомогательной суммы ста тысячъ руб. сер. комитетъ и министръ финансовъ согласились. Сумму предположено отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно и притомъ исключительно на заселеніе приамурскаго края. Отпускъ этотъ рѣшено начать съ 1859 года. Употребленіе 50 тысячъ изъ хозяйственнаго капитала также разрѣшено, какъ дозволено съ 1859 года переселеніе государственныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній подъ руководствомъ министра государственныхъ имуществъ. Дозволено генераль-губернатору давать разрѣшенія на переселеніе лицамъ свободного состоянія, живущимъ въ Восточной Сибири, а также и неживущимъ въ ней, „если только лица сии для переселенія туда соблюдутъ узаконенія, установленныя вообще для переселенія свободного состоянія лицъ изъ мѣста ихъ жительства“. На эти мнѣнія комитета, въ 8-й день декабря 1858 г., воспослѣдовало Высочайшее созволненіе.

Министерство госуд. имущ. предположило переселить на Амуръ въ 1859 году: 300 семей изъ Вятской губ., 200 изъ Пермской, 50 изъ Тамбовской и 50 изъ Воронежской; всего 600 семей. На водвореніе и путевое слѣдованіе этихъ переселен-

цевъ Сибирскій комитетъ назначилъ 100 тысячъ руб. Сверхъ того 200 семействъ изъ Пермской губ. и 200 изъ Вятской, предназначенныя министерствомъ къ переселенію въ Енисейскую губ., направлены, по Высочайшему повелѣнію отъ 25 декабря 1859 г., въ Амурскій край. Переселеніе это обусловливалось слѣдующими правилами: 1) Желающіе переселиться избавляются отъ увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ, если на нихъ не числятся мірскихъ недоимокъ или другихъ, неисполненныхъ въ отношеніи обществъ, обязательствъ; 2) переселеніе можетъ быть разрѣшаемо крестьянамъ и тѣхъ селеній, при коихъ состоитъ земли болѣе 5 десятинъ на душу, если переселеніе изъ этихъ селеній, по другимъ уваженіямъ, будетъ признано полезнымъ; 3) прошенія могутъ быть подаваемы на простой бумагѣ; 3) независимо отъ установленныхъ пособій на путевые расходы и на устройство домообзаведенія, переселенцамъ будетъ предоставлена льгота отъ податей и повинностей на 16 лѣтъ и отъ рекрутской повинности въ продолженіе шести наборовъ, и 5) по прибытіи на мѣсто новаго водворенія переселенцамъ будетъ отведено такое количество земли, которое каждый домохозяинъ въ состояніи будетъ обрабатывать. Палатамъ госуд. имущ. предписано объявлять эти условія въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ „по свѣдѣніямъ палатъ могутъ быть желающіе переселиться“. Предписано наблюдать, чтобы семейства переселенцевъ были въ состояніи перенести трудности пути, и не допускать къ переселенію одинокихъ, не женатыхъ („если эти неженатые не принадлежатъ ни къ какому семейству“), а равно семействъ, обремененныхъ значительнымъ числомъ малолѣтнихъ или пожилыхъ, и держаться правила, чтобы въ каждомъ семействѣ было не менѣе двухъ работниковъ“. Въ предупрежденіе растраты денегъ предписано снабдить переселен-

цевъ пособіемъ на путевые расходы до ближайшаго губернскаго города; отправленіе партій начать съ наступленіемъ ранней весны; маршрутъ составить для каждой переселенческой партіи до Тобольской губ., направивъ партіи на городъ Тюмень, „такъ какъ дальнѣйшія распоряженія въ отношеніи слѣдованія партій, попеченіе о содержаніи переселенцевъ въ пути и размѣщеніе ихъ на зимовку и вообще наблюденіе за симъ дѣломъ будетъ зависѣть отъ главнаго сибирскаго начальства“. Въ то же время начальникамъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ должны слѣдовать на Амуръ переселенцы, министерство между прочимъ предложило имѣть въ виду, чтобы переселеніе приведено было въ исполненіе безъ излишней огласки въ краѣ, „дабы не возбудить превратныхъ толковъ о цѣли сего переселенія, а въ народѣ вреднаго движенія и тревоги“.

Охотниковъ на Амуръ нашлось много во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, которыя назначены были министерствомъ. Дѣятельнѣе другихъ въ этомъ отношеніи оказалась губернія Воронежская, доставившая большое количество просьбъ желающихъ изъ уѣздовъ Землянскаго, Острогожскаго, Валуйскаго и Павловскаго. Затѣмъ слѣдовали Вятская, Тамбовская и Пермская¹. Переселенцы раздѣлены были на партіи; какъ напр. воронежскіе на три: въ одной 174 души, во второй — 168 душъ и въ третьей — 170.

Причины, заставлявшія крестьянъ оставить прежнія мѣста ихъ жительства, заключались глав-

¹ Въ такихъ числовыхъ данныхъ: изъ Воронежской губ. Острогожскаго уѣзда 28 семей въ количествѣ 294 душъ обоего пола; Валуйскаго 7 семей (63 души). Павловскаго 7 семей (88 душъ) и Землянскаго 8 семей (75 душъ). Изъ Вятской губ. оказалось желающихъ 309 семей, но разрѣшено переселеніе только 132 въ количествѣ 1,174 душъ. Изъ Тамбовской 450 душъ обоего пола (въ числѣ 34 семей) Тамб. уѣзда и 14 сем. Липецкаго. Губ. Пермская дала только 40 семействъ изъ уѣздовъ Чердынскаго и Оханскаго. При этомъ пермская палата госуд. им. объявляла, что „присканіе желающихъ идти на Амуръ крайне затруднительно“, несмотря на то, что палата вынуждена была слѣдовать вызовъ по всей губерніи. „Главная причина, — увѣряетъ она, — заключается въ неизвѣстности края, какъ объясняютъ крестьяне лично“.

нымъ образомъ въ недостаткѣ земель, годныхъ для хлѣбопашества, или, какъ выразились въ своемъ прошеніи землянскіе крестьяне, „крайнее и даже раззорительное стѣсненіе въ земляныхъ угодьяхъ“. Крестьяне Павловскаго уѣзда писали въ своемъ прошеніи, между прочимъ, слѣдующее: „Съ давняго времени мы съ товарищами своими, по причинѣ малоземелія и неудобности оной къ хлѣбопашеству, ибо большая часть состоитъ изъ мѣла, претерпѣваемъ большую бѣдность въ пропитаніи себя съ семействами и подѣ селомъ не имѣемъ средства продовольствовать самый необходимый рабочій скотъ. Въ настоящее же время дошли до того, что не въ силахъ уже уплачивать казенныхъ податей, а тѣмъ болѣе отбывать натуральныя повинности, потому что чрезъ неудобныя земли большая часть изъ товарищей нашихъ въ лѣтнее время по паспортамъ отправляется въ разныя мѣста на заработки собственно для уплаты казенныхъ податей, а въ зимнее время пропитываемъ свои семейства чрезъ избытокъ самаго необходимаго скота за самую несходную цѣну и лишаемся послѣднихъ средствъ къ одѣянію себя“. Почти такого же смысла были прошенія крестьянъ остальныхъ губерній, отправившихъ представителей своихъ на Амуръ. Определеннаго желанія идти на Амуръ крестьяне не объявляли въ большей части случаевъ: землянскіе готовы были переселиться въ Томскую губернію или на Амуръ; острогожскіе изъявили желаніе въ Енисейскую губ. въ числѣ 287 семей, но на Амуръ изъ того числа нашлось только 24 семьи. Землянскіе желали „впередъ послать работниковъ въ этомъ 1859 г. и при томъ, если угодно правительству, то переселиться же лають на собственный счетъ“, и при томъ для нихъ все равно: въ этомъ ли 1859 году начнется ихъ переселеніе, или въ 1860 году.

„Губерніи Тамбовская и Воронежская привле-

чены къ участию въ переселеніи съ цѣлію испытать вліяніе этой мѣры на внутреннія губерніи — писалъ министръ къ ген.-губ. Восточной Сибири.

Переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ожидали уже новыя положенія, составленныя ген.-губ. Восточной Сибири, который, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нашелся вынужденнымъ измѣнить и пополнить нѣкоторыя правила, указанныя Сибирскимъ комитетомъ. Губернаторамъ Амурской и Приморской областей поставлено въ обязанность: „1) При занятіи мѣстъ для жительства не упускать изъ виду условія, чтобы удобныхъ земель приводилось никакъ не менѣе 21 десятины на каждую мужскаго пола душу, дабы съ умноженіемъ впослѣдствіи населенія не было недостатка у нихъ въ землѣ и значительнаго скопленія въ одномъ пунктѣ; 2) не позволять селиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назначаются для казачьихъ станицъ, и гдѣ въ настоящее время находятся селенія манчжуровъ и другихъ туземцевъ“. Въ городахъ и селеніяхъ мѣста подъ усадебное устройство, вдоль рѣки Амура и другихъ, отводить для каждаго отдѣльно живущаго семейства не болѣе 50 сажень, дабы такимъ образомъ не лишить и имѣющихъ прибыть впослѣдствіи поселенцевъ возможности пользоваться выгодною близостью рѣки. Въ глубь же страны переселенцы могутъ занимать столько земли, сколько будутъ въ состояніи обработать.

Въ началѣ весны 1859 года переселенцы на Амуръ вышли съ мѣстъ своей родины. Движеніе ихъ сопровождалось неблагопріятными обстоятельствами. 13 іюля 1859 г. получено было управляющимъ министерствомъ госуд. имущ. извѣщеніе отъ главнаго управленія Западной Сибири, по которому видно, что переселенцы пришли въ Сибирь несчастливо. „Изъ числа прибывшихъ въ г. Тюмень переселенцевъ Вятской губ. нѣкоторые крестьяне обратились къ мѣстному начальству съ

просьбою о выдачѣ имъ прогонныхъ денегъ (хотя-де они и прибыли на собственныхъ лошадяхъ). При этомъ они присовокупили, что подножнаго корма слишкомъ недостаточно для сохраненія крѣпости и силы въ лошадяхъ при предстоящемъ имъ пути въ такой отдаленный край и что на покупку фуража для лошадей они не имѣютъ никакихъ средствъ. При этомъ дознано, что мѣстное начальство нѣкоторымъ изъ крестьянъ дозволило продавать лошадей; другимъ же таковая продажа воспрещена¹. Въ Томской губерніи къ амурскимъ переселенцамъ присоединилась еще партія изъ семи семействъ, самовольно зашедшихъ въ эту губернію изъ Орловской. У пришедшихъ въ Енисейскую губернію не хватило на предстоявшее зимнее время теплой одежды, которая и была роздана изъ заготовленной для арестантовъ или прибрѣтенной у торговцевъ хозяйственнымъ образомъ. Въ этой же губерніи, по случаю возвысившейся цѣны на хлѣбъ отъ неурожаевъ, оказались недостаточными кормовыя деньги въ размѣрѣ 3¹/₂ коп. въ сутки (на каждого). Потребовалось выдавать сверхъ того еще по 2¹/₂ коп. Изъ назначенныхъ къ переселенію на Амуръ 250 семействъ пришло въ Иркутскъ только 230; три семейства оставлены для водворенія въ Иркутской губерніи и Забайкальской области за смертію и болѣзнію главныхъ членовъ семействъ; остальные 17 семействъ зимовали въ предѣлахъ Западной Сибири и на Амуръ не отправлены, а размѣщены въ Иркутскомъ округѣ. Многія изъ пришедшихъ въ Иркутскъ семействъ отъ долгаго пути износили свою одежду. Все это потребовало новыхъ расходовъ сверхъ ассигнованныхъ правительствомъ 100 тысячъ. Всѣ эти расходы — по признанію ген.-губ. Восточной Сибири — при исчисленіи издержекъ въ виду не были¹. Для по-

¹ Издержки эти соображались по слѣдующимъ даннымъ: „казаки съ семействами отъ сборныхъ пунктовъ по рр. Шилкѣ и Аргунѣ до

крытія ихъ предполагено было назначить примѣрно до 70 тыс. рублей. На отпускъ этотъ разрѣшеніе послѣдовало въ томъ предположеніи, чтобы расходы эти отнесены были въ счетъ тѣхъ 100 тыс., которыя должны быть ассигнованы въ слѣдующемъ, т. е. 1861 году. Такимъ образомъ въ распоряженіе ген.-губ. Восточной Сибири отпущено было къ 1861 году 14-го февраля изъ государственнаго казначейства 10,587 р. 36³/₄ коп.; остальные деньги 59,412 р. 63¹/₄ коп. приняло на себя министерство госуд. имущ. и отнесло ихъ въ счетъ хозяйственнаго капитала министерства. Необходимость этихъ расходовъ оправдывали тѣмъ, что путь переселенцевъ подвергается различнымъ случайностямъ, что „близъ Читы крестьянамъ должно рубить лѣсъ, строить баржи и паромы для сплава (вызывающія значительные мѣстные расходы); сверхъ того пришедшимъ крестьянамъ нужно выдавать хлѣбъ на продовольствіе и снабдить скотомъ“.

Въ то же время, когда такимъ образомъ, вслѣдствіе вызововъ, накопилась желаемая начальствомъ Восточной Сибири цифра тысячи семействъ для Амура и приступлено было къ передвиженію народа изъ внутреннихъ губерній, ген.-губ. Вост. Сибири нашелъ, что ста тысячъ недостаточно для 500 семей: „ихъ можетъ достать развѣ на 300 семей: изъ этого же слѣдуетъ, что 400 семействъ вятскихъ и пермскихъ крестьянъ, имѣющихъ быть переселенными въ Енисейскую губернію, не могутъ быть обращены на переселеніе въ приамурскій край“. Министръ госуд. имущ. предложилъ, вслѣдствіе этого представленія, отправить на Амуръ вмѣсто 500 только 250 семей; остальныхъ же по личному вызову ген.-губ. Западной Сибири, рѣшено было водворить въ Западной Сибири ¹.

средняго теченія Амура стоили казѣ до 163 руб. на семью изъ 5 душъ, не включая въ эту цифру расхода на покупку домашнего скота, который казаки обязаны имѣть собственный“.

¹ Для водворенія тамъ назначена Семипалатинская область съ

Между тѣмъ значеніе переселенія на Амурѣ въ глазахъ правительства измѣняется. Сибирскій комитетъ говорить: „свободное переселеніе на Амурѣ можетъ заключаться въ крестьянахъ, которые не имѣютъ достаточно земель для обработки въ настоящихъ мѣстахъ ихъ жительства, и въ предпримчивыхъ людяхъ всѣхъ другихъ сословій, которые большею частію желаютъ пріобрѣсти земли въ полную собственность“. Въ то же время, не встрѣчая никакой понудительной причины желать особенно поспѣшнаго населенія Амурскаго края, „который долженъ, такъ сказать, составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущемъ, правительство не имѣетъ надобности и дарить принадлежащія земли въ собственность частнымъ лицамъ или даже продавать ихъ за безцѣнокъ, когда, безъ малѣйшаго сомнѣнія, страны, прилегающія къ Амуру, будутъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать и большее значеніе и большую цѣнность, по мѣрѣ развитія европейской и американской промышленности и торговли на Восточномъ океанѣ“.

Вслѣдствіе подобнаго рода соображеній и изданы были правила для желающихъ переселяться на Амурѣ во всеобщее извѣстіе. Принято было при этомъ въ соображеніе, что цѣна (10 руб.) за десятину, назначенная генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, нѣсколько высока, судя по цѣнамъ на земли въ многоземельныхъ губерніяхъ Европей-

Западной Сибири. Переселенцы эти, въ количествѣ 34 семействъ (или 163 душъ обоего пола), были зачислены въ казаки Сибирскаго линейнаго войска въ составъ предназначеннаго къ образованію Семипалатинскаго пѣшаго казачьяго полубатальона или отчасти и Запальскаго. На тотъ же конецъ приняты и тѣ 159 семействъ, которые предназначено было выпустить изъ Пермской губ., въ 1860 году. На эту операцію государственное казначейство въ 1859 году выдало 20 тысячъ, въ 1860 году — 10 тыс. и потомъ снова 2,515 руб. 6 коп. и оренбургской палатѣ госуд. имущ. 5,581 руб. 34½ коп. Не лишнимъ считаемъ присовокупить при этомъ, что многие крестьяне не изъявили своего желанія перейти въ казаки и просили позволенія, вмѣстѣ со своими семействами, возвратиться на родину. Министерство госуд. имущ. не находило къ тому препятствія, „если только эти крестьяне обожутся подпиской пополнять въ казну издержки, употребленныя на путевое слѣдованіе и подвореніе ихъ“.

ской Россіи, однако министерство государственныхъ имуществъ, предполагая, что таковое предположеніе основано на мѣстныхъ соображеніяхъ, рѣшило, что можетъ быть допущено въ видѣ опыта¹. При введеніи общихъ правилъ въ употребленіе, принято полезнымъ сколь возможно сократить въ этомъ дѣлѣ бюрократическія формы. Переселеніе государственныхъ крестьянъ на казенный счетъ прекращено. Ассигнованная на этотъ предметъ сумма должна идти въ распоряженіе главнаго управленія Восточной Сибири для оказанія пособій переселенцамъ на Амуръ заимообразно и для составленія съ этою цѣлью особеннаго капитала (запаснаго). Далѣе — по предположенію генералъ-губернатора Восточной Сибири, „изъ денегъ, которыя будутъ получаемы за продажу земель въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ, половина должна быть обращена въ государственное казначейство на возмѣщеніе издержекъ, сдѣланныхъ на первоначальное заселеніе береговъ Амура казаками, а другая половина должна поступать на различныя полезныя устройства въ новомъ краѣ и преимущественно путей сообщенія (какъ водяныхъ, такъ и сухопутныхъ) и телеграфическихъ линій“.

Относительно иностранныхъ колонистовъ предполагалось неизбѣжнымъ правиломъ, чтобы они вступали въ русское подданство, были поселены лишь внутри приамурскихъ областей; всѣ же стратегическіе пункты должны быть заняты исключительно русскими поселенцами и славянами(?).

Просьбы государственныхъ крестьянъ на Амуръ все-таки не прекратились. Изъ одной Вятской губ. нашлось охотниковъ въ 1861 году 337 семействъ; изъ нихъ разрѣшено переселеніе 57 семействамъ, которыя и отданы въ распоряженіе ген.-

¹ Въ правилахъ цѣна за десятину назначена 3 руб., но только на первые 20 лѣтъ: впоследствии она должна измѣниться. Вообще почти всѣ правила писаны какъ временная переходная мѣра.

губ. Западной Сибири. Затѣмъ, въ маѣ 1862 года, о томъ же переселеніи на Амуръ подали просьбу 108 душъ изъ Павловскаго уѣзда Воронежской губ. и крестьяне Уржумскаго уѣзда Вятской губ. Всѣмъ имъ объявлено, что они переселяться могутъ на собственный счетъ, но не иначе, какъ съ дозволенія мѣстнаго начальства. Въ маѣ (24 числа) 1862 года изъ Вятской губ. (уѣздовъ: Котельницкаго, Орловскаго, Слоботскаго и Глазовскаго) отправились въ Сибирь 33 семьи (въ количествѣ 146 душъ мужскаго пола, а наличныхъ обоого пола 315 душъ)¹.

Но возвратимся къ переселенцамъ 1860 года. Всѣ они, по распоряженію начальства Восточной Сибири, назначены для водворенія въ Приморской области, по обоимъ берегамъ Амура, отъ Уссури до Софійска. Намъ привелось видѣть это водвореніе на мѣстѣ, и потому далѣе мы будемъ слѣдовать уже нашимъ личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ.

На берегахъ Шилки, на обширной равнинѣ образовался временный городокъ, таборъ или лагери — какъ называло его мѣстное военное начальство. Изъ лагерей этихъ доносился оживленный громкій гулъ; затѣвались пѣсни, мурлыкала гармоника и тринкала балалайка: великорусскій людъ перенесъ свои затѣи на чужую землю, гдѣ народъ вообще мало поетъ и рѣдко пляшетъ. Все это, вмѣстѣ взятое, глядѣло въ лагеряхъ беззаботною жизнію; общало какъ будто довольство настоящимъ и вѣрующій взглядъ на будущее. Вечеромъ зажигались огни, и бесконечно долгое время

¹ Примѣч. Считаемо излишнимъ упомянуть въ заключеніе, что нѣкто Як. Ник. Бутковскій, отправившій въ 1859 и 1860 гг. три судна къ берегамъ Восточной Сибири съ грузами морского министерства и съ нѣсколькими пассажирами, предлагалъ свои услуги. Министерство государственныхъ имуществъ отвѣчало, что не нуждается въ перевозкѣ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній.

продолжался тотъ же оживленный базарный говоръ; огни картинно отражались въ Шилкѣ; красиво глядѣли расположившіяся около огней этихъ группы народа; къ довершенію картины видны были телѣги и скоть и бѣлыя палатки; видѣлось однимъ словомъ все то, что такъ хорошо на картинкахъ и до чего такіе великіе охотники наши пейзажисты. Но, привыкши нѣсколько разъ разувѣряться въ истинномъ изяществѣ внѣшнихъ блесковъ, мы и на этотъ разъ не дали полной вѣры своимъ первымъ впечатлѣніямъ. Не находя ничего поэтическаго въ этихъ лохмотьяхъ, которыя виднѣлись и на отцахъ и на дѣтяхъ, мы относились съ разспросами къ этимъ людямъ, которые — какъ выше сказано — въ послѣднихъ числахъ апрѣля собрались таборомъ на берегахъ рѣки Шилки.

Намъ отвѣчали:

— Самъ Господь про то вѣдаетъ, что впереди будетъ, а пока хорошаго мало. Сколько тысячъ верстъ прошли, да еще чуть ли не столько обѣщаютъ. Когда еще до мѣста доберемся, а вотъ ужъ годъ цѣлый истратили. И тоскуется крѣпко...

— Объ родинѣ?

— Родину бы Господь съ ней: мы вѣдь ее оставили за тѣмъ, что тѣсно вато жить стало: земли было мало, а народъ мы бѣдный. Нахвалили намъ Амуръ этотъ — одолѣлъ соблазнъ. А когда еще мы до него доберемся?!

— Теперѣ ужъ до него недалеко.

— А кто про то знаетъ?! Сказываютъ вонъ, слышь, что еще тысячъ пять будетъ. Мы вѣдь, надо правду говорить, за нимъ-то и не стояли, какъ вотъ въ Сибирь эту пришли. Барабой тамъ какой-то шли, мѣста намъ тѣ приглянулись; просили оставить — отказало начальство. До Иркутска не доходя — опять мѣста ладныя были: и на тѣхъ не оставили. Вотъ и за Байкаломъ-то просились: такъ нельзя вишь оставить; на Амуръ-

де назначеніе вамъ вышло: туда ступайте! Пойдемъ: дѣлать нечего.

— Такъ объ чемъ же тоскуется?

— Нужды много терпимъ; да опять же и не сказали намъ, сколь далеко это мѣсто. „Не больно же далеко“ — слышь. Скъзать бы раньше надо, такъ мы бы по другому и думали; а то вишь и начальство-то наше, надо быть, само этого не знало толкомъ-то: такъ надо полагать.

— Здорово ли шли вы?

— Да со всячинкой: кое-кого прихватывало. Вятскихъ вонъ крѣпко схватывало; у нихъ, сказываютъ, много же народу погибло. Лихоманки все больше одолѣвали.

— Чего же вамъ хочется получить на Амурѣ?

— А что дадутъ, то и ладно: Господь тоже знаетъ, что на немъ есть такое. Мы, признаться, въ этотъ годъ шли все да шли — устали, всякое ужъ хотѣнье-то и попрizaбыли. Далъ бы Богъ до мѣста-то только добраться. А тамъ...

— Голодъ подберется?

— Твори Господь волю Свою.

— Заживете богато!...

— И на то власть Господня.

— Забудете про родныхъ и родину...

— И то въ волѣ Божьей.

— Пѣсни запоете...

— Какой ужъ тутъ тебѣ, чортъ, пѣсни: до пѣсенъ ли!

Эти отвѣты мы получали отъ умѣренныхъ (а такихъ большая часть); но были и нетерпѣливые, нашлись и озлобленные. Удалось намъ попасть и на такихъ, и слышали мы отъ нихъ совсѣмъ другое:

— Мы вотъ становищемъ-то своимъ на цыганъ больно похожи. Тѣ въ нашихъ мѣстахъ на счетъ воровства ловки. Намъ бы милостыню надо было просить пойти: да куда? Поглядимъ-поглядимъ мы,

такъ и здѣшному народу подать нечего: бѣдно жить. А заведется у кого добро какое, такъ онъ за него и зубами и руками. Спросишь чего у нихъ, такъ такую цѣну съ тебя сдеретъ, что ходишь потомъ сутки съ трои да почесываешься.

— Молока ребетенкамъ пошла промыслить — серебряной двугривенникъ отдала.

— Щецъ потрепать блажь пришла по дурацкой-то расейской повадкѣ, такъ и языкъ обожегъ: гривенникъ спрашивали. Ъдимъ какъ вонъ въ нашихъ мѣстахъ вотяки ѣдятъ: болтушку.

— Скота намъ дали одранъ такую, что не глядѣлъ бы.

— Скатъ колесъ мы изъ дому-то своего (изъ Тамбовской губ.) привезли: пригодится-моль на чужой сторонѣ; и ядренныя такія колеса, дубовыя; не велить начальство брать: тѣсно-де будетъ на паромахъ.

— Безпокоять больно: скорѣй слышь все, скорѣй собирайся. Намъ-де некогда съ вами тутъ проклажаться. Само начальство чуть вонъ не само и паромы-то отпихивало отъ берегу. Тягостно это, обидно!..

— Не знаемъ, что будетъ; не знаемъ, какъ поплывѣмъ теперь: мѣсто не близкое, надо полагать. А сколько верстъ будетъ? Словно слѣпые какіе — не знаемъ. И какъ поплывѣмъ — надо опять сказывать — какъ и поплывѣмъ: не знаемъ.

А какъ поплывутъ переселенцы — предсказать было нетрудно на этотъ разъ. Мало обѣщали успѣха съ одной стороны — торопливость и неизбѣжная съ нею безпорядочность; съ другой — замѣтно мало практичности, мало умѣнья взяться за дѣло, по простой причинѣ: дѣло это для большей части приставниковъ (если не для всѣхъ поголовно) — дѣло новое, да и къ тому же еще обязательное, служебное. Если разъ ужъ мы привыкли видѣть только одинъ конецъ дѣла, отгнѣнный

еще вдобавокъ привлекательнымъ розовымъ оттѣнкомъ, — для насъ во всякомъ случаѣ непримѣтна та обстановка и тѣ подробности, на которыя заявляетъ свои требованія самое теченіе дѣла. Мы знаемъ объ этихъ требованіяхъ инстинктивно, гадательно, но вообразить ихъ себѣ цѣлостно, предусмотрѣть и предугадать подробности мы не желаемъ, а можетъ быть и не въ силахъ. опять-таки по весьма простой причинѣ — мы этого дѣла не знаемъ: оно для насъ дѣло новое, да и къ тому же еще требовательно-спѣшное дѣло. Требованія челоѣколюбія и состраданія — такіе отвлеченные вопросы, къ разрѣшенію которыхъ мы не приготовлены самымъ воспитаніемъ, да и не имѣемъ силы совладать съ этимъ: мужики — это такіе терпѣливыя натуры, что грубость ихъ поражаетъ насъ, и до того требовательныя и недовольныя всегда и во всѣхъ случаяхъ, что не стоитъ труда преклонять уха къ желаніямъ и пользамъ ихъ. Было бы поскорѣе кончено дѣло, а тамъ намъ хоть трава не расти.

При такихъ принципахъ естественнымъ образомъ далеко не уйдешь, хотя и доплывешь можетъ быть (относительно говоря), доплывешь до назначенныхъ граней. Но какъ доплывешь? — это другой вопросъ. Амуръ на долгомъ своемъ теченіи подверженъ многимъ случайностямъ: иначе и быть не можетъ. Переселенцамъ приходилось плыть чуть ли не всѣ три тысячи верстъ теченія Амура. Путь приводился по водѣ, по теченію, стало быть не требовалъ особеннаго напряженія и усилій. Весна начинала сдавать тепломъ, Шилка очистилась отъ льда: стало быть, время для плаванія самое благопріятное. Поплыли, но забыли: русскій челоѣкъ, собираясь въ дальнюю дорогу, безъ того не обходится, чтобы чего-нибудь не забыть, хотя бы и собирался раньше нѣсколько сутокъ. На этотъ разъ забыли... забыли взять

лоцмановъ. Но лощмановъ — такъ безспорно и всякому извѣстно — нѣтъ на Амурѣ; есть какой-то десятокъ бывалыхъ, разъ или два уже ходившихъ туда, но они или были разобраны болѣе предусмотрительными сплавщиками, или заговорены частными лицами — торгующимъ людомъ, или же, наконецъ, давно выселены на Амуръ куда-то далеко впередъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно одно, что лощмановъ для переселенческихъ баржъ и плотовъ не взяли. Но съ другой стороны на такой громаднѣйшій путь надобенъ же какой-нибудь проводникъ или руководитель; а въ этомъ случаѣ большое подспорье — какъ всякому извѣстно — хорошая карта; ее не забыли ли? Картъ Амуре существуетъ двѣ: одна скороспѣлая, почтовая, но на ней Амуръ вытянулся въ черную нитку, небрежно брошенную: кое-гдѣ нитка эта перегнулась, перепуталась; въ другомъ мѣстѣ какъ будто оборвалась; прописаны на ней кое-какія станицы (и то далеко не всѣ): однимъ словомъ карта эта и по виѣшнему виду своему крайне подозрительна; довѣряться ей — на льду обломиться, да и нѣтъ причины: существуетъ другая карта. Эта карта состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ; на ней нанесены острова, обозначены кое-гдѣ мели; берега обозначены. Но, во 1-ыхъ, до этой карты безъ протекціи и большихъ денегъ достигнуть нельзя: ни у одного изъ частныхъ плавателей по Амuru, даже у лицъ амурской компаніи, карты этой не было; а во 2-ыхъ, эта подробная карта (на тотъ годъ библиографическая рѣдкость) замѣчательна многими невѣрностями. Мы пробовали плыть съ ней, вѣрили этой картѣ, и она насъ обманывала. Остается стало быть одно: положиться на самое ненадежное средство — на собственный глазъ и сметку. Сметка, какъ извѣстно, развивается отъ привычки, а морской глазъ — привилегія немногихъ — дѣло тоже нелегкое; изощряется онъ

только при частыхъ и долгихъ опытахъ. Мы готовы на этотъ разъ примириться съ огромнымъ значеніемъ такъ называемаго морского (а пожалуй и рѣчного) глаза, и — плывемъ дальше. Но плывемъ все-таки наугадъ, на-авось, наудачу; и плывемъ во всякомъ случаѣ несчастливо: четырёхугольные, тяжелые и некрашенные ящики, носящіе названіе баржъ (но при этомъ — не забудьте, баржъ ленскихъ), плохо слушаются руля и валютъ къ берегу съ энергіей и безъ удержу при всякомъ крутомъ порывѣ бокового вѣтра: на шестахъ не удержишься. Можетъ быть, хороши эти недодѣланные срубы, сусѣки (все, что хотите, только не рѣчныя суда), хороши они на р. Ленѣ — мѣстѣ своего происхожденія, но изъ рукъ вонъ плохи здѣсь, на широкомъ Амурѣ, на торжественно-спокойномъ его теченіи. Сядетъ эта уродливая баржа на мель, — съ ней возня, уму непостижимая: всѣ 15—20 человекъ должны лѣзть въ воду и съ неистовыми криками и огромными усиліями должны ее сталкивать съ мели. Возятся эти люди иногда цѣлыя сутки, баржу снимаютъ; но иной разъ снимаютъ ее для того, чтобы опять посадить на новую мель тотчасъ же: мель эта ни на карту не нанесена, ни въ мечтаніяхъ не предвидѣлась. Гарнизонные солдаты-сплавщики отъ этихъ операцій бѣгутъ въ лѣсъ, а потомъ, если не въ Россію, то въ тюрьму во всякомъ случаѣ. Переселенцамъ бѣжать некуда; да и не за тѣмъ они доплелись до Амура. Съ плотами по крайней мѣрѣ другое дѣло: плотъ такая посуда, которую, на какую воду ни спусти, будетъ плавать. Плотъ если и на мель сядетъ, снять его легче шестами: рѣдко и въ воду приходится слѣзать. Неудобенъ онъ потому только, что на немъ никакъ не помѣстишь человека съ необходимымъ даже нетребовательнымъ комфортомъ: плоты придуманы, какъ извѣстно, для сплава тѣхъ бревенъ, изъ которыхъ они сшиты,

но на Амурѣ на одни изъ нихъ пристраиваютъ перила и ставятъ рогатый скотъ, на другіе ставятъ тѣ же перила кругомъ плота и устраиваютъ самихъ переселенцевъ съ дѣтьми. Переселенецъ можетъ на плотахъ распалить армякъ свой или полушубокъ — и вотъ ему и отъ вѣтра затула и отъ дождевой воды сверху, а положить онъ на пазы плота доски — ему и отъ рѣчной воды снизу защита. Русскій человѣкъ закаленный на всяческихъ невзгодахъ, и житейскихъ, и климатическихъ, простуды не боится, комфорта не требуетъ: великое счастье для неопытныхъ, непредусмотрительныхъ и недалководныхъ приставниковъ его... На этотъ разъ на неудобныхъ, безбожныхъ амурскихъ плотахъ плывутъ переселенцы по Амуру наугадъ; въ станицахъ они ничего не находятъ; привычнаго варева не имѣютъ, ибо не имѣютъ столько денегъ, чтобы оплатить варено, изготовляемое амурскими казачками изрѣдка про себя; дождей переселенцы не боятся, рѣчной мокроты тоже, — все это для нихъ дѣло привычное: Богъ вымочить ихъ, Богъ и высушить; къ тому же весеннее солнышко во всей своей яркости въ верховьяхъ рѣки; на проходѣ по среднему теченію — солнышко разыгралось во всю свою лѣтнюю, боевую силу; а на осень, къ сентябрю, переселенцы были уже на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Но что же такое нашли тамъ для себя переселенцы? Нашли они тамъ немного, если судить относительно тѣхъ обѣщаній, которыя были сдѣланы имъ. Главнымъ образомъ нашли они на берегахъ Амура не тѣ мѣста, которымъ самою природою назначено быть лучшими и именно такими, какія нужны для пришедшихъ переселенцевъ.

Амуръ на своемъ длинномъ, въ три тысячи верстъ, протяженіи представляетъ — какъ мы выше сказали — три видоизмѣненія. Верховья этой рѣки носятъ одинаковый характеръ съ бере-

гами Шилки и именно той ея части, которая ближе къ Амуру. Здѣсь развѣтвился Большой Хинганъ своими отрогами и собственно мало представляетъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія большими и частыми деревнями. Горы въ большей части случаевъ выходятъ на самый берегъ или идутъ параллельно съ ними, но въ недалекомъ отъ него разстояніи. Изрѣдка такимъ образомъ у рѣки остаются низменности; но очень часто низменности эти замѣчательно коротки и узки. Горный характеръ этой мѣстности не теряется и въ отдаленіи отъ амурскаго берега, и рѣки, впадающія въ Амуръ — горныя рѣки. На нижнемъ теченіи Шилки, во всемъ схожей съ верхними берегами Амура, которые положительно составляютъ продолженіе береговъ этого амурскаго притока — во все время долгаго существованія этихъ береговъ въ русскомъ владѣніи сдѣлано было немного: селенія очень рѣдки и малы, а на послѣднихъ 217 верстахъ (отъ деревни Горбицы до Усть-стрѣлочнаго караула при сліяніи Шилки съ Аргунью) селеній нѣтъ вовсе, да и быть не могутъ. Горы, покрытыя густыми хвойными лѣсами, круто оступаются въ рѣку и выпускаютъ впередъ себя на берегъ узенькія, ничтожныя низменности. Амуръ точно такимъ же образомъ, на всемъ протяженіи отъ Усть-стрѣлочнаго караула до Кумары, даетъ мало мѣстъ, удобныхъ для заселенія. Болѣе благоприятными изъ нихъ можно полагать только тѣ, которыя уже и заняты настоящими станицами. Таковы: Покровская, Албазинъ, Бейтоновка, Толбузина и Кумара — на всемъ этомъ протяженіи въ 700 верстъ слишкомъ. На Шилкѣ подобныя географическія условія послужили причиною къ тому, что промыселъ пушнаго звѣря (звѣрованье, по туземному) послужилъ въ ущербъ развитію сельскаго хозяйства — хлѣбопашества. Если же примемъ въ основаніе то обстоятельство, что по-

селенные въ верховьяхъ Амура казаки всѣ взяты по большей части съ Шилки и Аргуни (находящейся въ тѣхъ же географическихъ условіяхъ), то приблизительно можемъ судить о направленіи будущихъ хозяйственныхъ занятій казаковъ. Они, казаки эти, еще далеко до того времени, когда присоединенъ былъ Амуръ къ Россіи (по айгунскому трактату), по старому дѣдовскому преданію и обыкновенію — ходили въ эту часть Амура за пушнымъ звѣремъ (въ Албазинѣ за лучшимъ соболемъ и въ другія мѣста за хорошей бѣлкой) и съ кочующими туземцами затѣяли торги и сходки въ условныхъ мѣстахъ (больчжары, по-туземному). Неудивительно, если до сихъ поръ въ верховьяхъ Амура не завели хлѣбопашества, и казаки тамошніе охотнѣе уходятъ въ хребты за соболями или ловятъ рыбу, чѣмъ поднимаютъ плугомъ вѣками залежалую лѣсную землю и не производятъ работы, для нихъ трудной и постылой. Казаки будутъ ходить за соболемъ и продавать его на горячія деньги тѣмъ торговцамъ изъ Забайкалья, которые десятками и сотнями будутъ являться сюда: благо опыты сдѣланы уже въ большихъ размѣрахъ. Хлѣбъ и мясо казаки купятъ; хлѣба и мяса казакамъ привезутъ ближайшіе сосѣди, которымъ судила судьба занять дальнѣйшія мѣста Амура.

Амуръ за станицею Бибикова вступаетъ въ степную полосу; течетъ рѣшительною степью, со всѣми ея признаками: высокою травой, обезпечивающею существованіе скотоводства въ большихъ размѣрахъ, богатымъ и сочнымъ черноземомъ, образовавшимся отъ накопленія во многіе вѣка старой степной травы, никѣмъ некошенной, ничѣмъ невытравленной. Для того, чтобъ дать возможность молодой травѣ заявить свою силу, казаки принуждены уже пускать на старую траву (такъ называемую ветошь) палы, т. е. жечь ее въ

началѣ каждой весны. Амуръ такимъ образомъ течетъ степью на пространствѣ слишкомъ 820 верстѣ до впаденія въ него рѣки Уссури¹. На этомъ пространствѣ горы рѣдки; большею частію онѣ синѣютъ въ отдаленіи и только незначительной высоты холмами выходятъ на берегъ. Зато пласть чернозема въ большей части мѣстъ залегаетъ на 1½—2 аршина и даже на сажень глубиною; впадающія въ Амуръ рѣки широки и многоводны и замѣчательно часты, чаще, чѣмъ въ верховьяхъ рѣки. Нѣтъ на этомъ пространствѣ лѣсовъ, смѣнившихся чахлымъ и малополезнымъ тальникомъ да изрѣдка березой; но зато Малый Хинганъ вышелъ весь усаженный дубомъ (хотя и мелкимъ), орѣшникомъ и черной березой. За Малымъ Хинганомъ Амуръ идетъ голою степью, и здѣсь между устьями двухъ огромныхъ притоковъ Амура — рѣкъ Сунгари и Уссури, залегли лучшія, благословенныя мѣста всего Приамурья. Тутъ дико растетъ (хотя и не дозрѣваетъ) и хваленый виноградъ и сладкіе яблоки; тутъ на то время, когда въ верховьяхъ Амура таетъ раскиданный по берегамъ рѣчной ледъ, и просвѣчиваютъ въ падахъ большія снѣжныя глыбы, — цвѣтеть черемуха и благоухаетъ весна въ оживленной и очаровательной прелести. На этомъ огромномъ пространствѣ между устьями амурскихъ притоковъ Зеи и Сунгари манчжуры сгруппировали людное и часто насаженное населеніе и съ давнихъ временъ образуютъ колоніи изъ ссыльныхъ

¹ Въ это число мы не включили 160 верстѣ теченія Амура, прорѣзаннаго Малымъ Хинганомъ. Мѣста эти къ поселенію рѣшительно неудобны. Хинганъ не даетъ ни одной замѣчательной низменности. Существующія тутъ станицы (6) — жалкія станицы. Мѣсто это можетъ обезпечить существованіе нѣсколькихъ станцій, но ни для какого хозяйства неудобно. Ни скотоводства, ни хлѣбопашества разводить негдѣ. Лѣсные промыслы также не обезпечиваютъ возможности существованія. Малый Хинганъ — мѣсто родины хищныхъ звѣрей, барсовъ и тигровъ, но даетъ плохую бѣлку и очень мало соболей. Дикія козы — небогатое подспорье для голодовокъ въ случаѣ недостатка мяса, да даютъ мѣхъ, который пригоденъ для дахи, но и только.

китайцевъ, часто уроженцевъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Небесной имперіи. Если эти прибрежья дальнаго Амура служатъ для Китая мѣстомъ ссылки, то во всякомъ случаѣ для Россіи они богатое пріобрѣтеніе для будущихъ колоній, если только колоніи эти будутъ устраиваться рукою опытною. Но еще благопріятнѣе, еще счастливѣе этихъ мѣстъ для русскихъ колоній, безъ всякаго сомнѣнія, тѣ мѣста, которыя пошли къ югу отъ Хабаровки по правому берегу рѣки Уссури, оставленному за Россіей по послѣднему тѣнзинскому трактату. Все благопріятствуетъ тамъ возможности существованія на будущее время большихъ и цвѣтущихъ селеній: и большая судоходная рыбная рѣка съ глубокими протоками, и дѣвственные, богатые пушнымъ звѣремъ лѣса со многими разнovidностями древесныхъ породъ, и обширныя степныя, нетронутыя пространства, залегшія между прибрежными хребтами и лѣсами. Такъ по крайней мѣрѣ на всемъ протяженіи рѣки Уссури отъ устья до впаденія въ нее Сунгари, вытекающей, какъ извѣстно, отъ озера Ханка. Между озеромъ этимъ и корейскимъ берегомъ устроены китайскимъ правительствомъ большія плантаціи извѣстнаго цѣлебнаго корня жинь-шеня (по-манчжурски — орохото); въ одномъ изъ прибрежныхъ уссурійскихъ озеръ водятся рѣчныя черепахи; прирѣчные лѣса даютъ много прихотливыхъ южныхъ породъ плодовыхъ деревьевъ: въ обиліи яблоки, груши, кедровые орѣхи, дикій виноградъ успѣваетъ иногда дозрѣвать. Все, однимъ словомъ, обѣщаетъ много блестящихъ надеждъ въ будущемъ отъ этого пріобрѣтенія: во всякомъ случаѣ прибрежья рѣки Уссури — лучшія мѣста во всемъ приамурскомъ краѣ, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ другія; и на нихъ-то по преимуществу — по нашему крайнему разумѣнію — должны сосредоточиваться виды и надежды мѣстныхъ колонизаторовъ.

Далеко не тѣ картины рисуютъ предъ нами низовья Амура. На первой сотнѣ верстѣ рѣка утрачиваетъ свой степной характеръ и вступаетъ въ лѣсныя пространства. Круто поворачивая къ сѣверу и идя далѣе въ сѣверовосточномъ направленіи, она разбивается на острова и протоки: острова песчаны и бѣдны растительностью, протоки обставлены густыми первозданными и почти исключительно хвойными лѣсами. Климатъ чувствительно суровѣе, большія болота и широкія озера въ большомъ числѣ залегаютъ по берегамъ. Съ половины этого тысячеверстнаго теченія Амура, отъ устья Уссури до моря, мѣстность принимаетъ тотъ тайговой безпривѣтный характеръ, который носятъ побережья Лены, Оби, Печоры. Разительнымъ контрастомъ является эта мѣстность по отношенію ко всѣмъ другимъ мѣстностямъ Амура: далеко нѣтъ той мягкости колорита, которая очаровываетъ въ срединномъ теченіи рѣки; самыя краски крупнѣе и грубѣе, чѣмъ даже въ верховьяхъ Амура. Сильно напоминаетъ эта мѣстность сѣверныя пространства Россіи, родныя и милыя, но тѣмъ не менѣе безпривѣтныя и безнадежныя. Здѣсь въ началѣ іюня лежали еще по горамъ нерастаявшія громадныя массы снѣга; стояли холодныя вѣтры, и Амуръ сдавалъ волнами крутыми и устойчивыми, каковы бываютъ однѣ только морскія волны. И чѣмъ ближе къ устью (почти отъ самаго впаденія рѣки Хунгари), тѣмъ природа становилась суровѣе: быстро измѣнялись и грубѣли черты ея; быстро подлаживалась къ ея мрачному сѣверному колориту и вся обстановка. Мягкія черты кроткихъ гольдовъ смѣнились скуластыми, сумрачными и даже немножко свирѣпыми лицами гиляковъ; на мѣсто домовитыхъ и прочныхъ юртъ манчжуровъ встали скороспѣлыя временныя юрты гиляковъ, оборванныхъ и почти полуголыхъ, голодныхъ и почти ничего неготовящихъ въ запасъ на будущее время...

Поселенія въ этихъ мѣстахъ требуютъ усиленныхъ работъ и сосредоточеннаго вниманія. Готовыхъ мѣстъ для селеній — самое ничтожное количество; большая часть требуетъ расчистки отъ вѣковыхъ сосенъ и елей. Почва не обѣщаетъ хорошаго плодородія, а разбросанность удобныхъ мѣстъ, одного отъ другого, почти не даетъ никакихъ гарантій для возможности существованія плотнаго и обезпеченнаго населенія. Все оно, по всему вѣроятію, должно устремиться по направленію къ югу отъ устья Уссури, если конечно не встрѣтитъ сильныхъ противодѣйствій со стороны колонизаторовъ. Селенія, образованныя изъ переселенцевъ, назначенныхъ въ Камчатку, и расположенныя на пространствѣ между Маринскомъ и Николаевскомъ, представляютъ печальный результатъ оживленія этой безпривѣтной мѣстности, переселенцы при всѣхъ усиліяхъ въ пять лѣтъ успѣли только обстроиться, кое-какъ сдѣлать расчистки и завести хозяйства, которыя найдены были нами въ весьма печальномъ состояніи.

На этой-то именно мѣстности приамурскаго края и поселены тѣ переселенцы изъ пяти великорусскихъ губерній, за судьбою которыхъ мы слѣдили въ началѣ этой статьи по officialнымъ даннымъ. Прослѣдимъ далѣе за ними по нашимъ личнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября всѣ эти переселенцы были уже, какъ извѣстно, на мѣстахъ своего водворенія.

Наступила суровая осень, хотя и стоялъ августъ мѣсяцъ далеко еще не въ послѣднихъ своихъ числахъ. Дожди и туманы вступали въ свои права и мрачили передъ нами окрестность. Богъ вѣсть какими безутѣшными и безпривѣтными являлись они всѣмъ намъ на ту пору. Мы поднимались вверхъ и въ обратный путь на легкомъ и

небольшомъ казенномъ пароходѣ, у котораго на этотъ разъ было названіе „Ононъ“.

Пароходъ бросилъ якорь. Мы вышли на берегъ. Толпа крестьянъ и ребятишекъ окружила насъ. Оказались переселенцы. Изъ какой губерніи? изъ Тамбовской.

Мы видимъ на берегу цѣлую полѣнницу бѣлыхъ мѣшковъ и спрашиваемъ. Оказался провіантъ, выданный переселенцамъ; въ мѣшкахъ — мука. Хороша ли?

— Шибко подмочена: солодѣлая.

— Квасъ стало быть хорошо варить! — замѣтилъ какой-то острякъ.

— Хорошо и квасъ — отвѣчалъ одинъ изъ толпы; — а хорошо и такъ ее бросить; никуда эта мука негодящая. Мы эдакой на родинѣ-то своей и телятамъ не мѣсили.

— Дожди теперъ идутъ; а она у васъ загнила вся; черви завелись. Отчего мѣшки у васъ ничѣмъ не покрыты?

— Намъ и себя-то покрыть нечѣмъ, а объ мѣшкахъ съ мукой намъ и думать не приводится.

Осмотрѣлись мы: слова мужичка были справедливы.

— По четыре недѣли рубахъ не снимаемъ — обносились.

— Нехорошія мѣста на вашу долю выпали...

— Такія нехорошія, что кабы знали, такъ и не снимались совсѣмъ; на родинѣ не въ примѣръ было лучше. Есть же и на Амурѣ-то этомъ мѣста хорошія. Просились мы подъ городомъ Благовѣщенскимъ, сюда поближе; не вышло разрѣшенія. Сюда, сказали, разрѣшеніе вамъ.

— пытали просить у начальства.

— Вонъ тамъ по Усюрѣ рѣкѣ важныя мѣста, сказываютъ.

— Ну да вонъ и повыше-то мѣста маленько лучше же этихъ.

— Нѣтъ, знать хорошія-то мѣста не про насъ пали; много, братцы, хорошихъ мѣстовъ на свѣтѣ, да не наши мѣста-то эти.

И заговорили. Заговорили переселенцы всѣ вдругъ, какъ любятъ говорить русскій человѣкъ, когда затронетъ всѣ сердца одинъ общій интересъ и накипитъ на этихъ сердцахъ невзгода и недовольство, и когда нѣтъ русскому человѣку никакого другаго исхода, кромѣ этихъ торопливыхъ и недовольныхъ разговоровъ. „Хоть въ разговорахъ-то и жалобахъ этихъ — думаетъ онъ — разведу я свое горе и уложу расходившееся сердце, благо наскочилъ на меня живой человѣкъ, который меня слушаетъ, а можетъ быть и сочувствуетъ мнѣ, а можетъ быть и поможетъ мнѣ“.

— Мѣста намъ выпали такія, что кажись хуже ихъ и нѣтъ на Амурѣ: все болота либо глина.

— Просились бы на другія! — вырвалось замѣчаніе у всѣхъ насъ въ одно слово; тѣмъ болѣе, что всѣ мы видѣли, что крестьянъ дѣйствительно высадили на болото. Мы брели по грязи, по болотной мокротѣ и кочкамъ. Эти болотныя кочки шли дальше, шли подъ гору, шли вдоль рѣки. Намъ сдѣлалось грустно за переселенцевъ; мы видѣли насущное горе ихъ и были не въ силахъ помочь имъ. Переселенцы говорили намъ:

— Рѣшено, слышь, такъ, чтобы насъ-де ужъ не снимать съ этого мѣста: такая-де судьба наша. Для того тутъ, слышь, и столбъ поставленъ, а столбъ-де этотъ не мы ставили. Просили мы: „позвольте, молъ, хоть на пригорочекъ вонъ этотъ выселиться! — Это-де можно!“

— Да и на горѣ-то этой, братцы, все глина; ходилъ я утрясь, да чуть сапоговъ тамъ не оставилъ.

— Горе наше великое, а жалобу принести некому. Всякой сказываетъ: „не мое дѣло“. Не похлопочетъ-ли какъ ваша милость. Сдѣлайте, господа, великую божескую милость!

Но мы тогда могли только сочувствовать этому горю; можемъ теперь занести этотъ фактъ на эту страницу нашего скромнаго разсказа и сказать имѣющему уши слышати, что безнадежное мѣсто водворенія тамбовскихъ переселенцевъ называлось тогда — шестой станокъ.

Заходили мы потомъ и во всѣ другіе станки; и всѣ эти переселенческія становища-лагери, словно сговорясь, вели одинъ и тотъ же мотивъ съ незначительными только варіаціями. Общій характеръ — недовольство и безнадежность; въ частности — со стороны однихъ желаніе совершенно перемѣнить мѣсто, хотя бы даже вдалекѣ отъ настоящаго, и со стороны другихъ стремленія болѣе ограниченныя: именно отыскать мѣсто посуше, но зато и поближе. Намъ хвалили два мѣста, какъ лучшія и болѣе удобныя, но одно изъ нихъ (Горинское) оказалось только возвышеннымъ, но мокрымъ, какъ на первый проѣздъ нашъ, такъ и на второй обратный. Второе мѣсто, такъ называемый первый станокъ, имѣло преимущество предъ другими только въ томъ отношеніи, что было ближе къ болѣе или менѣе срединному пункту, какова напр. Хабаровка, стоящая при сліяніи Уссури съ Амуромъ!

Вообще же въ дѣлѣ размѣщенія переселенцевъ насъ поразили слѣдующія крайности и случайности. Зачѣмъ было вести переселенцевъ именно на эти мѣста, въ верховья Амура? Если до сихъ поръ мѣста эти не были заняты и нужно было стянуть срединное населеніе Амура съ низовымъ, то во всякомъ случаѣ крестьяне не сдѣлаютъ больше, чѣмъ сдѣлали бы то же самое казаки. Стратегическая линія нужна была, можетъ быть, на первые годы; теперь она анахронизмъ. Воинственное нѣкогда (лѣтъ двѣсти тому назадъ) манчжурское племя, покорившее съ срединѣ XVII вѣка Китай, теперь находится въ той кроткой апатіи и нѣгѣ,

какую испытываетъ счастливый побѣдитель, довольный нынѣшнимъ днемъ и не имѣющій нужды заботиться о завтрашнемъ. Китайцы уже давно разсказываютъ притчу о жирномъ нищемъ манчжурѣ, который пришелъ просить работы и защиты у сухощаваго, но богатаго китайца. Гиляки и гольды — безопасны, какъ бродячія, зависимыя отъ манчжуръ, племена, у которыхъ забота объ нынѣшнемъ днѣ выше всякой другой. Нѣтъ нужды, по нашему крайнему разумѣнію, селить казаковъ именно только въ тѣхъ пунктахъ, которыми могутъ угрожать манчжурскія нападенія. Къ тому же немного надо жить съ казакомъ, чтобы разувѣриться въ ихъ воинственность и знать, что если лягутъ передъ казакомъ соблазномъ лѣсъ и поле, онъ скорѣе возьмется за ружье, чѣмъ за соху; а это сдѣлать ему было бы такъ же легко и въ низовьяхъ Амура, какъ дѣлалъ онъ это на Аргунѣ, дѣлалъ на Шилкѣ, дѣлаетъ теперь въ верховьяхъ Амура. У амурскаго казака вотъ уже четвертый годъ хозяйство плохо ведется и до сихъ поръ не завелось ничего. Не за тѣмъ же, чтобы ничего не дѣлать, шель сюда великорусскій переселенецъ почти десять тысячъ верстъ и просился на Барабѣ, просился на Братской степи, приговаривался къ мѣстамъ по Шилкѣ и вымаливалъ себѣ мѣста на Амурѣ между рр. Уссури и Зеей. Онъ долгими путевыми страданіями, начатыми разлукой съ родиной и родными, выслужилъ себѣ право на лучшую участь, чѣмъ та, какую онъ несетъ теперь. Разселенные между казаками коннаго полка и казаками пѣшихъ батальоновъ (уссурійскаго и амурскаго), великорусскіе переселенцы внесли бы живую силу, которой отчасти не достааетъ казакамъ забайкальскимъ. Сопоставленные о-бокъ въ одни и тѣ же условія, они бы не затруднились во многомъ: казакъ нашелъ бы работника, крестьянинъ — друга, у котораго встрѣ-

тилѣ бы если не помощь, то совѣтъ. Что же теперь найдетъ ничего неимущій крестьянинъ у сосѣда гольда или гиляка, когда этотъ самый гольдъ и гилякъ умрутъ съ голоду, если манчжуры не подвезутъ имъ (за ихъ отступничество) хлѣба, и если въ Амуръ придетъ мало рыбы, напуганной и разогнанной казенными и частными пароходами, которые, говорятъ, увеличиваются въ количествѣ? Какимъ образомъ установитъ крестьянинъ свои отношенія и чѣмъ скрѣпитъ свою дружбу съ сосѣдомъ-гилякомъ (несмотря на всю дешевизну приобрѣтенія этой дружбы), когда онъ самъ получилъ только казенный паекъ въ обрѣзъ, не имѣетъ своего поля и даже не успѣлъ засѣять огорода табакомъ? Другъ отъ друга крестьяне отдалены на большія разстоянія, изъ которыхъ самое меньшее 35 верстъ и самое большое 100 слишкомъ. Да и некогда имъ теперь устанавливать сношенія и заводить завѣтную хлѣбъ-соль съ сосѣдами: все около себя они обязаны обрѣзать личнымъ усиленнымъ и тяжелымъ трудомъ. Казна дала имъ немного, почти ничего. Заготовленные для переселенцевъ дома крайне плохи и притомъ въ такомъ небольшомъ количествѣ, что въ нихъ принуждены были помѣститься на предстоящую зиму пять-шесть семей. Дома эти, или лучше деревянные срубы, строены были линейными солдатами, по казенному наряду, на срокъ и къ спѣху, стало быть вышли дурны, неблагонадежны. Углы этихъ избъ приложены на глазъ и на-вось: пазы вышли неровные и законопачены были ветошью (прошлогодней травой), которая лѣтомъ высохнетъ на солнцѣ и превратится въ пыль: пыль эту выдуютъ и унесутъ въ лѣсъ крѣпкіе вѣтры, или вымочатъ въ грязь осенніе дожди. На многихъ домахъ успѣли настлать одинъ только потолокъ и то кое-какъ; на рѣдкомъ изъ нихъ были сдѣланы крыши; въ рѣдкомъ сложены печи, вставлены

рамы; въ немногихъ изъ рамъ вѣзаны стекла — дорогой, рѣдкій продуктъ безстекольной Сибири. Равнымъ образомъ, переселенцы получили очень мало желѣза, да и то, которое было имъ выдано, оказалось дурного качества. Приготовленное на казенномъ Петровскомъ заводѣ, оно было плохо прокатано; топоры и заступы очень скоро расплющивались и становились негодными, рѣдкіе сошники годились на какое-нибудь употребленіе; жалобы на полученное желѣзо и просьбы о замѣнѣ его новымъ — были повсемѣстны. Переселенцы готовы были купить желѣзо, но купить было негдѣ. Восточная Сибирь, несмотря на существованіе двухъ большихъ казенныхъ заводовъ и на избытокъ и изобиліе желѣзныхъ рудъ, до сихъ поръ такъ же нуждается крѣпко въ желѣзѣ, какъ и въ стеклѣ и во всѣхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ. Положеніе переселенцевъ и въ этихъ отношеніяхъ также безнадежно.

Безнадежно это положеніе особенно еще въ томъ важномъ отношеніи, что начальство упустило изъ виду слѣдующее главное обстоятельство. Россія дала для Амура переселенцевъ изъ двухъ совершенно различныхъ и діаметрально противоположныхъ мѣстностей: жителей степныхъ пространствъ съ одной стороны (каковы: тамбовскіе, орловскіе и воронежскіе крестьяне), и жителей лѣсной полосы Россіи (каковы крестьяне Вятской губерніи). Всѣ они безъ предусмотрительности и безъ различія поселены были — какъ мы уже выше сказали — въ лѣсной тайговой полосѣ мѣстности при-Амуры. Степнякъ, рѣдко имѣющій дѣло съ топоромъ и получающій всѣ деревянные издѣлія (каковы, напр., ведра, кадки и даже оконныя рамы) изъ ближайшихъ сѣверныхъ губерній (какова напр. Владимірская), затруднится, растеряется и ничего не сдѣлаетъ безъ примѣра и указанія въ лѣсныхъ мѣстахъ, хотя бы даже и этого

Амура. Гигантскія работы расчистки лѣсовъ и приготовленія новей — для него дѣло непривычное и больше чѣмъ несподручное. Онъ уже и теперь сидитъ у рѣки и ждетъ погоды; ждетъ и обдумываетъ, можетъ быть, въ крайнемъ случаѣ бросится на сподручный промыселъ: на зиму въ извозъ (благо есть лошади), на лѣто на промыселъ лѣсного звѣря или на мелкое торгашество около гольдовъ, ради соболей и бѣлки. И не въ правѣ мы пенять на переселенцевъ впослѣдствіи, если они отъ хлѣбопашества перейдутъ къ какому-нибудь городовому промыслу и размельчатся въ кулачествѣ до того, что забудутъ о землѣ и плугѣ, родныхъ и привычныхъ для нихъ сыздѣтства. Всякая насильованная мѣра ведетъ за собою неизбежную путаницу, никогда не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ не только въ началѣ, но и далеко впослѣдствіи. Примѣръ — тотъ же Амуръ, да и сотни другихъ самыхъ новыхъ и самыхъ свѣжихъ и притомъ въ самой Россіи. Мы не будемъ распространяться объ нихъ ради крайней извѣстности фактовъ, совершающихся у насъ ежедневно передъ глазами. Степнякъ едва ли останется въ амурскихъ лѣсныхъ мѣстахъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ на родинѣ, т. е. хлѣбопашцемъ, и по всему вѣроятію ударится въ мелкій торговый промыселъ, тѣмъ болѣе, что и въ мѣстахъ родины онъ получилъ къ тому большую повадку. Несомнѣнно полезный и находчивый тамъ, гдѣ залегли по Амуру степныя пространства, на которыя его не выселили, степнякъ въ этомъ отношеніи составляетъ рѣшительной контрастъ съ переселенцами изъ Вятской губерніи. Вятскій, какъ извѣстно, съ ранняго дѣтства и до гробовой доски имѣетъ дѣло съ топоромъ и лѣсомъ. Значительно развивающееся населеніе въ этой, одной изъ многочисленныхъ и населенныхъ, губерній Россіи безпрестанно раздробляется на выселки. Для этихъ вы-

селковъ вырѣзаетъ онъ въ тамошнихъ перевозчаныхъ лѣсахъ большія площади, жжетъ ихъ, вырубаетъ корни съ изумительной скоростью, постоянствомъ и сноровкою. Дѣло это столько же сподручное и легкое для него, сколько для степняка умѣнье обращаться съ косой и плугомъ. Гдѣ же тутъ сходство? гдѣ же тутъ право на совмѣстное водвореніе и тѣхъ и другихъ? А между тѣмъ на Амурѣ при водвореніи переселенцевъ великорусскихъ губерній произведена была слѣдующая странная, непонятная операція. Переселенцы вятскіе — мастера строить дома и охотники рубить нови, поселены въ готовыхъ домахъ ех-города Маріинска, откуда, какъ извѣстно, выведенъ былъ линейный батальонъ въ Николаевскъ. Маріинскіе дома, выстроенные тѣми же солдатами для себя, были обстроены необходимыми службами и обставлены кое-какими огородами, на приготовленіе которыхъ также потрачено было не мало усилий и трудовъ. Солдаты съ стѣсненнымъ сердцемъ, жены ихъ съ горькими слезами оставили за безцѣнокъ свою собственность, доставшуюся потомъ далеко не въ тѣ руки, въ какія бы слѣдовало. Между тѣмъ переселенцы изъ степныхъ губерній заняли кое-какъ и наскоро сложенные дома, готовые только на меньшую половину, переселенцы, которые на родинѣ привыкли жить исключительно только въ землянкахъ и хатахъ. И вотъ Амуръ — по поговоркѣ „кому мать, кому мачеха“ — не умѣлъ удовлетворить ни тѣмъ, ни другимъ изъ переселенцевъ Великой Россіи.

Теперь, при соображеніи весьма многихъ важныхъ обстоятельствъ, почти не подлежитъ никакому сомнѣнію, что значеніе устья Амура, существованіе при немъ весьма удачнаго Николаевскаго порта, а затѣмъ, слѣдовательно, и значеніе всѣхъ низовьевъ Амура, начиная отъ устья рѣки Уссури, должно со временемъ ослабѣть. Все дви-

женіе вѣроятно устремимся, какъ мы уже ска-
зали, по направленію рѣки Уссури. Рѣка эта,
какъ извѣстно, идетъ и близко подходитъ своими
притоками къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ залегли отлич-
ныя во всѣхъ отношеніяхъ и соблазнительныя га-
вани и бухты Восточнаго океана, каковы: портъ
Мей, заливъ Ольга, гавань Посѣта. Съ одной
стороны: излишне-большой и мелкій амурскій
лиманъ, въ которомъ рѣдкое изъ судовъ не са-
дится на мель. несмотря на существованіе створ-
ныхъ знаковъ и бакеновъ, и на проходъ которымъ
ни одна изъ европейскихъ компаній не беретъ на
себя страхованій по причинѣ многихъ несчаст-
ныхъ случаевъ¹; сверхъ того, негостепріимство
сѣверныхъ частей Восточнаго океана, вѣчно обста-
вленныхъ густыми, непроглядными туманами; без-
полезное сосѣдство Николаевскаго порта съ без-
людными мѣстностями побережій Охотскаго моря:
съ Камчаткой, островомъ Сахалиномъ, Удскимъ и
Аянскимъ краями, и наконецъ суровость климата,
недоброкачественность почвы и рѣдко насаженное
населеніе. Зато съ другой стороны: по рѣкѣ
Уссури огромныя и богатая рощи корабельныхъ
лѣсовъ; онѣ чѣмъ ближе къ морскимъ берегамъ,
тѣмъ цѣлостнѣе и богаче разнообразіями древес-
ныхъ породъ; заливъ Ольга и портъ Мей обса-
жены сплошь дубовыми вѣковыми лѣсами; берега
гавани Посѣта прорѣзаны толстыми пластами от-
личнаго каменнаго угля; эта и другія вмѣстѣ взя-
тыя гавани представляютъ обширныя, глубокіе и
отлично защищенные рейды для стоянки морскихъ
судовъ, командируемыхъ для плаванія въ Восточ-
номъ океанѣ; и сверхъ того близость Японіи и
Кореи, въ довершеніе всего, обезпечиваютъ суще-
ствованіе и возможное развитіе морской торговли

¹ Два судна амурской компаніи („Св. Иннокентій“ и „Оресь“) погубили со всею кладью: одно въ началѣ амурскаго лимана, другое въ концѣ его, не доходя Николаевска.

именно здѣсь, вблизи Кореи, а не тамъ, гдѣ существуетъ въ настоящее время городъ Николаевскъ. Если за нимъ остается исключительное право производить съ южными портами Китая въ большихъ размѣрахъ лѣсную торговлю и отчасти служить складочнымъ мѣстомъ продовольственныхъ припасовъ, заготовленныхъ для прибрежнаго населенія Охотскаго моря, то во всякомъ случаѣ мы можемъ смѣло предположить, что всякая другая возможная торговля устремится по направленію рѣки Уссури къ южнымъ портамъ Восточнаго океана, которые по послѣднему тѣнцзинскому трактату, какъ извѣстно, оставлены китайскимъ правительствомъ за Россіей. Кромѣ того, гавань Ольги обезпечиваетъ возможность существованія большого населенія, въ развитіи которому не отказываютъ и мѣста, залегшія между этою гаванью и истоками рѣки Уссури. Это намъ доказываютъ и послѣднія правительственныя распоряженія, сосредоточенныя пока на проведеніи по этимъ мѣстамъ линіи телеграфа и на приглашеніи переселенцевъ именно сюда, хотя въ то же время побережья Уссури еще могутъ съ избыткомъ удѣлить такія пространства, которыя удобны къ заселенію и до сихъ еще поръ лежатъ впустѣ¹.

Но возвращаемся снова къ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Стоя на высокой горѣ, по которой разбросано селеніе Хабаровка, и видя передъ собою, по ту

¹ Въ Правилахъ для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ областяхъ Амурской и Приморской Восточной Сибири, между прочимъ, сказано въ § 7 (в): „На пространствѣ отъ вершинъ р. Уссури и по ея теченію къ морю такіе участки (пространствомъ не болѣе 100 десятинъ на каждое семейство) предоставляются въ вѣчное и постоянное пользованіе всего общества, которое можетъ, если пожелаетъ, весь участокъ, въ полномъ его составѣ продать, только не иначе какъ другому обществу же, состоящему не менѣе какъ изъ 15 семействъ; за пользованіе этою землею общество, въ теченіе 20 лѣтъ, не платитъ ничего въ казну, но по истеченіи сего срока оно должно будетъ платить особую оброчную, именно за пользованіе землею, подать, въ томъ размѣрѣ, какъ это будетъ установлено впоследствии“.

сторону Амура, безконечную равнину, богатую травую степь, лежащую во всей своей неприкосновенности, мы снова вспомнили о несчастных русских степнякахъ, недавно нами оставленныхъ, и снова пожалѣли объ ихъ участи еще съ большимъ участіемъ и сожалѣніемъ. Ради чего (думалось намъ) положили роскошныя мѣста амурскихъ степей? ради чего такъ пунктально держались Богъ вѣсть когда составленнаго назначенія и, имѣя въ виду одну малозначительную сторону, опустили изъ виду другую, весьма важную? Сколько бы скота развели на этихъ неоглядныхъ равнинахъ умѣлые и досужіе малороссы! Сколько бы любви и старанія приложили они здѣсь на знакомой почвѣ, которая только тѣмъ отличается отъ родной и покинутой ими, что эта — новая, дѣвственная почва, благодарная и обезпечивающая такимъ легкимъ и такимъ близкимъ успѣхомъ! Приладили бы они здѣсь такія же землянки и жили бы тутъ такъ же счастливо и домовито, какъ не удалось имъ жить на родинѣ и какъ хотѣлось бы имъ пожить на чужбинѣ. Насилованные въ своихъ пожеланіяхъ, они, можетъ быть, круто обращенные на иную, вовсе незнакомую житейскую обстановку — растеряются и изноютъ въ нуждѣ, какъ уже и случались подобныя несчастія въ той же Восточной Сибири (напр. на такъ называемомъ аянскомъ трактѣ). Грустно, безысходно грустно стало намъ за несчастныхъ переселенцевъ, и воображеніе наше рисовало инныя подробности, не менѣе безутѣшныя, не менѣе обидныя.

Ѣдетъ (думалось намъ) чиновникъ, по казенному наряду, осматривать и назначать мѣста, удобныя для станцій. Ѣдетъ этотъ чиновникъ и думаетъ: „пространство дали большое; я одинъ: всего не сдѣлаешь, всего не осмотришь; да и кто можетъ знать, какія мѣста тутъ лучше, какія хуже. Съ ульдами говорить не умѣю, стало

быть и спросить некого. Стану назначать для станцій мѣста тамъ, гдѣ живутъ эти гольды, лишь бы только по приблизительному расчету около тридцати верстъ вышло“. И ставилъ этотъ чиновникъ столбъ: быть дѣлу такъ. Пусть же строить тутъ избу: станокъ будетъ. Для станка особенныхъ условій не требуется. И вотъ черезъ годъ за этимъ чиновникомъ ѣдетъ другой чиновникъ и тоже по казенному наряду, но съ болѣе важнымъ порученіемъ. Ему приказано отыскать и назначить мѣста, удобныя для заселенія и селеній. Видитъ этотъ чиновникъ станки, видитъ гольдскія деревни, изъ которыхъ однѣ — большія, другія — маленькія; видитъ онъ все это и думаетъ: „гольдская деревня велика, стало быть мѣсто хорошее; иначе бы не селились тутъ гольды большой массой“. И ставитъ тутъ подлѣ деревни этой этотъ чиновникъ свой столбъ. Маленькія деревушки гольдовъ проѣзжаетъ онъ мимо и думаетъ: „тутъ не стоитъ, тутъ и гольдъ неохотно селится, да и будущему русскому населенію около небольшого числа гольдовъ меньше гарантій чѣмъ-нибудь поживиться на несчастный случай голодовки, чѣмъ, напр., подъ бокомъ у большой гольдской деревни“. Думаетъ этотъ чиновникъ такимъ образомъ и ставитъ восьмой, ставитъ и девятый столбъ. Ставитъ этотъ чиновникъ этотъ девятый столбъ, глубоко врываетъ его въ землю и глубоко вѣруеть, что вѣрнѣе врыть тамъ столбъ, гдѣ уже прежній чиновникъ поставилъ станокъ, и мимо станка этого уже не одинъ разъ проѣзжало начальство. „Будетъ отвѣтственность, не будетъ ея, по крайней мѣрѣ сошлюсь на перваго: пополамъ отвѣтъ“. И врываетъ чиновникъ новый столбъ, но забываетъ (а можетъ быть на этотъ разъ и не знаетъ), что на вкусъ и требованія гольда плохая надежда. Гольдъ ищетъ мѣста для жилища своего такого, которое, приходясь подъ горой, защищало

бы его самого отъ вѣтра и мятелей, а его юрту — отъ осенняго погрому. Мѣста ему нужно столько, чтобы построить зимникъ на горкѣ и лѣтникъ ближе къ водѣ, чтобы подъ руками были и невода и рыба. Хлѣба гольды не сѣютъ, сѣна не косятъ: ни луговъ, ни полей имъ, стало быть, не надо: хлѣбъ привезутъ къ нимъ манчжуры, а изъ домашней скотины они, кромѣ собакъ, никакой не держатъ. Какъ бы то ни было, но близость гольдской деревни не всегда ручательство за хорошую почву по близости. Служа двумъ господамъ, не угодишь ни тому, ни другому. И третій чиновникъ прійдетъ посмотрѣть — такъ ли сдѣлалъ второй, и ничего не увидитъ, ничего не узнаетъ: мѣста, наугадъ назначенныя, такъ и останутся за переселенцами, и сядутъ на эти мѣста эти переселенцы и начнутъ съ тоски да съ горя кулаки грызть. Дѣло ихъ, во всякомъ случаѣ, дѣло проигранное, трудно-поправимое и почти безвозвратное. Разсердится крестьянинъ, да и напишетъ въ Россію къ роднымъ и знакомымъ такую грамоту: „пришли мы на Амуръ благополучно; а здѣсь намъ худо; а собирается кто изъ нашихъ сосѣдскихъ, сказывайте имъ: не ходили бы. Въ Сибири хорошо, а дома не въ примѣръ лучше. А мы живемъ и невѣдомо какъ жить доведется: ничего у насъ нѣту, а видно на все власть божья, а мы тому видно непричинны, что блажь такая напала, и ушли мы изъ деревни. Отъ хворости пока Богъ бережетъ, а по сіе число остаемся живы и здоровы: а впредь уповаемъ на Бога“.

— Взять бы намъ мужиковъ-то своихъ передъ уходомъ сюда всѣхъ, — да хорошенько выпоротъ, чтобы дури экой на себя не пускали: право такъ! — говорили мнѣ бабы, пришедшія съ мужьями изъ Воронежской губерніи. Мужья, стоявшіе тутъ же, промолчали, крѣпко только почесывая

сначала затылки, а потомъ — по сочувствію уже — и спины свои.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ водвореніе государственныхъ крестьянъ великороссійскихъ губерній на этихъ амурскихъ прибрежьяхъ — по нашему крайнему разумію — произведено безразсечно, неудачно и къ тому же несчастливо. Не приняты были въ расчетъ и соображеніе опыты старыхъ годовъ, не выполнены самыя главныя требованія всѣхъ подобнаго рода операций. Самый существенный недостатокъ, обусловившій естественнымъ образомъ неудачу, состоялъ въ томъ, что крестьянамъ отказано было въ правѣ заблаговременно и предварительно отправить на мѣста депутатовъ, которые, будучи выбраны обществомъ и знакомые съ его требованіями, отвѣчали бы за выборъ мѣстъ водворенія. Высшее правительство никогда и никому изъ переселенцевъ въ этомъ не отказывало.

Въ заключеніе остается намъ теперь еще одинъ вопросъ: кто же теперь придетъ на Амуръ изъ Россіи?

Въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ, въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года, на 127 страницѣ „Смѣси“, мы встрѣчаемъ слѣдующія замѣчательныя и правдивыя строки. „Въ настоящую минуту мы отмѣтимъ слѣдующій фактъ, показывающій очень ясно, что новое положеніе переселенцевъ, если не лучше, то никакъ не хуже прежняго. Фактъ этотъ: большая готовность крестьянъ переселяться и притомъ всего охотнѣе туда, куда уже переселились ихъ односельцы, или сосѣди, или вообще земляки. Что крестьяне переселяются охотно, это подтверждается напр. объявленіемъ отъ ставропольской палаты государственныхъ имуществъ¹. То же доказываютъ и не-

¹ Палата объявляла: „Многіе изъ государственныхъ крестьянъ и помѣщиковъ внутреннихъ губерній обращаются съ просьбами о дозво-

рѣдкія дѣла „о крестьянахъ, самовольно перешедшихъ изъ одной губерніи въ другую“, вызвавшія въ прошломъ году особый циркуляръ¹. Что крестьяне охотно стремятся именно туда, куда уже переселились ихъ земляки, то въ подтвержденіе этого, помимо множества другихъ доказательствъ, приводимъ слѣдующій свѣжій фактъ: въ прошломъ 1860 году изъ Полтавской губерніи, по вызову правительства, переселилось въ Крымъ 246 семей; въ послѣднее же время, изъ той же губерніи и почти изъ тѣхъ же уѣздовъ, изъявило желаніе переселиться до 850 семействъ, т. е. много больше, чѣмъ въ прошломъ году и чѣмъ предполагалось“. Авторъ этой статьи говоритъ далѣе: „Крестьяне прежде подачи просьбъ о переселеніи обыкновенно посылаютъ отъ себя выборныхъ, чтобы осмотрѣть мѣста предполагаемаго переселенія и навести подъ рукою нужныя справки. Въ виду такой готовности переселяться, о понудительномъ переселеніи, говоря вообще, не можетъ быть и рѣчи. Мѣстнымъ властямъ приходится не понуждать, а развѣ регулировать эту ревность къ переселенію, сообразуясь съ размѣромъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на переселенія“. Въ концѣ статьи своей авторъ задаетъ вопросъ: „дѣйствительно ли русскій крестьянинъ такъ крѣпко привязанъ къ своему пепелищу, — къ мѣсту, гдѣ покоится прахъ его отцовъ и дѣдовъ, какъ въ этомъ увѣряютъ насъ многіе? Привязанность простого русскаго человѣка къ своей семьѣ не подлежитъ сомнѣнію, но привязанность къ мѣсту — дѣло спорное. Если взглянуть поглубже, то можетъ быть окажется, что не только

леніи имъ селиться на земляхъ, оставшихся свободными за выходомъ въ Турцію магометанъ, съ перечисленіемъ на ихъ земли“, и проч.

¹ Въ циркулярѣ сказано: „Изъ дѣлъ министерства видно, что государственные крестьяне совершали, въ весьма значительномъ количествѣ, по недостатку земли, самовольныя переселенія во многоземельныя губерніи“.

крестьяне, но и всѣ русскіе причастны слабости или добродѣтели — перекочевывать при удобномъ случаѣ изъ одного мѣста въ другое. Мы съ малолѣтства прислушались къ пословицѣ: „рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше“. У малоросса есть и другая поговорка: „хощь гирише, абы иньше“. Вообще журналъ мин. государ. имущ. остановился на той мысли, что мы не умѣемъ цѣнить достойно русскаго человѣка, какъ колониста. „Впрочемъ еще недавно (говорить онъ) одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ политико-экономовъ уже сказалъ: „русскій крестьянинъ — колонистъ по преимуществу“.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время, когда опустѣлыя мѣстности Закавказья и Крыма зовутъ настоятельно и ждутъ нетерпѣливо новыхъ хозяевъ изъ переселенцевъ Россіи, кредитъ расхваленнаго Амура — къ сожалѣнію — долженъ упасть, и мы можемъ пока остановиться только на одномъ предположеніи, что изъ множества желающихъ переселенія найдется часть и туда, хотя уже конечно и значительно меньшая.

Высказанная журналомъ мин. госуд. имущ. мысль о всегдашней готовности русскаго народа къ переселеніямъ найдетъ себѣ значительную долю оправданія въ разработкѣ вопроса о такъ называемомъ бродяжествѣ. Вопросъ этотъ одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ во всей русской исторіи.

Разстаемся съ Амуромъ ради сосѣдняго съ нимъ океана и съ тѣмъ однакожь, чтобы снова вернуться на тотъ же Амуръ.

5. На устьѣ Амура.

Въ послѣднее время (и именно только въ послѣднее время) заговорить ли кто о системахъ заселенія Амура или о способахъ постройки горо-

довъ: всё обращаются къ примѣру Соединенныхъ Штатовъ Америки. Ищутъ ли въ нихъ образцовъ и примѣровъ для руководства во всѣхъ подобнаго рода предпріятіяхъ? — сказать мы не можемъ утвердительно. Распоряженія на Амурѣ слишкомъ ярки и опредѣлительны для того, чтобы не видѣть въ нихъ ничего общаго съ подобными распоряженіями въ Сѣверной Америкѣ. Аналогія, существующая между тѣмъ и другимъ дѣломъ, поразительна, но подробности и образъ практическаго примѣненія ихъ діаметрально-противоположны. Чтобы не ходить далеко въ подтвержденіи нашей мысли, останавливаемся на устройствѣ городовъ по Амуру. Для этого беремъ въ примѣръ американскій городъ (если уже только Сѣверную Америку серьезно хотятъ принимать въ образецъ и поученіе) и въ этомъ случаѣ, опираясь на свидѣтельство позднѣйшаго изъ русскихъ путешественниковъ¹, слѣдимъ за американскимъ городомъ съ самаго зародыша до конечнаго времени процвѣтанія. Особенно знаменателенъ для насъ городъ Чикаго. Въ 1830 году это былъ сборный пунктъ американцевъ для торговли съ индѣйцами; черезъ десять лѣтъ въ Чикаго было 5 тысячъ жителей; еще черезъ десять — 30 тысячъ; а въ концѣ 50-хъ годовъ, меньше чѣмъ черезъ 30 лѣтъ, народонаселеніе этого города достигло до 160 тысячъ и, говорятъ, ежегодно увеличивается отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ. И между тѣмъ начало его такъ не сложно, какъ несложно начало всѣхъ другихъ городовъ Сѣверной Америки.

Исхудалый, блѣдный, съ усталымъ лицомъ, послѣ двухъ-недѣльнаго плаванія черезъ океанъ, европейскій переселенецъ высаживается на берегахъ Америки, хотя бы напр. въ Нью-Йоркѣ. За-

¹ Г. Лакіера, по сочиненію его, изд. въ Спб. 1859 г. подъ заглавіемъ: „Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ“.

плативши въ emigrant-depot два доллара изъ небольшого капиталца, скопленнаго на родинѣ при долгихъ усиляхъ, переселенецъ этотъ съ надеждой на трудъ, на первыхъ же шагахъ по чужой почвѣ, попадаетъ въ руки американца, который желаетъ дѣлать (и дѣлаетъ) изъ этого человѣка аферу и тѣмъ убѣждаетъ пришельца, что деньги, привезенныя имъ изъ Европы, надобно издержать всѣ до копейки, чтобы сызнова начать трудиться и работать. Для этого европеецъ (нѣмецъ ли онъ или ирландецъ) поступаетъ въ работу къ фермеру, копить жалованье; затѣмъ самъ дѣлается хозяиномъ-фермеромъ, покупаетъ нѣсколько акровъ земли, воздѣлываетъ ихъ, продаетъ съ барышомъ другому, если самъ надумалъ искать себѣ счастья въ заманчивомъ, соблазнительномъ дальномъ западѣ, еще нетронутомъ и съ баснословными сокровищами. Тамъ онъ прибрѣтаетъ участокъ гдѣ-нибудь на судоходной рѣкѣ, близъ города, около желѣзной дороги и приглашаетъ въ компанію другихъ. Построить они общими силами домики, заборы, срубятъ часть лѣса, засѣютъ дѣвственную почву, гдѣ она поудобнѣе, заложатъ городокъ, расхвалитъ въ газетахъ его мѣстоположеніе, выгоды для переселенцевъ „и затѣмъ будутъ ждать, пока правительство Соединенныхъ Штатовъ вздумаетъ продать эти участки съ публичнаго торга, начиная съ доллара съ четвертью за акръ и допуская къ торгамъ на однихъ съ другими основаніяхъ и тѣхъ, кто уже владѣетъ участками“. Такъ поступаютъ тѣ, которые ушли изъ Нью-Йорка. Городъ ихъ еще не вылился въ опредѣленную форму, онъ только начинается, но въ немъ ужъ обозначаются широкія улицы: „будущій городъ разбрасывается на огромномъ, почти безмѣрномъ пространствѣ; рассчитываютъ на послѣдующіе милліоны жителей; никакому кварталу, никакой улицѣ не дается предпочтеніе передъ другою, всѣ одинаковой ширины и длины; всѣ пере-

сѣкаются подь прямыми углами. Самъ народъ впоследствии опредѣлитъ, какая улица удобнѣе, и конечно ведущая къ пристани, къ порту, на биржу первая покроется большими зданіями; а на другой улицѣ, не представляющей тѣхъ же удобствъ, долго еще останутся деревянные избы, наскоро сколоченныя первыми переселенцами. „Мнѣ всегда кажется — говоритъ г. Лакиеръ, — что и города въ Америкѣ носятъ на себѣ печать общаго американскаго равенства: рожденіе не предоставляетъ никакихъ преимуществъ ни улицѣ, ни классу людей, ни отдѣльному человѣку, а между тѣмъ, такъ какъ абсолютное равенство нигдѣ на земномъ шарѣ невозможно и невообразимо, непременно образуются различія, явятся любимыя, многолюдныя, хорошо обстроенныя улицы, какъ образуются богатые, почетныя семейства, знатные люди, и путь къ этому желанному исходу открыть для каждого, ничто не полагаетъ препятствій и помѣхъ, и можно быть увѣрену, что когда-нибудь дойдетъ очередь и до тѣхъ, кто прежде оставался въ тѣни“. Такимъ образомъ новое мѣстечко обстраивается само, управляется также само собою, пришлое населеніе начинаетъ само управлять своими общественными дѣлами, имѣть свои суды, свои школы, устраиваетъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, такъ что правительство обращаетъ на новый городъ вниманіе свое тогда только, когда городъ самъ дастъ знать о своемъ процвѣтаніи.

Поразительная быстрота, съ какою создаются американскіе города, естественнымъ образомъ и болѣе всего доказывается тою свободою дѣйствій, которая сопровождаетъ всякое дѣло американца. „Мы здѣсь счастливы (говорилъ г. Лакиеру нѣмецъ изъ Швабіи); мы не боимся полиціи. Если человѣкъ честенъ и трудолюбивъ, нигдѣ нельзя быть довольнѣе судьбою; надъ нами нѣтъ власти, мы сами хлопчемъ и заботимся о себѣ, идемъ куда и когда

хотимъ, занимаемся чѣмъ желаемъ, сами облагаемъ себя сборами“. Справедливо главнымъ образомъ то, что выборъ земли предоставленъ частному лицу, которое, руководствуясь своими индивидуальными наклонностями, потребностями и вкусомъ, можетъ отдать предпочтеніе или изобилующей лѣсомъ или производящей пшеницу. Конечно, онъ предпочтетъ море, озеро, рѣку, которыя могли бы переносить его грузы лѣса для постройки судовъ, и проч. Грязный вначалѣ, безъ мостовыхъ, наскоро застроенный американцами, городъ успѣлъ уже образовать дружную и согласную общину. Одинъ помогаетъ другому строить домъ; третій взялъ на себя обязанность учителя дѣтей. Переселенцы кое-какъ построили школу, потомъ церковь. Успѣхи эти привлекли многихъ американцевъ изъ восточныхъ штатовъ, городъ завелъ лавки, завелъ библіотеку, началъ издавать газету, къ нему пристроили линію желѣзной дороги: процвѣтанію его положено начало, и новый городъ не замедлитъ сдѣлаться и извѣстнымъ и многочисленнымъ.

Сколько поразительно быстрое достиженіе результата во всякомъ дѣлѣ, за какое ни возьмется легкая и счастливая рука американца, столько же невозможно и слишкомъ смѣло сопоставленіе американца съ какою-нибудь другою націею, а тѣмъ болѣе съ другимъ государствомъ. Нѣмцы, при всемъ ихъ прилежаніи, при всѣхъ добрыхъ качествахъ, бережливости, идутъ вслѣдъ за американцемъ; а гдѣ американецъ, тамъ нѣмецъ долженъ уступить и уступаетъ ему мѣсто. „Можно говорить о числовомъ превосходствѣ нѣмцевъ, но не о первенствѣ ихъ! Если нѣмецкихъ переселенцевъ можно упрекнуть въ недостаткѣ практическаго смысла, — ирландцы отличаются лѣнностью или, лучше, безпечностью на счетъ завтрашняго дня, пока на радости не промѣняютъ нажитаго доллара на джинъ и виски. Если у нѣмца нѣтъ смѣлости

броситься въ предпріятіе, которое можетъ его раззорить и обогатить, — у ирландца нѣтъ терпѣнія, нѣтъ усидчивости, нѣтъ изумительнаго постоянства американцевъ идти къ цѣли, пока не дойдешь до нея¹. Американецъ всюду; своеобразный американскій элементъ даетъ жизнь и направление всякой дѣятельности на новомъ континентѣ; европеецъ долженъ стать американцемъ для того, чтобы не звучать фальшивымъ звеномъ въ этой цѣпи постоянства, труда и дѣятельности.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ на нашей, новой и дѣвственной, почвѣ Амура; а потому и самое сопоставленіе не можетъ имѣть мѣста, при всемъ насилуванномъ и рьяномъ желаніи желающихъ. У насъ другія причины основанія городовъ, иныя средства. Для чего же мы будемъ искать руководящаго примѣра въ Америкѣ, когда должны находить только поучающіе образы, и никакъ не далѣе и не болѣе? Чтобы не ходить далеко, мы возвращаемся опять къ тому же Николаевску на Амурѣ. Въ Америкѣ для него есть образецъ, весьма близкій по сходству, весьма опредѣленный по подробностямъ.

Въ верхней Канадѣ существуетъ городъ Байтоунъ. „Не прошло еще четверти столѣтія — говоритъ г. Лакіеръ — съ тѣхъ поръ, какъ начали здѣсь расчищать лѣсъ, а ужъ титулъ town не удовлетворяетъ города, который умѣлъ сосредоточить въ себѣ болѣе десяти тысячъ жителей, провелъ широкія, еще впрочемъ немощенныя улицы, раскинулся на огромномъ пространствѣ, освѣщенъ газомъ, имѣетъ хорошія гостиницы“. Причина такого быстрого процвѣтанія — лѣсная торговля.

Гдѣ она въ Николаевскѣ, который изжилъ уже первый десятокъ лѣтъ? Гдѣ въ немъ предпримчивые люди, вышедшіе изъ родной русской почвы.

¹ Лакіеръ, т. I. стр. 215—217.

съ вѣрою и любовью къ родинѣ, съ надеждою на ея будущее процвѣтаніе, хотя бы только въ здѣшнемъ отдаленномъ и поставленномъ въ новыя условія край?

Обстоятельства благопріятствовали въ отдаленности отъ центровъ и централизаціи, благопріятствовали въ исключительности положенія, во многомъ другомъ; воспользовались ли всѣмъ этимъ новые пришельцы въ новый городъ близъ устья Амура и водъ того океана, около котораго процвѣтають Калифорнія, Японія, англійскія колоніи и проч.? Нѣтъ! — скажемъ мы утвердительно; нѣтъ! — потому что у насъ другія требованія отъ города, другіе люди для города и другіе элементы, изъ которыхъ сплачиваются и люди, и ихъ быть вещественный и нравственный. Объ Америкѣ мы на этотъ разъ должны забыть и къ ней не возвращаться. Наша русская самобытность даетъ намъ на то право, обязываетъ насъ быть, въ свою очередь, исключительными для того, чтобы не искать подобія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не увлекаться чужими примѣрами и образцами, когда они къ нашимъ дѣламъ не прилаживаются ни одною изъ своихъ сторонъ. Николаевскъ — городъ, построенный на русской почвѣ вблизи китайской, и притомъ построенный русскими людьми, у которыхъ въ истинномъ значеніи слова только три-четыре города, скорѣе иностранныхъ, чѣмъ русскихъ, каковы Петербургъ, Рига, Одесса и можетъ быть Архангельскъ. Нѣсколько сотенъ городовъ лежатъ у насъ на картѣ, но надо выдѣлить въ нихъ только дома управленій, дома казенные, чтобы дальше уже не находить никакого сходства съ городомъ въ истинномъ значеніи этого слова. У насъ нѣтъ городского общества, мы за долгое существованіе не выработали удобства и комфорта городской жизни, которые въ истинныхъ городахъ, въ городахъ Европы доведены до щепетильности, до ми-

ніаюра; у насъ нѣтъ ничего изо всего того, чѣмъ заявляетъ и характеризуетъ себя всякій городъ на Западѣ. Многіе изъ нашихъ городовъ два-три столѣтія силились стать на линію европейскаго города и все-таки до сихъ поръ представляютъ совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ селъ, деревень, плохо сплоченныхъ вмѣстѣ и неживущихъ общими интересами. Самый большой городъ — смѣсь и совокупность маленькихъ общинъ, живущихъ отдѣльною жизнію, даже безъ заявленія на сближеніе въ одну общую городскую общину. Если уже и готовы инстинкты (хотя и неясные и неопредѣленные) для того, чтобы можно предположить скорую возможность сплоченія разрозненныхъ силъ и совокупность стремленій къ одной цѣли, все-таки ни Москва, ни Ростовъ, ни Казань, ни Кіевъ — не города въ томъ смыслѣ, въ какомъ порождены они средневѣковыми событіями въ Западной Европѣ.

Возвращаемся къ Николаевску, оставляя доказательства высказанныхъ нами положеній до благоприятнаго времени и мѣста.

Правительству нашему необходимъ былъ на первыхъ порахъ въ устьѣ Амура и въ возможно скоромъ времени портъ. И вотъ выбрано было первое попавшееся подъ руку мѣсто, въ первозданномъ лѣсу. Сдѣланы расчисти, образовалась площадка, которая впослѣдствіи оказалась открытою и подверженною неблагоприятному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ; но тѣмъ не менѣе приступлено было къ городскимъ работамъ. Наскоро сплочены казармы для матросовъ, дома для начальства, заложена церковь: все вдругъ, все вмѣстѣ, усиленными чрезмѣрными работами первыхъ русскихъ, случайно попавшихся въ это мѣсто. Еще не успѣли вырвать пни отъ деревьевъ — проложены, намѣчены были улицы: еще не успѣли довести до креста церковь — дома уже были готовы, скво-

зили въ стѣны вѣтромъ, обливали съ потолоковъ и обрѣшетившихся крышъ дождемъ. И вотъ черезъ пять лѣтъ мы находимъ контору надъ портомъ въ какой-то банѣ, лачугѣ; провіантскіе магазины въ лодкахъ, приплавившихъ съ верховій Амура хлѣбъ и вытасненныхъ и оставленныхъ на берегу въ томъ же некрасивомъ и неудобномъ видѣ, въ какомъ эти баржи, эти лодки были на водѣ и въ водѣ рѣки Амура. Правда, что на то время были уже ряды маленькихъ домиковъ, кое-какъ выстроенныхъ семейными чиновниками, матросами изъ женатыхъ.

Американцы, вѣрные своей національной неосѣдливости и своему стремленію все далѣе на западъ, переплыли и сюда на Амуръ, очутившись такимъ образомъ на крайнемъ востокѣ. Американцы эти пристроили свои дома къ домамъ русской постройки; дома американцевъ сохранили и здѣсь ту оригинальность, какою щеголяютъ они если не въ Соединенныхъ Штатахъ, то по крайней мѣрѣ въ Калифорніи. Домъ уютенъ и практиченъ; большія окна съ частымъ переплетомъ дѣлають ихъ свѣтлыми; домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной помѣщается полу-теплый магазинъ съ товарами; въ другой — жилище самого купца; дома американцевъ не столько высоки, сколько длинны, не столько красивы, сколько удобны и оригинальны съ виду для непривычнаго русскаго глаза. Вслѣдъ за американцами сдѣлали набѣздъ на Николаевскъ и нѣмцы: одни, говорятъ, прямо изъ Гамбурга, другіе — прямо изъ Санъ-Франциско, гдѣ въ послѣднее время нѣмцу такъ счастливится, какъ напр. хотъ бы въ той же Россіи. Гамбургскіе нѣмцы также поспѣшили выстроить дома, но съ своеобразнымъ оттѣнкомъ; ихъ дома узкіе и высокіе, потому что выстроены въ два этажа: въ верхнемъ хозяйская квартира, нѣмецкій языкъ и пиво; въ нижнемъ — магазинъ съ кое-какими мелочами въ едва примѣтномъ ко-

личествѣ и съ отромнымъ запасомъ водки и рому, между которыми — сладкая вишневка американскаго приготовленія, извѣстная подъ заманчивымъ названіемъ Cherry Cordiale. Водка эта, или, лучше, наливка приготовлялась для любителей въ южныхъ портахъ Китая изъ туземцевъ и для того обклеивалась по бутылкамъ этикетомъ съ китайскою надписью, гдѣ хвастливо рекомендуются ея доблести, но попала на Амуръ. Попала она сюда не даромъ. Матросикъ, посаженный на новую дѣвственную почву, встрѣтилъ здѣсь чужую, трудную и непривычную работу плотничью, но въ то же время получилъ онъ и удвоенную противъ прежняго копѣйку. Вотъ почему матросикъ, когда весь вышелъ казенный спиртъ, охотно покупалъ сладкую cherry, а потомъ шампанское, а когда при его пособіи и съ помощію его скучающаго начальства порѣшились въ лавкахъ и тѣ и другіе напитки: онъ, матросикъ, покупалъ одеколонъ, покупалъ духи и пилъ вмѣсто водки то и другое, рѣдко даже разбавляя водою. Представляя въ этомъ отношеніи поразительное сходство съ американскимъ ирландцемъ, нашъ матросъ можетъ быть также безпеченъ, если бы не былъ вызванъ на постоянную работу по казенному наряду¹.

Насильно милъ не будешь — по пословицѣ. Овощи и зелень Николаевскъ покупаетъ у кре-

¹ Положеніе матроса въ этомъ городѣ вообще незавидно: табакъ онъ покупаетъ по 50 коп., ржаную муку 1 р. 50 коп. пудъ, пшеничную 3 р. пудъ; мясо свѣжее 8 руб. 50 к. за пудъ, за солонину платитъ 3 руб. — 3 1/2 за пудъ. „За бутылку рому — рассказывали они мнѣ — на худой конецъ надо заплатить 1 р. 50 к., а кто Бога не боится, возметъ и 2 руб. за бутылку, и то ежели есть, а ежели нѣтъ, такъ не найдешь и за 5 руб. сер., а спирту и вовсе въ продажѣ нѣтъ для насъ, а только есть для гг. офицеровъ и то въ маломъ количествѣ“. Такъ матросы и домои, въ Россію, объ этомъ пишутъ и прибавляютъ: „рубаха ситцевая стоитъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.; а отдаешь бѣлье мыть, то прачка беретъ за рубашку 6 и 7 к.; за платокъ, чулки и полотенце 5 к. за каждую штуку. Однимъ словомъ, все такъ дорого, что бѣдному и жить никакъ нельзя“.

„Жители — толковалъ другой грамотный — живутъ очень въ бѣдномъ положеніи, ибо инородцамъ платить за одну рыбу 50 к.; а ежели купить осетра въ три пуда, заплатишь за него не менѣе 5 руб.“ и проч.

стыянь, поселенныхъ въ низовьяхъ Амура. Мясо ѣсть только тогда, когда приплавить казна, и притомъ вялое, сухое, невкусное мясо. Цѣлый годъ николаевскія хозяйки изощрялись въ изобрѣтеніяхъ и придумкахъ въ приготовленіи рыбы, имѣющей свойство скоро прѣдаться и надѣдаться. Выдумали рыбныя котлеты, какіе-то соусы, но мяса не ѣли. Поваженные къ чаю, пили его безъ сахару тоже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и вдругъ очутились при избыткѣ варенья, которое у всѣхъ оказалось въдобавокъ ананаснымъ, свареннымъ въ Америкѣ.

Принявши разъ такимъ образомъ казенное значеніе, Николаевскъ явился городомъ правительственнымъ, не вызваннымъ нуждами и требованіями народными. Онъ утвердился на искусственной почвѣ; а потому и на первыхъ порахъ своего существованія не могъ имѣть ничего своеобразнаго и самостоятельнаго. Хозяйства въ немъ нѣтъ никакого; онъ ждетъ подвозу предметовъ первой необходимости сверху каждымъ лѣтомъ и предметовъ комфорта и роскоши на корабляхъ изъ-за моря съ каждой весною. Тѣ и другіе удовлетворяютъ его желаніямъ, но, по крайней случайности, далеко не вполне и далеко не такъ, какъ надо. Въмѣсто сахару — везутъ ананасное варенье; вмѣсто холста и полотна — кринолины и шляпки; вмѣсто ржи и пшеницы — американскіе сухари и презервы; вмѣсто колониальныхъ товаровъ — одинъ только ромъ и шерри. Купецъ отчасти правъ, хотя и дешевъ въ своихъ коммерческихъ соображеніяхъ, если на временномъ и вынужденномъ (климатомъ и другими обстоятельствами) затребованіи крѣпкихъ напитковъ исключительно основываетъ приготовленіе своего корабельнаго груза. Послѣдователенъ и логиченъ и потребитель, если за неимѣніемъ правильныхъ данныхъ не простираетъ своихъ требованій дальше того, что прода-

ють, и пока не ушелъ отъ крѣпкихъ напитковъ и предметовъ утонченной роскоши. Въ Николаевскѣ нѣтъ книгъ, и мало чтенія — стало быть, заботы объ насущномъ дѣлаютъ изъ того занятія пока еще одну роскошь. Въ Николаевскѣ нѣтъ семейныхъ кружковъ, хотя и существуетъ тоска одиночества, однообразіе интересовъ; умѣнье играть въ карты, умѣнье танцовать — все, однимъ словомъ, то, на чемъ остановилось до сихъ поръ наше провинціальное общество и не пошло дальше. Былъ порывъ замкнуться въ клубъ, образовать его: и клубъ былъ устроенъ, но прохотился, вѣроятно отъ той же причины, что порывъ былъ не искренній, скорѣе искусственный, какъ искусственно и самое сопоставленіе случайныхъ обитателей въ этомъ мѣстѣ, какъ, наконецъ, искусственно и самое построеніе города. Николаевскъ въ этомъ отношеніи нисколько не ушелъ отъ другихъ, не менѣе искусственныхъ городовъ, каковы большая половина уѣздныхъ, гдѣ нѣтъ дворянства и гдѣ городъ образовался указомъ Императрицы Екатерины II изъ села. Николаевскъ начинаетъ походить и теперь, въ первые свои годы, на тѣ города, которые мы назовемъ казенными и военными, каковы напр. въ той же Сибири Омскъ, въ Россіи — Оренбургъ, Екатеринбургъ и прочіе бурги. Едва ли амурскій городъ пойдетъ дальше, если будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, какимъ началъ. Іерархическія различія и бюрократическія тенденціи не уведутъ его дальше составленія кружковъ по табели о рангахъ; кружки эти будутъ замкнуты и враждебны другъ другу: псевдо-аристократическій будетъ смотрѣть свысока на другой, псевдо-демократическій; этотъ, въ свою очередь, будетъ смѣяться и презирать соперника. Начало уже положено, хотя и не выказалось вполне и опредѣлительно, но за углами идутъ уже глумленія, сдержанный шопотъ; слышатся насмѣшки,

пересуды, начались сплетни. Видится во всемъ этомъ зачатокъ разложенія, серьезнаго разъединенія. Недостаетъ, можетъ быть, только слезъ зависти о томъ, что такая-то надѣла посвѣжѣ платье, такая-то счастливѣ поклонниками, а эта умѣетъ танцовать польки, не ограничиваясь знаніемъ кадрили и вывезеннаго изъ Камчатки туземнаго танца осьмерки, основателями котораго туземные остряки полагають пьяныхъ китобоевъ. Николаевское общество въ этомъ отношеніи оно логично, если принять въ соображеніе, что Петропавловскій портъ съ его жителями и ржавыми пушками легъ въ основаніе новаго амурскаго города. Многіе умѣютъ говорить по-якутски; многіе плохо говорятъ по-русски, шепелявя, какъ чухонцы въ Питерѣ, не лада съ буквою *с*, превращаемою почти во всѣхъ случаяхъ въ шипящую букву *ш*.

Мало вообще своеобразнаго въ городѣ, много завезеннаго — какъ и быть слѣдуетъ — изъ другихъ городовъ. Едва ли не всякій вноситъ свое и настаиваетъ на томъ, чтобы это внесенное получило право гражданства. Въ маленькомъ обществѣ все это выдается рѣзко, приходится какимъ-то угломъ, бросается въ глаза и въ общемъ не возбуждаетъ сочувствія. Искусственныя мѣры и искусственныя препоны опять-таки тутъ ничего не дѣлають и не сдѣлають. Общій столъ въ гостиницахъ не устоялся; бібліотека и сходки въ ней ради чтенія фальшиво звучали въ началѣ и сосредоточились потомъ въ двухъ, трехъ лицахъ изъ искреннихъ любителей. Все дѣлалось насильно, искусственно и стало быть не имѣло вожденнаго успѣха. Напрасно доморощенный оркестръ изъ губастыхъ и грудастыхъ матросовъ зоветъ всѣхъ къ сближенію въ кадрили и другіе танцы: танцы могутъ состояться, но едва ли надолго. На балъ явится (и не одинъ) такъ называемый скандалистъ и разстроитъ общество. Злые языки го-

ворять, что ни въ одномъ изъ портовыхъ городовъ не бываетъ танцевъ безъ скандала, можетъ быть потому-то одинъ изъ бывалыхъ моряковъ, войдя въ залу николаевского собранія, изумился господствовавшей тишинѣ. Если бы муха пролетѣла — слышно было: до того этотъ моментъ былъ невозмутимъ и полонъ поразительной тишины. Морякъ не удержался и спросилъ все собраніе:

— Что это, господа, очень тихо? Ужъ не передъ скандаломъ ли?

Предсказаніе его сбылось; сомнѣнію его дали полную вѣру и подтвердили фактически въ концѣ этого вечера, который былъ въ ряду скандальныхъ не послѣднимъ и далеко не первымъ.

Вводя такимъ образомъ въ бытъ новаго города то, что добыто въ праздности и бездѣльѣ извращенныхъ кружковъ — новые пришельцы въ новомъ городѣ вдвойнѣ разъединяють общество: оказывая ему злоумышленное презрѣніе, они запирають себѣ двери въ семейные дома, и съ другой стороны — отбивають охоту у другихъ бывать въ тѣхъ углахъ, гдѣ они сами принуждены будутъ сосредоточиться, ради изгнанія скуки и одиночества. Николаевскъ въ послѣднемъ отношеніи дальше рому и cherгу ничего не даетъ... Мало даетъ онъ разнообразія и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: работы въ порту еще такъ неопредѣленны и неинтересны, что пріохотить и привязать къ себѣ не могутъ; семейные кружки ведутъ уже рутинный круговой разговоръ почти все объ одномъ и томъ же, почта ходитъ 5—6 разъ въ годъ, корабли приходятъ изъ Америки и привозятъ чужія, непитательныя новосты. Николаевскій американецъ, получивши товаръ и газеты, выпьетъ лишнюю бутылку виски на радости; николаевскій русскій, не получившій ни того, ни другого, все-таки выпьетъ лишнюю бутылку двойного портера, можетъ быть въ сотый разъ, — съ горя. Тоскуя

въ одиночествѣ и вдали отъ родины, онъ въ своихъ стремленіяхъ можетъ быть не только однообразенъ, но даже эксцентриченъ. Все это въ порядкѣ вещей. Не удивляемся мы, если нѣкоторые находятъ главное свое удовольствіе въ ѣздѣ на собакахъ съ утра до вечера и достигаютъ въ этомъ занятіи кобюра завидныхъ результатовъ и виртуозности. Мы готовы извинить имъ это, зная, что они къ книгамъ не приучены съ измалѣтства, что въ Николаевскѣ улицы по зимамъ заноситъ до того глубокимъ снѣгомъ, что только одни собаки и могутъ спасти охотника до визитовъ, до служебныхъ обязанностей и проч. Мы равнодушно смотримъ, если два не менѣе почтенныхъ господина также съ утра до вечера ѣздятъ верхомъ на маленькихъ лошадакахъ по весьма неинтересному городу, въ которомъ новаго ничего не увидишь, а старое успѣло уже до боли натрудить глаза. Привыкли мы — и при всей страсти къ сплетнямъ не придаемъ никакого особеннаго значенія всему тому, что рассказываютъ и показываютъ.

Но боясь тѣхъ же сплетенъ, на которыя такіе мастера наши маленькіе города, а тѣмъ болѣе вновь образующіеся — мы спѣшимъ покончить съ Николаевскомъ чтобы, боясь грѣха, уйти изъ него вонъ, хотя бы на этотъ разъ въ лиманъ и дальше, въ Восточный океанъ. На прощанье бросаемъ съ палубы парохода нашъ взглядъ на этотъ городъ, которымъ мы пожалуй готовы на этотъ разъ даже любоваться. Раньше сказали мы въ подобающемъ мѣстѣ и при случаѣ, что „видъ на Николаевскъ съ рѣки чрезвычайно картиненъ и оригиналенъ“, что онъ „глядитъ рѣшительнымъ городомъ больше, чѣмъ даже Чита какая-нибудь, а тѣмъ паче Благовѣщенскъ“ — мы и теперь не беремъ этихъ словъ назадъ, а идемъ дальше, тѣмъ болѣе, что городъ сдѣлался намъ нѣсколько знакомымъ. Вонъ

влѣво пакгаузы и дома Амурской компаніи, въ которыхъ завелось много крысъ, но еще очень мало необходимыхъ товаровъ; вонъ груды вывороченныхъ и навороченныхъ на одно мѣсто древесныхъ корней тамъ, гдѣ предполагается противъ церкви городская площадь, на которой поставятъ можетъ быть памятникъ кому-нибудь и ужъ непременно разведутъ бульваръ. Таковой и существуетъ около скандальнаго клуба и того мѣста, гдѣ успѣлъ образоваться маленькій рынокъ, тотъ же клубъ, но только народный. На рынокъ этомъ сумѣли уже собрать всякій разнокалиберный хламъ и ломъ и привлечь любопытнаго матросика, для котораго есть уже тутъ всяческій соблазнъ: говорливая, бойкая щебетунья баба-вдова, свихнувшаяся съ пути правды дѣвка; есть крѣчайшій до тошноты манчжурскій и нерчинскій табакъ самъ-краше, есть погребокъ, есть и кусокъ жаренаго на лоткѣ, и проч. Правѣ мы видимъ оврагъ и знаемъ, что дальше въ оврагѣ этомъ построена матросская баня; за ней по горѣ потянулся новый порядокъ домовъ и между ними казарма для каторжныхъ. Здѣсь, говорить, устроился клубъ другого рода и вида: идетъ азартная игра, столь присущая людямъ сильныхъ страстей и преимущественно тѣхъ, которыхъ вовлекли эти страсти въ преступленія. Еще видимъ мы нѣсколько домовъ, которые поднимаютъ въ нашей памяти много иныхъ воспоминаній, но пароходъ поднялъ якорь для того, чтобы уйти и унести насъ отъ Николаевска.

Туманная и потомъ дождливая погода мѣшаетъ намъ видѣть многое, хотя въ то же время — собственно говоря — и видѣть нечего. На берегахъ сарай: одинъ для льду, которымъ предполагаетъ торговать съ Китаемъ Амурская компанія; на другомъ берегу — рядъ казармъ: новоз каторжное и самое дальнее мѣсто — Чипиррахъ; еще дальше

нѣсколько гиляцкихъ юртъ, цѣлое селеніе гиляковъ — Проньга и повсюду лѣсъ, глухой, первозданный, непроходный лѣсъ, пока только пригодный для притона бѣглыхъ каторжныхъ. Виды непривлекательны; впечатлѣнія тяжелы; погода гармонируетъ съ тѣмъ и другимъ. Мы съ трудомъ различаемъ бакены и створные знаки и потому только не садимся на частыя мели лимана, что ведетъ насъ опытный штурманъ.

Путь идетъ намъ дальше; смотрѣть по сторонамъ нечего; берега скоро отходить такъ далеко, что мы ихъ теряемъ изъ виду; вода становится соленою. Пользуясь этимъ случаемъ, мы возвращаемся назадъ, предпосылая на всякій случай — къ свѣдѣнію — краткій историческій очеркъ амурскаго лимана.

Въ 1783 году французское правительство отправило въ Тихій океанъ ученую экспедицію подъ начальствомъ Лаперуза. Лаперузъ, слѣдуя вдоль Татарскаго берега, открылъ заливъ, удобный для стоянки кораблей, и назвалъ его заливомъ Да-Кастри, въ честь бывшаго тогда во Франціи морского министра. На основаніи показаній туземцевъ, Лаперузъ предположилъ, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ отмелью и что въ устьѣ Амура лежатъ обширныя мели; но на томъ не остановился, а, не теряя надежды пройти лиманомъ въ Охотское море, отправился къ сѣверу. Черезъ нѣсколько миль глубина съ 15 сажень спала до 9; Лаперузъ отправилъ шлюпки для промѣра, а самъ всталъ на якорь. Шлюпки нашли глубину въ 6 саж. и возвратились обратно. Постепенное уменьшеніе глубины убѣдило Лаперуза согласиться съ показаніями туземцевъ; онъ предположилъ существованіе перешейка или канала, весьма впрочемъ узкаго, съ глубиною не болѣе нѣсколькихъ футъ. Черезъ десять лѣтъ въ Татарскомъ заливѣ, на небольшомъ бригѣ, явился ан-

гійскій капитанъ Бретонъ. Сидя въ водѣ 9 футъ, Бретонъ надѣялся пройти въ Охотское море изъ Де-Кастри. Пройдя миль 8 дальше Ланеруза, онъ встрѣтилъ глубину 2 сажень и послалъ промѣръ. Помощникъ его Чепменъ объявилъ, что хотя между мелями и встрѣчаются глубины, но онѣ, постепенно уменьшаясь, приводили его къ Сахалинскому берегу или къ сплошнымъ отмелямъ. Оба берега какъ бы сливались; проливъ между ними не былъ виденъ; берега повсюду окружены были песчаными отмелями; не было ни малѣйшихъ признаковъ прохода. Бретонъ заключилъ, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ, и это мнѣніе съ той поры прошло въ позднѣйшія поколѣнія. Въ 1803 г. наше правительство отправило Крузенштерна для описи Сахалина (сѣверовосточной и сѣверной его части). Крузенштернъ (въ 1805 г.), описывая восточную часть острова, около 52°, на пространствѣ около 10 миль къ NO, встрѣтилъ признаки отмели и буруны. Обогнувъ Сахалинъ съ сѣвера и направляясь къ югу, онъ увидѣлъ проливъ въ 5 миль шириною, который и принялъ за каналъ, ведущій въ Амурь. Направляясь въ него, Крузенштернъ дошелъ до глубины 6 саж. и дальше не пошелъ, отправивъ для промѣра шлюпки. Лейтенантъ Ромбергъ встрѣтилъ сильное теченіе и не видалъ глубины больше 4 сажень, которая по мѣстамъ уменьшалась даже до 3½. Вода, привезенная имъ, была прѣсная. Крузенштернъ писалъ впоследствии: „сильное теченіе, встрѣченное мною въ этихъ мѣстахъ, и опасеніе, чтобы дальнѣйшими изслѣдованіями не навлечь подозрѣнія китайскаго правительства и тѣмъ повредить кяхтинской торговлѣ (въ чемъ предостерегали его въ Камчаткѣ), и наконецъ опасеніе, чтобы не столкнуться съ китайскою эскадрою, наблюдающею за устьемъ Амурса, заставили возвратиться въ Петропавловскъ“. И Крузенштернъ такимъ образомъ

поспѣшили заключить, что Сахалинъ — полуостровъ, что доступъ въ Амуръ, если и существуетъ, то развѣ только съ сѣвера, и по причинѣ сильныхъ теченій онъ долженъ быть весьма затруднителенъ и опасенъ; что отмель, встрѣчаемая на восточной сторонѣ Сахалина, дальше представляетъ баръ какой-либо большой рѣки, а можетъ быть даже и рукава Амура, и проч., и проч. Въ 1807 г. поручена была подобная же опись В. М. Головнину; но онъ — какъ извѣстно — попалъ въ плѣнъ къ японцамъ, и опись не состоялась. Въ 1826 году изъ Кронштадта отправлена ученая экспедиція капитана Ѳ. П. Литке, но онъ, занятый учеными изслѣдованіями, не былъ въ Охотскомъ морѣ и предписанія, данныя ему относительно Сахалина, остались безъ исполненія ¹.

Впослѣдствіи проектъ ген.-губ. Восточной Сибири Лавинскаго — какъ извѣстно — также не былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію министра финансовъ. Между тѣмъ несчастное положеніе Камчатки, возможность и сила конкуренціи англичанъ въ нашей торговлѣ съ Китаемъ и многія другія обстоятельства побудили наше правительство снова обратить серьезно вниманіе на устье Амура, значеніе котораго видѣлъ еще прозорливый Петръ Великій и оцѣнила Екатерина II, сказавшая, „что если бы Амуръ могъ намъ только служить какъ путь, чрезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣетъ уже значеніе“.

Въ 1846 году, по приглашенію правительства и на казенный счетъ, главный правитель сѣвероамериканскихъ колоній Тебеньковъ отправилъ изъ

¹ Въ инструкціи, выданной г. Литке отъ адмиралтейскаго департамента, между прочимъ сказано было: „Возвращаясь отъ S, гдѣ предполагается вамъ провести зимніе мѣсяцы, имѣете вы прорѣзывать граду Курильскихъ острововъ, гдѣ найдете то удобнымъ, а оттуда держать къ сѣверной оконечности полуострова Сахалина и оттуда начать опись берега между Сахалиномъ и Удскимъ острогомъ“.

Новоархангельска къ устью Амура бригъ „Константи́нъ“ подъ командою штурманскаго поручика Гаврилова. Борясь съ теченіями и противными вѣтрами, онъ весьма медленно поднимался въ рѣку и прошелъ противъ теченія до 12 миль, дѣлая промѣры. Гавриловъ пришелъ къ такому заключенію: „Къ сѣверной части лимана рѣки Амура могутъ, но съ большимъ трудомъ, подходить парусныя суда, сидящія въ водѣ не болѣе 16 футовъ; дальнѣйшее же плаваніе по лиману для парусныхъ судовъ невозможно (!) Что же касается до входа въ самую рѣку, то только при средствахъ, какія употребляются для промѣра въ шхерахъ Финскаго залива, можно надѣяться найти проходъ въ рѣку, но только для пароходовъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе 5 футовъ, и можно надѣяться также найти отъ устья рѣки къ сѣверу въ Охотское море узкій извилистый протокъ, но по протоку этому, по узкости и извилинамъ, ни въ какомъ случаѣ невозможно проходить судамъ даже и мелководнымъ“.

Показанія эти имѣли нѣкоторую долю вѣроятія; по нимъ правительство остановилось на томъ положеніи, что „напрасно хлопотать объ Амурѣ, когда дознано, что въ него входятъ могутъ только одни шлюпки“. Велѣно было держаться за Аянскій портъ, уже существующій, чѣмъ отыскивать мѣсто для другого порта въ устьѣ Амура. Такъ стояло дѣло до той поры, пока транспортъ Байкалъ въ 1849 г. и амурская экспедиція (съ іюня 1850 по іюль 1855 г.) не пришли къ заключеніямъ: Сахалинъ — островъ, а не полуостровъ; проливъ, отдѣляющій его отъ материка на югѣ, имѣетъ глубину, достаточную для входа въ лиманъ изъ Татарскаго залива судовъ всѣхъ ранговъ (?); входъ въ амурскій лиманъ съ сѣвера изъ Охотскаго моря доступенъ для судовъ довольно значительныхъ ранговъ, равно какъ изъ лимана

въ рѣку Амуръ, т. е. что устье рѣки съ сѣвера и юга открыто, а не заперто для плаванія; на прибрежьяхъ страны имѣются гавани и рейды. Слѣдствіемъ этихъ открытій и занятія главныхъ пунктовъ края 1854 г., дана была помощь или, лучше сказать, найдены были средства спасенія для Петропавловска, равно и для японской экспедиціи въ 1854 и 1855 гг.¹ отъ преслѣдованія сильнѣйшаго непріятели. Здѣсь же нашли себѣ пріютъ суда, защищавшія Петропавловскій портъ.

¹ Состоявшей, какъ извѣстно, изъ экипажей судовъ: фрегатовъ „Паллада“ и „Диана“ и шкуны „Востокъ“.

Каталогъ изданій Книгоиздательскаго Товарищества „ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. ⁴ Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. С. Н. Южакова. 10,000 рис., картъ и план. въ тексты и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемирная библіотека. Собр. соч. лучш. иностр. и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. ^{1, 10} Редакція В. В. Калаша. Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. ^{4, 8, 10} Редакція И. О. Морозова и В. В. Калаша. 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Колюцовъ, А. В. Редакція А. И. Введенскаго. 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл.	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. ^{4, 8, 10} Редакція А. И. Введенскаго. 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція В. В. Калаша. 36 худож. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. кол. пер.	13	50
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей И. В. Бькова. 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. ^{8, 10} Портр. и биогр. автора. составл. Н. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе. — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. ^{4, 8, 10} Ред. М. И. Писарева. Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потъхинъ, А. А. ^{4, 8, 10} Ред. автора. Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. пер.	18	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція А. Г. Горифельда. Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Чарльзъ Диккенсъ. Пер. съ англ. Пр. Ив.		

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію бесплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
<i>Введенскаго, М. А. Шишмаревой и др., со вступ. статьей Д. П. Сильчовскаго. 30 том. по 75 к., въ изящ. колѣнк. перепл.</i>	37	50
<i>Георгъ Брандесъ. Перев. съ датек. и вступ. статья М. В. Дунцкой. 20 том. по 75 коп., въ изящ. колѣнк. перепл.</i>	25	—
<i>Элизи Оржешко. Перев. съ польск., подъ редакцией и со вступит. статьей С. С. Зелинского. 12 том. по 75 коп., въ изящ. колѣнк. перепл.</i>	15	—
<i>Гюи де Мопассанъ. Переводъ съ франц., со вступительн. статьей З. А. Венгеровой. Богато иллюстр. изданіе. 15 т. 15 р., въ изящ. кол. пер.</i>	22	50
<i>Эдгаръ По. Собраніе сочиненій, съ критико-біогр. очеркомъ М. А. Энгельгардта. 3 т. 3 руб., въ изящ. колѣнк. перепл.</i>	4	50
<i>Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ, съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьяи Н. Ф. Анненскаго. 1 т. 6 р., въ изящ. перепл.</i>	7	25

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
<i>Исторія человечества (Всѣмїрная исторія).^{4, 7} Общ. редакция Г. Гельмольта. Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.</i>	51	—
<i>Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра Г. Шульца. Пер. и доп. проф. И. Н. Смирнова, подъ редакц. и съ предисловіемъ Д. А. Клеженца. 431 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. пер.</i>	8	60
<i>Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. 1. 2. 9 Соч. профф. Фр. Фогта и М. Боха. Пер. проф. А. Л. Полюдина. 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушугр. перепл.</i>	8	60
<i>Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Соч. акад. Нв. Нв. Инжула. Цѣна 1 р. 25 к., въ роскошн. полукож. перепл.</i>	1	75
<i>Соціальныя этюды. Соч. акад. Нв. Нв. Инжула. 2-ое изд. Цѣна 3 р., въ изящ. пер.</i>	3	75
<i>Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 г.г.). Соч. проф. А. Л. Полюдина. Цѣна 3 р., въ изящ. перепл.</i>	3	75
<i>Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ.⁸ Соч. проф. К. Вѣрмана. Пер. подъ ред. А. И. Сомова. 1500 иллюстр. и 139 худож. прил. — 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.</i>	27	—
<i>Сокровища искусства. 100 гелиографиров. размѣромъ 51×38,5 сантим. — 25 в. по 3 р., въ худож. перепл.</i>	82	—

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію бесплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р	К.
Вселенная и человѣчество. 4, 6 Сочин. проф. Г. Крамера. Пер. подъ ред. проф. А. С. Догеля. 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к., или 5 т. въ пер. по 11 руб. .	55	—
Мірозданіе, общедост. астрономія. 3, 4, 5, 10 Соч. д-ра В. Мейера, бывш. директ. берл. „Урании“ Пер. съ дополи. и указат. по русск. астроном. д-ръ проф. С. П. Глазенапа. 287 рис., 41 худож. прил. — 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Исторія земли. 1, 2, 4, 6 Сочиненіе проф. М. Неймайра. Пер. съ дополи. проф. М. Зингера изд., съ дополи. по геолог. Россіи и указат. по русск. д-ръ, подъ ред. проф. А. А. Иностранцева. 1129 рис., 38 худож. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полукож. перепл.	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра Вильгельма Мейера. Пер. подъ ред. проф. Н. А. Гезекуса. 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. . .	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. Ф. Ратцеля. Пер. подъ ред. проф. П. И. Кротова. 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл. . .	17	—
Жизнь растений. 1, 4, 6 Соч. проф. А. Кернера фонъ-Мариландна. Пер. съ дополи. и библиогр. указат., подъ ред. проф. И. И. Бородинна. 2100 рис. и 65 худож. прил. — 30 вып. 12 р. 80 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. 4, 5, 6 Соч. проф. В. Гаакке. Пер. подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера. 469 рис. и 21 худож. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полукож. перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. 4, 5, 6, 10 Перев. подъ ред. профф. А. С. Догеля и П. Ф. Лесгаффа. 1179 рис. и 81 худож. прил. — 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 роск. полушагр. перепл.	24	—
Человѣкъ. 1, 4 Соч. проф. Г. Ранке. Пер. подъ ред. проф. Д. А. Корончевскаго. 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. 12 р., или 2 т. въ роск. полукож. пер.	14	20
Народовѣдніе. 8, 9 Соч. проф. Фр. Ратцеля. Пер. съ дополи. проф. А. Корончевскаго. 1103 рис. и 62 худож. прил. — 36 в. по 35 к., или 2 т. въ роск. полушагр. перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. Э. Геккеля. Пер. подъ ред. проф. А. С. Догеля. 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополи. вып. 50 к.; въ изящн. перепл. .	23	50
Африка. 8, 10 Соч. проф. В. Сиверса и Ф. Гана. Пер. проф. Д. А. Корончевскаго. 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. В. Сиверса. Перев. подъ ред. проф. Харьк. унив. А. Н. Краснова. 180 рис., 16		

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію бесплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
картъ и 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 коп., въ роскоши, полукож. перепл.	8	50
Съверная Америка. Соч. д-ра Э. Декерта. Перев. проф. Варшавск. ун-ва. А. Т. Погодина. 130 рис. въ текстѣ, 12 картъ и 21 худож. прил. — 14 вып. по 50 коп., въ роскоши, полукож. перепл.	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. В. Сиверса. Перев. со 2-го нѣм. изд. проф. Варш. ун-ва. А. Т. Погодина. 141 рис. въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 20 хромолитогр. и гравюръ. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралия, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. В. Сиверса и В. Кюкенталля. Пер. со 2-го переработаннаго нѣм. изд. Г. Г. Геммеля, съ дополн. проф. харьк. ун-ва. А. Н. Краснова, 198 рис. въ текстѣ, 14 картъ и 24 хромолитографии, гравюры и автотипии. Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. А. Филиппсона. Пер. со 2-го вновь переработаннаго нѣм. изд. съ дополн. ст. о Россіи В. П. Воронцова, 144 рис. и картъ въ текстѣ и 36 отдельныхъ приложений (картъ, хромолит., гравюръ и автотипій). Въ роск. полук. перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. ^{8, 10} Соч. проф. К. Э. Бока. Пер. съ нѣм. Рисунки и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящ. кол. перепл.	6	—
Новый способъ мышленія. Сочин. М. Платона. Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—
Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.		
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. ^{1, 6, 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Яковсона и Н. Н. Зубовскаго, съ пред. проф. Ю. Н. Валиера, 258 рис. Въ перепл.	1	75
Альбомъ картъ по зоол. птицъ. ^{1, 4, 6, 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Яковсона и Н. Н. Зубовскаго, съ пред. проф. Ю. Н. Валиера, 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ картъ по зоолог. рыбъ. ^{1, 4, 6, 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Яковсона и Н. Н. Зубовскаго, 203 рис. Въ перепл.	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. ^{4, 8, 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Яковсона. 292 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма. ^{8, 10} Отдѣльн. зоологіи. 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію бесплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	P	K.
Альбомъ картинъ по географіи растеній. 8, 10 Текстъ д-ра М. Кронфельда . Пер. прив.-доц. А. Г. Генкеля . 216 рис. Въ изъясн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ картинъ по географіи Европы. 5, 6, 7, 10 Текстъ д-ра А. Гейстбека . Пер. съ доп. А. П. Нечаева , съ пред. Д. А. Корончевскаго . 233 рис. Въ изъясн. кол. перепл.	1	50
Альбомъ картинъ по географіи вѣневропейскихъ странъ. 5, 6, 7, 10 Текстъ д-ра А. Гейстбека . Пер. А. П. Нечаева , съ пред. проф. Д. А. Корончевскаго . 325 рис. Въ изъясн. кол. перепл.	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	P	K.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. 8, 10 Пер. подъ ред. и съ дополи. проф. В. В. Эвальда . 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. 6, 8, 10 Пер. подъ ред. проф. Н. А. Гезекуса . 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. 9 Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. В. В. Скобельцына . 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополи. профф. В. Я. Добровольскаго и А. В. Ключарева и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 вып. по 50 коп., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. 6 Пер. съ дополи. подъ ред. профф. П. В. Мушкетова и В. П. Баумана . 600 рис. и 12 прил. — 19 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. 8, 9, 10 Пер. съ дополи. подъ ред. проф. А. П. Митинскаго . 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. 8, 10 Перевадь подъ ред. проф. В. В. Эвальда . 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ роскош. полук. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. С. А. Ганешина . 680 рис. 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскош. полукож. перепл.	6	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію бесплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р	К.
Пути сообщения. Пер. под ред проф. Н. Н. Митинского. 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., вь роск. полукож. перепл.	6	—
Мировыя сношенія и ихъ средства. Пер. под ред проф. Н. А. Гезекуса. 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., вь роск. полукож. пер.	6	—

Маньчжурія. Соч. **А. Домбровскаго и В. Ворошилова.** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. **Ка. Оланьона,** съ предисл. **Фр. Пасси.** 15 иллюстрац. прилож. Цѣна 2 руб., вь издани. коленкор. пер. — 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. **Штадфрусса.** Пер. и доп. под ред. **И. Я. Шевырева.** 200 рис. Цѣна 2 р. 50 к., вь издани. коле кор. перепл. — 3 р. 25 к.

Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Просв., для фунд. библ. ср. уч. зав-ній, въ котор. препод. естествознаніе, а равно и учит. инст. и сел.-й.

Хрестоматія для устн. и письм. соч., съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели **В. Н. Куницкій и А. Л. Погодинъ.** Цѣна 60 коп.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Япоіи. Соч. **Т. А. Богдановичъ.** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 р. 25 к., вь издани. кол. пер. — 1 р. 75 к.

Японцы о Япоіи. Статьи о Япоіи, сост. выд. японск. дѣят. под ред. **Стэда.** Пер. съ англ., под ред. съ пред. и дополи. **Д. Н. Шрейбера.** Цѣна 3 р. 75 коп., вь роскошн. переплетѣ — 5 руб.

¹ Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.

² Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества **К-ріи** для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.

³ Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.

⁴ Изданіе **рекомендовано** Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.

⁵ Изданіе **одобрено** Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для сел.-й. учит. инст. и сел.-й. и для безпл. нар. чит. и библ.

⁶ Изданіе **одобрено** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.

⁷ Изданіе **одобрено** Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества **К-ріи** пз учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щ.

⁸ Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и сел.-й., а также въ учит. библ. тор. уч-щ.

⁹ Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.

¹⁰ Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.

Подробные иллюстрирован. проспекты и каталоги высылаются по требованію бесплатно.

